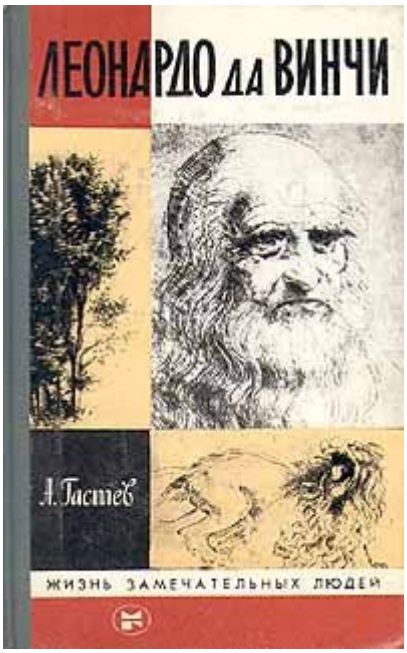
Алексей Алексеевич Гастев
Леонардо да Винчи

Жизнь замечательных людей – 627



http://belousenkolib.narod.ru/ZhZL/da_vinci.html
«Леонардо да Винчи»: «Молодая Гвардия»; Москва; 1982

Аннотация

Книга о великом итальянском ученом, изобретателе, живописце. Автор сосредоточивает внимание на тех этапах жизненного пути великого мастера, которые дают возможность с наибольшей ясностью показать своеобразие личности Леонардо и историческую обстановку, в которой он творил. Значительная часть книги посвящена непосредственно научным трудам Леонардо, его великим изобретениям, удивительной живописи, скульптуре и графике.

Алексей Гастев
Леонардо да Винчи

От редакции

Герой этой книги принадлежит к тем личностям мировой истории, чья известность и чья слава не ограничиваются пределами одной страны или одной эпохи. Гениальный художник, неутомимый исследователь явлений природы, выдающийся инженер и мыслитель, Леонардо да Винчи, может быть, в гораздо большей степени, чем другие знаменитые представители Возрождения, соединил в своей деятельности все многообразие чаяний, идей и интеллектуальных мотаний ренессансной личности. Феномен Леонардо да Винчи поражает не только размахом и разносторонностью поставленных и решенных вопросов в различных сферах человеческой деятельности, по и атмосферой некоторой таинственности, порожденной обстоятельствами биографии художника, сложностью языка, которым он себя в разных областях знания и искусства выражал.

Уникальность подобных судеб неизменно приковывает внимание все новых поколений, требуя от них не просто пиетета и почитания, но и твердо выверенного мировоззренческого отношения.

Предлагаемая ныне вниманию читателя книга А. Гастева во многом может показаться необычной для тех, кто в достаточной мире знаком с другими изданиями серии «Жизнь замечательных людей». Биограф сознательно ставит перед собой задачу найти стиль изложения, адекватный художественно-научному стилю описываемой им эпохи. Скажем, если для Леонардо да Винчи – художника была актуальной забота о создании особой живописной манеры, когда четкость границ изображаемого предмета исчезает, а свет постепенно и незаметно рассеивается во тьме, и наоборот (знаменитое «сфумато», «рассеивание»), то автор подыскивает этому соответствующий литературный эквивалент, так что контуры личности его героя другой раз также представляются нечеткими. Тут автор полагается на умение читателя самому определить отношение к разным ипостасям художника-возрожденца.

Очевидной, во многом неизбежной усложненностью отличается и композиционное построение книги: различные периоды жизни героя даны не в хронологической последовательности, а вперемешку, некоторые из них рассмотрены с гораздо большей подробностью, нежели другие. Перед нами как бы старое мозаичное изображение с многочисленными утерянными фрагментами. Тут также новое испытание для читателя, призыв к его активности и вниманию.

Не скрывая глубинной противоречивости личности и творчества своего героя (гуманистический пафос соседствует у него с безудержным любопытством аналитика, инженера, с удовольствием выполняющего чисто военные заказы), биограф поручает выносить окончательное суждение о величии своего героя читателю.

Леонардо да Винчи

Не удивляйся, Сократ, если мы, рассматривая во многих отношениях много вещей, таких, как боги и рождение вселенной, не достигнем в наших рассуждениях полной точности и непротиворечивости. Напротив, мы должны радоваться, если наше рассуждение окажется не менее правдоподобным, чем любое другое, и притом помнить, что и я, рассуждающий, и вы, мои судьи, всего лишь люди, а потому нам приходится довольствоваться в таких вопросах правдоподобным мифом, не требуя большего.

Платон. Тимей, 28

МИЛАН. Июль – декабрь 1493

1

Начинай свою Анатомию с совершенного человека, затем сделай его стариком и менее мускулистым; затем продолжай, обдирая, его постепенно вплоть до костей. А младенца ты сделаешь потом, вместе с изображением матки.

Насколько в давно прошедшие времена, старинные в сравнении с временами Леонардо да Винчи, высоко ставили краткость, видно из следующего диалога, хотя бы и вымышленного:

– Что такое буква? – спрашивает благородный принц Пипин знаменитого Алкуина, беседуя с ним в присутствии императора Карла, своего отца.[1]

– Страж истории, – отвечает этот Алкуин, выступающий под именем Альбина в латинском трактате, написанном им самим в восьмом столетии от рождества Христова для целей преподавания.

– Что такое слово?

– Предатель духа.

---

[1] Карл Великий – король франков с 768 года, император римский с 800-го по 814-й. Пипин – один из его сыновей, рано умерший. Алкуин (735–804) – ученый и деятель просвещения, наставник Карла Великого, учитель его детей; происходил из знатного англосаксонского рода.

– Что такое язык?

– Бич воздуха.

Если пределом краткости служит молчание, то для подробности и многословия пределом можно назвать бесконечность; согласившись же с определением языка как бич воздуха, приходится удивляться разнообразию звучаний, которыми неутомимый пастух заполняет окружающее его пространство, так что, когда бы не придумали беззвучную речь в виде письменности, от беспрерывного бичевания воздуха никто не смог бы укрыться, как если бы во всю мочь звонили колокола. Шестьсот лет спустя после императора Карла из-за наступившего бурного развития науки это становится очевидным, тем более что изумительная старинная краткость и полное научное описание несовместимы.

Ни один орган не нуждается в таком большом количестве мускулов, как язык; из них известно 24, не считая остальных, которые я открыл; и из всех членов, которые движутся произвольным движением, язык превосходит остальные по числу движений. Обрати особое внимание на то, каким образом посредством движения языка и при помощи губ и зубов произношение всех названий предметов нам становится привычно, и слова, простые и сложные, какого-либо наречия доходят до нашего слуха посредством этого инструмента. Каковые слова, если бы все явления природы имели бы название, достигли бы бесконечности наравне с бесконечным количеством вещей, существующих в действительности и находящихся под властью природы. И они были бы выражены не на одном каком-то наречии, но на очень многих, которые тоже достигли бы бесконечности, потому что они всегда меняются из века в век по отдельным странам вследствие смешения народов, которое происходит в результате войн и других катастроф. Эти наречия подвержены забвению и умирают, как и все остальные создания, и, если мы согласны, что наш мир вечен, мы скажем, что эти наречия будут бесконечно разнообразны в бесконечности веков, входящих в бесконечное время.

Куцый султанчик плывет над полем листа, кренясь наподобие паруса; в тишине ночи касания пера о бумагу слышны отчетливо, будто бы птица клювом подбирает рассыпанное зерно. Хотя по течению времени звуки распределяются неравномерно, но соответственно протяжению слов и сложению каждой буквы в отдельности, этот скрипучий шорох или царапание на постороннего слушателя действовали бы умиротворяюще, а зрение приятно довольствовалось бы видом ровных отчетливых строк. Однако затем на месте приятности и удовольствия возникли бы томление и тревога, что бывает во сне, когда являющиеся образы определенно известны сновидцу, но отождествить их с кем-либо из знакомых ему людей не удается. Так же и здесь: при отчетливости изображения и очевидном сходстве с обычными буквами ни одна не узнается как именно та или другая, хотя спустя время становится возможным сообразить, что буквы все перевернуты, как если отражаются в зеркале, и что Леонардо не только пишет левой рукой, но и справа налево, как турки.

Еще ты опишешь и изобразишь, каким образом функция изменения и артикуляции и модуляции голоса при пении есть простая функция колец трахеи, движимых возвратными нервами, и в этом случае язык ни в какой части не применяется. Это остается доказанным тем, что я сперва доказал, как трубы органа не звучат ни выше, ни ниже благодаря изменению фистулы, если сделать ее шире или уже, но единственно благодаря изменению трубы в широкую или узкую или в длинную или короткую, так это видно при растяжении и втягивании тромбона.

Он поднялся со стула, узкая спинка которого сделана не вполне по его фигуре, и, с силою разводя руками и разминаясь, прошелся по помещению, притом подбитый куньим мехом оливковый плащ отчасти распахивался и были видны обтянутые красными чулками превосходной формы колени и основания бедер. Только обладая совершенным телосложением, возможно в будние дни без крайней необходимости надевать дорогие вещи, как этот плащ, поскольку у людей кривобоких, сутулых, или чрезмерно худых, или толстых, одежда протирается на лопатках и засаливается на животах и быстро приходит в негодность. Но Мастер одежду мало изнашивает, и она только ветшает от времени.

Леонардо сиял с гвоздя изготовленную им флейту, уселся, широко расставив ноги и сгорбившись, поднес инструмент к губам.

Эта флейта меняет свой звук не скачкообразно, как большинство духовых

инструментов, а подобно человеческому голосу. Это достигается скольжением руки вверх и вниз, как при игре на кулисных инструментах. И вы можете получить одну восьмую или одну шестнадцатую тона и любую часть тона, какую вам угодно.

Наставник и льстец римского императора Домициана,[2] поэт Папиний Стаций называет флейту ревущим рогом, чье свойство, как он выражается, манить эфирные души усопших. Применительно к инструменту хитроумного флорентийца подобное вычурное сравнение отчасти оправдывается: ожидая звука нежного и тонкого, предполагаемый слушатель был бы, напротив, ошеломлен низким звучанием, способным – поскольку вдоль ствола флейты вместо обычных отверстий проделана щель, поверх которой играющий скользит кончиками пальцев, – подниматься до наибольшей высоты глиссандо, скользя. Тут можно напомнить, что, изучая причину плавного изменения голоса, Леонардо анатомировал горло быка, так как у человека, задохшегося в петле – именно при таких обстоятельствах другой раз достается мертвое тело, – этот орган бывает полностью искалечен и при его вскрытии невозможно вообразить, как он действует.

Доказано, что все гласные произносятся крайней частью подвижного нёба, которое покрывает надгортанник; и еще такое произнесение зависит от положения губ, которыми дается проход выдыхаемому воздуху, несущему с собой созданный звук. Но хотя бы и губы были закрыты, этот звук выдыхается через ноздри, однако никогда при таком проходе он не станет показателем какой-нибудь из букв. Отсюда можно заключить, что не трахея создает какой-либо звук гласных букв, но ее функция простирается только на создание вышеупомянутого голоса, и особенно при произнесении А, О, И.

Расположившийся посредине листа рисунок, где Леонардо с помощью зеркала изобразил свой язык, окружен столбцами параграфов наподобие того, как живописцы окружают изображение какого-нибудь святого клеймами, последовательно представляющими всю его деятельность; за горящей свечой на столе приспособлено другое, вогнутое зеркало, лучи которого падают таким образом, что на бумаге оказывается ярчайшее белое пятно. Тут-то и помещается рисунок органа, связывающего механические акции тела с духовными и среди других обладающего наибольшею гибкостью и разнообразием движений.

И его главных движений семь, а именно: вытяжение, сокращение и притяжение, утолщение, укорачивание, расширение и утоньшение; из этих семи движений три сложных, ибо не может породиться одно, чтобы не породилось другое, с которым первое соединено по необходимости, чтобы язык сам собой вытягивался и сокращался, ибо ты не можешь растянуть растяжимую материю без того, чтобы она не сократилась и не утоньшилась по всем своим сторонам.

Леонардо время от времени снимал щипцами свечной нагар, и тогда свет ударял в глазницы, и зрачки в изжелта-прозрачной радужной оболочке уменьшались до размеров просяного зерна, а если снова погружались в тень, снова и увеличивались. Отклонясь от стола, он опускал уставшую руку, и тыльная сторона кисти оплеталась венами, своей мощью подобными корабельным канатам; эдакая рука прилична ветхозаветному Моисею, как и борода, при свете огарка отливающая золотом, хотя невозможно сразу определить цвет, присущий ей от природы, равно как и возраст ее обладателя.

Скрипнув ставнею, двинулся ветер; издалека донеслось пение петуха, и ему отозвались петухи ближайших приходов; заскрипел ворот, и заплескалась вода в ведре; послышалось шарканье; кто-то закашлялся спросонья – и тут самым низким контральто запел петух Корте Веккио. Рассвет проник в нишу окна, свеча вспыхнула и погасла; фитиль зашипел, распространяя дым и смрад, и Мастер, придавив щипцами, накрыл его металлическим колпачком. Настал день 16 июля 1493-го; инженер, живописец и скульптор, состоящий на миланской службе флорентиец Леонардо да Винчи прожил к этому времени сорок один год и три месяца.

---

[2] Домициан – римский император из дома Флавиев (81–96); Стаций Публий Папиний (род. ок. 40 г., ум. после 95 г.), римский поэт.

2

Великие труды вознаградятся голодом и жаждой, тяготами, и ударами, и уколами, и ругательствами, и великими подлостями.

Конюх, отдуваясь, принес из погреба кувшины с вином; кухарка поставила кастрюлю посреди стола и, отерши покрытый испариною лоб и скрестив руки под фартуком, стала поодаль.

Тем временем некоторые присутствовавшие, окончательно не освободившись от сна, вели себя так, как если бы не могли опомниться после какого-нибудь ужасного происшествия, и с выразительными жестами, громкими голосами объясняли свои сновидения. Раздраженный шумом и отсутствием какой бы ни было чинности, Мастер сказал:

– В Тоскане подпорки кроватей делают из тростника и этим обозначают, что здесь снятся пустые сны и пропадает без пользы утреннее время, когда ум свежий и отдохнувший, а тело способно взяться за новые труды.

Тут все умолкли, поскольку аудитория была самая впечатлительная; подумав, Леонардо добавил:

– Сон есть подобие смерти; поэтому можно сказать, что лентяи умирают преждевременно и многократно.

Однако не все так бесчинствовали, чтобы их удерживать: немцы, служившие у Мастера по найму, выполняя слесарные и механические работы, отличались степенностью и, держась прямо и важно, помалкивали. Когда Леонардо с таким остроумием и находчивостью осадил соотечественников, немцы заулыбались довольно злорадно, хотя, может, ни слова не поняли из того, что тот произнес быстрым фальцетом. Поскольку же все они были научены одному ремеслу и другого не знали, то, имея в виду как бы осуществившееся вторично в Милане смешение языков, можно было подумать, что таким образом оправдывается замечательная догадка Данте: этот предположил, что, когда при строительстве Вавилонской башни произошло первое смешение и люди, до тех пор объяснявшиеся на одном языке, перестали понимать друг друга, общий язык удержался только у занимавшихся одним каким-нибудь делом. «И сколько было различных обособленных занятий для замышленного дела, – сказано у Данте в трактате „О народном красноречии“, – на столько языков разделяется с тех пор род человеческий». Живописцы, со своей стороны, эту догадку опровергали: происходя из разных областей Италии, хотя и назывались все итальянцами, они слабо понимали один другого, восполняя такой недостаток усиленной жестикуляцией. Впрочем, их вместе с Мастером только условно можно считать соотечественниками, но скорее тосканцами, ломбардцами или жителями Комо в зависимости от того, кто где родился.

Желая показать разнообразие и численность итальянских наречий, Данте так говорит: «По-иному говорят падуанцы и по-иному пизанцы; даже близкие соседи различаются по речи, например, миланцы и веронцы, римляне и флорентийцы, да и сходные по роду и племени, как, например, неаполитанцы и гаэтанцы, равеннцы и фаэнтинцы; и что еще удивительнее – граждане одного и того же города, как болонцы предместья святого Феликса и болонцы с Большой улицы». То же относится и к Милану, если проживающие близко от Замка вынуждены объясняться с уроженцем квартала Патари, старьевщиков, как с глухонемым или с человеком, имеющим врожденный, препятствующий пониманию недостаток речи, настолько велика разница в произношении.

Будучи наиболее людным перекрестком Европы, Милан представляет собой полигон для исследователя, замечающего беспрерывные повседневные изменения живых языков, которые, как он говорит, меняются из века в век по отдельным странам вследствие смешения народов и придают большую вероятность предположению, что наречия окажутся бесконечно разнообразны в бесконечности веков, входящих в бесконечное время. Что касается разместившихся на полуострове государств, их почти столько, сколько наречий, хотя разделяющие их границы более четкие и определенные, тогда как наречия, соприкасаясь, проникают друг в друга сфумато, рассеянно. Италия к тому времени стала уже забывать, как

императоры Священной Римской империи германской нации[3] насильно объединяли ее своей властью. Подобные рано развившимся детям, отдельные области, когда добивались самостоятельности, ее достигали, однако же полностью распоряжаться судьбой были в состоянии только наиболее могущественные и богатые, как Милан, а из республик Флоренция или Венеция. Да и то флорентийцы полагали своим сувереном французского короля, а Милан императора и, большею частью действуя самостоятельно, по крайней мере делали вид, что ищут их одобрения.

Для значительного большинства населения флорентиец в Милане является как иностранец, личность отчасти загадочная и странная, и от него можно ожидать неприятностей; трудности взаимного понимания вместе с этим не следует преувеличивать, а недолгая практика, соединившись с необходимостью, полностью их устраняет. С другой стороны, звание иностранца обладает еще и таинственной притягательной силой, которою, если ею умело воспользоваться, можно добиться преимущества перед местными жителями, что, понятное дело, распространяется на все условия существования и деятельности артистов, как Леонардо. Его мастерская разместилась в помещениях ветхого дворца дель Арена, или, как называют миланцы все это сооружение в целом, Старого двора, Корте Веккио, возведенного на развалинах цирка, где во время римского владычества устраивали бои гладиаторов и другие дикие развлечения. Когда в древнем Медиолане появились исповедующие веру в Иисуса, здесь по приговору префекта их отдавали на съедение зверям, которых содержали в подвалах под ареною, откуда через трещины и пазы в каменной кладке доносилось рычание и распространялся запах мочи, не рассеявшийся и при Аццоне, четвертом миланском синьоре из дома Висконти.[4] Этот ради удовольствия и любопытства приспособил внутри ограды дворца загоны для медведей, тигров и обезьян и еще кого ему удавалось добыть – в особенности Аццоне гордился страусом и другими редкими птицами. Конечно, селившихся в пустых, заброшенных помещениях летучих мышей нельзя – вместе с курами, которых клирики церкви святого Готтарда, бывшей когда-то дворцовою, откармливали на продажу, – отнести к редким птицам, запах внутри Корте Веккио оставался как в древности. Тем более, помимо принадлежавших Мастеру двух лошадей и осла, здесь находились собаки – их он велел кормить и защищал от нападения учеников, как многие молодые люди, отличавшихся бессмысленной жестокостью.

– Монахи святого ордена доминиканцев не стыдятся называть себя псами господними, – говорил Леонардо ученикам, – тогда как вы, имея сравнительно с собаками немногие преимущества, поскольку слух, обоняние и зрение животного лучше человеческих, а в отношении ума они мало уступают, гоните и преследуете их, как бы имея в виду уничтожить собачий род и перевести его на земле.

Работавшие по найму немцы, при большом высокомерии и важности, домашних животных не обижали и еще похвалялись, что на их родине наносимый собаке или же лошади вред наказывается церковным покаянием. На это один из учеников живописцев, находивший разнообразные причины для неудовольствия, отвечал, имея в виду не одних немцев, но косвенно Мастера:

– Кто обращается с животными, как должно обходиться с людьми, тот будет обходиться с людьми, как с животными.

Для различных работ мастерская в Корте Веккио имела раздельные помещения. Одно, сразу при входе, возле караульной, хотя на полках вдоль степ мерцали стеклянные сосуды причудливой формы, скорее пригодные алхимику, походило на деревенскую кузню: в земляном углублении посредине печь для литья, горн, мехи и колода с наковальней, возле которых находились изделия, покрытые свежей окалиной и как бы назначенные для великанов. В

---

[3] Священная Римская империя германской нации – просуществовавшее девять веков (962-1806 гг.) политическое учреждение, основанное Оттоном I.

[4] Висконти – итальянский аристократический род, представители которого правили Миланом с XIII по XV столетие.

действительности же громадного размера засовы, щеколды, скобы и петли необходимы для переделки устройств, регулирующих воду в каналах и пропускающих корабли: смотрителя водных путей флорентийца Леонардо да Винчи ничто придуманное прежде без его участия не удовлетворяет, и в каждую вещь он вносит какое-нибудь усовершенствование. Освещение здесь небогатое, и углы пропадают в неразличимости, в которой, возможно, скрываются еще многие вещи, ожидающие переделки.

В помещении живописцев, напротив, господствует свет, хотя и рассеиваемый нарочно растянутой в окнах редкою тканью, из-за чего красивые разнообразные складки материи, накрывающей плетенный из прутьев манекен, приобретают в тенях прелестную мягкость. На случай вечерних занятий и дурной зимней погоды помост с манекеном обставлен масляными светильниками, а к потолку прикреплен обруч, и там с помощью блока удерживается стеклянный налитый водою шар, способный перемещаться по кругу. Когда в этом есть необходимость, луженные оловом отражатели совместно направляют лучи многих светильников к стеклянному шару, внутри которого лучи перекрещиваются и, многократно усиленные, освещают манекен, как удобно рисующим. Таким образом, возможно по произволу изменять положение искусственного малого солнца и как бы распоряжаться временем суток.

За одним из мольбертов – а их в помещении несколько – по-видимому, работает Мастер. На это указывает совершенство укрепленного на доске рисунка и направление штрихов, подобных относимым ветром в правую сторону струям дождя, если они прикреплены сверху к облаку, а внизу остаются свободными: такое направление удобно левше, который ведь и голову человека рисует по преимуществу повернутой в правую сторону. Косой дождь отклоняется вправо и на развешанных по стенам образцах для учащихся, при этом, увеличивая силу и частоту падения или, наоборот, ослабевая и едва морося и даже совсем прекращаясь, повинуется рельефу изображаемой вещи, чудесно его проясняя. На другом мольберте, как можно догадываться, скрытая занавесью, поместилась сравнительно большого размера доска, очертаниями подобная окну, ограниченному сверху полукруглою аркой.

Разве не видим мы, пап могущественнейшие цари Востока выступают в покрывалах и закрытые, думая, что слава их уменьшится от оглашения и обнародования их присутствия? Разве не видим мы, что картины, изображающие божества, постоянно держатся сокрытыми под покровами величайшей ценности?

Каждому ясно, что скрытое драгоценным покровом так же ценно и дорого; если решиться и отодвинуть плотную занавесь, отсюда хлынет другое изумительное излучение, которое и в светлое время не прекращается, поскольку эта таинственная скрытая вещь не что иное, как широко прославившаяся впоследствии «Мадонна в скалах»: из-за несогласия и тяжбы с заказчиком, францисканцами братства св. Непорочного Зачатия, картина длительное время оставалась в мастерской.

3

С особым старанием следует рассматривать границы каждого тела и их способ извиваться; об этих извивах следует составить суждение, причастны ли их повороты кривизне окружности или угловатой вогнутости.

Как музыкальный инструмент настраивают в зависимости от лада, в котором он должен звучать при исполнении данной пьесы, так же и глаз настраивается различными способами, которых наличие возможно обнаружить, даже и не следя за возникновением на листе бумаги рельефа вещей и глубины расположения их в пространстве, но только любуясь видом самого рисовальщика и его движениями. Иной раз этот рисующий откидывается на сиденье и так остается некоторое время – выпрямившись или, что называется, проглотивши аршин: смежив ресницы и как бы нарочно подалее отстранившись, он действует прямой вытянутой рукою, и грифель или другой рисующий инструмент служит ее продолжением. Другой же раз, наклонясь близко к листу, оп то и дело с обеих сторон из-за него выглядывает, будто находится в засаде, опасаясь быть замеченным неприятелем; и тут он раскрывает глаза возможно шире и, впиваясь в модель отдельными стремительными уколами, пронизывает ее насквозь и осязает. О различных между собою способах рисования свидетельствуют и высказывания тех, кому

приходилось служить моделью живописцам или скульпторам: они говорят, что другой раз внезапно испытывают как бы приятнейшее почесывание, – это, по-видимому, если рисовальщик впивается взглядом и проникает натуру насквозь. Если же глаз – наиболее совершенный инструмент рисовальщика – настроен на сопоставление силы света, или тени, или размеров вещей, или пропорций фигуры, или еще чего бы то ни было, это требует удаления, и взгляда со стороны, и даже прищуривания, когда смеженные ресницы смазывают подробности, так что здание мира и его части видны и сравниваются в их божественной цельности как бы сквозь сетку дождя.

Однако, хотя Леонардо настаивает, что ни определенных границ, ни тем более явственной линии природа по обнаруживает, пожалуй, именно линия оказывается важнейшей в рисунке, и ею можно достичь глубины и объема не меньших, чем разработкою света и тени, когда она исчезает и тонет в их бесконечных градациях или в сфумато, рассеянии. И хотя указанное сфумато, или рассеяние света и тени, является важнейшим изобретением Мастера, что касается искусства рисунка, тут живая разнообразная практика подсказывает ему и разнообразные способы. Так, скажем, мышцы не покрывают костей сплошною нерасчлененною массою, но, охлестывая их, как бы крутясь и образуя спираль, сходны с канатом, сплетенным из тонких веревок, когда одна заслоняет другую или показывается из-за другой. И там, где мышцы проложены рядом в одном направлении, получается некоторое ущелье: чтобы показать его глубину, будет достаточно линии, проведенной с большим нажимом. Это и есть угловатая вогнутость, о чем говорится в начале главы. Но вот подобная протекающему в горной расселине ручью линия, далеко углубившись, готова исчезнуть – тотчас этому препятствует как из-под земли возникающая другая мышца, которая раздвигает две упомянутые и заполняет собою ущелье. Линия восходит наверх и, как выражается Мастер, становится причастной кривизне окружности, причем давление грифеля ослабевает. Таким образом, можно добиться дивной округлости, не черня напрасно бумагу: превосходное искусство рисования держится не так на воспроизведении видимого во всей полноте, как на отказе и выборе, когда губкою или мягким хлебом рисовальщик устраняет малейший след прикосновения своего инструмента. И это уместно будет сравнить с музыкальною пьесой, где выразительность паузы не уступает красоте звучания.

Нет такой вещи, относительно которой Мастер не имел бы что сообщить с научной точки зрения.

По природе каждый предмет жаждет удержаться в своей сущности. Материя, будучи одинаковой плотности и частоты как с лицевой стороны, так и с обратной, жаждет расположиться ровно. Когда какая-нибудь складка или оборка вынуждена покинуть эту ровность, она подчиняется природе этой силы в той части, где она наиболее сжата, а та часть, которая наиболее удалена от этого сжатия, возвращается к своей природе, то есть к растянутому и широкому состоянию.

Имея в виду, что самое сложное Мастер излагает с большим красноречием и такою же убедительностью, возможно вообразить, какова польза, которую получают ученики, когда в утренние часы его голос раздается без перерыву. И ведь не было другого человека, настолько заботящегося о форме выражения, не считая поэтов, ночь напролет перемарывающих какой-нибудь сонет, чтобы утром вновь найти его непригодным. Странно, что находятся люди, недовольные подобной старательностью.

– Мы живописцы, а не ткачи; зачем отягощать себя излишними сведениями? – ворчал ученик, которого недовольство скорее объясняется его скверным характером. Другой, безоговорочно преданный Мастеру, протестовал:

– Ты был бы прав, если бы умение Мастера уступало его познаниям. Но посмотри на драпировку, нарисованную за самое короткое время с одного разу и с таким совершенством, что другому недостанет педели для этого. Однако, скажу тебе, – добавлял он, огорчаясь, – я не всегда могу видеть связь между божественной легкостью выполнения и всей этой премудростью.

Третий ученик тем временем помалкивал и улыбался; этому не больше четырнадцати или пятнадцати лет, и он миловиден, как ангел.

Когда, круто изменив ход рассуждения, Мастер, подобно лютому зверю, набросился на

живописцев, одевающих фигуры в одежды своего века, хотя бы действие происходило при наших праотцах, трудно сообразить, была ли тому какая причина или никакой причины, а чистый произвол, игра воображения с памятью. Так или иначе, если он принимался уничтожать и высмеивать какую-нибудь вещь, или обычай, или дурную привычку, то как собака, которая, когда треплет старую обувь или другой хлам, приходит в наибольшую ярость и распаляется от того, что воображаемый ее противник не сопротивляется и молчит, Мастер до тех пор не прекращал издевательства, покуда вещь эта не оказывалась полностью уничтоженной или обстоятельства не вынуждали его умолкнуть внезапно.

– Я теперь вспоминаю, что в дни моего детства видел людей, у которых края одежд от головы до пят и по бокам изрезаны зубцами. И это казалось такой прекрасной выдумкой, что изрезывали зубцами и эти зубцы, и носили такого рода капюшоны, и башмаки, и изрезанные зубцами петушиные гребни, выступающие из швов. В другое время начали разрастаться рукава, и они были так велики, что каждый оказывался больше всего костюма; потом начали обнажать шею до такой степени, что материя не могла поддерживаться плечами; потом стали так удлинять одежды, что руки были все время нагружены материей, чтобы не наступить на нее ногами. Потом одежды стали такими короткими, что покрывали фигуру только до бедер и локтей, и были столь узки, что причиняли огромные мучения и некоторые из них лопались, а ступни ног были так затянуты, что пальцы ложились один на другой и покрывались мозолями.

Тут надо сказать, что, как нередко бывает, Мастер сам отличается странностями, которые жестоко высмеивает, находя у других. Недаром оборачиваются прохожие, с удивлением смотря ему вслед, когда он путешествует в сильно укороченном платье красного цвета, тогда как в Милане предпочитают длинные темные одежды, приличные городу с развитою промышленностью и торговлей. Впрочем, если в Милане принято также белье черного цвета, для стирки удобнейшее, а в Тоскане, напротив, принято белое, – как доказать, что пристойнее? К тому же все, что касается приличия и пристойности, относится исключительно к горожанам, но не к обитателям и служащим Замка, где придерживаются другого обычая и не стесняются причудливости покроя или какого бы ни было цвета платья.

Плавная речь Мастера внезапно была прервана появлением в дверях мастерской человека с алебардою, вставшего на пороге широко и твердо, едва помещаясь под притолокою, и все увидели его башмаки, настолько же длинные и узкие, как обувь, которую высмеивал Мастер; и рукава камзола у этого с алебардою казались надутыми воздухом, подобно хлопушкам, произрастающим в поле как бы нарочно ради детской забавы, а штаны были скроены из кусков коричневой, синей и желтой материи. Сверх того, одежда пришельца во многих местах была взамен пуговиц перевязана тесемками, что придавало ей сходство с наволочкою; невозможно было удержаться от смеха, увидав подобное чучело.

Человек с алебардою внезапно громко вскричал, сообщая, что флорентиец Леонардо тотчас с ним вместе отправится в Замок для аудиенции.

4

Мускулы, приводящие в движение губы рта, более многочисленны у человека, чем у какого-либо другого животного. И этот порядок вещей ему необходим для многих действий, в которых губы беспрерывно упражняются, как, например, для произношения четырех букв алфавита – k, f, m, p, для того чтобы свистеть, смеяться, плакать и при тому подобных действиях, затем для необычных гримас, которые проделываются шутами при передразнивании лиц.

Пробираясь через толпу на площади Старого рынка, исчезая в тени домов, где подошвы скользят из-за того, что мостовая покрыта разлагающимися отбросами, и появляясь вновь в местах, освещенных солнцем, под лучами которого грязь окаменевает, Леонардо и его спутник – оба в одежде, вызывающей у простолюдина смех, – пересекали слои или области различных запахов: разносящегося из лавок старьевщиков запаха лежалого тряпья; отвратительного, наводящего смертную тоску – запаха прокаженных, напоминающих о своем присутствии еще и ударами колокольчика, который они держат в руке; ободряющего и приятного – свежей рыбы и еще многих других запахов, настолько же своеобразных. Так что неудивительно, если

выпрашивающие подаяния слепые в пределах Старого рынка легко обходятся без поводыря.

Миновав грязные, кривые улицы, растекающиеся от городского рынка к северо-западу, Леонардо и его спутник вышли к пустырю, посреди которого вкопан деревянный крест. Хотя на значительном пространстве вокруг не видно прохожих, трава возле креста сплошь вытоптана и глиняная поверхность отполирована многочисленными подошвами: два раза в педелю сюда собираются бедняки и всяческие бездельники, и служащие канцелярии раздают им милостыню, поскольку согласно установившемуся преданию именно здесь были обнаружены в IV веке останки знаменитых мучеников за веру – Гервасия, Протасия и малолетнего Цельса. В остальные же дни пустырь вполне оправдывает такое название, и только птицы носятся над ним на небольшой высоте, негодуя на людей за напрасно отобранную у них землю. Между тем по ту сторону пустыря, как бы за горизонтом в океане, с которым из-за его огромности возможно сравнивать это пространство, подобная верхушке паруса, оказывается видной уступчатая башня над воротами замка миланских правителей.

Соорудивший надвратную башню Антонио Аверлино, называвший себя на греческий манер Филарете, может, не обладал иными необходимыми хорошему архитектору достоинствами, зато имел из них наиболее редкостное, а именно независимое воображение, способное другой раз сосредоточиваться в себе самом, когда его не достигают посторонние влияния; и тут внезапно из пустоты или, вернее, из душевного пламени рождаются необыкновенные, ни на что не похожие выдумки, как эта четырехгранная уступчатая башня, огражденная раздвоенными наподобие ласточкина хвоста зубцами, не имеющая себе примера в прежнем строительстве, но сама служащая наилучшим примером и образцом. Перед башнею находится ров, в свою очередь, по внешнему обводу защищенный равелином, суживающеюся спереди округлостью напоминающим морду свиньи или болотного тапира, уткнувшегося коротким хоботом в грунт, и в своем, если можно так выразиться, совершеннейшем безобразии представляющим собой исключительно остроумную новинку и выдумку флорентийца Леонардо да Винчи. Сбоку, близко от того места, где у тапира находится глаз, в кирпичной стене оставлена сторожевая калитка; оттуда через нарочно проделанное отверстие на подошедшего в самом деле смотрит внимательный глаз; непривычный и робкий человек цепенеет от страха, хотя размеры этого глаза ничтожны и незначительны в сравнении с головою тапира и туловищем Левиафана,[5] как еще можно назвать броненосное чудовище – Замок.

Стучат алебарды стражников, грохочут щеколды, лязгают цепи подъемного моста; здание принимает посланных для аудиенции и тотчас вновь закрывается, оставляя внимательный взгляд безотрывно смотрящим, а хобот принюхивающимся, дабы не пропустить какого-нибудь злодея с дурными намерениями. В помещениях Замка в нишах перед распятиями горят масляные лампы, и язычки пламени пляшут над фитилями из-за господствующих здесь сквозняков. Будто гонимые теми же сквозняками, служащие канцелярии регента носятся со всевозможными поручениями, подобные легчайшим пушинкам, тогда как в зале для аудиенций служащие и всякий другой, кто там оказывается, движутся с опаской и медленно, в присутствии власти как бы деревенея.

Когда регент Моро заговорил, согнувшийся в три погибели возле его кресла шут стал живо передразнивать своего господина, хотя при этом пи звука не произносил. Поскольку же шут не имел с регентом ни малейшего природного сходства – Моро велик и тучен, а этот мал и горбат, – оторопь брала непривычного человека: настолько мастерски он подражал. Казалось, будто самая сущность регента Моро попеременно вселяется в оболочку шута и в его собственную. Отчетливая, быстрая артикуляция регента, отчасти противореча неподвижности его тела, как нельзя лучше пригодна, чтобы исследовать происхождение речи и отдельных букв и звуков, если внимательно наблюдать положение губ и адамова яблока; а это, в свою очередь, ясно показывает, какие изменения происходят в гортани, или трахее, как ее называл Леонардо.

Пусть язык и губы делают то, что может быть сделано, никогда это не помешает тому, чтобы воздух, выходящий из трахеи, произнес A. Так же образуется U, в том же месте

[5] Левиафан – в библейских сказаниях выступает то в виде морского чудовища, то небесного дракона.

с помощью губ, которые сжимаются и несколько выпячиваются наружу; и чем больше выпячиваются, тем лучше ими произносится U.

Моро говорил, шут его передразнивал, а Леонардо следом за ними незаметно для других двигал губами.

Смысл речи миланского регента сводился к тому, чтобы громаднейшего Коня, которого Леонардо десять лет как выращивает, – то есть модель конного памятника герцогу Франческо Великому, изготовленную из глины в полную его величину, – перенести каким бы ни было способом из Корте Веккио на пустырь перед Замком.

– Придется тебе покуда оставить исполнение других наших намерений, – сказал Лодовико Моро, – чтобы исполнить это, важнейшее.

Летом 1493 года Бьянка Мария, сестра герцога Джангалеаццо, поручившего ввиду нездоровья дела управления своему дяде, регенту Моро, готовилась к бракосочетанию с императором Максимилианом. По этому случаю Моро желал безотлагательно видеть перед Замком на окончательном месте Коня, хотя бы на широчайшем крупе его и не было всадника, к фигуре которого Леонардо не приступал. Вид неоседланной лошади, прежде времени с исключительной помпой представленной на обозрение, вызовет толки относительно намерений регента, то есть не желает ли он сам вознестись на место своего отца в качестве законного герцога. Однако подобная мелочь смутит ли того, кто называет императора своим кондотьером, а римского папу – капелланом? Утешая безмерное честолюбие, Моро надеялся, что громадность Коня послужит хорошим аргументом в пользу законности власти, основания которой становились шаткими по мере того, как герцог Джангалеаццо мужал, – герцогиня Изабелла, чтобы дать еще и своим детям поцарствовать, настойчиво подговаривала супруга восстановить суверенитет над Миланом.

Когда Моро сообщил свое приказание, государственный казначей мессер Гуальтиеро, не дожидаясь ответа Мастера, нагло и невежливо вступил в разговор и сказал с самым гнусным ехидством:

– Человеку, который однажды предлагал Синьории Флоренции поднять в воздух на некоторую высоту баптистерий Сан-Джованни, чтобы затем посадить старинное здание на новый фундамент, не составит большого труда передвинуть глиняную модель на какое угодно далекое расстояние.

Не намеренный пререкаться в присутствии регента, Леонардо пренебрег выпадом его казначея и, обращаясь к Моро, сказал:

– Это громаднейшее предприятие, а именно то, что предлагает ваша светлость; и оно требует предварительного кропотливого исследования, чтобы к нему приступить.

Моро не остался доволен подобной уклончивостью, о чем можно было судить по его изменившемуся голосу, регент сказал:

– Известный Аристотель из Болоньи, когда передвигал колокольню, значительно большую размером и весом Коня, не обставлял свое предприятие всевозможными оговорками и, надо думать, не тратил изобретательность на возражения.

Тут, желая подделаться к мнению Моро, снова выступил его казначей и коварнейший прихвостень:

– Зная обычай флорентийского мастера, уместно предположить, что касающиеся механических способов передвижения вещи хорошо им обдуманы и приготовлены, чтобы успешно все исполнить. С другой стороны, при очевидной возможности благоприятно ответить намерению его светлости регента этот человек с его дарованием и громаднейшей хитростью иной раз ссылается на незаконченность там, где другой обнаружит лишь бесконечное и бесплодное возвращение к сделанному, какое-то кружение на одном месте и озирание в разные стороны, тогда как насколько же предпочтительней неотступно преследовать цель!

На это Леонардо сказал, в свою очередь:

– Никто не сможет меня обвинить в умышленной медленности. Когда было приказано сделать Коня размерами намного больше обычных, я тотчас приступил к исследованию, как безопаснее отливать из металла подобного рода чудовища и каким образом их передвигать, чтобы не разрушились. Но чем быстрее движется мысль, тем очевиднее иному глупцу, что ничего важного не происходит. Однако я не стану обещать невозможного хотя бы и ради того,

чтобы добиться расположения вашей светлости.

Настолько уклончиво отвечал Леонардо, не желая поступаться достоинством в разговоре с важной особой; а это трудное дело, и приходится пользоваться всем своим остроумием и находчивостью, тогда как состоящие при дворе приближенные, наподобие этого Гуальтиеро, нагло и невежливо вмешиваются с целью представить регенту его собеседника в невыгодном свете.

5

Скажи мне, скажи: было ли когда сооружено что-нибудь подобное в Риме?

Два известных коня из тех, что отлиты как памятники – падуанский, кондотьера Гаттамелаты,[6] и венецианский, другого такого разбойника, Бартоломео Коллеони, – уступают поставленному в древности римлянами на Латеранском поле коню императора Марка Аврелия.[7] Глиняный же конь герцога Сфорца Франческо Великого объемом превосходит последний почти в восемь раз, тогда как конь Гаттамелаты едва ли не помещается под его брюхом. Впрочем, определение истинной величины дело непростое, но важное. Рассказывают, что древние жители Родоса расспрашивали архитектора Харита, сколько он истратил на своего Колосса, поставленного на острове в честь солнечного Гелиоса и впоследствии разрушенного землетрясением, будто Земля на это обиделась. Когда архитектор истраченное исчислил, его снова спросили, сколько это было бы, если поставить статую, двойную по величине, – а надо сказать, что между ногами Колосса Родосского проходили морские корабли, так он был велик. После того как архитектор назвал двойную сумму, ему ее дали, а он, все. истративши на одно основание и на проекты, наложил на себя руки. После его смерти другие мастера увидали, что нужно было требовать не двойную, но восьмерную сумму, так как сооружение следовало увеличить не только в высоту, но во всех направлениях.

Чудовище, Миланский колосс, Букашка, Конь Апокалипсиса – каждый, кто его видит, не ленится выдумывать прозвища, отчего различные странные имена окружают его подобно пчелиному рою, – головой и ушами касается окутанных паутиною балок, поддерживающих крышу сарая, нарочно построенного в Корте Веккио, чтобы оградить от непогоды Коня, грудь которого размером и выпуклостью напоминает нос корабля и выступает из сумрака, словно из морского тумана, в то время как поднятое правое колено оказывается на полном свету. Чтобы иметь более правильное понятие о размерах глиняной модели, необходимо представить копыто величиною с двухведерный бочонок, находящееся на высоте в рост человека, а до обширного брюха, подобного чернеющей грозовой туче, не достанет вытянутая рука, и там протекают вены толщиною в запястье. Если иметь здесь, внизу, какой-нибудь источник света, можно увидеть, что обширная выпуклость запятнана черными языками, будто бы, развлекаясь, гиганты ее касались громадной кистью, до этого опущенною в ведро с разведенной копотью. В действительности же языки копоти образуются, когда приступающие к работе люди зажигают масляные плошки, без коих не обходятся и в светлое время года, настолько здесь сумрачно. Покуда светильники прилаживают в нужные места, непомерные тени мечутся по стенам и потолку, и Конь, похоже, шарахается из стороны в сторону; тут кто-нибудь из учеников непременно пугается, а другие над ним смеются.

Через оставленные под кровлею пазухи на спину Коня как бы наискось опущены брусья, вырубленные из общего сумрака лучами солнца: вместе с вертикальными опорами и дощатым настилом лесов солнечный свет, кажется, удерживает громадину в воздухе.

Исполняя намерение Моро, велевшего увеличить размеры Коня, чтобы никто не

---

[6] Гаттамелата (буквально – пятнистая кошка) – прозвище кондотьера Эразмо ди Нарни (ум. в 1443 г.), в Падуе ему поставлена конная статуя работы Донателло.

Коллеони Бартоломео – кондотьер; памятник ему работы Вероккио поставлен в Венеции.

[7] Наиболее ранний из дошедших до нас конных памятников – императору Марку Аврелию (161–180) – ныне находится в Риме на Капитолийском холме.

осмелился ему подражать, Леонардо разрушил первоначальную восковую модель и заново приступил к работе. И тут казначей Гуальтиеро при его несносном ехидстве оказывался правым: в самом деле в обычае Мастера обдумывать работу целиком, а не делить на части, и это чтобы не сталкиваться с неожиданностями, которые заранее не предусмотрены. Притом совершенно понятны его опасения относительно прочности: если глиняную модель обычным образом передвигать к месту отливки, то ведь улицы в Милане кривые и узкие, как и в других городах, не столь знаменитых, и Конь, если где и протиснется усилием и ловкостью возчиков, внезапно затем споткнувшись на какой-нибудь рытвине, не приведи господь, упадет и рассыплется, что не однажды случалось в подобных оказиях. И хотя девятисот верблюдов, как это было при разрушении Колосса Родосского, для перевозки обломков, наверное, не понадобится, все же потеря для искусства будет громаднейшая.

Еще затрудняя свою задачу, ради наибольшей цельности произведения Леонардо предполагал отлить фигуру Коня за один раз, чтобы после не сваривать отдельные части и не зачеканивать швы, которые при самой тщательной обработке остаются видны и портят общее впечатление. Да и при способе, до тех пор применявшемся и называемом потерянный воск, отливка получается настолько грубая, что, имея в виду размеры Коня и свойственную Мастеру тончайшую лепку, невозможно представить, сколько понадобится усилий и времени довести ее до своего образца. Но самое важное при подобных размерах – это предварительное точное знание о необходимом количестве бронзы, так как если во время литья – что случается – ее недостанет, скульптору, не желавшему, как древний Харит, наложить на себя руки, не останется выхода, кроме как бежать из Милана и скрываться затем от преследования. Так сила необходимости привела Леонардо к изобретению способа, замечательного по красоте и удобству.

Прежде и в древности поверх приблизительной, исполненной из глины болванки, служившей при отливке сердечником, мастера доводили модель до готовности в воске, накрывали глиняным кожухом и так отливали; при этом толщина воскового покрытия, место которого занимал жидкий металл, оказывалась крайне неравномерной, и необходимое количество бронзы нельзя было заранее выяснить с точностью: где-то получался излишек и его тяжесть нарушала равновесие, а где-то металл едва не достигал тонкости бумажного листа, что сказывалось на прочности. Леонардо же исполнил модель со всем тщанием в глине, чтобы затем формовать по частям, как если скульптор снимает маску какого-нибудь покойника, формуя по отдельности глаз, ухо, нос, еще глаз и так далее. Предварительно хорошо обожженные малые части или скорлупы безопасно перевозить по самым скверным дорогам; на месте отливки их следует соединить, получившиеся же две половины литейной формы выложить изнутри воском, палочкой измеряя его толщину, чтобы была всюду одинаковой. Затем поверх воска выложить глиной и, проделав то же самое с другой половиною, их вместе соединить, поместивши в брюхо Коня поболее горючего материала. После обжига изнутри – форма готова и можно приступать к литью, причем произведение получится изумительно чистое и близкое к своему образцу, при этом обожженная глина, ставшая огнеупорной, хорошо сохраняется, и форма, то есть эти скорлупы, может служить еще раз или несколько.

Но, хотя упомянутые глиняные слепки или скорлупы находятся в разных местах на лесах, теперь это имеет мало значения, поскольку хранившаяся прежде на литейном дворе ради благороднейшей цели увековечения памяти родоначальника династии Сфорца драгоценная бронза продана в Феррару на пушки. Того же, что там осталось, недостанет для одного копыта Чудовища, или Букашки, или Коня Апокалипсиса, которого в нынешнем его положении лучше сравнивать с вылупившимся из яйца несчастным цыпленком. Если же продолжить сопоставление с Колоссом Родосским, в свою очередь, обнаружится разница в пользу родосцев – им сооружение статуи стоило триста золотых талантов, вырученных от продажи военных машин, брошенных здесь Деметрием Полиоркетом,[8] разрушителем городов, когда ему не хватило терпения осаждать остров. Что же касается регента Моро, оставившего государство

[8] Деметрий Полиоркет, или Покоритель городов. Древнегреческий полководец (337–283 гг. до н. э.). Прозвище ему дано после взятия Саламина с помощью осадных машин.

Милан равно без артиллерии и без прочного памятника основателю династии Сфорца, то его пожелание передвинуть модель целиком да еще при этом поспеть к императорской свадьбе, из-за отсутствия им же проданной бронзы приобретает смысл отчасти зловещий и шутовской. И скульптору не остается другого, как избежать ужасного риска упрямством и хитростью. А чтобы его не заподозрили в неуважении к власти и злобной насмешливости, пусть его аргументы созреют на корнях многочисленных трудностей, и только затем являющаяся внезапно необходимость поставит на всем деле крест.

Текущее сплошным массивным потоком размышление Мастера тут было отмечено боем часов, установленных наверху башни св. Готтарда, – так называют звонницу церкви во дворце дель Арена. Если живописцы, как было показано, управляли временем по своему произволу, передвигая наполненный водою стеклянный шар, это касалось только людей, находившихся в мастерской, то могучие удары колокола разносились далеко за пределы Корте Веккио, напоминая, что город подчиняется призванным для его защиты князьям, а над князьями господствует время. В свою очередь, течением времени управляет один из клириков церкви, отец Джироламо, сообразующий дневные и ночные часы и их длительность с временами года. Отец Джироламо справляется с этой задачей, передвигая грузы на коромысле, регулирующем быстроту хода часов, и перемещая их к точке подвеса или, напротив, раздвигая далее в стороны, и тогда время движется медленней. Гномоном для астрономических наблюдений ученому клирику служит колонна, воздвигнутая Аццоне Висконти над источником посредине двора. Бронзовый ангел наверху колонны держит в руке жезл, обвитый змеею, кусающей себя за хвост. Так изобретатель жалит себя сомнениями, обдумывая порученное ему необыкновенное и трудное предприятие. Впрочем, поведение Мастера не сразу показывает, что происходит в его душе, какие жернова там задвигались и что перемалывают.

После того как колокол пробил семь раз, что означало два часа пополудни, Леонардо оставался в Корте Веккио столько, сколько понадобилось, чтобы оседлать самое мирное и благонамеренное животное, поедающее сено в ожидании привычного седока: завершающую треть дневного времени Мастер большей частью проводит в разъездах, – наблюдая ли за работами, выполняющимися по его начертаниям, или ради других каких-нибудь надобностей. Тогда на канале у церкви св. Христофора переделывали старинные конхи, которых смоленые щиты из букового дерева подымались вверх, что неудобно судам с высокими мачтами, и заменяли их раскрывающимися как ворота шлюзами, совершенно подобными нынешним. Чтобы устройство безотказно действовало против течения и не оставляло пропускающих воду щелей, илистое дно следовало вымостить гладкотесаными плитами, для чего в нужное место опускали дощатый цилиндр, – вода его обтекала, дно обнажалось, и строительство становилось возможным. Еще издали бывали слышны громкие восклицания, скрип лебедок и другие звуки; когда же Мастер, приблизившись, спешивался, его высокий фальцет прибавлялся к разнообразным колебаниям воздуха, создающим подобие акустической бури.

Так проходит день и наступает вечер; притом другой раз человек перемещается, но его воображение кружится возле избранного предмета, или человек остается на месте, а его мысли витают на расстоянии. И это особенное свойство или способность раздваиваться, никому более из живых не присущее.

6

– Что такое луна? – спрашивает ученого Алкуина любознательный ученик.

– Око ночи, расточительница росы, предвестница бури.

– Что такое звезды?

– Живопись неба, кормчие моряков, украшение ночи.

– Что такое человек?

– Как светильник на ветру, – поясняет учитель.

Все меняется; неизменною остается бренность человеческого существования. Поэтому не следует преувеличивать, заявляя, будто бы в прежние времена жили не спеша и прохлаждаясь; напротив, тотчас как Адам был сотворен и отчасти из-за его нетерпения события двинулись с неимоверной решительностью и быстротой. Когда появившийся в третьем часу мужчина дал

имена животным, был шестой час; скоро господь сотворил женщину; и тут же, вкусив запретного плода, наши прародители сделались смертны, а затем в девятом часу господь изгнал их из рая. Дальнейшее существование человеческого рода оказалось таким же тревожным и изобиловало происшествиями: внешнее спокойствие часто бывает обманчиво.

Когда мессер Фацио Кардано, миланский юрист, математик, библиофил и издатель, наклонялся над одним из сундуков, где – как это было принято до появления в обиходе книжных шкафов – сохранял от пыли и от всяческой порчи свое собрание книг, на его темени пульсировало углубление размером с монету среднего достоинства, защищенное кожею: как если бы кто, спасаясь от пыли и дурного запаха, дышал через платок, раскрыв рот. Углубление это образовалось вследствие падения с лестницы и понадобившегося для излечения раны хирургического вмешательства, после чего мессер Фацио оказался подвержен ужасным приступам ярости, когда от него приходилось спасаться.

Наклонясь над сундуком и приоткрывая его крышку, мессер Фацио сказал:

– Чтобы человеческий род не пропадал в темноте и неведении столь долгое время, следовало при сотворении мира также создать печатный станок.

Покуда же библиофил что-то разыскивал в книгохранилище, Леонардо ему отвечал:

– Это опасная вещь и неосновательное предположение, так как в появившихся с той поры книгах поместилось бы много больше, чем мы имеем теперь, нелепостей и вздора, поддерживаемого авторитетом писателей и видимостью прочного основания, которую печатный станок придает всяческим выдумкам.

Ради продолжения спора, возобновлявшегося каждый раз при их встрече, добыв из сундука изданный его попечением анонимный трактат «О хиромантии», мессер Фацио выпрямился и приосанился, насколько это возможно при малом росте. Как и его приятель и оппонент, мессер Фацио предпочитал одежду красного цвета и, имея постоянно приподнятые, как бы в изумлении, брови и далеко выдающийся подбородок, походил из-за этого на бойцового петуха. Однако в их пререканиях ученый-юрист скорее оборонялся, тогда как Леонардо, выступая в качества uomo sanza lettere, человека без книжного образования, не знающего хорошо по-латыни и вовсе не владеющего греческим языком, нападал с большой настойчивостью. Что касается хиромантии, Леонардо, называя эту ложную науку пустыми химерами, так объяснял мессеру Фацио свои возражения:

– О чем можно говорить на основании линий руки? Вы найдете, что в один и тот же час от меча погибли величайшие полчища, хотя ни один знак на руках какого-нибудь из этих погибших не походил на такие же знаки у другого погибшего; так же точно при кораблекрушениях.

И обманчивую физиогномику, в которой Фацио Кардано считался первым знатоком, презирал Леонардо, хотя соглашаясь, что знаки лиц отчасти показывают природу людей и их характеры. Но его наибольший гнев вызывала некромантия, то есть беседы с душами умерших, – тут он высказывался с исключительной резкостью:

– Некромантия эта есть вожак глупой толпы, которая постоянно свидетельствует криками о бесчисленных действиях такого искусства; и этим наполнили книги, утверждая, что заклинания и духи действуют и без языка говорят, и без органов, без которых говорить невозможно, и носят тяжелейшие грузы, производят бури и дождь, и что люди превращаются в кошек, волков и других зверей, хотя в зверей прежде всего вселяются те, кто подобное утверждает.

Пожалуй, невероятно, чтобы к мессеру Фацио, стороннику и знатоку таинственных и чудесных явлений природы, однако сердечному приятелю Мастера, тот обращался с прямым предложением переселиться в животное, все же разговор двух друзей в позднее ночное время при свете огарка, когда сильно увеличенные тени с быстротой перемещаются по стенам и потолку, послышался бы постороннему человеку как запальчивый и враждебный, будто бы от их разногласия зависело что-нибудь важное. Но разве не случается, что вещи, мало кого заботившие прежде, вдруг приобретают значительный вес, а установленное прочно или принимавшееся на веру внезапно представляется колеблющимся и сомнительным?

– Если бы такая некромантия существовала, как верят низкие умы, ни одна вещь на земле не была бы равной силы; ибо если искусство это дает власть возмущать спокойную ясность

воздуха, обращая ее в ночь, и производить блистания и ветры со страшными громами и вспыхивающими во тьме молниями, и рушить могучими ветрами высокие здания, и с корнями вырывать леса и побивать ими войска, рассеивая их и устрашая, никакие неприступные твердыни и крепости не могли бы никого уберечь без воли на то самого некроманта: он стал бы носиться по воздуху от востока до запада и по всем противоположным направлениям вселенной…

Но зачем мне дальше распространяться об этом? – восклицал Леонардо в крайней степени раздражения. – Что было бы недоступно для такого искусства? Почти ничего, кроме разве избавления от смерти.

При своей снисходительности Фацио Кардано умел, однако, с большой твердостью отстаивать мнение, которого придерживался. Когда Леонардо стал нападать на составителей гороскопов и всю астрологию, он отвечал:

– Низкими умами скорее могут называться те, кто па основании простейшего доказательства желает опровергнуть сообщения о таинственных и сложных вещах, доставляемые добросовестными свидетелями. Смотри хорошо, как бы отрицаемое не воспротивилось и вдруг не наказало тебя в твоих предприятиях: недаром англичанин Роджер Бэкон, приверженный простому чистому опыту, соглашался с влиянием звезд на поведение людей и животных, указывая, что такому влиянию подчиняются также морские течения, реки, внезапное соединение и разъединение стихий и тяжесть, с какою ты борешься.

Подобный обмен мнениями не означал и малейшей размолвки между друзьями; но, если тогда в воздухе что-то носилось и если в каком-то смысле возможно допустить существование духов, это особенный дух противоречий и споров.

Мессер Фацио передал Мастеру также изданный на его средства трактат «Perspectiva communis», или «Общая перспектива», и, получая от Леонардо следуемую сумму, любезно предложил помощь для перевода, поэтому они еще задержались. Леонардо же, прежде чем распрощаться, достал из вместительного кармана плаща горсть разнообразных мелких металлических изделий или частей и рассыпал по столу, нарочно сохраняя равнодушие в выражении лица, как это делают игроки, скидывающие кости.

– Из металлических букв, разнообразие которых ограничено, печатник составляет бесконечные слова, – сказал Леонардо, – изобретатель складывает новые, невиданные прежде механизмы из частей, имеющихся в других механизмах.

Посредством отвертки, которою он ловко и быстро орудовал, Леонардо собрал превосходный замок против книжного вора и прикрепил к нему для украшения голову Медузы, отлитую с исключительной тонкостью и изяществом. Затем Мастер вставил в скважину ключ, покачал им из стороны в сторону, как бы примериваясь, и трижды повернул. Бородка замка трижды выдвинулась, а Медуза высунула язык, издеваясь над предполагаемым злоумышленником, покусившимся на сундуки мессера Фацио.

Хотя громадный Милан затихал вместе с курами, у киотов в церквах – их насчитывалось в городе больше двухсот – бодрствовали монахи, бормоча псалмы и молитвы и таким образом отгоняя сон. Однако же света, проникающего сквозь щели дверей, плохо притворенных, недоставало, чтобы всаднику опознать дорогу, если ее при этом не освещала луна: звезды, кормчие моряков и украшение ночи, годятся для таких указаний при длительном морском путешествии, но плохие помощники, чтобы узнать улицу или же дом. Так что, не дергая попусту поводья, лучше ожидать, пока лошадь, угадывающая свой след обонянием, ткнется губами в ворота. Между тем, даже согласившись с англичанином о влиянии звезд, здравомыслящему человеку трудно себе представить бесчисленные ночные светила разобравшими между собою на попечение всех нас в отдельности. Или, может, они влияют только на высокопоставленных лиц, имеющих средства оплачивать услуги астрологов? Так или иначе, большинство людей неожиданности подстерегают подобно разбойникам, скрывающимся в кустах у обочины и появляющимся внезапно. Когда с помощью слуги, принесшего фонарь, Леонардо расседлал и завел лошадь в стойло, он увидел, что место рядом, обыкновенно свободное, занято и находящийся там осел жует сено, а его бока, не остывшие, видно, с дороги, мокры и курчавятся. Слуга сказал Мастеру, что приезжая, назвавшаяся Катериною, ожидает его в доме и что она из Тосканы. Так после более чем одиннадцатилетней разлуки Леонардо

внезапно встретился с тою, в чьем родительском лоне созревал, когда, по его выражению, одна душа управляет двумя телами, испытывающими одно желание, одно вожделение и один страх на двоих, и каждая душевная боль так разделяется.

16 июля. Кателина приехала 16 числа, июля 1493.

Он сделал эту запись поверх другой, почти стершейся, красным карандашом в книжке величиною в ладонь. Из-за рассеянности и волнения Леонардо не увидал, что прежний почти полностью стершийся текст оказался под свежею записью перевернутым; также непроизвольное Кателина, как произносит простонародье в Тоскане, свидетельствовало о сильном волнении, когда многое погрузившееся на дно и затянутое тиною времени всплывает в воображении.

Слух о близкой родственной связи между Мастером и его гостьей, непонятным образом распространившийся в течение ночи, к утру укрепился, еще и расцветившись подробностями. Ученик, всегда недовольный и всех без разбору осуждающий, сказал другому ученику:

– Невозможно поверить в благородное происхождение этой приезжей, поскольку выглядит она деревенщиной.

Тот, к кому обращались, преданный Мастеру, ему возразил, говоря, что лицо у нее белое, как у синьоры, и в движениях видно изящество. В то время третий, которому, помимо сладостей, остальное все безразлично, воскликнул:

– Пусть она даже отберет ключи у кухарки, все же я сумею узнать, где она их сохраняет!

Конечно, к преклонным годам люди оказываются забывчивы, и окружающие другой раз легче, чем они сами, находят то, что они, по их мнению, надежно припрятали. Но не так был, по-видимому, слаб огонек, теплившийся в малом светильнике, или нарочно прикрывала его ладонью судьба или звезды, что – как бы к этому ни отнесся человек сомневающийся и недоверчивый – не погас он при дальнем путешествии из Тосканы в Ломбардию, не побили его горные молнии и пожалели разбойники или отчаявшиеся бедняки, которые, бывает, охотятся за богатым прохожим. Впрочем, была ли старая женщина чем-нибудь богата помимо материнской любви?

7

Любящий движется любимой вещью, как ощущение ощущаемым, и с собой объединяет и становится вещью единой. Если любимая вещь презренна, любящий делает себя презренным; когда присоединенная вещь к лицу тому, кто соединен с ней, он радуется и получает удовольствие и удовлетворение; когда любящий соединен с любимым, он покоен; когда груз лежит, он покоен. Вещь, будучи познана, пребывает с интеллектом нашим.

Единственно надежная для перемещения тяжестей дорога в Милане – это опоясывающий город канал. От Корте Веккио до пристани у церкви св. Стефана не так далеко, тогда как к Замку канал подступает вплотную.

– На пристань у святого Стефана Коня можно перенести, передавая с рук на руки: так поступают при пожаре, доставляя ведра с водою для тушения огня.

Изумившись, ученики спросили Мастера, как это возможно себе представить; Леонардо расстелил на верстаке лист бумаги и, не пользуясь чертежным инструментом, но в согласии с правилами перспективы, с замечательным правдоподобием и быстротой нарисовал арки, сложенные из деревянных брусьев, между которыми наклонно протянут канат. К канату на блоках он подвесил Коня. Подтянутый к верхней перекладине, Конь собственным весом продвинется к следующей арке, при этом опустившись примерно на треть высоты; затем его снова подтянут к верхней перекладине, он соскользнет и так далее. Оказавшись над пристанью, Чудовище опустится на палубу баржи.

Когда государственному казначею мессеру Гуальтиеро стало известно о замысле Мастера, он, докладывая Моро, со злобой сказал:

– Не выросли еще деревья, из которых будут построены арки, придуманные флорентийцем.

Тем временем надобность в арках отпала, поскольку Леонардо, следуя природе, которая, как он выражается, действует кратчайшим путем, изменил свое намерение, решившись

использовать для своей цели надвратную башню, охраняющую замок и выстроенную тремя десятилетиями прежде флорентийцем Филарете, – это с одной стороны, а со стороны Корте Веккио – башню св. Готтарда, возведенную еще прежде того на три столетия неизвестно каким архитектором. Поскольку хорда – или прямой путь от Корте Веккио к замку – непременно короче дуги, то есть соответствующего отрезка канала, Конь понесется по небосводу кратчайшим путем и без посредников, подобно коням Аполлона или крылатому Пегасу, если, понятное дело, заостренная в виде рыболовного крючка оконечность какого-нибудь готического здания не пропорет ему брюхо или не возникнет другое препятствие.

Спустя три месяца – наступил обычно теплый в Ломбардии октябрь – посланный канцелярией служащий обнаружил посреди двора устройство или модель, которую из-за ее нарочитой простоты лучше назвать моделью модели. А именно: через укрепленные на расстоянии один от другого два столбика перекинута проволока, на которую действуют различные между собою грузы: два больших подвешены на ее концах, а значительно меньший третий груз подвешен посредине. Однако разница тяжестей не так велика, чтобы отчасти провисшая под действием малого груза проволока от этого выпрямилась; когда же Мастер с всевозможной учтивостью спрашивал посланного из канцелярии, каким образом тот посоветовал бы ему выпрямить проволоку, посланец сказал, что ничего нету проще и надо с обоих концов подвесить грузы потяжелее.

– Даже если подвесить грузы величиною и тяжестью с башню святого Готтарда, – сказал Леонардо со смехом, – проволоку не удастся выпрямить из-за того, что она порвется до этого.

– Надо взять крепкую проволоку, – возразил посланный довольно угрюмо, так как подумал, что над ним потешаются.

– Указанной цели невозможно будет достичь, даже если проволока окажется прочнее пятидесяти корабельных канатов, поскольку для этого надобны бесконечной тяжести грузы, – пояснил Леонардо.

– Как это понять – бесконечной? – спросил посланный от канцелярии, но Мастер не стал ему отвечать, не рассчитывая, что тот имеет необходимое для подобной дискуссии воображение. Сам же он, если где-нибудь подозревал бесконечность, воодушевлялся, и ноздри его трепетали как у собаки.

Однако каким именно образом опыты, хотя бы согласные с наклонностями испытателя, способствуют его практической цели, бывает трудно понять. Да и кому такое понимание надобно? Выслушав подробный рассказ своего посланного, мессер Гуальтиеро, враждебность которого к Мастеру представляется таинственной и непостижимой, сказал:

– Нет человека, чьи способности были бы большими; однако же дело, как я смотрю, не подвинется, если даже Коня запрягут во все эти теории.

Также и молодые люди, сотрудничавшие с Леонардо, ему помогая и у него учась, в силу своего разумения рассуждали, почему усилия Мастера другой раз растекаются из полноводного русла на множество ручейков и цель из-за этого отдаляется. Ученик, всегда недовольный и хмурый, полагающий, будто бы не получает от Мастера полностью все, на что может рассчитывать, имея в виду его исключительную репутацию, однажды сказал:

– Кто, намеренный приступить к живописи, растирая краски механическими жерновами, еще отвлекается, чтобы размышлять о причинах движения воды, и после о том, откуда она приходит, и как оказывается на возвышенности, тот впоследствии будет вынужден оправдываться перед заказчиком за свою медленность.

Другой на это ему отвечал:

– Никто не трудится столько, отказываясь от необходимого каждому человеку отдыха и каких бы ни было удовольствий. Но разве в евангелиях повествование не начинается от Адама, чтобы только затем сосредоточиться на речах и поступках Спасителя?

Сравнительно с его собеседником, которого звали Марко д'Оджоне по его происхождению из местечка у Нижних озер, имевший богатых родителей Джованни Больтраффио получил хорошее воспитание и аргументировал более остроумно. Но и тот полностью не представлял, какой глубины достигают размышления Мастера, жестоко взволнованного намерением Моро передвинуть Коня к сроку императорской свадьбы.

8

Тяжесть есть определенная акцидентальная потенция, которая создается движением и вливается в стихию, извлеченную или поднятую в другую; и столько у этой тяжести жизни, сколько у этой стихии тоски вернуться на родину.

Чем упорнее изобретатель обдумывает доверенное ему предприятие, тем больше возникает сомнений, а они суть сестры медлительности. Однако которая из них старшая возрастом, никому не известно.

– Какой наклон проволоки или канатов наилучший для передвижения груза?

– В каком месте Конь остановится из-за крутого направления вверх?

– Какая сила необходима, чтобы двигать Коня вопреки препятствию трения?

– Какая достаточна, чтобы его задержать?

Наконец:

– Сколь велики должны быть сила и желание тяжести противовесов, чтобы брюхо Коня, опустившись ниже допустимого уровня, не застряло в какой-нибудь из тесных расселин между домами, называемых улицами?

В начале ноября, когда до назначенного срока императорской свадьбы оставалось меньше двух месяцев, Леонардо объявил некоторым близким ему людям, чтобы присутствовали при испытании наиболее основательной модели, не только внешностью сходной с устройством, но и точно повторяющей численные отношения высот, расстояний и несомого груза.

– Витрувий[9] утверждает, что малые модели ни в одном действии не соответствуют орудию или машине, которые служат для них образцом. Я нахожу такое заключение ложным, – говорил Леонардо.

Камердинер регента Моро и один из его наиболее образованных служащих, Джакопо Андреа Феррарский, тогда возражал:

– Блоха высоко прыгает, потому что легка; однако самая сильная лошадь не преодолевает препятствие, превосходящее высотою ее рост.

– Если бы сила в ногах лошади соотносилась с ее размерами и весом, как они соотносятся у блохи, такое животное двумя или тремя прыжками преодолело бы расстояние между башней святого Готтарда и местом на пустыре перед Замком, где должно поставить Коня, – отвечал Мастер ученому камердинеру.

Чтобы достичь указанных выше численных отношений или правильной пропорции между расстояниями, высотою опор и весом Коня, малые подобия башен, надвратной и св. Готтарда, ловко сложенные плотником, пришлось далеко развести между собою, и они оказались у противоположных стен, ограждающих Корте Веккио.

Хотя наклон натянутой противовесами пеньковой веревки получался весьма незначительным, ее провисание, в свою очередь, было почти незаметным глазу, и это должно бы намного облегчить движение. Возле башни, служащей местом отправления чудесного поезда, закреплен был приготовленный груз, прицепленный с помощью блока к веревке, но не отягощающий покуда ее своим весом; бронзовая отливка Коня выбрана Мастером из нескольких пробных, внешностью наиболее близкая тому, что должно быть в действительности, хотя размеры и вес такого изделия, понятное дело, намного меньше, но ведь и расстояние между стенами ограды не таково, как между сараем, где находится Конь, и воротами Замка!

Ввиду очевидной важности происходящего, а также серьезности выражения, которую нарочно напустил на себя Леонардо, присутствующие в Корте Веккио его соотечественники и друзья отказались покуда от издевательских выходок, какими тосканцы широко известны. Ученый музыкант Франкино Гафури перешел на латынь и в воодушевлении воскликнул:

– Florentinus ingenium ardui est!

Это означает: флорентийская смекалка отважна или же пламенна. В самом деле, невозможно было не воодушевиться при виде превосходной модели, изготовленной

[9] Витрувий Поллион (I век до н. э.) – римский архитектор и инженер, автор известного трактата об архитектуре.

наилучшими плотниками и отлитой в малом размере бронзовой фигуры Коня, которую живое воображение может представить насколько угодно громадной, так что нет нужды в действительном увеличении. Кроме того, само это увлекательное приключение, когда громадное уменьшается по произволу, как бы сцеживая некоторые несущественные качества и делая очевидными и доступными проверке другие, более важные, так изумительно прекрасно, что важность достижения практической цели поневоле умаляется и последняя выступает второстепенной сравнительно с красотою способа, каким ее добиваются.

Но вот Леонардо велел двум помощникам – так как одному будет не справиться – с помощью остроумного устройства перевести груз целиком на пеньковую веревку, протянутую наклонно через пространство двора от опоры к опоре. Когда же постромки были ослаблены и Коню разрешено самостоятельно двигаться собственным весом, присутствующие ахнули от удовольствия, доставляемого глазу настолько плавным движением. По-видимому, оправдывался расчет Леонардо, который, надеясь свести к наименьшему сопротивление трения, решился подвесить Коня на единственный блок: ясно без объяснения, что два или несколько блоков дают большую площадь соприкосновения осей и втулок и соответственно увеличивается опаснейшее препятствие трения.

Все же близко к середине пути Конь заскакал, как если бы трение – притаившийся зверь – внезапно, как бы играючи, стал протягивать лапу. Миновав середину, Конь, страшно раскачиваясь, остановился – оставив игру и притворство, зверь взял его намертво. Тем временем обнаружилось другое препятствие: тогда как спуск стал более отлогим, не пройденный еще отрезок пути, или ветвь пеньковой веревки, довольно круто направился вверх. Чтобы стронуть с места подобную тяжесть, недостаточно было преодолеть препятствие трения, но понадобилось еще и растянуть смоленый канат, насколько позволяет его прочность и величина прилагаемого усилия. Бодрым голосом Леонардо призвал приятелей, ужасавшихся без пользы, присоединиться к работникам и сообща приналечь на рукояти лебедок.

Между тем как веревка трепетала, подобно струне, от невыносимого напряжения, Леонардо своим ястребиным зрением заметил отделившуюся от нее порвавшуюся нить; внезапно эта нить окружилась венцом многих других таких порвавшихся нитей, и, быстро вращаясь, веревка стала разматываться. Мастер не успел даже раскрыть рта, чтобы предупредить остальных, и все они вместе попадали на частично вымощенный камнем двор Корте Веккио, и некоторые сильно ушиблись, так что в смущении потирали бока.

– Не только свойственная хорошему мастеру смекалка во Флоренции превыше всего, – сказал, поднимаясь и отряхиваясь, Франкино Гафури, – но и остроумие ученого в выработке теории. Однако же польза от сочетания с практикой бывает значительной, если теория созревает как тыква в огороде, то есть в определенный ей срок, и ничей произвол или несвоевременное желание его не сокращают. Когда стороны, иначе говоря, природа и ее исследователь, вместе с заказчиком проявляют терпение, последствия оказываются исключительно важными, не уступая в этом императорской свадьбе. Поэтому будем считать, что обручение теории с практикой состоялось, но брак последует позже.

– Что касается аргументации перед регентом Моро, – сказал его камердинер Джакопо Андреа Феррарский, – уместно сослаться на знаменитого Николая Кузанского,[10] епископа Бриксен, когда тот рассматривает осуществление возможности как упадок и нисхождение и приравнивает к действию силы, направленному с высоты вниз; между тем движение чистой возможности или намерения, говоря словами епископа, есть подъем и как бы дыхание божества. Таким образом, попытка передвинуть Коня, чтобы затем отлить из металла, в действительности станет его унижением.

Однако тому, кто уверен, что святая Бригитта перенеслась из Ирландии в Рим за мгновение ока и что Абеляру[11] понадобился час для путешествия из Рима в Вавилон, вовсе не нужны подобные изысканные теории и тем более опытные доказательства. Если уж в нем

---

[10] Николай Кузанский (1401–1464) – выдающийся немецкий гуманист и философ.

[11] Абеляр (1079–1142) – ученый и философ, один из прославленных представителей средневековой схоластики.

засела решимость поверить в эдакий вздор, он станет препятствовать научному обсуждению любого задуманного им предприятия.

– К чему твоя наука, если корабль остается в гавани из-за того, что бесконечные изыскания и опыты опутывают его как бы сетями? – гневался и выговаривал Мастеру Лодовико Моро, когда тот явился к нему с предложением покуда оставить Коня в Корте Веккио, но сарай разобрать, чтобы прибывающие на свадьбу гости могли видеть украшение и достопримечательность города.

– Влюбленные в практику без пауки подобны ступающему на корабль без руля и компаса кормчему, – сказал Леонардо, – и когда меня спрашивают: что рождают твои правила и на что они пригодятся, я отвечаю, что они дают узду инженерам и изобретателям для того, чтобы те не обещали самим себе и другим невозможные вещи, в результате чего их будут считать безумцами или обманщиками.

Разговор – или, лучше сказать, перебранка, так как при разнице в положении Мастер мало в чем уступал миланскому регенту, – происходил в присутствии лиц, из коих иные могли принять на свой счет некоторые его наиболее дерзкие замечания. Одетые в бархат и парчу, обвешанные золотыми цепями и брелоками, вот они стоят, врачи и астрологи, и среди них знаменитейший со времен Серапиона и Авиценны исследователь небесных тел, предсказывающий будущее интерпретатор их сочетаний, мессер Амброджо да Розате. За истекшее десятилетие, покуда мессер Амброджо находится при миланском дворе, только одно его предсказание подтвердилось событиями, в действительности произошедшими, а именно смерть старшего брата Лодовико Моро, герцога Галеаццо Марии, которого за его жестокость зарезали как свинью на паперти церкви св. Стефана. Да и то, что его гибель неминуема, было ясно многим другим, не так образованным и остроумным, поскольку на плечо герцогу Галеаццо Марии, готовому отправиться к воскресной службе, опустился с громким карканьем ворон, круживший до этого в воздухе; а птица эта известна как наиболее мудрая между пернатыми.

– Только наука является основанием, которое позволяет отличать истину от лжи, – отвечал Леонардо регенту на его попреки, – а это, в свою очередь, позволяет направить надежды изобретателей на вещи возможные и стремиться к ним с большой сдержанностью. Благодаря этой науке, но не различным ложным учениям мы не блуждаем в неведении, когда, не получая искомого результата, некоторые отдаются меланхолии или даже накладывают на себя руки. Так и мои дела рождаются из научного размышления и простого чистого опыта, служащего наилучшим учителем.

– Не твои дела рождаются из опыта, – оказал Моро, – но возражения против каждого дела, тогда как человек менее ученый приступает к нему без отягощающих душу сомнений и доводит до конца с божьей помощью.

Тут с видом лекаря, верно предсказывающего пациенту скорую смерть, вновь выступил мессер Гуальтиеро:

– Флорентийский инженер, познаниям которого не завидовать невозможно, напоминает мне садовника вашей светлости; этот выращивает огурцы в бутылке и предлагает затем угадать, как ему удается, не испортивши, извлекать их через узкое стеклянное горло.

– Придется разбить бутылку, – сказал Моро, соглашаясь внезапно на предложение Мастера, и велел разобрать дощатый сарай и растворить ворота Корте Веккио, чтобы прибывающим гостям удобнее видеть Коня. А Леонардо с учениками было поручено соорудить арку из дерева и ткани, украшенную изображением герцога Франческо на лошади и императора Максимилиана, благословляющего династию Сфорца, сделанным живописью, и поставить внутри собора.

9

Природа снабдила человека служащими ему мускулами, которые тянут сухожилия, а эти могут двигать члены сообразно воле и желанию общего чувства точно так, как управители, назначенные в различные провинции и города своим властителем, представляют там этого властителя и выполняют его волю. И если такой управитель по какому-нибудь случаю несколько раз исполнит повеление своего господина, то в однородном случае он уже

сам поступит так, чтобы не преступить его волю. Так, часто видишь, как пальцы, усвоив с величайшей понятливостью какую-нибудь вещь на инструменте согласно повелению общего чувства, исполняют ее потом без его участия.

В декабре 1493 года, незадолго до императорской свадьбы, защищавший Коня от непогоды дощатый сарай разобрали по приказанию Моро, и многие, тайно перелезая стену или другими способами, пытались проникнуть в Корте Веккио и рассмотреть глиняную модель с близкого расстояния. Тут спустили собак, которые отпугивали наиболее отважных охотников, и калитку стали открывать с большими предосторожностями, опасаясь нечаянно кого-нибудь пропустить. Но поскольку человеческое любопытство, если его вовремя не удовлетворить, страшнее и коварнее всяческой непогоды, многие из толпившихся снаружи людей, обозлясь, стали кидать камни через стену и могли повредить обработанную с величайшей тщательностью глиняную поверхность Коня. Наконец за неделю до прибытия императорских послов ворота открыли, и в Корте Веккио смог пройти каждый, кто этого пожелал, а Моро прислал для лучшего охранения памятника вооруженных солдат. Не было дня, чтобы на копыта Коня или деревянную платформу, служившую вместо цоколя, не налепили листков бумаги с надписями и стихами, среди которых больше было восторженных и хвалебных, однако попадались позорящие династию Сфорца и Мастера, применившего свой талант для прославления тиранов. Так или иначе, слава Леонардо, и без того значительная, теперь еще увеличилась, и его по-другому не называли, кроме как равным Фидию и Мирону. Некоторые же настаивали, что в продвижении к правдоподобию и истине флорентиец опередил древних скульпторов. Но что бесспорно, так это мера изумления и страха, испытанных каждым посетителем и волновавших его поочередно, когда под присмотром стражи он обходил вокруг Чудовища.

При многих достоинствах огромной глиняной модели такое замешательство или смятение души происходило отчасти из-за того, что трудно было с первого раза правильно оценить ее действительные размеры. В самом деле, подойдя близко к Коню, зритель сперва изумлялся и мысленно благодарил создателя за дарованный человеку талант и достигнутое с его помощью исключительное правдоподобие. Но внезапно его как бы молнией ударяло, и он обнаруживал вопиющее, сравнительно с тем, к какому приучен, нарушение правдоподобия размеров, и, возмутившись, отшатывался, хотя затем, увлеченный тщательной отделкой некоторых частностей, вновь успокаивался я в своем восхищении, можно сказать, взбирался, как по лестнице, до неимоверной высоты и оттуда вновь рушился; и так несколько раз. Люди, наиболее способные разбираться в состояниях своей души, после рассказывали, что одновременно с восторгом испытывали тревогу и томление, как если бы взобрались на крышу высокого здания, откуда не знают, как благополучно спуститься.

Между тем крестообразное, согласное с правилом контрапоста движение лошади оказывалось заразительным не хуже чумы, – при этом зараза достигала всех решительно, а не только служащих Замка, когда те сообщались со скульптором помимо остального населения города. Так что иной человек покидал Корте Веккио изменившейся походкой: свободно двигая тазовой костью, как если бы она на шарнирах, и покачивая плечами наподобие коромысла весов при одновременном движении вперед правой ноги и левой руки или наоборот, притом кисть руки повисает свободно, как копыто Коня. В городе, таким образом, оказываются три суверена, разделивших между собой дела управления: герцог Джангалеаццо, Моро и Конь. Герцог подписывает наиболее важные бумаги, Моро их подготавливает и распоряжается всем остальным, в то время Конь делает то, что никому прежде не удавалось, а именно управляет общим чувством каждого из его подданных, через это общее чувство достигая нервов названных управителями движений. Иначе говоря, изменяя ноты, согласно расположению которых конечности и другие способные двигаться органы человека как бы исполняют музыкальную пьесу: то есть целиком переделывая граждан, их манеры и жест.

10

И если раньше женская юность не могла защищаться от похоти и хищения мужчин ни надзором родителей, ни крепостью стен, то придет время, когда будет необходимо, чтобы отец и родственники этих девиц платили большие деньги тем, кто захочет возлечь с ними на

ложе, хотя бы девицы были богаты, благородны и прекрасны. О приданом девиц.

Свадьба Максимилиана из династии Габсбургов, императора Священной Римской империи германской нации, и племянницы регента Моро, младшей сестры герцога Миланского Бьянки Марии, – предприятие тем более хлопотное, что Максимилиан предъявляет крайние требования к приданому и внешности невесты. Поскольку же свадьба состоится ad procuratione, через послов, и обручение было заочное, за внешность отвечает портрет, другой раз ошибочно приписываемый Леонардо да Винчи, но в действительности принадлежащий одному из его сотрудников, тогда как доля участия Мастера невелика.

Что до приданого, то за племянницей Моро посулил 400 тысяч дукатов, доставшихся в казну из Неаполя, когда дочь короля Ферранте, принцесса Изабелла, выходила за герцога Джангалеаццо. Король мог возмутиться и воевать из-за этого, но Моро надеялся на свою змеиную хитрость и дипломатическое искусство, выручавшие его в затруднительных случаях.

Так или иначе, в течение недели с рассвета у семи миланских ворот в большем количестве, чем обыкновенно, теснятся телеги, полные битой птицы, говяжьих, бараньих и свиных туш, овощей, рыбы и другого необходимого для пропитания множества гостей, съезжающихся в столицу. За два или три дня перед свадьбою прибыли императорские послы, и 31 декабря 1493 года, когда солнечный диск, склоняясь к западу, коснулся башни св. Готтарда, то есть в 10 часов после полудня, а по-нашему, в 5 часов вечера, четверка белых лошадей подтащила к замку Сфорца сплошь вызолоченную колымагу. Тут люди, собравшиеся из любопытства, смогли увидеть невесту, которая явилась, подобная жемчужине в дорогой оправе: поверх платья из белой парчи на ней был расшитый золотом и камнями малиновый жилет, двое из свиты поддерживали ее под руки, а третий нес длинный шлейф, также усыпанный драгоценностями. О ходе процессии и соответствующем важности случая церемониале возможно получить представление из письма супруги регента Моро Беатриче герцогини Бари, адресованного в Мантую ее сестре, не присутствовавшей тогда в Милане из-за нездоровья.

«…Перед каретою шли камергеры и дворяне, канцлеры и нотариат города Милана, а за нею следовали двенадцать других экипажей, в которых ехали благородные миланские женщины и дамы императрицы, одетые в коричневое и ярко-зеленое, цвета Ее Светлости. Невозможно было сосчитать людей, собравшихся на улицах, чтобы приветствовать императрицу. Послы, ожидавшие в Соборе, проводили ее к алтарю, трибуны перед которым покрыты были коврами, золотой и серебряной парчой. Триумфальная арка, снизу доверху украшенная великолепной живописью, была обращена к алтарю изображением герцога Франческо на коне, тогда как император римский его благословляет. Вошедшие в церковь заняли свои места, и Его Преподобие архиепископ Миланский, мой шурин, со всевозможной торжественностью приступил к службе под звуки труб, флейт и органа, причем певцы приноравливались к проповеди, чтобы слова монсиньора были слышны все до единого, и это им удавалось благодаря величайшему искусству. По окончании мессы императрица, сопровождаемая послами короля Франции, герцогом, моим мужем, герцогиней Миланской и мною, приблизилась к алтарю, и монсиньор начал брачную службу; при этом, когда он возложил на императрицу золотую корону, увенчанную державой в виде земного шара, фигурой Империи и крестом, всю в бриллиантах, раздались громкие звуки труб, удары колокола и пушечная стрельба.

…Обратно в Замок карета императрицы проследовала под балдахином из дамасского полотна с горностаем, который поддерживали доктора юриспруденции в собольих шапках и мантиях; затем в прежнем порядке ехали дамы императрицы, герцогини Миланской и мои, выглядевшие необыкновенно прекрасно. Никогда до этого мне не приходилось видеть придворных одетыми с такой роскошью и блеском, с чем согласились все присутствовавшие. Русский посол воскликнул, что не мог себе представить что-нибудь подобное, а посол Франции объявил, что, хотя и находился при коронациях Его Святейшества папы и короля, по его мнению, нынешний праздник не имел себе равных. Действительно, люди, столпившиеся вдоль нашего пути по дороге в Замок, все кричали в восторге».

Проходящее время неуклонно меняет взаимную относительную ценность вещей и устанавливает свое равновесие. Если бы кто, живший впоследствии, оттуда, из будущего, невидимым пробрался в прошедшее и вместе с процессией проник в замок Сфорца и ему

удалось бы каким бы то ни было способом раздвинуть круг наиболее знатных гостей, теснящихся как уличные ротозеи, он нашел бы середину отчасти свободною и ограниченной стульями, на которых сидят те, кому по их сану это положено, то есть герцог и герцогиня Миланские, регент и его супруга. Близко к ним находятся Сансеверино, делла Торре, Висконти – все представители наиболее знаменитых фамилий, выдающихся знатностью семейств; тогда как в оставшемся свободным пространстве оказывается некто, одетый в красное и имеющий вид и выражение пророчествующего.

– О города, – говорил Леонардо, – я вижу ваших граждан туго связанными крепкими узами по рукам и ногам людьми, которые не понимают их слов, и они могут облегчить страдания и утрату свободы только в слезных мольбах, вздыхая и сетуя про себя, что тот, кто их связал, не понимает их сетований.

Желая убедиться, что присутствующие не догадываются, о чем идет речь, Леонардо внимательно и пытливо обвел взглядом лица и, выждав время, смеясь, объявил, что имеет в виду запеленутых младенцев. Раздался вздох облегчения, и все наперебой стали восхищаться изяществом и остроумием выдумки. Другое пророчество или предсказание Леонардо украсил пантомимою. Удивительным образом изменившись в лице, он согнул колени и сгорбился, при этом раскинутыми в стороны руками как бы желая накрыть и оградить тех, кто, разинув рты, за ним наблюдает.

– Пребывала вода в своей стихии, в гордом море; но пришло ей желание подняться в воздух, и, подкрепившись стихией огня, вознеслась она тонким паром и казалась почти такой же легкостью, как воздух. Но, поднявшись в высоту, – тут Леонардо распрямил колени и сгорбленную нарочно спину и, сделавшись выше, как бы поднялся вверх вместе с водою, о которой рассказывал, – очутилась она среди воздуха, еще более тонкого и холодного. И вот уже малые ее крупицы, теснимые друг к другу, стали соединяться между собой и обретать тяжесть, и при падении обратилась ее гордость в унижение и бегство.

За окнами зашумело; пошел сильный дождь, и Леонардо обернулся на звук низвергающихся потоков воды.

– Так вот и падает она с неба. А затем выпьет ее сухая земля, и в заточении на долгие времена станет она отбывать наказание в грехе своем.

Распластавшаяся в тонком слитном течении снаружи окон дождевая вода придавала вогнутым, как донца бутылок, ячеям слабое свечение, хотя до того они были полностью темными, как и должно быть зимою в позднее время. В этом слабом свечении Леонардо как бы пытался высмотреть какую-то вещь, а, на него глядя, другие присутствующие также стали высматривать: опытный проповедник не только пронизывает души удачными словесными оборотами, но и своими движениями внушает, что ему необходимо. Устойчивые в высокомерии могущественные синьоры затихли, словно напуганное стадо, слушая вместе с Мастером дыхание холмов под дождем и различая движение потоков по бесчисленным сосудам Земли, подобное циркуляции крови.

11

Уже вино, войдя в желудок, стало кипеть и пучиться; уже душа его стала покидать тело; уже око обращается к небу, находит мозг и обвиняет его в раздвоении тела; уже начинает его грязнить и приводит в буйство наподобие сумасшедшего.

Иначе как безумным ликованием плоти невозможно назвать неистовое и безудержное уничтожение громадных запасов продовольствия, достаточных для прокормления города на протяжении длительного времени. Каждую перемену, которых вместе было не менее пятнадцати, сопровождали звуки фанфар, вопивших как если бы сами желали насытиться. Что касается разнообразия кушаний, то сначала шесть арапчат в тюрбанах и с огромнейшими саблями в посеребренных ножнах торжественным и поспешным шагом принесли выстроенные на подносах в виде высоких башен засахаренные фрукты. Когда подносы оказались полностью разграблены, слуги заставили красивые вышитые скатерти блюдами с фигами и спаржей. Потом принесли залитых соусом куропаток. Потом вцепившиеся в оглобли арапчата втащили в пиршественную залу колесницу, еще и подталкиваемую сзади слугами и поварами; на

колеснице едва ли не к самому потолку возвышалась пирамида из бычьих голов, и рога их были посеребрены или вызолочены. Гости не разделались еще с головами, когда переодетые егерями и доезжачими слуги внесли зажаренные трофеи охоты герцога Миланского, среди них фазаны, перепела, дрозды, лесные жаворонки, горлицы и другая дичь, которую самому герцогу не пришлось отведать, поскольку его, согнувшегося от боли в животе, вывели из-за стола наблюдающие за ним врачи. Тут духовник герцогини сказал нахмурившись:

– Святой Амвросий, по словам Павлина, его секретаря, вкушал только в субботу, воскресенье и дни великих мучеников, тогда как в оставшееся время посещал гробницы этих друзей божьих; ночами же он молился и пел псалмы, а не объедался до желудочной колики.

Духовник имел в виду святого Амвросия Медиоланского, епископа и покровителя Милана, величайшего церковного музыканта и опытного искателя святых останков.

Между тем принесли каплунов, которых можно есть с костями, так они превосходно зажарены. Отломив от птицы ножку, отлично упитанную, духовник произнес, но не настолько отчетливо и громко:

– Когда помысел возбудит в тебе желание пищи, говорил Иоанн, прозванный Постником, не бойся; но смотри, что после наслаждения едою приблизится к тебе жесточайшее вавилонской печи другое желание и сожжет тело и душу.

Отец Кристофоро имел в виду похоть, которая возбуждается телесными соками вместе с проникающими внутрь испарениями вина и пива и всевозможными острыми приправами. Съев каплуна целиком и после этого отдышавшись, отец Кристофоро сказал:

– Каплун, я полагаю, оттого не летает, что слишком жирен. Все пернатые и в воздухе летающие живые существа малотелесны, почему и поднимаются в воздух; тогда как быки, ослы и изюбри имеют большое тело и трут землю, любя ил, болота и грязь. Следственно, не желай откармливать и утучнять плоть.

Во второй половине этого великого сидения за столом установленный обычаем порядок разлаживался; пирующие утрачивали сдержанность и чувство приличия и от жары и вина как бы отчасти лишались рассудка. А поскольку желание пищи иной раз превышает возможности пищеварения, как следствие этого появляются икота, рыгание, ветры, тошнота и прочее. Сравнительно с другими Леонардо ел па удивление мало и по преимуществу вареные или сырые овощи и фрукты; однако же набросившихся на угощение, как лютые волки, учеников и помощников не урезонивал, полагая, по-видимому, что перечисленные следствия такого безудержного запихивания за обе щеки и торопливого глотания окажутся для них лучшим уроком. Тем более Мастер, чем бы ни занимался, бодрствуя, не умел отдыхать, и у него еще оставались заботы по украшению праздника.

Если бы ты пожелал сделать огонь, который вспыхивает в зале без вреда, кипяти, обращая в пар, десять фунтов водки и брось в эти пары сухой раскаленный лак. Затем внезапно войди в названную залу с факелом, и сразу же комната озарится огнем, словно сильным пламенем, и этот огонь никому не повредит.

Веселившиеся за герцогский счет на площади перед Замком горожане разошлись по домам после наступления темноты. Только городская стража, от безделья развлекающаяся грабежом, могла видеть все разом осветившиеся окна, как если бы в каждое помещение опустилось с неба по ангелу,

Леонардо покинул Замок тотчас как устроил фейерверк и не стало больше необходимости в его услугах. Не чувствуя желудок отягощенным, он, не изменяя обыкновению, прежде чем отдаться сну, провел за рабочим столом некоторое время, хотя, понятное дело, не избежал усталости полностью. Между тем раздражение алчной распущенностью его сотрудников и остальных, кого он покинул, созрело в душе подобно нарыву над какой-нибудь случайной занозой.

Если кто хорошо умеет скрывать свои истинные чувства и не дозволяет им проявляться в выражении лица или в неуместных репликах в присутствии посторонних, тот успешно справляется с этим также, когда остается один. Но все же обычное стремительное течение мысли иной раз нарушается, что находит отражение не только в почерке, когда образуемый буквами частокол становится прерывистым и неровным, но и в содержании записей, не предназначенных для чьего-либо чтения. С другой стороны, таким образом писатель отчасти

излечивает воспаленную душу, тогда как если этого вовремя не сделать, раздражение может стать причиной болезни более длительной; и чем изобретательнее автор в ругательствах, тем успешнее действует такое лекарство.

Царь животных, но лучше сказать, царь скотов, так как ты сам наибольший из них, мешок для пропускания пищи, производитель дерьма.

И другие подобные вещи, по которым, если брать их в отдельности, так же ошибочно судить о характере пишущего, как по его способностям царедворца и слуги. Что касается самочувствия, оно крайне подвижно и меняется, можно сказать, от строки к строке, когда, понемногу остывая в своей злобе, Леонардо подставляет один под другим, в виде столбца, ряд вопросов и воодушевление постепенно его охватывает.

– Откуда моча?

– Почему рвота?

– Откуда боли в боку?

– Откуда происходит насморк?

– Слезы.

– Чихание.

– Зевота.

– Дрожание.

– Падучая болезнь.

– Почему молния убивает человека, а не ранит его? Почему, если бы человек сморкал нос, когда его ударило молнией, он не умер бы?

– Что такое душа?

– Откуда появляется семя?

Наконец:

О рыдании.

12

Птица есть действующий по математическому закону инструмент, сделать который в человеческой власти со всеми его движениями. Поэтому мы скажем, что построенному человеком инструменту не хватает лишь души птицы, которая в данном случае должна быть заменена душою человека.

Поднявшись наутро ранее обыкновенного, Леонардо с большой осторожностью, чтобы никого из спящих не потревожить, вышел под холодное беззвездное небо; пересек затем двор, как бы стойло Чудовища, хвостом едва не упиравшегося в кирпичную стену звонницы св. Готтарда. Пройдя под брюхом Коня – при этом свет зажженного факела не прояснил до конца неизмеримую глубину его паха, – Леонардо оказался перед другой, железною дверью. Сооружение или, лучше сказать, инструмент, ради которого он в эдакую рань взбирался крутой неудобной лестницей, находилось в верхнем помещении указанной башни св. Готтарда – выше были колокола.

Как если бы сооружение выщипывало пух в подмышечной впадине, одно его крыло было подобрано, тогда как другое, распростершись, немного не доставало до стены; некоторые же части конструкции лежали, на верстаке и на полу одна от другой отдельно. Внимательно к ним присмотревшись, можно было бы сообразить, что каждая напоминает собою какое-нибудь природное устройство, и даже не в силу прямого сходства, а благодаря некоторому органическому принципу, насколько ему следует изобретатель. Подобно сопрягающимся в суставе костям, сопрягающиеся части этих частей будто бы отражают одна другую, однако в кривом зеркале, так как совпадают не полностью и чтобы возможны были движения по произвольным орбитам, отличающимся от круговой, как это в действительности происходит в суставах человека или других животных. Так опытность анатома приносит пользу изобретателю, когда, учась у природы и продвигаясь за нею след в след, он затем, можно сказать, ее же походкою движется далее самостоятельно. При этом каждое решительное действие он подготавливает и оснащает с большой осмотрительностью; так, расплетая тесьму, стягивающую суставную сумку, он разнимает самый сустав, протирая его изнутри

промасленной тряпкой, или наждачною пастой снимает незначительный, препятствующий вращению слой дерева с его округлых поверхностей, а сколько именно снять, он определяет до этого внимательнейшим прослушиванием, когда прикладывает ухо к суставу и одновременно его пошатывает и по-разному двигает: полностью пригодный сустав должен работать без задержки и скрипа, с едва уловимым шелестом. И хотя это тончайшее занятие – такая подгонка, со стороны может казаться, что Мастер отлынивает от более важного дела, сосредоточиваясь на несущественных мелочах исключительно ради удовольствия. И уж совсем это выглядит забавою или даже детской игрой, когда Мастер из бумаги вырезывает ножницами птицу. Получившуюся первоначально плоскую симметричную фигуру он складывает вдвое, снизу склеивает, а оставшиеся свободными крылья расправляет, как у парящей птицы. При этом видно, что не впервые он так развлекается, поскольку действует с необыкновенным проворством.

Леонардо подождал, покуда клей высох, а затем накинул плащ, взял бумажную птицу за киль и через отверстие в потолке выбрался на площадку под звонницей. Разогнав облака в течение ночи, ветер изменил состояние и теплоту воздуха, и если кто накануне засыпал, продрогнувши от зимнего холода, пробуждался он как бы в южной стране. На уровне верхней площадки звонницы святого Готтарда, направляясь к востоку, откуда всходило солнце, пролетали вороны, и Леонардо слышал шорох крыльев, скользивших по воздуху и отталкивавшихся от него, частично пропуская сквозь перья.

Вглядываясь в проясняющиеся очертания города, Мастер помедлил; затем, сбросив плащ, принял позицию копьеметателя и, покачавши несколько бумажную птицу и так приноравливаясь, с силою направил ее в воздушное пространство. Взобравшись по недоступной зрению волне и достигнувши гребня, птица клюнула носом и отчасти застопорилась, а после того, быстро увеличивая скорость скольжения, двинулась под гору. В нижней точке траектории движения птица вновь задрала клюв, чтобы забраться на гребень волны, оказавшейся не настолько высокой, как предыдущая; после этого снова скользнула в пространство между волнами и опять забралась в высоту – и так далее, покуда не исчезла из виду.

Тем временем утренняя синь оседала между домами, и черепица выказывала свою красноту. Сверху стало отчетливо видно концентрическое устройство Милана, когда внутреннее кольцо образовано отчасти разрушенными древними стенами и другими оборонительными сооружениями и наибольшее внешнее – руслом капала, которое от показавшегося из тумана солнца внезапно засветилось, как бы налитое не грязной водой, но расплавленным золотом.

Бессовестные льстецы, каких достаточно между придворными, утверждают, что городские водоемы пополняется из Кастальского ключа, служащего, по мнению древних, источником поэтического вдохновения, и, дескать, кто утолит жажду их влагою, тот станет с легкостью сочинять стихи. При этом свое действительное назначение вода из-за разницы уровней исполняет, приводя в движение колеса, которые затем передают его мельницам, лесопильным рамам, кузнечным мехам и громаднейшему молоту на Оружейном дворе, ухающему, как лесной филин. Находящемуся на возвышении наблюдателю кольцо Большого канала с его отводами, сужениями и плотинами кажется разнообразно движущимся механическим устройством наподобие громадных часов: обливаясь водою, которая, как ни грязна, в брызгах уподобляется рассыпающемуся жемчугу, вращаются мельничные колеса; как две ладони, принимающие дары, медленно раздвигаются шлюзы; а старинные конхи поднимаются, как будто бы зубастая пасть какого-нибудь морского животного, заглатывая баржи, нагруженные лесом, зерном, скотиною для миланских боен и мрамором. Добытый в верховьях Адды в Высоких Альпах мрамор сваливают на пристани у церкви св. Стефана, на Озерце, а затем телегами доставляют к Собору: возле него находятся мастерские скульпторов и каменотесов, в сухую погоду большею частью работающих под открытым небом. В теплое время года сюда собираются миланские граждане и, горячась, обсуждают достоинства и недостатки мраморных фигур и способы их воздвижения на определенные архитекторами места снаружи и внутри строящегося здания.

Урбинец Донато Браманте, имея привычку порицать предприятия, если он почему-либо не

принимает в них участия, сравнивал Миланский собор с тощей фараоновой коровой, пожравшей тучную корову и оттого безобразно раздавшейся в ширину. Хотя такое сравнение отчасти справедливо, высота здания никому не покажется недостаточной: над вошедшим в его тень прохожим оно нависает подобно скале, которую не охватить взглядом. И здесь холодно как в погребе, поскольку ни за день, ни за лето самое жаркое солнце не прогревает лишенное правильных пропорций сооружение с острым хребтом и треугольным ломбардским фасадом.

Шутке этого урбинца можно приписать еще и другой смысл: за сто лет, с тех пор как прозванный Строителем герцог Джовангалеаццо Висконти заложил первый камень Собора, строение, словно корова на водопое, вбирает в себя городские доходы, поскольку герцог задумывает и исполняет, а гражданам достается оплачивать. И конца этому не видно, зато изнутри хорошо видно небо, так как на месте, где должен быть купол, зияет дыра, и только громаднейшая высота ограждает молящихся от непогоды: осадки успевают рассеиваться и возвращаются кверху в виде испарения. Джовангалеаццо Строитель заложил также Чертозу, знаменитую обитель кармелитов близ Павии, и это его великолепное детище вынуждены были поить и кормить его подданные, и их наследники, и наследники этих наследников. С другой стороны, едва ли полезнее для государства, если деньги граждан плесневеют в их сундуках; ведь кто негодует и ропщет, он же затем и радуется прекрасным произведениям и забывает лишения, какие терпел из-за громадных расходов на строительство вместе с жестокостями и преступлениями повелителя. Скажем, Джовангалеаццо Висконти бессовестно заточил своего дядю и узурпировал власть, но разве Чертоза не привлекает паломников со всего света?

МИЛАН. 1482-1493

13

Если ты хочешь заставить казаться естественным вымышленное животное, возьми для него голову овчарки или легавой собаки, присоедини к ней кошачьи глаза, уши филина, нос борзой, брови льва, виски старого петуха и шею водяной черепахи.

Когда в погоне за истиной Мастера настигали уныние или усталость, он себя подбадривал, говоря: «Бог продает все блага ценою усилия». Имея в виду вместо истины власть, то же мог бы сказать родоначальник фамилии Сфорца, что по-итальянски означает усилие или даже насилие. Молодой Аттендоло из Котиньолы, которому неаполитанский король позднее дал это прозвище, окапывал деревья в саду, когда селением проходили солдаты. Пораженный их видом и поведением, Аттендоло забросил кирку в ветви яблони и, присоединившись к отряду, пошел с ним дорогою, приведшей его впоследствии к славе, и он сделался советником королей. Для этого на нужны ли усилия большие, чем при окапывании фруктовых деревьев?

Нынешний регент Милана, внук Аттендоло и третий сын герцога Франческо Великого Сфорца, скорее хитер и коварен, нежели силен и жесток. Добиваясь полной, неограниченной власти, он действует с громадным искусством, а где искусство, там сила и власть. Что касается отдельно присвоенного регенту прозвания Моро, оно означает «мавр» и возникло из-за смуглого цвета его кожи, хотя поэты, надеясь заслужить похвалу, выводили его из свойств шелковичного дерева, также моро по-итальянски. В древние времена под ветвями шелковицы погибли несчастные влюбленные Тисба и Пирам[12] и цветы этого дерева внезапно окрасились как бы их кровью. С тех пор шелковичное дерево подготавливает свое цветение незаметно для глаза, а затем это неожиданно случается. Также-де и регент Миланский: умело и ловко обхаживая противника, он затем тайно подкрадывается и хватает внезапно. Но притом что поэтическое вдохновение здесь больше служит корысти, чем истине, подобная замысловатая выдумка верно показывает обычаи и способы Моро.

---

[12] Тисба и Пирам. По легенде, рассказанной Овидием в «Метаморфозах», влюбленные, жившие в Древнем Вавилоне, принадлежали к враждующим семействам и погибли из-за недоразумения, не встретившись в условленном месте; отзвук этой легенды слышен в «Ромео и Джульетте» Шекспира.

Унаследовавший власть от Франческо Великого его старший сын, Галеаццо Мария, насиловал родных сестер да еще и похвалялся своим преступлением – эдакая простодушная откровенность чужда была нынешнему миланскому регенту. Поэтому никому не известно, отчего после гибели Галеаццо Марии случилась скоропостижная смерть следующего за ним по старшинству Оттавиано: только, подобный тончайшему аромату шелковицы, носится слух, что он был отравлен. Наиболее предательским образом Моро, по-видимому, сумел повредить вдовствующей герцогине, принявшей опекунство над малолетним Джангалеаццо, прямым законным наследником Галеаццо Марии: Моро за деньги нанял людей, чтобы на него совершили покушение, под пыткою же захваченные преступники ложно указали, будто подкуплены герцогиней и ее канцлером. Миланцы и прежде не одобряли поведение герцогини Боны, решавшейся показываться народу, сидя в седле позади своего берейтора и обнимая его за плечи. Всего вместе оказалось достаточным, чтобы вынудить ее уступить опекунство шурину. Тот с показным огорчением принял дары, которых всячески добивался, а спустя время удалил малолетнего Джангалеаццо в Павию под предлогом, что климат Милана ему вреден, хотя в окруженной болотами древней столице воздух не здоровее. Одновременно Моро стал насаждать мнение некоторых юристов, будто бы младшие сыновья герцога Франческо имеют преимущественные права на Милан, поскольку старший, Галеаццо Мария, рожден, когда Франческо не имел еще настолько высокого титула, но служил городу как кондотьер. Поэтому, дескать, есть основания миновать при наследовании неспособного Джангалеаццо и за смертью Оттавиано Сфорца предпочесть ему Моро.

Когда в 1482 году Леонардо да Винчи приехал в Милан, герцог Джангалеаццо Сфорца достиг возраста четырнадцати лет, и не только его доброжелатели, но и сам он должен был считать себя несчастнейшим из людей, поскольку не властью обладал, данной ему его саном, но одной только видимостью. Впрочем, при его болезненном состоянии, которое также человека не радует, герцог расстраивался меньше того, что можно было ожидать, так как другое его отвлекало: охота и женщины – и Моро всячески это поощрял.

Леонардо, намеренный выступить соискателем одной из наград в музыкальном соревновании, устраиваемом под покровительством регента, прибыл в Милан тридцатилетним, или в том возрасте, в котором, как говорят, покойники однажды встанут для Страшного суда избавленными от телесных недостатков и крепостью против болезней превосходящими Моисея; здоровье флорентийца не оставляло желать лучшего, а сложением и красивой окладистой бородой он как раз походил на библейского праотца.

Отчасти ввиду определенной направленности воображения, а еще потому, что другие не могли ему этого подсказать, в мыслях герцога внешность и повадки приезжего из Флоренции музыканта вовсе не связывались с некой замечательной вещью, которая вот уже восемь лет как находилась в павийском дворце, так или иначе свидетельствуя о ее авторе. Дело в том, что Галеаццо Мария, предпочитавший украшать свои комнаты произведениями необыкновенными или ужасными, уплатив триста дукатов, однажды приобрел у заезжих купцов круглый щит из фигового дерева, Ротелло ди фико, с превосходной живописью, если можно так выразиться, имея в виду изображение чудовища, составленного из частей всевозможных летающих, скачущих, ползающих и пресмыкающихся гадов, способное напугать впечатлительного человека до умопомрачения и принадлежащее кисти Леонардо да Винчи, о чем участвовавшие в сделке не имели понятия. Впрочем, и сам автор не знал, где находится указанная вещь, предназначавшаяся первоначально для других целей и исчезнувшая затем из его поля зрения.

Играющих на лире было тогда в Италии множество, в числе их музыканты, способные вытянуть душу печальными мелодиями или, напротив, огорченного и плачущего человека заставить плясать; но Леонардо мало кому уступал. Правда, он музицировал стоя, твердо опираясь на одну ногу, и выставив бедро и наклоняясь иной раз чуть не до полу, в то время как гордящиеся правильной манерой ученые музыканты такую излишнюю подвижность порицали как непристойную. Его инструмент, не достигая размера, принятого для лиры да гамба, полустолетием позже превратившейся в виолончель, для лиры ди браччо, которую играющий упирает в плечо, казался велик, хотя отчасти отсюда ее необычайной силы и яркости звук, в басах подобный реву быка или флейте Папиния Стация, а на верхах раздающийся как скрип оси при вращении небесных сфер. Ломбардские музыканты не достигали такого звучания, и здесь

больше оценивались чистота и беглость. Но и в этом Леонардо был опытен и ловок и когда дотрагивался до струн пиччикато, щипками, быстрота его пальцев оказывалась так велика, что они, подобно спицам вращающегося колеса, сливались в один неясный и смутный образ. Когда же пиччикато взбиралось к верхам, то будто бы ангел взбегал по небесной лестнице. Если же из-за явления резонанса трепетали так называемые бурдонные струны, которых пальцы исполнителя не достигают, возникало звучание низкое и грозное. Между тем прикрепленный к нижней деке инструмента серебряный щит в виде черепа лошади, образуя дополнительную пустоту или полость, каждый звук – безразлично, высокий или низкий, – еще намного усиливал. И все это в целом вызывало изумление слушателей.

После выступления соло Леонардо вместе с двумя его товарищами, прибывшими с ним из Флоренции, исполнил кантату, превозносившую до небес герцога и династию Сфорца, а больше всего регента Моро. Младший из трех исполнителей – лет шестнадцати на вид, с лицом нежным и красивым – пел низким голосом; другой, старший возрастом, с всклокоченными волосами, непривлекательный и хмурый, имел голос повыше. Леонардо же брал настолько высокие ноты, что при его сложении и статности могло показаться, будто поет другой человек, где-то скрывающийся, а этот лишь делает вид, или музыканты незаметным образом обменялись устройствами, производящими звуки голоса, как, бывает, обмениваются музыкальными инструментами. И тут собравшееся общество показало себя достойным новизны, которую ему преподносили: пренебрегая неудовольствием нескольких считающих себя наиболее опытными, другие оказались единодушны, полагая флорентийца заслуживающим награды. В свою очередь, тот, воспользовавшись обстановкою доброжелательства, передал регенту Моро письмо, которым рекомендовался знающим конструктором военных орудий, опытным в фортификации: тут мы видим, что человек как раз является наилучшим примером животного, которое желает казаться естественным, придумывая самого себя, и это ему удается, даже если его деятельность и как бы он сам составлены из разнородных несоединимых частей.

Пресветлейший государь мой! Увидев и рассмотрев в достаточной мере попытки тех, кто почитает себя мастерами и конструкторами военных орудий, и найдя, что устройство и действие названных орудий ничем не отличается от общепринятого, попытаюсь я, без желания повредить кому-нибудь другому, представиться Вашей Светлости, открыв ей свои секреты, и их затем по Вашему усмотрению, когда позволит время, осуществить с успехом в отношении того, что вкратце, частично поименовано будет ниже.

Милан в союзе с Феррарой тогда воевал против Венеции, и следующие девять пунктов письма, где Мастер, говоря его словами, обязывался проектировать бесчисленные средства нападения и защиты, должны были представиться регенту как нельзя больше уместными и своевременными. Однако суть дела, кажется, не затронула воображения регента, если, прочитавши их, он сказал:

– Хотя ты предупреждаешь о нежелании повредить другим инженерам и умалить их заслуги, все же, обещая устраивать вещи необычайные, ты причиняешь им великий урон.

– Я изобретатель, – отвечал Леонардо с заносчивостью, – а изобретателей как посредников между природой и людьми в сопоставлении с пересказчиками и трубачами чужих дел и произведений должно судить и не иначе расценивать, как предмет вне зеркала в сравнении с появляющимся в зеркале подобием этого предмета: ведь предмет представляет нечто сам по себе, а его подобие есть ничто. Многие из этих людей мало чего получили от природы, ибо одеты в чужое, без которого их нельзя отличить от стада скота.

Затем флорентиец, как видно в намерении полностью овладеть расположением регента Моро, рассказал ему басню про муравья:

– Муравей нашел зерно проса, а зерно, почувствовав, что тот взял его, закричало: «Если окажешь мне такое снисхождение, что дашь исполниться моему желанию появиться на свет, то возвращу я тебе себя сам-сто». Так а было.

Но муравей, иначе говоря, регент миланский, которому в жадную пасть досталось драгоценное просяное зерно, при своей тучности и нелюбви к физическим упражнениям и верховой езде – лицо невоенное. Его оружие – ложь, лесть и хитрость и только при необходимости яд или плаха. Короче говоря, тончайшее рукоделие политики он предпочитает грубой работе войны и славу желает добывать более благородными средствами. Поэтому

неудивительно, что из пунктов письма он воодушевился последним, десятым, где Леонардо указывает:

Во время мира считаю себя способным никому не уступить как архитектор в проектировании зданий общественных и частных и в проведении воды из одного места в другое. Также я буду исполнять скульптуры из камня, бронзы и глины. Сходным образом в живописи я буду делать что только возможно, чтобы сравняться с другими, кто бы они ни были. Также я смогу приступить к работе над бронзовой конной статуей, которая будет бессмертной славой и вечной честью блаженной памяти Вашего отца и всего дома Сфорца.

– Конь, которого ты для нас изготовишь, не уступит великолепием замысла и новизною ни одному из твоих изобретений, – сказал Моро, и внезапно выражение его лица стало угрюмым и злобным, как если бы он вспомнил причиняющую ему огорчение неприятную вещь. Дело в том, что покойный Галеаццо Мария в свое время добивался из Флоренции мастера, который сумел бы изготовить коня в виде памятника знаменитому герцогу Сфорца, и Антонио Поллайоло, согласившись, будто бы сделал рисунки: Моро приходилось соперничать также и с мертвыми.

– Мой братец полон был честолюбивыми замыслами, – сказал он язвительно, – хотя единственный памятник, каким он украсил Милан, – это набитый соломою медведь, установленный по его приказанию на северо-западной башне дворца у порто Джовио.

Разрушившиеся позже ворота Юпитера, порто Джовио по-итальянски, находились в стенах древнего Медиолана близко от нынешней резиденции миланских правителей.

– Бессильный против неприятеля, Галеаццо Мария пугал только мирных прохожих. Солома сгнила, медведь развалился; мои начинания все будут доведены до конца, – сказал Моро и велел записать флорентийца в коллегию герцогских инженеров с жалованием пять дукатов помесячно и предоставить ему удобное помещение в Корте Веккио, пустующем палаццо Висконти. Тут надо пояснить, что Леонардо и его спутники пользовались покуда гостеприимством придворного живописца Амброджо да Предис в доме у Тичинских ворот, которым тот владел вместе с братьями.

14

Существует род живописцев, вследствие своего скудного обучения живущих по необходимости под покровом красоты золота и лазури. Тогда как живопись только потому кажется удивительной зрителям, что она заставляет казаться рельефным и отделяющимся от стены то, что на самом деле ничто, а краски доставляют почет лишь мастерам, их делающим.

Дух языческого Меркурия, бога торговли и путешествий, которому с древности посвящены ворота Тичино, не покидал их и в христианские времена, поскольку перевозчики грузов, купцы и наиболее состоятельные из пилигримов, путешествуя в Павию через Милан, останавливаются в расположенной близ ворот остерии «Три красные скамьи».

Хотя в дом братьев да Предис разнообразный уличный шум проникает почти беспрепятственно, так как двери то и дело раскрываются, старшего из них, Кристофоро, это мало беспокоит, поскольку он от рождения глухонемой и не разгибаясь корпит над картинками, какими украшает, или иллюминирует, рукописи; не слышит он и громкого стука, раздающегося, когда Бернардино, ткущий ковры, передвигает раму. Для человека же, не имеющего такого природного недостатка, если другие звуки иной раз стихают, оказываются более явственными гудение и шелест станка: это Еванджелиста и Амброджо с помощью считающегося новинкой и редкостью ножного привода шлифуют камни для своих изделий; слышны еще вздохи и булькание, когда плавится олово, медь или кое-что подороже, и шипение, если закаливается инструмент.

Выполняя разнообразные ювелирные работы, братья также чеканят монету казне, рисуют для гобеленов и вышивок и практикуются в живописи; при этом Амброджо, способнейший, пользуется жалованием как живописец двора. Впрочем, преимущество его таланта проявляется больше в портретных изображениях, то есть в отрасли, считающейся низшей из всех, хотя портретист, добивающийся хорошего сходства, редок.

Умение Амброджо обходиться с людьми и его расторопность послужили причиною, когда при заключении договора, где, с одной стороны, участвуют францисканцы братства св. Непорочного Зачатия Девы, а с другой – братья да Предис и флорентиец Леонардо да Винчи, дело быстро сладилось.

«Мы желаем, чтобы рама, включая резные капители с фигурами, была вызолочена по цене три лиры десять сольди за сотку.

Item. Мадонна, поместившаяся посредине, пусть будет в ультрамариновом плаще, поверху расшитом золотом».

В многочисленных пунктах расписано, каким заказчики желают видеть алтарный образ для капеллы св. Зачатия церкви св. Франциска в Милане, называемый в договоре «Мадонною в скалах», и ангелов на его боковых створках: на одной стороне – поющих, на другой – играющих, и в заключение сказано:

«Во всех частях икона пусть будет расцвечена разнообразно и со всем совершенством, в греческой и новой манере».

Таким образом настоятель капеллы Зачатия отец Бартоломео Скарлионис и другие участвующие в договоре францисканцы показывают, что им отчасти известно различие между новой манерой и греческой, или, как ее еще называют, готической или немецкой. Правда, может, этому не больше цена, чем латинским словечкам наподобие item, что значит «далее», излюбленным сутягами и людьми, желающими показать ученость малыми средствами, так как по другим пунктам договора можно судить, что заказчику хорошо не видна разница между стоимостью материала и достоинством выполнения и что для указанных францисканцев братства св. Зачатия золото и лазурь оказываются дороже изображения золота, хотя бы выполненного с большим мастерством.

С другой стороны, если францисканцы соглашаются на преимущество флорентийского мастера в договоре, называя его магистром и ставя первым, тогда как братьев да Предис называют только по имени и помещают следом за ним, может, они отчасти понимают, что, хотя Леонардо и братья да Предис примерно ровесники, если судить не по церковным книгам, а по умению в живописи, флорентиец оказывается далеко впереди? В самом деле, Леонардо привез с собою в Милан понимание и практику живописи, представлявшиеся изумительными и необыкновенными не то что в Ломбардии, но и в Тоскане, где за его соотечественниками больше двухсот лет развития. Джорджо Вазари, живописец более плодовитый, чем выдающийся, зато величайший биограф художников и проницательный искусствовед, утверждает, что, мол, «это с тех пор, как души нового поколения в тамошних местах под влиянием легкого воздуха настолько очистились, что небо, сжалившееся над прекрасными талантами, порождаемыми повседневно тосканской землей, вернуло их к первоначальному состоянию».

Вазари имеет в виду возрождение в искусстве римской и греческой древности, отчего последовавшие за тем времена известны как Возрождение. Что же касается упомянутой в договоре греческой манеры, тут речь о другом, поскольку такое название идет от наезжавших в Италию византийских греков, отпавших от собственной древности и превратившихся с течением времени в нечто полностью противоположное древним. «Они, то есть византийские греки, – разъясняет Вазари, – вместе с мозаикой завезли скульптуру и живопись в том виде, в каком были им известны, и так обучали итальянцев, то есть грубо и неуклюже: подобная живопись представляет собой не иначе как заполненные краскою контуры».

Новизна нетерпима, самодовольна, нескромна и расправляется с теми, кому приходит на смену, по своему усмотрению и произволу, одних без меры превознося, других порицая. Но даже при хваткости братьев да Предис и при том, что они вовсе не имели намерения непременно отстаивать какую-нибудь привычную им старину, как иначе было действовать Мастеру, манера которого не только далеко ушла сравнительно с принятой в Ломбардии, но обогнала и тосканскую? Ведь чтобы успешно сотрудничать, надо еще до истечения предусмотренного договором короткого срока полностью переделать сотрудников; поэтому можно сказать, что мадонна для францисканцев, поистине непорочным способом зачатая и выношенная в доме братьев да Предис, родилась из кокона рассуждений и слов – имеются в виду пояснения Мастера.

15

Рассуди хорошенько, о живописец, насколько далеко от глаза должна быть твоя картина, и представь себе, что на этом расстоянии тебе видна дыра или отверстие, или окно, сквозь которое вещи, перед ним стоящие, могли проникнуть до твоего глаза.

Хотя св. Франциск утверждал, что дьявол теряет власть над веселыми людьми, в то время как жалующийся и печальный легко становится добычею ада, настоятель капеллы св. Зачатия отец Бартоломео не затруднялся придать своему лицу выражение приветливости, но сохранял его хмурым и озабоченным. Когда же спустя год после заключения договора, то есть осенью 1484 года, накануне праздника св. Непорочного Зачатия Девы, он увидел представленную ему в доме братьев да Предис как готовую среднюю часть алтарного образа с Мадонной, младенцем Иисусом, Иоанном и ангелом, на его лице еще прибавилось неудовольствия. Как если бы сельский хозяин, привыкнувши видеть ворота усадьбы закрытыми и запертыми изнутри, обнаружил их распахнутыми настежь, а домашних животных бродящими в поле, отец Бартоломео скоро и решительно направился к картине, словно бы желая восстановить нарушенный внезапно порядок и сделать выговор служащим. Возможно, что наилучшая похвала живописцу есть такая решимость заказчика, если, не вдаваясь в достоинства или недостатки произведения, тот относится к нему как к природной действительности: сила и качество правдоподобия оказывались так велики, что настоятель забывал этому радоваться, но, подозревая, не произошло ли здесь нарушения, касающегося христианской религии, целиком отдавался заботам о происшествии.

Относительно других качеств картины выражение лица и манеры заказчика ни о чем не свидетельствовали, но скорее противоречили всякому правильному заключению. Мало жить пятьсот лет назад и быть настоятелем капеллы св. Зачатия, надо еще обладать придирчивостью и недоброжелательным воображением, чтобы в одном из наиболее прелестных произведений за всю историю живописи усмотреть именно то, что ухитрился этот Бартоломео Скарлионис. Итак, поместившаяся в скалистом гроте возле ручейка дева Мария правой рукой придерживает младенца Иоанна, а левую простерла над Спасителем, как бы предохраняя его от грядущих страстей. Тут же находится присевший на колено ангел, в свою очередь, оберегающий младенца Спасителя на случай возможного падения в воду, тогда как кисть правой руки и указательный палец этого ангела ныряющим движением, подобным движению лебединой шеи, направлены на Иоанна. Как кажется, во исполнение воли творца ангел прислан сюда в виде кормчего – показать направление и также необходимость приуготовленной жертвы.

Изяществом овал лица этого присланного сходен с куриным яичком острым концом книзу, скорлупа которого просвечивает, что объясняется падающим на щеку рефлексом. В то время глаз, плавно повернувшись в глазнице, смоченной слезной жидкостью, смотрит на приближающегося священнослужителя спокойно и ясно, тогда как улыбка у ангела плутовская; больше того, отец Бартоломео нашел ее соблазнительной и порочной. Впрочем, настоятель не желал показаться человеком, лишенным всякой тонкости, и прямо на выражение ангела не ссылался, но аргументировал иначе. Так, имея в виду, что св. Иоанн покровительствует Флоренции, настоятель спросил:

– Почему ангел указывает на Иоанна, тогда как Иисус первый в святости?

Подозреваемый в неуместном патриотизме живописец на это ответил:

– Неприлично ангелу в присутствии Иоанна указывать на святого младенца, поскольку, таким образом, не соблюдалась бы очередность достоинства святости; поэтому ангел указывает посредством другого и через него.

Тогда настоятель снова спросил:

– Почему над головами святых персонажей живописцы вопреки обычаю не показали сияние в виде венцов?

– Испускаемые каким-нибудь источником лучи, – сказал Леонардо, – задерживаются непрозрачными предметами и их освещают. Поступая согласно обычаю, мы рискуем, что зритель подумает, будто над указанными лицами укреплены круги из жести или бумаги.

– Сияние подобного рода видно само по себе в наиболее светлой субстанции, – возразил

ему настоятель, – между тем живописцы очевидно злоупотребили тенями, в то время как святые отцы настаивают на изобилии света в местах присутствия ангелов. Помимо того, в Писании сказано: и раздели бог между светом и тьмой. Не означает ли это, что творец их создал несмешиваемыми? Здесь же, как это видно, приложено большое старание, чтобы представить невозможную срединную сущность.

– Тень, чтобы возникнуть, требует времени, хотя бы и малого, – отвечал флорентиец придирчивому священнослужителю, – выносим ли мы лампу из помещения, закатывается ли солнце за горизонт: все длится, все связано, и невозможно установить определенную границу или предел между светом и тенью и между какими бы ни было другими вещами.

Ведь и при наибольшем напряжении встречи, и это в картине хорошо видно, свет с тенью все же не сталкиваются, но, соприкасаясь, растворяются между собою как два вида пчелиного меда, происходящие от различных растений, темный и светлый, хотя бы и скоро, но плавно или сфумато, рассеянно. Аристотель указывает, что природа не сложена из слабо связанных эпизодов, как плохая трагедия. Что касается некоторых избранных душ, не правильно ли будет сравнивать их с совершенной трагедией, где слова необходимы для целого и каждый поворот, или тропос, как говорится по-гречески, если и кажется неожиданным и случайным, в действительности продолжает однажды начатое движение, хотя бы петляя подобно спасающемуся от преследования зайцу?

Так, исчезая, но затем неизменно вновь появляясь, движется и развивается в воображении понятие о бесконечности.

Если линия, а также математическая точка суть невидимые вещи, то и границы вещей, будучи также линиями, невидимы вблизи. Вот почему, живописец, не очерчивай края вещей определенными границами, но пусть мягкие света неощутимо переходят в приятные и очаровательные тени, поскольку на непрерывной величине, делимой до бесконечности, разнообразие видов светлоты бесконечно.

Хотя обращенная к зрителю сторона каменистого убежища или ковчега, где поместилась Мария с младенцами Спасителем и Иоанном и ангелом, открыта, окружающий свет к ним, по-видимому, не проникает, и они оставались бы в темноте, если бы туда не поступал другой, таинственный свет, как будто отец Бартоломео имеет в руках фонарь или его голова распространяет сияние, происходящее, может быть, от чрезмерной сообразительности. Так, когда живописцы заявили претензию на дополнительную оплату, помимо восьмисот лир, полученных прежде и израсходованных, по их словам, на ультрамарин, индиго и сусальное золото, настоятель возразил с ехидством:

– Алхимики и другие недобросовестные чародеи и фокусники обманывают людей, добиваясь превращения ртути и других, более дешевых минералов в золото. Вы же, напротив, успешно превращаете драгоценности в грязь и дымообразные тени.

Отец Бартоломео наотрез отказал живописцам в оплате сверх договора и таким образом положил начало продолжавшейся более двадцати лет тяжбе, поскольку в своем упрямстве и жадности не желал понимать, что, если какая-нибудь краска изменяется до неузнаваемости из-за смешивания с другими, это происходит не от небрежности или недобросовестного умысла, но зависит от положения предмета в пространстве, как он освещен, и на каком расстоянии находится от наблюдателя, и что за цвета прибавляются к нему из-за отражения других предметов. В свою очередь, «грязь», в которую, по выражению отца настоятеля, превращаются драгоценные краски, обладает чудесным свойством расставлять изображаемые живописцем вещи в пространстве, прорубая, так сказать, окно в мир, когда темная окраска скал, находящихся в окрестности вокруг каменистого убежища Девы, при удалении ослабевает, будто съедаемая квасцами или крепкой кислотой, а у горизонта целиком растворяется в бело-зеленых потеках, проникающих от сферы огня.

Для тех красок, которым ты хочешь придать красоту, всегда предварительно заготовляй светлый грунт. Это я говорю о прозрачных красках, так как непрозрачным краскам светлый грунт не поможет. Этому учат нас на примере разноцветные стекла, которые, если их поместить между глазом и светоносным воздухом, окажутся исключительно прекрасными, чего не может быть, если позади них находится темный воздух или иной мрак.

Братьям да Предис это должно быть отчасти знакомо из ювелирной практики, когда приходится обрабатывать разноцветные слоистые камни, просвечивающие по краям, а то и насквозь, – свойство, которым древние скульпторы и резчики, создатели многочисленных прекрасных камей, пользовались с редким умением. Если иметь в виду, что краски также возможно накладывать прозрачными слоями, сравнение этой изумительной новой живописи с многослойной камеей будет вполне уместным, поскольку изображение приобретает действительную глубину, а не только воображаемую или кажущуюся. Таким образом, хотя прежняя практика братьев да Предис мало отвечает новизне приемов и способов проезжего флорентийца, тут нету непреодолимой пропасти.

Когда одна прозрачная краска лежит поверх другой краски, то она ею изменяется: там образуется смешанная краска, отличная от каждой из простых, ее составляющих. Это видно на дыме, выходящем из камина. Когда дым находится против черноты этого камина, то он становится синим, а когда он поднимается против синевы воздуха, то кажется серым или красноватым. Также пурпур, нанесенный поверх лазури, становится фиолетового цвета, и когда лазурь будет нанесена поверх желтого, то она становится зеленой, а шафрановая желтая поверх белого станет желтой. И светлота поверх темноты становится синей, тем более прекрасной, чем более превосходны будут светлое и темное.

Вот какой благоухающий плод произрастает из угрюмого лесного корня, если иметь в виду договор с францисканцами. Будто бы все его пункты, в отдельности простые и скудные, разместившись один сверху другого, пронизались некоторым духовным излучением и от этого светятся, подобные драгоценной камее. Как же несправедлив настоятель, если такое преображение живописцами их материала называет порчей и грязью!

Из-за несогласия и тяжбы с заказчиком «Мадонна в скалах» долгое время оставалась у ее мастеров, сперва а доме братьев да Предис, а затем в Корте Веккио, когда попечением регента Леонардо расположился там с учениками и помощниками. Это оказалось полезнее для его славы, поскольку прихожане капеллы св. Зачатия такие же косные, как их пастыри, в то время как в подобных делах скорее пригодны самоуверенность и свободомыслие образованного человека.

– Сравнительно с чудесами, которые возникают под твоей кистью, произведения других живописцев представляются скорее похожими на деревенское одеяло, сшитое из разноцветных кусочков материи, тогда как здесь мы видим окно в мир, – сказал Моро и, будучи тогда неженатым, велел Мастеру сделать портрет шестнадцатилетней синьоры Чечилии Галлерани.

16

Итак, ты должен иметь приспособленный двор со стенами, окрашенными в черный цвет, с несколько выступающей над этими стенами крышей. Этот двор должен быть шириной в десять локтей, длиной в двадцать и высотой в десять. И если ты не закроешь его навесом, то рисуй портретное произведение под вечер или когда облачно или туманно. Это совершенное освещение.

Рядом с регентом Моро, внешность которого обладает законченностью, дурной или хорошей, это другое дело, синьора Чечилия представляется не доведенной природою до окончательного вида, как если бы та сомневалась, в каком направлении действовать. Ключицы синьоры Чечилии выдаются и более заметны, чем это бывает у молодых женщин ее возраста; кисти рук в пропорциональном отношении отроческие, а шнуровка ее платьев не настолько натянута, как желательно для гордящейся полнотою фигуры уроженки Ломбардии. Синьора хорошо образованна, и ее латинские стихи остроумием и тонкостью превосходят произведения некоторых придворных поэтов. Подвижность синьоры мерцающая и неопределенная, к тому же она предпочитает одежду светлых перламутровых оттенков, поэтому ее облик удобно сравнить с каплею ртути, колеблющейся от сотрясения. Но, пожалуй, самое замечательное в синьоре – это ее улыбка.

Тогда как другие женщины при миланском дворе, попросту говоря, скалят зубы, довольные возможностью их показать, выражение радости у синьоры Чечилии более сдержанно, как будто она при этом испытывает некоторое душевное неудобство. Если, подобно

пробегающей по траве тени легкого облачка, смутная с косиною улыбка затеняет ее нежное белое лицо, нуждаясь для воспроизведения средствами живописи непременно в сфумато, рассеянии, то ее губы остаются сомкнутыми. Таким образом между предпочтением Моро, заметившим синьору среди других, и желанием Мастера, различными путями выходящего па те именно вещи, которые ему требуются и отвечают его теориям, оказывается связь.

Советуя живописцу оклеивать стены черной бумагой, Леонардо исходит из понятия о наилучших, наиболее выгодных для портретиста условиях освещения. Что же касается его самого, площадь стен Корте Веккио, пожалуй, велика, чтобы их оклеивать, и это дорого обойдется, в то время как этим целям отчасти может служить аспидно-черный грунт, приготовленный для портрета синьоры Чечилии Галлерани. И тут также есть аналогия с практикой ювелиров, когда, испытывая качество красоты камней, они их помещают на различной подкладке: светлой и блестящей, называемой блесною, матовой, поглощающей свет, или черной. Поэтому если только перед этим Леонардо обучал братьев да Предис умению пользоваться преимуществами светлого грунта, нельзя его обвинять в каком-то предательстве первоначального мнения и легкомыслии, он лишь предлагает, отбросивши всякую косность, сообразовываться с целями произведения. И когда духовник регента Моро, соперничающий с Джакопо Андреа Феррарским в силе влияния, называет приготовленный для портрета аспидно-черный грунт опасным для благочестия искушением мрака, это не более чем глупость. Однако некоторые люди так устроены, что никакую вещь не воспринимают прямо, как она есть, но всюду отыскивают подвох или иносказание: если бы духовник мог увидеть, как, руководствуясь процарапанным по темному грунту рисунком, Мастер наносит густо замешенные свинцовые белила на те места, где в готовом произведении окажется не покрытая одеждою изумительная нежная кожа синьоры, то, обладая воображением, этот священнослужитель, несомненно, еще что-нибудь придумал бы, такое же злостное. В самом деле, в местах, и в действительности наиболее плотных и выпуклых, – как лоб, скулы или костяшки пальцев, – Леонардо так густо замешивает белила, что хорьковая кисть вытаскивается и отлипает с заметным усилием, причем наблюдающий, разинувши рот, за действиями Мастера Больтраффио, кажется, слышит слабый, наподобие мышиного, писк; если же где-нибудь форма сама по себе углубляется и уходит в темноту, там покрытие более слабое и через неплотную первую побелку отчасти виден черный грунт – в глазницах же или в уходящей в глубину ложбине щеки синьоры Чечилии покрытие отсутствует вовсе и оттуда наподобие вечности или смерти смотрит сама темнота. Хотя таким способом достигается исключительное впечатление рельефа, изображение это мертвое и не отвечает нежности кожи портретируемого лица, – скорее это костная поверхность черепа или других частей скелета, как бы вымытых дождями из неглубокого захоронения.

Но тем счастливей воскресение из такой воображаемой смерти, когда по хорошо высохшим белилам Мастер настилает прозрачные слои краски и, сводя тень и свет возможно более мягко, добивается сфумато или рассеяния, которое, если понимать дело шире, относится не исключительно к бесконечной изменчивости света и тени.

Одна и та же поза будет казаться изменчивой до бесконечности, так как она может быть видима с бесконечно многих мест, а эти места обладают непрерывной величиной, а непрерывная величина делима до бесконечности.

В портрете синьоры Чечилии Галлерани плечи развернуты таким образом, что совершенно понятно, насколько их движение зависит от положения рук и поворота головы. Если плечи двинутся далее, повернется и голова, однако в согласии с правилом контрапоста в противоположную сторону. Отроческая по своим пропорциям и худобе кисть синьоры Чечилии сложена ковшиком и средние фаланги пальцев раздвинуты: ковшиком огорожен прижавшийся в испуге к плоской груди синьоры зверек – белая куница, каких держат в домах ради развлечения. Изображение куницы истолковывается двояко – как символ девственности и как символ власти. Первое сюда не подходит – остается второе: куница может стать горностаем, а Лодовико Моро – герцогом Миланским.

Поэт Бернардо Беллинчоне, флорентиец, переместившийся на север Италии еще прежде Леонардо и долгое время шатавшийся из одного государства в другое, чтобы затем остановиться в Милане, увидев портрет синьоры Чечилии, сказал:

– Ломбардским увальням и обжорам дан прекрасный урок: в конюшне, полной навоза, тосканец сумел отыскать перл чистоты и изящества, лютню, бренчание которой заглушает пьяные вопли этих наглецов и бездельников.

Лютню, иначе говоря, свое поэтическое дарование, синьора не упражняла настолько настойчиво, как этот Бернардо, тотчас сочинивший сонет, хотя и не отличающийся новизной, поскольку у природы в тысячный раз спрашивают, чем она опечалена и кому завидует; та, понятное дело, отвечает, будто завидует синьоре Чечилии и гневается на Леонардо, который своим произведением ее, то есть природу, сумел превзойти.

Впрочем, если стихи благозвучны, ради этого многим можно поступиться – остроумие более уместно в прозе, тогда как в поэзии автор другой раз ходит вокруг да около, не имея возможности правильно высказаться из-за того, что для отвечающих замыслу выражений не находится места, а то, что взамен предлагает фантазия, бессмысленно, хотя, может, и красиво. Что касается сонета Беллинчоне, из разговора с природою многого не извлечешь, другие же полезные историку сведения возможно путем умозаключения вывести из следующих слов, занимающих в стихотворении полторы строки: «Вовек благодарим и славим Лодовико – то есть миланского регента – и его щедрость и гений Леонардо…» В то время автор, не связанный обязательством мерности и другими правилами поэтической речи, но желающий сообщить что-нибудь по существу, должен бы считаться с непременным участием в каждой работе учеников и помощников Мастера, кажется, обосновавшегося в Корте Веккио для того только, чтобы было кому поручить занятие живописью, а он бы расхаживал и размышлял о предметах, не имеющих отношения к его искусству.

Леонардо мало заботил поштучный выход произведений из мастерской, и это естественно для человека, который не мог выносить повторения испробованного однажды: когда он другой раз брался за дело с намерением придерживаться какого-нибудь ставшего для него рутинным способа живописи, нетерпение скоро им овладевало, и он уступал кисть помощнику. Так со временем большая часть предварительной кладки белилами, которую можно сравнить с каменной кладкой строящегося здания, тоже досталась ученикам, а именно Джованни Больтраффио, – обязанности распределились соответственно наклонностям каждого. Конечно, его дух овевал, можно сказать, грубые камни и все остальное в произведении; но при том что Леонардо имел привычку внезапно вмешаться, направляя ученика, долю его участия бывает трудно определить, если она колеблется от простого присутствия рядом до исполнения собственными руками всего целиком или распространяется на незначащие мелочи, тогда как более важные вещи Мастер доверяет другому. Так, в портрете Бьянки Марии Сфорца, исполненном нарочно в целях сватовства к императору Максимилиану и порученном Амброджо да Предис, Мастер, вызвавшийся по дружбе ему помочь, когда вещь была почти готова, привязался к украсившим шею невесты бусам из жемчуга и не отошел, покуда тщательным образом не сделал каждую бусину. А в знаменитой мадонне, принадлежавшей миланскому дворянину графу Литта и впоследствии проданной русскому царю, ему едва ли можно с уверенностью приписать что-нибудь, помимо предварительного рисунка. Все это оказалось причиною ужасных раздоров между историками и той странности, что количество собственноручных работ Леонардо колеблется от века к веку, то увеличиваясь до нескольких десятков, то сокращаясь до девяти или даже восьми.

Внезапно распространившееся среди итальянцев в те времена тщеславие принуждало и соорудившего повозку деревенского плотника вырезывать где-нибудь на видном месте свою подпись, чтобы все знали этого умелого человека. Что до живописцев и скульпторов, эти, больше других заботящиеся о своей славе, не только подписывали произведения, но и норовили себя здесь же изобразить как умеют. Кажется, первый решился поступить таким образом Лоренцо Гиберти, которого лысая голова выглядывает из веночка, помещенная в обрамлении дверей флорентийского баптистерия. Впоследствии подобные вещи делались неоднократно, и, хотя спустя пятьдесят лет после Гиберти указанный дерзкий обычай в Милан еще не проник, состоявший на службе у герцога урбинец Донато Браманте договорился со скульптором, работавшим по его плану в сакристии церкви св. Сатира, и тот его вылепил и поместил в карнизе между мучениками и святыми. Словом, всякий старался о сохранении своего имени; но высокомерие и самонадеянность флорентийского мастера, как видно, были так велики, что он

надеялся, будто произведения, к которым он так или иначе причастен, будут впоследствии узнаны исключительно по их достоинствам. Правда, Зороастро, прибывший в Ломбардию вместе с Леонардо и его лирою, этот настаивал, что Мастер имеет незаметным образом скрытый, особенный знак в виде взлетающей птицы, совершенно достаточный проницательному человеку для опознания автора; и он его находил и указывал в волосах Марии из алтарного образа для капеллы св. Зачатия, из-за спора с заказчиками остававшегося пока в мастерской, хотя другие ученики и сотрудники, как ни пялились, ничего подобного не усматривали.

Если птицу с приподнятыми разведенными крыльями толковать метафорически как отражение характера человека и его целей, знак в этом роде следует признать подходящим для Мастера: высказываясь с насмешкой и осуждением, Леонардо недаром говорил, что многие живописцы, кого бы ни изображали, портретируют самих себя и что, мол, в этих фигурах полностью видны движения и манеры их творца. Однако же зеркало бывает кривым или показывает изображение вверх ногами. Так, происходя из состоятельного миланского семейства, Больтраффио был с детства изнежен и в разговорах с людьми робок и деликатен, но в манере рисовать и писать красками, когда выкладывал здание из грубого материала или громадных камней, выступал в виде человека простого и мужественного. А вот Марко д'Оджоне, чье воспитание было вполне деревенским и сам он отличался свойственной простонародью прямотой выражения, прежде других и успешнее перенимал от Леонардо сфумато или рассеяние, которое тяжестью его руки, кажется малопригодной для исполнения подобных тончайших вещей, еще размягчалось. И тут характер показывает себя в произведении как бы вывернутым наизнанку.

17

При демонстрации мускулов и их местоположения, начала и конца ты ничего не сделаешь, кроме путаницы, если сперва не сделаешь демонстрацию тонких мускулов в виде проволок и таким образом сможешь расположить их один поверх другого, как расположила природа. И не забудь сделать проволоки, представляющие мускулы в тех местах, в которых находятся срединные линии каждого мускула.

– Неудивительно, – говорил Марко д'Оджоне, – что Мастер так хорошо знает мышцы и кости лошади и все ее движения, если предпочитает обществу людей общество животных и питается кониной, как турки, от которых он заимствовал способ письма.

Марко возводил на Леонардо напраслину, и его ложные утверждения не что другое, как проявление дурного характера. Действительно, живодер иной раз привозил в Корте Веккио тушу павшей лошади или ее часть, прикрывая груз рогожей, чтобы избежать постороннего глаза и праздных разговоров. Но мало кто знал, что, когда из трубы заброшенной герцогской кухни идет дым, значит, в котле вываривaются кости, необходимые для анатомической демонстрации. В то время дурной запах, распространяясь в помещении, проникал также во двор и оттуда на улицу, а это никому не могло понравиться, – разве только прикармливавшимся в Корте Веккио собакам и бродячим кошкам, хотя если за небольшое вознаграждение сюда приносили всякую падаль, то среди прочего попадались и мертвые их сородичи. Приносили также ворон, а однажды запыхавшийся от усилия крестьянин притащил в мокром мешке множество ракушек, пустых и с устрицами, поскольку ему сказали, будто бы Мастер интересуется ископаемыми, – этот простак добывал их в песке на речных отмелях. Спустя время ракушки стали распространять зловоние, и Мастер велел их снести в приготовленную яму и засыпать землей. Язвительно отозвавшись о такой процедуре, как о похоронах, Марко заметил, что, дескать, вместе с ракушками похоронены и драгоценные знания о них, оказавшиеся недоступными из-за невыносимого запаха, препятствующего даже настолько отважному исследователю, как Леонардо. Но Мастера нелегко было смутить, так как он никому не уступал не только исключительным терпением к запахам, но и в остроумии.

Когда после длительной варки с костей оползали волокна мышечной ткани и они оголялись, Леонардо велел их сушить и отбеливать на солнце. Очищенные от хрящей, также доступных гниению, отбеленные и оглаженные стальными гладилками и скребками, протертые

пастой из горного камня, какой пользуются ювелиры, кости шли в дело. И тут Мастеру непременно помогал Зороастро, настоящее имя которого Томмазо Мазино да Перетола. Поскольку же Томмазо выдавал себя за некроманта, умеющего свободно беседовать с душами умерших, Леонардо шутя добивался, не может ли он призвать тень Буцефала,[13] чтобы рассказать, как у него внутри все устроено. Зороастро отвечал в этом же роде, и так, забавляясь и сами над собой подшучивая, они собирали из лошадиных костей сочленения, как они прежде были составлены природою при помощи суставов, и скрепляли их проволочными петлями и проволокою же демонстрировали направление действия мышц. Однажды они собрали целиком скелет и, скрытно к нему приспособив длинные веревочные тяги вроде вожжей, сами спрятались на расстоянии и внезапно подняли тягами своего коня на дыбы, чем сильно напугали Марко д'Оджоне.

– Остается посадить на эту страшную лошадь скелет герцога Франческо, – сказал тот, оправившись от испуга.

Впрочем, подобный издевательский совет возможно было бы принять со всею серьезностью, настолько Мастер заботился о демонстрации костей человека и всех его движений при помощи моделей.

Сделай позвоночник шеи с его сухожилиями без головы наподобие мачты корабля с его такелажем; стечение мускулов к позвоночнику поддерживает его в прямом положении так, как ванты кораблей поддерживают свою мачту; и те же ванты, привязанные к мачте, частично поддерживают борта кораблей, с которыми они соединены. После чего сделай голову с ее сухожилиями, дающими ей движение на ее оси.

Так же, полагал Леонардо, поворачивается корабельная рея, а именно посредством канатов, которые матросы натягивают, приспосабливая паруса, чтобы забирали больше воздуха; и все различие между кораблем и человеком не иначе в том, что ветер желания возникает у человека в его душе, отвечая какому-нибудь привлекательному для него предмету, и затем распространяется в мышцах.

В своих аналогиях Леонардо отчасти следовал древним: состоявший врачом при гладиаторах знаменитый Гален называл руку инструментом для человека, точно, говорил он, как лира для музыканта или клещи для кузнеца, и этот Гален при возможности отыскивал в строении тела механический смысл. Позвоночник не мог бы выдержать тяжести головы, сказано в его «Анатомии», если бы его с обеих сторон не поддерживали сильные связки, которые греки называют тенонтес, то есть тянущие. При всех сгибаниях шеи связки одной из сторон непременно бывают напряжены и удерживают голову от западания дальше известной точки.

Такие вот проволоки или нити протягиваются через столетия, и когда кто-то давно умерший трогает их, наука, действующая спустя много времени, этому откликается. Имея в виду, что для их изумительной скульптуры грекам оказалось достаточным наблюдать голых в гимназиях, а римлянам – в общественных банях, в то время как вскрытия – что и составляет смысл слова анатомия – были строжайше запрещены, следует думать, древние также практиковались в анатомии воображаемой, о чем косвенно свидетельствует важность, какую они придавали чувству осязания. Так, Аристотель настаивает, что в человеческом роде даровитые и недаровитые люди различаются в зависимости от их осязания: люди с твердым и нечувствительным телом, утверждает философ, не одарены сообразительностью. Но едва ли менее важно осязание внутреннее, которое руководит равновесием, управляет движениями и сообщает душе о положении членов и органов тела, известном человеку и в темноте без участия зрения. Так что это важнейшее чувство можно назвать телесным сознанием, и благодаря ему возможна воображаемая анатомия.

Стоило посмотреть, как Мастер для нее изготавливается – опираясь то на одну, то на другую ногу, так и эдак выставляя бедро и поворачивая его относительно таза; как выбирает стерженек графита или охры и, покачивая свободно опущенной кистью, оценивает тяжесть, испытываемую связками и сухожилиями плеча, и одновременно, подобно раскачивающему

[13] Буцефал – имя любимого копя Александра Македонского.

копье солдату, подготавливая привычный, но частично всегда обновляющийся жест рисовальщика; как внезапно всего себя перестраивает, шире расставляя ступни и разворачивая их по-иному; наконец, как рисует – длинными округлыми линиями, следуя направлению мышечных волокон, охлестывающих кость, и одним изменением толщины и крепости следа, оставляемого на листе бумаги графитом или же охрою, с громадным искусством и правильностью показывает рельеф и все повороты формы и некоторым проницающим чувством обнаруживает внутреннее устройство подшипников или суставов, где покрытые опаловой коркой поверхности так совершенны, а облегчающая движение жидкость настолько верно отмерена. И этого ни видеть, ни слышать нельзя, тут пригодно лишь внутреннее осязание.

Что касается анатомии обычной или практической, то в XIII веке Фридрих Второй Гогенштауфен позволил университету в Салерно вскрывать мертвое тело один раз за пять лет, а спустя два столетия в Венеции разрешалось ежегодное публичное вскрытие, в Падуе же и в Болонье – два раза в году. Но одно дело, о чем договариваются университеты с республиками и императорами, другое – народное мнение, для которого вскрытие мертвого остается ужасным проступком и надругательством для целей колдовства. К тому же Мастер не имел для занятий анатомией постоянного удобного тайного места, но сообразовывался по возможности с тем, откуда достается мертвое тело: казненный ли это преступник, или умерший на улице бездомный нищий, убитый ли в драке, или кто-нибудь скончавшийся в госпитале. В последнем случае, если похороны приняты на общественный счет, Леонардо сговаривался с монахами госпиталя или с могильщиками и в зависимости от всего этого – мешок с инструментами через плечо – направлялся в какой-нибудь грязный сырой подвал, владельцам которого заранее заплачено. Тут еще многое зависит от обычаев Мастера, от его желания влиять и господствовать – известно, что этого бывает легче добиться с помощью тайны; поэтому, где ее нет, он ее нарочно создает иной раз. И все же, чтобы понять, какое необходимо воображение и память, если желаешь вдохнуть полноту жизни в мертвое тело, а оно, может, пошло пятнами и начало гнить, надо непременно побыть рядом с Леонардо при его «анатомии». Мессер Фацио Кардано, которому – среди немногих редчайшему – это случалось, однажды, сравнивая рисунок Мастера с растерзанной плотью, куда тот погружал руки по локоть, воодушевившись, прочел из апостола Павла:

– Сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в унижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе.

Леонардо живо откликнулся:

– Тут нет никакого чуда, а только моя сообразительность; сейчас я тебе покажу, как наполняются ветром паруса, кажется, безнадежно повисшие.

Он растопил воск и затем, воспользовавшись стеклянной воронкой, влил его в желудочки сердца и заполнил опавшие полости. Когда воск остыл и стал твердым, острым ножом Леонардо высвободил получившийся таким образом слепок пустоты, напряжением выпуклостей напоминающий о парусах, когда корабль, толкаемый ветром, выходит из гавани.

18

О созерцатель этой нашей машины! Не печалься, что ты познаешь ее благодаря смерти других, но радуйся, что виновник нашего бытия поместил ум в таком превосходном инструменте.

Так в предвидении возможных упреков и обвинении в нечестии утешал себя Леонардо; однако что значат эти тридцать, вскрытые Мастером за долгое время при его анатомиях, сравнительно с жатвою, собираемой безжалостной смертью, когда нападает чума и жители укрываются в своих норах в надежде, что их минует ужаснейший из бичей божьих? Впрочем, некоторые отчаянные нанимаются хоронить мертвецов и зарабатывают хорошие деньги; на брезенте, накрывающем ужасную кладь, можно прочитать надпись «Боже, сжалься над нами»; а лошадям приспосабливают шоры, чтобы, оглядываясь, не видели протянутые из-под покрывала конечности, так как напившиеся вина возницы мало что соображают и грузят небрежно. Также на улицах появляются врачи, соревнующиеся богатством одежды, в масках из левантского сафьяна, с глазами из хрусталя и длинными носами, внутри набитыми благовониями. Редкий

прохожий пугается их вида хуже самой смерти, а когда врачи как-то сунулись в Корте Веккио, громаднейший пес медиоланской породы чуть их не загрыз от изумления. Жилец Корте Веккио сказал врачам про этого пса, что ему следует отдавать почести как святому какому-нибудь, поскольку он уберег от болезни и гибели своего хозяина и проживающих с ним учеников и помощников, разогнав и уничтожив крыс, которые разносят заразу.

– Десять городов и пять тысяч домов с тридцатью тысячами жителей, и вы рассеете эту массу людей, в настоящее время жмущихся один к другому как овцы, заполняя все смрадом и распространяя зародыши чумы и смерти. Филарете, – сказал затем Леонардо, имея в виду архитектора, построившего башню с уступами и сочинившего для герцогов Сфорца план идеального города, – когда придумывал свою Сфорцинду, многое предусмотрел, касающееся красоты внешнего вида; но от этого мало пользы, если население будет целиком погублено болезнью. Между тем я имею способ устраивать города, избавленные от подобной опасности.

Тут он изложил докторам медицины замысел, основа которого есть всеобщее разделение, поскольку причиною распространения заразы служит всеобщее смешивание, когда одежда бедняков и странствующих пилигримов соприкасается с ризами священнослужителей и знати; и ведь кто знает, не укрывается ли также болезнь в фуре торговца вместе с его товарами? Иначе говоря, высокопоставленного человека надо сделать таким не только в метафорическом смысле. С этой целью дороги с прилегающими к ним зданиями пусть располагаются не рядом, как это делается обыкновенно, но одни над другими. Внизу пусть передвигаются подрядчики и торговцы, доставляющие материал для строительства; выше пускай дымят очаги бедняков и расхаживают паломники; еще выше – богатые купцы. На самом верху помещается государь и его служащие, которые, когда им понадобится продовольствие и другие припасы, смогут поднимать их через колодцы. В свою очередь, находящихся внизу простых граждан удается предохранить от чумной заразы устройством многочисленных лотков для стока нечистот, а в глубине пусть будут проложены глиняные трубы, доставляющие воду для питья. Так было в Древнем Риме, так устроен и человек, которого природа снабдила несколькими отверстиями: через одни он принимает внутрь необходимое, через другие выбрасывает сделавшееся негодным. Милан с его каналами для этого не приспособлен, поскольку не в состоянии освободить кишечник и мочевой пузырь, распространяющие яды по его телу.

Но это все фантазии, хотя бы и остроумные. Покуда же богатые рыцари и дворяне вместе с правительством покинули город, и с ними вся клика – гадатели, хироманты и поэты, которые в таких обстоятельствах нередко создают наилучшие произведения, как если бы опасная близость смерти, распад и всяческое уничтожение каким-то образом поощряли производительные силы души. Это тем более любопытно, что людям того времени часто приписывают особенное гармоническое мировоззрение. Француз Николай Орезм, касаясь гармонии несходного в трактате «О конфигурации качеств», указывает, что один колокол созвучнее другому не потому, что тот к нему ближе, но потому, что имеется должное соотношение качеств, и приводит в пример дружбу между человеком и псом, когда пес восполняет недостающее человеку качество верности, а человек – недостающую псу сообразительность. Если, придерживаясь самой широкой аналогии, двигаться дальше, возможно заключить, что необходимое зло, укрепляющее согласно мнению Августина силу добра, находится с этим последним в гармоническом соответствии. А отсюда уже получается, что ужасная болезнь и превосходная музыка или пение могут, не оскорбляя слуха, звучать совместно. Этим отчасти оправдываются веселье и всевозможные развлечения, каким предаются отъехавшие из города на время чумы богатые люди.

Находившийся при дворе Теодориха[14] философ Боэций[15] рассказывает, как двое из Метимны посредством пения и музыки избавили жителей Лесбоса от тяжелых болезней. «Это

---

[14] Теодорих Великий (ум. в 526 г.) – король остготов, фактически правивший Италией и имевший столицу в Павии.

[15] Боэций – философ-неоплатоник, находившийся при дворе Теодориха; казнен по ложному обвинению в 524 г. Ему принадлежит трактат «Наставление к музыке».

неудивительно, – замечает Боэций, ссылаясь на мнение греческого философа Демокрита, – ведь если строение души и тела держится музыкальным согласием, то каково состояние тела, таков и пульс, соответствующий мерности ударов сердца; и когда пульс нарушается, значит, согласия нету и наступает недомогание. Тут музыка и болезнь скорее соперничают – кто кого пересилит».

Такое понимание для Леонардо, одержимого желанием все исправлять, наверное, всего ближе. Было бы по улицам Милана уместно иное движение, а не скрипели одни только похоронные дроги, новый Демокрит не хвастливыми разговорами стал бы демонстрировать медикам свое превосходство, но исправляя нарушенный пульс зачумленных и подстраивая его к равномерным ударам механического барабана, помещенного на двухколесной тележке, так что сооружение в целом напоминает несущую свернутый панцирь улитку. Посреди тележной оси укреплено зубчатое колесо, с нею вместе вращающееся и передающее движение двум другим зубчатым колесам, а те деревянными колками цепляют рычаги, в свою очередь, оттягивающие барабанные палки, которые с силою обрушиваются на воловью кожу, крепко натянутую.

Хотя и кратчайший звук имеет некоторую длительность, удары барабана кажутся отрывистыми и тупыми; такую безобразную тупость можно отчасти преодолеть, помещая поверх натянутой воловьей кожи резонансные струны: их звучание создаст приятнейший фон или звуковое сфумато. Настраивать такой механический барабан – интересное и поучительное занятие, когда при веерообразном расположении палок их можно поворачивать и таким образом закреплять, что они ударяют дальше или ближе от края; от этого зависит высота звучания, как и от того, с какой силой натянуты струны и кожа. Чтобы облегчить эту работу и дать возможность настраивающему уделить больше внимания тонкостям, Леонардо придумал устройство, напоминающее складной стул с крестообразно соединенными ножками.

Исходя из особенного пристрастия Мастера к всяческой слитности, наиболее совершенным музыкальным инструментом из тех, которые он изобрел, правильно будет назвать виолу органиста: тут вместо смычка по струнам скользит бычья жила, растянутая между двумя колесами наподобие приводного ремня. Орудие приводится в действие ногою, как токарный станок, в то время руки свободно справляются с клавиатурой; обтянутые сукном рычаги, когда прикасаются к струнам, благодаря механической передаче первоначального движения пальцем действуют замечательно чисто и отчетливо.

Беспрерывное касание тянущейся ленты-смычка придает звучанию слитность, а сочетанию слитности или звукового сфумато с раздельностью находятся аналогии в других областях. Так, бесконечно разнообразные слитные движения человека осуществляются, что хорошо видно на портрете синьоры Чечилии, раздельными частями или простыми механизмами, в своей совокупности составляющими эту машину. И если кто имеет воображение, тому доступно ее разобрать, проверить исправность и восстановить в прежнем виде, будто бы ничего не происходило.

19

Душевные состояния приводят в движение лицо человека различными способами: один смеется, другой плачет, иной веселится, другой печалится, один обнаруживает гнев, другой жалость, один удивляется, другой ужасается, одни кажутся глупцами, другие – размышляющими и созерцающими. И такие состояния должны сопровождаться движениями рук, лица и всего человека.

Однако возможность не раскрывать свои мысли, или опубликовывать частично, пли говорить противоположное тому, что думаешь, или другим каким-нибудь способом лгать, изображая на лице одно, тогда как в душе происходит иное, представляет существенное затруднение для живописца и скульптора.

Когда осенью 1488 года Джакопо Андреа Феррарский, сопровождавший регента Моро в качестве знающего советика, посетил Корте Веккио, он нашел, что восковая фигура герцога Франческо, сдавившего коленями бока поднятой на дыбы лошади, силою движения сходна с обрубком змеи, не утратившим способности сокращаться. Что до фигуры Коня, то Джакопо

Андреа посоветовал регенту проверить на себе, как что происходит, если при быстром шаге он пожелает внезапно остановиться: нет ли здесь аналогии с лошадью, которая под воздействием внешней силы или сама по себе внезапно приседает на задние ноги, поднимая перед препятствием громадную тяжесть своего тела.

– Тут происходит, – сказал Джакопо Андреа, – перестройка всех механических соотношений и из-за этого всеобщее смущение и неурядица: чтобы не повалиться вперед, вы насильно посылаете себя в обратном направлении, в то время как руки сами собой воздеваются кверху и в стороны, помогая сохранить равновесие. Когда силен Марсий,[16] спешивший вслед за Афиною, заметил оброненную ею флейту, он в страхе отпрянул, – можно сказать, встал на дыбы, и губы его зашевелились в предчувствии прикосновения к сладчайшему инструменту. Какое при этом он имел выражение? Оно было сложным, и коротко его не определишь: тут и радость и удовольствие, но и боязнь, так как небожители не одобряют, если кто присваивает случайно ими утраченное.

Копыта, помогая сохранить равновесие, взбивают невидимую пену над поверженным неприятелем; восковая морда Коня – если уместно рассуждать о выражении применительно к морде животного, хотя бы и благородного, – выражает противоположные и несовместимые чувства: гордость и страх. Гордость – от необыкновенности и величия ноши, страх – от боли, причиняемой царственным всадником, который пришпорил его и растянул удилами рот. Несовместимые чувства все же каким-то образом объединились, и еще другое нечто добавилось, и получилась сложная смесь; поэтому кажется, что выражение меняется беспрестанно. Только некоторыми мгновениями, когда воображение зрителя будто бы пронизывается молнией, все проясняется, и тогда хорошо видно, что Конь, оскалясь, смеется.

Непроизвольно подчиняясь движению присевшего на задние ноги Коня, согнувшись в коленях, расставивши широко локти и выпятив подбородок, и без того выдающийся, Моро обошел восковую модель вокруг. Когда он вновь очутился перед лошадиною мордой, его щеки заливали два красных пятна, подобные быстро распространяющимся по рыхлой бумаге чернилам, – признак испытываемого удовольствия. Моро сказал:

– Решимость, с которою герцог Франческо управляет Конем, внушает страх и трепет даже неробкому человеку; это неудивительно, поскольку наш отец был великим государем и воином. Тот, кто увидит памятник отлитым в бронзе, не станет более сомневаться в счастливой судьбе династии, имеющей настолько почетное происхождение.

– Изложенная красивыми стихами, эта мысль лучше другого годится для надписи на пьедестале, – сказал Джакопо Андреа Феррарский, часть своей великой учености употребивший на доказательства того, будто бы миланские Сфорца посредством Висконти, с которыми породнились, происходят от одного из спутников Энея, а именно Англа, прибывшею с ним из Троады, и вместе они основали в Италии государство латинян.

До тех пор один только Филиппо Мария Висконти, отличавшийся исключительной глупостью, решался добавить к своему титулу латинское Англус, тогда как другие отвергали такую претензию как необоснованную. Между тем Лодовико Моро, человек, тонко соображающий, поддался ложному искушению отчасти потому, что его к этому подталкивали. Ловко возбуждая тщеславие регента при помощи своей эрудиции, камердинер сказал однажды:

– Величина, ваша светлость, неизменно создает красоту для взора: луна кажется более красивой, чем прочие светила, а более крупные звезды красивее мелких, что хорошо видно на примере звезд первой величины. В стихах же римского поэта Папиния Стация, восхваляющего величину конной статуи императора Домициана, говорится, будто обратившаяся в звезды почившая родня этого Домициана по ночам спускается с неба и обменивается с конем нежными поцелуями, тогда как другие звезды еще и помещаются в виде ожерелья на его шее.

Тут Моро как раз и пожелал, чтобы его Конь был необычайных размеров. Отвечая предложению регента, Леонардо сказал:

---

16 Силен – из греческой мифологии, существо с туловищем и головой человека, ногами и хвостом лошади; силен Марсий, однако, изображается и без этих атрибутов. Другой вариант легенды рассказывает, что когда царь Мидас решил состязание в его пользу, Аполлон наделил судью ослиными ушами.

– Как показывает опыт и подтверждает рассуждение, фигуры, которые кажутся движущимися, – также и лошадь, встающая на дыбы, – неустойчивы и разрушаются или при попытке их передвинуть, или сами по себе, если их тяжесть превышает предел, установленный природою. Поскольку такие фигуры делаются с большим отклонением от устойчивого равновесия, их центр тяжести сильно удален от центра геометрического, и они держатся исключительно сопротивлением материала, из которого сделаны. Но при чрезмерном увеличении возрастает и вес, и свойственное тяжелому телу желание успокоиться во всеобщей тяжести Земли становится неудержимым и неизбежно приводит к порче и разрушению; тот совершает наибольшую ошибку, кто пренебрегает законами природы и их справедливостью.

– Я забочусь о славе, а не о справедливости, – сказал Лодовико Моро, рассердившись, – да и в чем ты усматриваешь справедливость?

– Истина, ваша светлость, есть часть справедливости, тогда как законы природы есть часть этой части, – сказал Леонардо, у которого дерзости и желания создавать необыкновенные и громадные вещи было нисколько не меньше сравнительно с регентом Моро.

20

Никогда не следует делать голову в том же повороте, что и грудь; или руку, следующую за движением ноги; и если голова повернута к правому плечу, то делай ее части с левой стороны ниже, чем с правой. И если ты делаешь грудь прямо, то поступай так, чтобы при повороте головы в левую сторону части правой стороны были выше, чем левой.

Рассуждая о правиле контрапоста, подчинившем себе впоследствии все академии мира, где только преподают рисунок и живопись, Джакопо Андреа Феррарский ссылался на мнение блаженного Августина.[17]

«Цепь веков, словно прекраснейшую поэму, – говорит Августин в „Граде Божьем“, – Бог украсил некими антитезами; ведь то, что носит греческое название „антитеза“, весьма уместно для украшения речи. По-латыни это звучит как „opposita“ или, еще выразительнее, „contropposita“, то есть противоположность. Так же путем некоего красноречия, но ужо не слов, а вещей, посредством противопоставления противоположностей слагается красота этого мира».

– Приведенное суждение восходит к Екклезиасту, – прибавлял Джакопо Андреа, – поскольку все имеет источник: против злого – благо, сказано у пророка, против смерти – жизнь, против праведника – грешник. Итак, вторит ему Августин, взирай на дела всевышнего, беря попарно одно против другого.

Предпочитая рассматривать вещи, ближайшие к практике, Леонардо посетовал:

– Удивительно, что многие люди действуют, не испытывая сомнения, когда уничтожают и всячески преследуют вещи, которые определены для их же удобства. Так, они уродуют фигуру стеснительной одеждой и обувью, затрудняя прохождение крови туго стянутыми тесемками и поясами, придумывают солдатам гусиный шаг, а лошадям – противоестественную походку, называемую иноходью, когда принуждают одновременно выступать левой передней ногой и левою задней, и затем подобным же образом с другой стороны. Вопреки здравому смыслу такая походка считается торжественной и приличной княжеским лошадям, и ее добиваются берейторы, тогда как в природе четвероногих двигать ногами крест-накрест, то есть одновременно правой передней ногой и левою задней или наоборот. Так же и человек при ходьбе выдвигает одновременно левую ногу и правую руку, и такое естественное движение возможно нарушить только насилием: хлещет ли берейтор лошадь по бокам, всадник ли вопреки внутреннему стремлению выдвигает вперед левое плечо и одновременно левую ногу со стременем, как сделал Вероккио в его венецианском коне.

Остроумная аргументация Джакопо Андреа Феррарского, который доказывал, что не видит препятствия для мирного управления Миланом кем-либо из Сфорца и нет малейшего повода для волнения всаднику, отчасти послужила причиною согласия Моро поставить Коня на три точки, тогда как рассуждения о контрапосте позволили пустить его естественным шагом,

[17] Августин (354–430) – раннехристианский философ и богослов, один из так называемых «отцов церкви».

отказавшись от иноходи.

Некоторое время спустя регент пожелал убедиться, насколько Мастер исполняет его пожелания в части размеров, и послал в Корте Веккио человека. Леонардо сказал этому посланному:

– Понадобится двести тысяч фунтов металла, поскольку Конь будет высотою в двенадцать локтей.

– О да! – произнес Моро вполголоса, когда ему об этом донесли, и на его щеках проступили красные пятна. В тот же день Моро продиктовал флорентийскому послу письмо для Лоренцо Великолепного и потребовал немедленно его отправить.

«Как Вам известно, синьор Лодовико имеет намерение сделать конный памятник, достойный его отца, герцога Франческо Сфорца Великого. Заказанная флорентийцу Леонардо модель теперь изготовлена, однако из-за медлительности этого флорентийца Леонардо модель, как видно, не будет доведена до благополучного окончания; поэтому синьор Лодовико просит прислать ему других мастеров».

Благодаря змеиной хитрости этого человека он верно угадывал, что сказанное в письме тотчас станет известно Мастеру: находясь на чужбине, флорентиец, если разузнает о кознях, замышляемых против его земляка, непременно тому расскажет. Моро на это рассчитывал, как и на то, что обидно и несправедливо оговоренный Леонардо вынужден будет поторопиться. В самом деле, восковая модель Коня, идущего шагом, хотя бы и меньшая его окончательной величины, оказалась готовою к рождеству 1489 года; и это при том, что принято удивляться медленности, с которою работает Мастер, и ее осуждать.

21

Единственное настоящее занятие поэта заключается в том, чтобы выдумывать слова людей, говорящих друг с другом, и только их он представляет чувству слуха как природные, так как сами по себе они созданы человеческим голосом. Во всем остальном он превзойден живописцем.

Если кто обладает поражающими воображение достоинствами, недостатки ему охотно придумают, поскольку зависть и злоба в своем стремительном беге непременно обгонят восхищение и похвалу, плетущихся, можно сказать, кое-как. Что касается Моро, то, вместо того чтобы, подобно опытному акушеру, способствовать рождению Большого коня, он в странном ослеплении этому препятствовал, занимая скульптора другими делами. Так, близко к празднику рождества 1490 года Моро велел ему заниматься машиною для представления, которое он устраивал в честь герцогини Изабеллы, чьей благосклонности бессовестно искал, не задумываясь о репутации перед племянником.

Пьесу сочинил Беллинчоне и назвал ее «Рай», однако при библейской вывеске в представлении должен был участвовать языческий Юпитер, которого другие участники называют громовержцем и владыкою мира.

Плотники, три недели работая день и ночь, изготовили части громаднейшего колеса, посредством которого другие боги Олимпа, олицетворяя планеты, пересекающие небесный свод, должны будут двигаться по их орбитам.

Когда автор – а у него в голове, как видно, все перепуталось и он сомневается, чему отдать предпочтение, языческим ли басням или христианскому преданию – выпустил на сцену ангела-благовестителя с крыльями, оклеенными настоящими перьями, кто-то из присутствующих зрителей воскликнул:

– Хорошо бы эту курочку в суп!

И все захохотали, довольные удачною шуткой. Никогда еще актеры не знали более неблаговоспитанной публики: люди вскакивали со своих мест, потрясали кулаками, смеялись и шумели, поэтому ангел-благовеститель вынужден был кричать что есть мочи, отчего краснел и надувался, как если бы поднимал неимоверную тяжесть.

Внимание, слушайте все! Восславим, славные мужи,
Грацию, которая к нам, смертным, спустилась, –

Самодержец небесный чудом изменил движенье планет.
Молчи, преисподняя! В этот праздник Юпитер
Даст передохнуть даже мученикам.

Какую бы ни было длинную речь действующие лица непременно заканчивают похвалой герцогине Изабелле, составленной автором в самых напыщенных выражениях; однако где только возможно, также и на крыльях четырех Меркуриев, изображающих иностранных послов, помещена анаграмма миланского регента. Соответственно на лице герцогини отражаются смятение и гнев, а в выражении Моро – дьявольское удовольствие.

Когда Аполлон-Солнце, поневоле согласившийся с появлением другого такого же яркого светила – имеется в виду герцогиня Изабелла, – предложил разделить власть между ними поровну, олицетворяющие планеты боги Олимпа стали поочередно сходить на помост сцены, добавляя голоса в образующийся хор, провозгласивший наиболее громкую похвалу регенту Моро. Кроме герцогини, которой это не переставало быть противным, к подобному бесстыдству все были приучены и даже не вслушивались в слова, тем более что внимание зрителей привлекало устройство, состоявшее из громадной лампы с плавающим фитилем, прикрепленной позади стеклянного шарообразного сосуда, где кипела вода. Передвигаясь по окружности, устройство создавало верное впечатление восходящего и заходящего солнца, тогда как другой шар, меньших размеров, изображал собою луну, Также поражали присутствующих одежды, телодвижения и весь вид исполнителей, наученных Леонардо превосходной развязности, когда каждая часть тела располагалась относительно общего центра тяжести в соответствии с правилом контрапоста. Если к этому прибавить красоту телосложения, миловидность лиц и распахивающиеся от дуновения ветерка кисейные одежды, можно отчасти вообразить пир чувства зрения, которым угощали посетителей Замка в дни рождества Христова.

– Простодушие здешних прихожан так велико, – сказал духовник герцогини Изабеллы, нарочно при этом не различая положения и сана присутствующих, – что они одинаково воодушевлены как святой мессой, так и языческой дребеденью, в которую кощунственным образом впутаны мотивы из нашего святого предания. Что касается женщин, то ввиду крайнего невежества и привычной распущенности в их воображении все перепутывается: святая мученическая плоть Иисуса и жирные ляжки Юпитера. Впрочем, – добавил с отвращением духовник, – местность, где обитают Моро и его придворные, издавна считается поганой.

Как было сказано прежде, в древности здесь находились ворота, посвященные этому ложному громовержцу, отчего миланская резиденция Сфорца называется замком Порто Джовио, то есть у ворот Юпитера.

Когда действие на сцене закончилось, Беллинчоне, которого рифмы не оставляли ни на мгновение, как докучные мухи, прочел Леонардо сонет, где соединил проступок Сизифа, без спросу воспользовавшегося громом и молнией, с пиротехническими упражнениями Мастера.

– Несомненно, ты был бы наказан, – сказал затем Беллинчоне, – если бы не сегодняшний праздник, когда из-за всеобщей радости преступники избавлены or мучения, данаиды не наполняют свою бочку, Иксион не вертится на колесе и Сизиф отдыхает.

Леонардо ответил:

– Пустым, бесполезным удовольствиям я предпочитаю муки Сизифа, которые, по моему мнению, есть не что другое, как добросовестный труд, поскольку для хорошего мастера всегда останется что прибавить к сделанному. Но как Сизиф не нуждается в отдыхе, хотя ему это ошибочно приписывают, так и я не устаю, принося пользу.

22

При анатомировании глаза, для того чтобы хорошо разглядеть внутри, не проливая его влаги, надобно положить глаз в яичный белок и прокипятить и укрепить, разрезая яйцо и глаз поперек, дабы средняя часть ничего не пролила внутрь.

Предшественник тогдашних владетелей Мантуи маркиз Лодовико Гонзага по случаю своей свадьбы заказал пьесу на античный сюжет. Имевший семнадцать лет от роду флорентиец

Анджело Полициано написал о приключениях певца Орфея, потратив на это три дня с небольшим. Подобная быстрота не только показывает замечательную легкость пера, но и вновь убедительно опровергает мнение, будто бы люди, которые нынче сломя голову все куда-то несутся, тогда прохлаждались. На пасху 1490 года сеньоры Гонзага решились возобновить представление и, испросив разрешение герцога Миланского, призвали Леонардо, чтобы тот построил театральную машину вместо разрушившейся прежней. Из-за того же самого здесь оказался опытный в музыке Франкино Гафури, тогда как другой флорентиец, а именно Аталант Миллиоротти, еще прежде находился в Мантуе, обучая молодых людей игре на лютне и лире, как его самого в свое время научил Леонардо, прибывший теперь вместе с помощником по механической части Томмазо Мазино из Перетолы. Таким образом, к огорчению некоторых, эта троица вновь, хотя бы и ненадолго, соединилась; ведь, когда тосканец один, все же его следует остерегаться, чтобы он вас не высмеял или другим способом не унизил, если же их трое или четверо и они сговорились подшучивать над другими людьми, каждый станет их избегать, опасаясь стать жертвою какой-нибудь оскорбительной выходки.

Каждый, но не Андреа Мантенья, живописец из Падуи, долгое время состоявший на службе у Мантуанских сеньоров и нашедший здесь, можно сказать, другую родину: этот ничего не боится и, будучи угрюмым и дерзким человеком, на чужие насмешки отвечает злобными выкриками и ругательствами, так что в другой раз к нему не привязываются. Под стать крутому характеру Андреа создает и живопись: трудно вообразить манеру, настолько отличающуюся от новейшей и вместе от живописи старинных мастеров, хотя последним он отчасти ближе из-за исключительной жесткости очертаний, которым в противоположность Леонардо придавал первостепенную важность.

При том что флорентиец не увлекался труднейшими ракурсами и перспективными сокращениями, многие картины Мантеньи кажутся написанными, как если бы живописец лежал на полу и оттуда рассматривал свои фигуры или нарочно взбирался на лестницу, чтобы видеть сверху. Андреа восхищался античными мраморами и ставил их выше самой природы, которая, как он полагал, другой раз утаивает от наблюдателя свои достоинства. «Статуи казались ему, – пишет Вазари, – более законченными и более точными в передаче мускулов, вен, жил и других деталей, которые природа часто не так ясно обнаруживает, прикрывая нежностью и мягкостью плоти; как можно убедиться, в его произведениях действительно видна несколько режущая манера, подчас напоминающая скорее камень, чем живое тело». Произведения же Леонардо дышат, можно сказать, и настолько дыхание это легко и ничем не стесняется, что не приходится думать о той или иной манере, а остается лишь успокоиться подобною легкостью и вместе дышать.

Все это показывает, что возможны различные точки зрения и способы исследования, отсюда разнообразие манер; совместное же заблуждение делает живописцев похожими один на другого и уничтожает различия, а это несвойственно человеку, поскольку, говоря словами св. Амвросия, епископа Медиоланского, рай в сущности нашей есть рай. богатый многими мнениями. Но тут есть и неудобства. В строительстве театральной машины совместно участвуют Леонардо да Винчи и еще флорентиец Лука, прозванный Фанчелли, или Гусенок, построивший машину для первого представления пьесы «Орфей». Теперь же его опыту не доверились полностью, так что скорее приходится опасаться, как бы тосканцы не перессорились, нежели заботиться, чтобы не обижали других.

Видная поверх сцены часть устроенной по замыслу Леонардо машины представляла собой форму сегмента. Обтянутая холстиною сферическая поверхность была расписана в виде скалы, поросшей кустарником; при этом изнутри изливалась и падала сверкающими брызгами вода источника и раздавалась приятная музыка. В следующем явлении пьесы кажущаяся цельной скала разделялась посредине, открывая зрителям подземное царство и дворец его государей Плутона и Прозерпины. Понятное дело, холст с изумительно правдоподобно написанными скалой и кустарником также был разделен пополам, будучи при этом натянут на деревянные рамы, собранные из гнутых над кипящей водою брусьев. Еще прежде представления интересно было смотреть, как мастера в испачканных опилками фартуках прилаживали деревянные части, скрепляли их между собою и проверяли в движении, в то время как воздух был заполнен парами клея, образующими как бы запах творения. И эти люди не так внешностью походили на

Плотника, который согласно древнему преданию построил и привел в движение звездные сферы, издающие не слышную обычному уху гармоническую музыку, сколько душою чувствовали себя полноправными наряду с ним устроителями.

Главная ось театральной машины сделана из елового бревна толщиною в талию человека и упирается в громадный подшипник, выдолбленный из смолистого пня и выложенный изнутри медным листом. Ось принадлежит зубчатому колесу со спицами длиною в два человеческих роста, своим видом вызывающему трепет и удивление. Что же касается червячной передачи, если кто-нибудь нарочно спускается в помещение под сценой, чтобы видеть, как в наполненном водою корыте вращается и плещется громаднейший винт и, вращаясь на одном месте, тщетно куда-то стремится, или наблюдать за равномерным падением груза, как оп пропадает в колодце и внезапно при обратном движении возникает вновь, а пеньковый канат наматывается на ось красивыми правильными рядами, тот посетитель возвращается из подземелья ошеломленный, будто бы в самом деле побывал в аду, где оказался свидетелем наказания грешников. Однако здесь все это затеяно совсем с иной целью, а именно чтобы раздвинуть и после вновь совместить части театральной машины, построенной для Мантуанских сеньоров в городе, плывущем, как желток в яйце, посредине окружающих его вод, поскольку он ограничен рекой Минчио и озерами и таким образом плавает на поверхности сферы Земли; а та, в свою очередь, взвешена в окружающей ее сфере воздуха, и все вместе погружено и удерживается посреди блистающей легчайшей сферы огня.

Когда при начале второго действия пьесы декорация, изображающая скалы с источником, легко и плавно раздвинулась и стала видна резиденция Плутона и Прозерпины, всеобщий вздох пронесся из конца в конец помещения для зрителей, а находившиеся в первом ряду маркиз и маркиза негромко воскликнули «браво!»: сравнительно с Миланом в Мантуе другие привычки, более утонченные. Между тем подземный дворец, выстроенный придворным архитектором Эрколе совместно с Лукою Фанчелли из дерева, бумаги и холста, если бы его сделать из более долговечного материала, был бы достоин служить местопребыванием просвещенных сеньоров Франческо и Изабеллы Гонзага, – в такой превосходной округлости и уравновешенном сочетании, просторе и свободном величии создавались дворцы разве что для императоров Рима, насколько можно судить по развалинам. Стены великолепного дворца этих управителей ада Мантенья расписал так искусно, что их можно было с уверенностью принять за мраморные. Живописец, хотя и на большем пространстве, исполнил именно то, чего добивался в картинах, когда скудно расцвеченные и очерченные резко фигуры не так напоминают живых людей, как скульптурные изваяния. При том что впоследствии он подвергался справедливым упрекам, его критики, если бы видели декорацию для пьесы Анджело Полициано об Орфее, нашли бы, что ничего более подходящего невозможно вообразить.

Шестьдесят лет спустя, когда маркизы и ее супруга давно не было па свете, Мантую посетил Джорджо Вазари; тогдашний управитель города его спросил, что он думает о работах живописца Джулио Романо, долгое время служившего дому Гонзага. Вазари ответил, что в городе на каждом углу следует поставить статую этого Джулио, как если бы тот был полководцем и императором, и что половины государства, как Мантуя, недостанет оплатить его таланты и труды. На это управитель, глубоко понимающий искусство, сказал, что Джулио – подлинный господин этого города, так как целиком его обновил. А ведь это можно отчасти отнести к мастерам, совместно участвовавшим в постановке «Орфея», поскольку если они не распоряжаются судьбою и имуществом подданных, то воображение граждан всецело от них зависит. Между тем особенные взаимоотношения с тяжестью, когда они ее успешно преодолевают при строительстве высоких зданий или хитроумно используют с помощью противовесов, как в театральной машине, отчасти придают им сходство с ангелами, свободно проникающими в стихию огня из-за их легкости. Однако, чтобы витая, можно сказать, в облаках как перо, подхваченное движением воздуха, они не утрачивали полностью необходимых связей с действительностью, им приданы также обычные житейские качества: хорошие мастера – народ крикливый и склочный, в словах и поступках решительный и хорошо понимающий свои выгоды и преимущества.

Маркиза Изабелла, когда благодарила мастеров и работников после удавшегося представления, обратясь к Леонардо, сказала:

– Подобные дарования и труд заслужили награду неоценимую; но мы желаем хотя бы отчасти оплатить долг, который целиком будет оплачен тройной славою Апеллеса, Фидия и Герона.

Маркиза отцепила от лифа рубин в прекрасной оправе, чтобы вручить флорентийцу, тогда как тот отвечал:

– Руки, в которые, подобные снежным хлопьям, сыплются дукаты и драгоценные камни, не устанут служить.

И, помолчавши, добавил:

– Но это служение только ради пользы, но не ради нашей выгоды.

23

Что такое арка? Арка есть не что иное, как сила, созданная двумя слабостями, ибо арка в сооружениях состоит из двух четвертей круга; каждая из этих четвертей круга очень слабая сама по себе, стремится упасть, но так как одна противится падению другой, то две слабости превращаются в единую силу.

В некотором смысле мы лучше знаем Леонардо сравнительно с его современниками и друзьями, исключая особо доверенных, как Джакопо Андреа Феррарский, камердинер, или Фацио Кардано, юрист. Его ученые труды в виде трактатов или разрозненных записей, при жизни Мастера и долгое время спустя после его смерти остававшиеся неизвестными для постороннего глаза, теперь тщательно издаются и широко доступны, тогда как в те времена имели хождение в публике разве что нарочно придуманные для развлечения басни и пророчества, да и то отделившиеся от их автора, который отчасти забыт, а другие бессовестно пользуются его изобретениями. Если же иной раз бывало не так и слушатели с благодарностью поминали находчивость и остроумие Мастера, это еще опаснее для его репутации, поскольку превращает величайшего мыслителя своего времени в какого-то шута горохового; когда же он решался предоставить некоторые свои результаты для всеобщего пользования, его щедрость оставалась непонятой.

Лодовико Моро, желая довести до конца незавершенные предприятия его предшественников и таким образом легко присвоить долю их славы, задумал в кратчайшее время накрыть Миланский собор барабаном и куполом. Прежние неоднократные попытки не удавались: стоило каменщикам добраться выше известного уровня, в кладке обнаруживались трещины и приходилось опускать вниз приготовленный материал, чтобы не рухнул вместе с лесами. Теперь же были разосланы письма в различные области Италии к правительствам, чтобы допустили наиболее выдающихся инженеров и архитекторов принять участие в конкурсе.

Но не так просто их вытребовать: малые княжества и могущественные государства, знаменитые республики и тирании, которых даже названия опасались произносить из-за их ужасной жестокости, все равно торопятся строить в те времена, когда люди готовы вывернуться наизнанку, чтобы один другого опередить. Поэтому, помимо четверых из Ломбардии, не так уж прославленных, из иноземцев в конкурсе приняли участие двое, которые и до этого там находились: Леонардо да Винчи и Донато Браманте, урбинец. Хотя Моро торопил как соревнующихся, так и их судей, дело тянулось больше двух лет и окончательное решение было принято в июле 1490-го.

В перспективе времени два года представляются как два дня или того меньше, а фигуры людей, оставивших о себе память в потомстве, выстраиваются согласно установившемуся мнению об их заслугах. Поэтому кажется необъяснимым, что строительная комиссия и Тайный совет предпочли кого-то другого этим двоим, чья тень простирается в столетиях так же далеко, как тень Собора над городом; для нас возмутительна и дерзость комиссии, истребовавшей у Леонардо 12 лир в возмещение понесенных ею убытков, поскольку модель барабана и купола, с которою Мастер наравне с другими участвующими выступал в ходе соревнования, не была им исправлена, а отдельные ее части он утерял. Но, посмотрев на все дело иначе, так сказать, из кресел комиссии, можно представить его по-другому, если за восемь лет службы у Сфорца флорентиец не дал судить о себе как о строителе. С тех пор как в знаменитом письме регенту

Моро он объявил, что считает себя способным никому не уступить как архитектор, достаточного подтверждения этому не было. Что до письма, для кого оно знаменито? Для нас благодаря прилежным издателям? Или для регента, которому предназначалось?

Комиссии Леонардо прочел другое письмо, на слух кажущееся не настолько хвастливым, но человек проницательный и там разглядит нетерпение заявить о своем превосходстве, прикрытое личиною нарочитой скромности. Впрочем, необязательно отыскивать в этом худое: по мнению Данте, великодушный всегда в сердце своем себя возвеличивает; и, наоборот, малодушный считает себя ничтожнее, чем он есть. Другое дело, как это понравится членам комиссии вместе с коротким плащом красного цвета и бородою, в Милане еще менее обыкновенной сравнительно с Флоренцией. Да и чрезмерным представляется требовать от этих людей всего беспристрастия, поскольку там заседают также строители, много превосходящие Мастера практикой.

В заранее приготовленной речи или письме Леонардо сравнивал здание с больным человеком, указывая, что здесь нужен врач-архитектор, хорошо понимающий правила, на которых основано безупречное зодчество, какие причины делают здание долговечным и прочным, как сочетать и связывать части между собой, и так далее, включая объяснение тяжести, – иначе говоря, желал изложить строительную науку от ее основания. Донато Браманте, с которым Леонардо советовался, прежде чем выйти перед комиссией, смеясь, воскликнул:

– Мозги этих ломбардцев не рассчитаны на твои поучения, как неотчетливое и неясное их наречие не приспособлено к оборотам, какими ты пользуешься. Это простые каменщики и сукновалы, вообразившие, что всевозможное знание находится в их руках, непривычных к чему-нибудь другому, помимо грубой работы. Они не оценят добытых путем тонкого рассуждения и остроумного ученого опыта заключений и правил, поскольку не предполагают, как много теория облегчает всякую практику.

Громогласие и бесцеремонность Донато Браманте были известны; слушающему его речи представлялось вполне оправданным сравнение, которое Августин применил к нёбу человека, уподобив его тверди небесной, поскольку рождаемые гортанью звуки голоса им страшно усиливаются благодаря явлению резонанса. Что до сукновалов и каменщиков, эти, по-видимому, не настолько опасаются теории, как изображает Донато, о чем свидетельствует их выбор, когда в августе 1490 года они назначили Леонардо для важной инспекции, чтобы судить о правильности хода строительства, которое вел в старинном города Павии осуждающий их тупоумие урбинец. Также они понимали, как сочетать выдающихся мастеров ради соперничества, чтобы желание первенствовать принудило их прикладывать к делу все их старание.

Исходя из укоренившегося понятия, что справедливый, непристрастный судья не может быть местным уроженцем, для руководства инспекцией сумели добиться знаменитого Франческо ди Джорджо, гражданина высокомерной Сиены – superba Siena, превосходной. Правда, и об этом хорошо известно, Сиена много теряет в великолепии из-за отсутствия клоак. Именно поэтому, указывают знающие люди, город издает зловоние не только в первую и последнюю ночную стражу, когда сосуды с накопившимися нечистотами выливаются в окна, но и в другие часы отличается отвратительным запахом. Сапожник, как говорится, иной раз бывает без сапог. Вместе с тем никто не решается оспаривать достижения Франческо ди Джорджо как архитектора и инженера: только в Урбино, где он долгое время практиковал, после него осталось 136 различных произведений – в их числе церкви, дворцы, каналы, военные укрепления, а также значительные пространства земли, возвращенные их владельцам путем правильного орошения.

Чтобы предотвратить катастрофу здания церкви в Вальдарно, Франческо осушил озеро, размывшее было его фундамент, а для флорентийских Медичи отлил трехствольную бомбарду в семь локтей, тогда как его наибольшая заслуга в артиллерии есть способ измерения калибрами или внутренним диаметром жерла орудия. Комиссия правильно рассчитала, что столь опытный инженер вряд ли преодолеет свое тщеславие и алчность, и, если ему за отдельное вознаграждение предложить, помимо инспекции в Павию, дать заключение о строительстве собора в Милане, оп не удержится и придумает какой-нибудь изумительный

способ решения задачи о сводах под купол. А так как Амедео и Дольчебуоно, ломбардцы, чью совместную модель предпочли члены комиссии, все же не дали полностью надежного средства укрепления сводов, сиенец окажется не только судьей, по и участником объявленного прежде соревнования.

24

О качестве тяжести в арках.

Поскольку арка составная, она пребывает в равновесии, ибо одна часть напирает на другую в той же мере, в которой вторая напирает на первую. И если одна четверть круга тяжелее, чем другая, то в таком случае будет упразднена и уничтожена устойчивость, так как большая часть победит меньшую.

Рассуждая об улучшениях, внесенных сиенцем Франческо ди Джорджо в проекты ломбардцев Амедео и Дольчебуоно, ученый камердинер регента, Джакопо Андреа, уроженец Феррары, привел следующие подходящие к случаю сведения:

– Римляне считали двуликого Януса богом ворот, арок и переходов и украшали городские ворота его изображением, смотрящим в разные стороны. Древних, по складу их ума склонных к философствованию, занимала всевозможная двойственность и сочетание противоположного. Царь Нума Помпилий установил праздник в честь Железа и Ржавчины – противоположностей, происходящих одна из другой, тогда как отцы церкви, а именно Тертуллиан, злобно высмеивают подобное сочетание качеств вещей, в котором, однако, видна не так простота, как глубокомыслие, поскольку сочетание и взаимодействие противоположного находят применение в различных областях.

Дело в том, что Франческо ди Джорджо велел стянуть основание купола железной цепью и соединить коваными тягами четыре центральных пилона с восемью другими, чтобы усилию, действующему в одном каком-нибудь направлении, отвечало другое, противоположное.

– В вашем способе я нахожу тот же принцип, что и в природном устройстве, когда позвоночник, шея и голова удерживаются в вертикальном положении и наподобие дерева, которое, если наклонить, старается выпрямиться, возвращаются к нему из любого иного положения.

Так с большой вежливостью, желая похвалить собеседника и тем доставить ему удовольствие, Леонардо начал разговор, когда вместе с Франческо направился в Павию. Чем иначе возможно украсить вынужденный досуг при путешествии, как не приятной беседой? И ведь как поучительна такая беседа, если одна сторона обладает громадным практическим опытом, а другая острым умом в сочетании с тонким вниманием и наблюдательностью!

Хотя Леонардо впоследствии приравнивали к Аристотелю, внешностью сиенец больше походил на Философа, имея в виду, что согласно надежным свидетельствам тот был малого роста и так же плешив. Если сюда прибавить, что Франческо имел пристрастие к драгоценным кольцам, цепочкам и другим украшениям, сходство еще усиливается: известно, как греческий Аристотель за собою ухаживал и как себя украшал.

В пятьдесят один год Франческо полностью сохранил быстроту движений; чтобы об этом судить, достаточно видеть проворство, с каким он выхватывает из проезжающей мимо крестьянской телеги спелый арбуз и с силой сдавливает его руками, так что возчик не столько негодует внезапной пропаже, сколько удивляется ловкости похитителя, не задумывающегося так поступить, объясняя силу давления тяжести на поддерживающие ее круглые своды. Леонардо, со своей стороны, заметил, что в некоторых случаях трещины располагаются одна возле другой, чередуясь с известной правильностью. Когда купол чрезмерно нагружен сверху, сказал он, его своды разойдутся, давая трещину, уменьшающуюся кверху и широкую внизу, узкую внутри и широкую снаружи наподобие кожуры померанца. Если же на него давят с противоположных концов, больше разойдется та часть его швов, что находится дальше от давящей на него причины.

Дорога от Милана до Павии занимает более полдня; лошади идут берегом канала по сырой тропе, разбитой копытами тяжело навьюченных их соплеменников или быков, тянущих баржи. Местность вокруг полна всевозможных признаков деятельности: люди на баржах,

всадники, пешеходы, поодаль занимающиеся какой-нибудь работой крестьяне – все это ее оживляет, и под перекличку матросов, находящихся на судах, или работников, занятых укреплением берега или растворяющих шлюзы, долина сверкает самыми яркими и веселыми красками. В особенности красивы отражающие голубое небо каналы, расчертившие поля далеко видными правильными квадратами, так что местами долина напоминает скатерть, накрытую сообщающимися сосудами: воспользовавшись стремлением жидкости растечься, заполняя низины и частично покрывая возвышенности и образуя ровную поверхность или идеальную сферу, воду направляют, куда нужно для орошения, с помощью разделительных заслонок.

После Аббиатеграссо, внимательно оглядевши уступчатую колокольню, сооруженную этим урбинцем Донато, деятельность которого удивляла размахом даже и привычных людей, всадники свернули на тропу вдоль ветви канала, прорытой отсюда до Павии, тогда как старейшее русло имело направление к Виджевано. Тут речь зашла об Аристотеле, происходящем от болонских Фиораванти, и под таким именем, данным ему при рождении, а не за его заслуги впоследствии, как это бывает, широко известном в Италии в других странах. Болонский Аристотель как раз соорудил водный путь в Павию, находясь в то время на службе у герцога Миланского. Затем же, преследуемый некоторыми работодателями за какую-то выходку, он был вынужден удалиться в Россию, и никто о нем больше не слыхал. Франческо горько посетовал, что в отличие от живописца, слава которого посмертно укрепляется и он за гробом приобретает не доставшееся ему при его жизни, величайшие инженеры скоро оказываются забытыми. Между тем Аристотель Фиораванти был знаменит не только каналами и мелиорацией, но необычайными рискованными предприятиями, когда выпрямляются наклонившиеся башни и дома передвигаются с одного места на другое, что он проделывал во многих городах, споривших за его присутствие и не чаявших, как его благодарить.

– Однако, – сказал Франческо ди Джорджо, близко знавший болонца, – исправление наклонившейся башни оставляет след, настолько же мало заметный, как и пролетающая в воздухе птица или движение рыбы в воде.

Леонардо вполне с этим согласился и стал с горячностью порицать высокомерие и всевозможные неуместные требования заказчиков, будто бы рассчитывая впредь на согласие и доброжелательность собеседника. Но когда в продолжении разговора он настаивал на применении математики к искусству архитектуры, сиенец ему отвечал:

– Что до математики, она скорее понадобится немцам с их тощими формами, непрочно держащимися без костылей; но и те обходятся лекалами и накопленным опытом, поскольку со временем воображение научается ясно показывать, а память судить, удержится ли, не сломившись, та или другая арка или перекрытие. Витрувий не сообщает ничего достоверного о математических способах, однако же римляне возводили постройки столь прочные, что, если их по необходимости разрушают, это не всегда легко удается.

– Чем же другим, как не пренебрежением математикой, возможно объяснить, что Миланский собор до сих пор не имеет купола? – спросил Леонардо.

– А тем, – отвечал остроумный сиенец, – что это сооружение слишком уродливо, чтобы быть прочным.

Отчасти пренебрегавший теорией Франческо, достигнувши пятидесятилетнего возраста, к 136 постройкам в Урбино и еще немалому количеству и в других местах добавил трактат об архитектуре, соглашаясь таким образом с Витрувием, который определяет теорию как возможность находчиво объяснить выполненное на практике произведение. Что касается пользы, то из множества различных капителей, карнизов, фигурных наличников, каминных и других украшений дворца урбинских герцогов, отстроенного заново Франческо ди Джорджо, сиенцем, вместе с архитектором Лаураной из славянской Иллирии, в трактате приведена едва ли четвертая часть. И удивительно, как все они тщательно вычерчены с помощью инструмента или нарисованы от руки – в этом трактат напоминает известные образцы для вышивания, распространяемые между любителями. В других разделах Франческо показывает машины, поднимающие тяжести, и водоподъемные, шлюзы и пристани, крепости и временные оборонительные сооружения, а также рассуждает об архитектурной пропорции, с большим упорством отыскивая в красивых постройках численные отношения, свойственные фигуре

человека. Но если в авторском предисловии Франческо с запальчивостью предупреждает профанов, чтобы де не совали свой нос, куда им заказано, одновременно обещая любознательным пробудить в них желание изобретать, в дальнейшем он не дает подходящего для этого способа, а то, как действовал сам, не показывает. Между тем много впоследствии сравнительно с временем описываемой инспекции в Павию, когда надобность в изобретениях неимоверно возрастет, появится своего рода азбука, облегчающая работу изобретателя. Подобно типографу, набирающему свинцовыми литерами разнообразные тексты, тот из ограниченного количества деталей машин, сочетая их по-разному, станет создавать бесконечные превосходные изобретения. Но откуда сиенцу было знать, что такая изумительная азбука уже теперь, задолго до необходимости ее применения, можно сказать, шевелясь, созревает в душе Леонардо? Если же флорентиец не колеблясь приобретает, кажется, бесполезный ему манускрипт у автора за двадцать дукатов, тогда как близкое по размеру произведение, вышедшее из типографии, обошлось бы покупателю не более чем в два дуката, – это показывает величайшую предусмотрительность Мастера, который поступает подобно дикой пчеле, не пренебрегающей малейшим источником питания, когда преобразует пыльцу в божественный нектар.

25

О картинах святых, которым поклоняются. Люди будут обращаться к другим, которые не будут слышать; а у тех будут открыты глаза, но они также не будут видеть. С такими они будут говорить, и им не будет ответа; они будут просить милости у тех, кто, имея уши, не слышит; они будут светить тем, кто слеп.

Хотя двадцать дукатов покажутся громадной суммой рядом с размерами пошлины, которую собирает монах в черной рясе на границе владения монастыря кармелитов близко от Павии, знаменитой Чертозы, доходы Франческо ди Джорджо от продажи его манускрипта много проигрывают, если посчитать, сколько получают монахи ввиду большого количества любопытных, молящихся и других прохожих, желающих посетить монастырь. Вот и инспекторы, преодолев большую часть пути, нашли время осмотреть Чертозу, а заодно напоить лошадей и самим отдохнуть и переждать жару – после полудня солнце жжет с такой силой, что металлическая сбруя едва ли не плавится.

Обитель кармелитов близ Павии заложена наиболее выдающимся из Висконти, герцогом Джовангалеаццо, прозванным за свое рвение Строителем, в 1396 году, когда и Миланский собор; в дальнейшей судьбе обоих сооружений также есть сходство, поскольку из-за громадных размеров оба еще не окончены. Фасад большой церкви Чертозы закрыт лесами, и если кто пожелает его близко и внимательно рассмотреть, тому придется проникнуть в глубокую тень, образуемую дощатым помостом, и после яркого солнечного света снаружи в первые несколько мгновений лишающую зрение его воспринимающей способности. Зато когда острота зрения хотя бы частично восстанавливается, посетитель не хочет отсюда уходить, настолько велико удовольствие, доставляемое общим видом и различными мелочами и подробностями портала, охраняемого колоннами, которые одни только ничем не украшены помимо тщательной полировки. С чисто ломбардским преизбытком и изобилием, происходящими, может быть, от плодородия почвы и чрезмерной влажности воздуха, каменный церковный портал сплошь пророс такими же каменными ветвями, листьями, цветами и травами, и в этой растительности поместились фигурные рамочки и ячеи, где разыгрываются всевозможные сцены из священной истории и происшествия позднейшего времени с участием покровителя Павии св. Сира и знаменитого герцога Джовангалеаццо Висконти. Между тем укрывшиеся в листьях и ветвях, как бы в ложах, пресмыкающиеся животные или раскрывшие рты и вытянувшие шеи птицы, свесившиеся с галерей верхнего яруса, все это рассматривают.

Хотя распространяется мнение, будто бы изготовляющие свечи монахи Чертозы нарочно примешивают к пчелиному воску вещества, которые, испаряясь от жара, способствуют восхищению посетителей церкви, положа руку на сердце, можно сказать, что ее внутренний вид мало чем уступает внешнему виду. При этом, как в отделке фасада, украшение все продолжалось. В одной из хорошо освещенных верхними окнами капелл можно было видеть

необходимую живописцу утварь, а судя по тому, что горшки с красками и другие принадлежности были оставлены в таком порядке, чтобы при работе оказываться под рукой, устроившийся здесь временно мастер отлучился ненадолго. Между тем настоятель, находившийся в помещении церкви неподалеку, тотчас подошел к инспекторам, в которых признал людей понимающих, и пояснил с охотою, что на укрепленной в мольберте доске изображен будет, как частично это можно видеть теперь, святой Амвросий Медиоланский, в епископском облачении восседающий на троне, и предстоящие ему святые мученики Сатир, Марцелина, Гервасий и Протасий, останки которых этот Амвросий, с гордостью называвший себя собакою ищущей, в разное время обнаружил в пределах города Милана. Настоятель счел нужным добавить, что останки мучеников за христианскую веру дают о себе знать не отвратительным запахом тления, но чудными благовониями, исходящими из-под земли и не умаляющимися от времени.

Одну из фигур мастер только прорисовал по белому грунту, другую начал живописью, Марцелину и Гервасия наполовину закончил, а фигура Протасия была совершенно готова. Хотя останки знаменитого мученика обнаружены в четвертом столетии после рождества Христова, а жил он еще значительно ранее, живописец нарядил его как и теперь одеваются заботящиеся о своей внешности состоятельные люди, и дал этому мученику сапоги со шпорами. Руку в красивой перчатке Протасий упирает в бок тыльной стороною кисти, тогда как его другая рука преподносит епископу пальмовую ветвь. Розовая туника Протасия собрана на груди правильными частыми складками, а поверх навешаны золотые цепи, вряд ли принадлежавшие мученику при его жизни. Миланец Амброджо Боргоньоне, работавший в церкви Чертозы, здесь полностью противоречил советам Леонардо, предостерегавшего, как от нелепости, от современных одежд в исторических композициях, излишнее же разнообразие и пестрота красок соответствовали тому, что флорентиец называл детской игрой и предосудительным увлечением невежественных живописцев. Однако Леонардо прямо не высказался по этому поводу; может быть, его требовательная душа была слишком обрадована другим обстоятельством, а именно, что законченное живописью лицо несчастного мученика показывало все совершенство сфумато в точности так, как Леонардо преподавал. Но не стоит надеяться, будто Мастер расслабился надолго: спустя малое время он вновь бодрствует и готов к возражениям.

– Поистине, – сказал настоятель, – этот живописец Амброджо оправдывает сравнение с фра Беато Анжелико из Фьезоле, про которого рассказывают, что он не брался за кисть, хорошо не помолившись, и всякий раз, как писал распятие господа нашего, обливался слезами.

– Фра Анжелико имел обыкновение, – добавил к этому Франческо ди Джорджо, – никогда не исправлять и не переписывать заново своих картин, оставляя их такими, какими они получились с первого раза по наущению божьему.

– В подобной торопливости нет ничего похвального, так как, если живописец скоро бывает удовлетворен своим произведением, он со временем не совершенствуется, но, напротив, утрачивает приобретенное при обучении, – сказал Леонардо. – Должно не плачем сопровождать работу, но тщательным изучением изображаемых предметов. Когда же в таком изучении другому человеку что-нибудь кажется излишним, на это следует возразить, что всякое познание полезно для ума, использующего необходимое, а что сверх этого сохраняющего на случай.

– Не преувеличивай, сын мой, благость познания, – сказал настоятель Чертозы, – ибо вера ему предшествует. Да и каким образом живописцу изучать внешность Спасителя или его ангелов, которых он не видит?

Дверью с мраморными наличниками, изукрашенными с исключительной выдумкой и великолепием, словно бы она ведет в рай, инспектора и настоятель вышли в обнесенный аркадами дворик, имеющий посредине фонтан. Обернувшись, отсюда можно увидеть церковь Чертозы во всей яркости и свежести кирпичной кладки, тогда как тянущиеся поверху подобные кружеву галереи своей белизной придают сооружению легкость.

Окружающие дворик аркады от капителей колонн и до самой крыши нагружены барельефами и скульптурами из обожженной глины. Из медальонов над колоннами, из выполненной с изумительным правдоподобием глиняной листвы выглядывают, высунувшись по грудь, апостолы и пророки; несколько ниже поместились святые менее важные, – из них один, с длинной бородой и в шляпе с пером, как две капли воды похож на Леонардо да Винчи,

которого скульптор, надо полагать, никогда не видел, как те живописцы не видели Спасителя и его ангелов.

Через повитый виноградом тенистый переход путешественники проникли в Большой двор, важнейшую знаменитость Чертозы, так как он воплощает смысл и устав монастыря кармелитов. А там нарочно оговорено, что совместное проживание не препятствует раздельности.

– Братия наша, – пояснил настоятель, – старается следовать примеру Спасителя, который до тридцати лет не имел другого занятия, а только беседовал с небесным отцом и размышлял о будущей деятельности. Также Бонавентура указывает, что в Писании нет свидетельства, будто бы в течение этого срока он что-нибудь делал.

Вокруг настоятеля вились пчелы; придерживающиеся обета молчания монахи Чертозы возникали, как эти пчелы, в дверях келий и тотчас исчезали. По их числу, навсегда установленному, келий было двадцать четыре – двадцать четыре отдельных строения, в которых при каждом укрытый каменной изгородью маленький двор, колодец и огород. Трудно представить себе более удобное место для размышления, к чему монахи призваны их уставом.

Внезапно господствующая здесь тишина нарушилась криками, смехом, стуком тележных колес и проклятьями. Виновниками такого бесчинства оказались мастер Ринальдо из Кремоны и его ученик, не более вежливый. Ринальдо оканчивал многолетний труд – украшение скульптурой и барельефами Большого двора Чертозы: из устилающей телегу соломы торчала глиняная нога, может быть, какого-нибудь пророка.

Сто двадцать колонн – сто двадцать капителей из обожженной глины, столько же святых и пророков и множество ангелов, выглядывающих из веночков подобно скворцам. Хорошо понимая громадность работы и желая под видом шутки польстить кремонскому мастеру, настоятель сказал:

– Древние философы согласно с отцами церкви считают, что творимое не может быть лучше творца. Однако Гефест был хром и неряшливо одевался; так и тебе не удастся превзойти совершенством фигуры, которыми населена эта роща, произросшая вместе с фигурами в огненной печи.

Настоятель имел в виду печь, где обжигают изделия из глины.

– Лучше бы мне вовсе не нуждаться в одежде и пище, как тем, кого я одеваю в одежды неизносимые, – утирая пот со лба и с гневным выражением в голосе отвечал Ринальдо из Кремоны и стал пререкаться с настоятелем о вознаграждении, которое полагал недостаточным.

Отдохнувшие лошади оседланы, караван продолжает путь. Долина еще понижается, и большая река заранее извещает о себе каплями пота, выступающими на лице из-за насыщенного влагою воздуха. Не ограниченная крутизною берегов река Тичино здесь легко разливается, подставляя поверхность воды палящему солнцу, и в жаркие дни люди дышат, раскрыв рот как рыбы, и одежда их облипает.

Отчасти равновесие стихий восстанавливается забирающим излишнюю влагу каналом, накрытым во всю ширину тенью ветвей, распространившихся поверх ограды герцогского заповедника Парко. Заповедник занимает пространство от Чертозы до Павии – в оскудевших, вытоптанных лесах диких животных не остается, и здесь их берегут для охоты, жестоко преследуя, если кто нарушает установления администрации: крестьянина, проникшего в недозволенные места, чтобы проверить силки и петли, прежде тайно поставленные, Галеаццо Мария, отец нынешнего государя, принудил съесть его добычу вместе со шкурою, отчего этот охотник умер.

Всадники достигли города Павии, когда солнце вступило в последнюю четверть полуокружности, которую описывает на небосводе. Слуга, ехавший впереди, остановил лошадь, а за ним другие остановились под вывеской с изображением сидящего, скрестив ноги, турка, возле гостиницы «Сарацин». Ее владелец, показав им заранее оплаченные канцелярией комнаты, распорядился о прибывших у очага, в помещении, где ночует прислуга и постояльцы, у кого нет достаточно денег, чтобы расположиться с удобством отдельно, или терпящие лишения из скупости. Здесь же готовят пищу для желающих, но таких бывает немного, и большинство довольствуется добытыми из дорожной сумы коркою хлеба и головкою чеснока. Впрочем, не столько ради утоления голода сюда собираются, как из любознательности, чтобы

ничего не упустить из превосходной возможности образования, предоставляемой путешественникам.

Помещение велико, а света, распространяемого пламенем очага, недостаточно, поэтому здесь темно также и днем. И чем дальше от источника света, тем становится темнее и тем труднее разглядеть очертания лиц; только зубы и глаза сверкают любопытством и весельем и искрятся подобно звездам, в то время как сосредоточившийся близко к очагу разговор прерывается дружным смехом. Зато нет здесь педантизма и скуки, нередко господствующих в университетских аудиториях.

После захода солнца, когда во дворе утихло движение и голоса смолкли, Леонардо достал огарок, перья и дорожную чернильницу и приладился у стола в предоставленной ему комнате. В правом верхнем углу бумажного поля размером в четверть листа он начертил проекцию шарообразного тела, а именно круг. Затем еще ближе к краю обозначил пламя в виде падающей капли и от его середины направил касательные к кругу.

Каким образом линии или световые лучи проходят лишь сквозь прозрачные тела? Каким образом линии удара проходят сквозь всякую стену? Каким образом линии магнита и линии железа проходят степу, более легкое тело притягивается более тяжелым, а будучи равного веса, магнит и железо притягивают друг друга одинаково?

Накануне инспекции в Павию Леонардо приступил к трактату о свете и тени, поскольку пришло время и собралось достаточно записей, относящихся к этой области знания. Однако из приведенного текста видно, как, соприкасаясь, цепляются одна за другую соседние области и они вместе тянут еще третью область; из всего этого возникает четвертое, соединяющее указанные области знания новым способом, более красиво и прочно, так что незаметно швов, безобразящих другой раз прекрасную статую. Отсюда происходят начала наук о проникающей силе, колебательном движении, распространении волн и так далее.

Из-за крыш, обставивших пространство двора, показалось ночное светило и, возвышаясь по небосводу, стало бледнеть; одновременно его видимые размеры уменьшались, а пятна и различные узоры на его поверхности оказывались более явственными. Леонардо поднял брови, похожие на седеющие крылья полевых ласточек, а за ними взгляд, прежде сосредоточенный на масляно-желтом пятне, образующемся на бумаге отражением оловянного вогнутого зеркала и лучами поместившегося перед ним свечного огарка. Сохраняя неподвижность, Мастер долго и внимательно смотрел на луну, а затем прошептал как бы в восхищении:

– Луна тяжелая и плотная, плотная и тяжелая, densa e grave.

После этого он стал размышлять о причине ее пепельного цвета и так провел большую часть ночи, отойдя ко сну перед утром, когда звезды гаснут и наступает кромешная тьма.

26

Сказали одному человеку, что пора вставать с постели, ибо уже солнце взошло, а тот ответил: «Если бы мне надо было совершить такой путь и столько дел, как ему, я давно бы уже встал. Но так как мне предстоит очень малый путь, то не хочется мне и вставать».

Приближаясь к замку герцогов Висконти и Сфорца в старинном городе Павии, всадники услышали десять кратких ударов – в отличие от протяжного звучания церковных колоколов так дает о себе знать установленный в северной башне знаменитый Астрариум, который на семи циферблатах показывает обычное и звездное время и движение Луны и Солнца вместе с планетами. Насчитывающий двести девяносто семь отдельных частей механизм изготовлен ученым Джованни Донди для герцога Галеаццо Марии, скрывавшегося в древней столице от мстителей за утраченную свободу их родины: не было в Италии такого жестокого тирана, который не пользовался славою покровителя и знатока наук и искусств.

Как при жизни герцога его гости были напуганы и ошеломлены видом чудовища Ротелло ди фико, так и нынешние обитатели Замка неизменно отшатывались а ужасались, когда с круглого щита размером в полтора локтя на них смотрели глаза, принадлежащие как бы увеличенному до несообразности насекомому. Острый рог чудовища сразу переходит в тускло блестящую складчатую шею; и у основания рога, также в отвратительных складках, виднеется рот – изрыгающее дым и пламя отверстие. Коленчатые ноги упираются в скользкие скальные

стены расселины, откуда из глубины, путаясь в водорослях, чудовище выбирается на свет божий, распространяя зловоние и панику. Однако же свет касается поверхности щита Ротелло ди фико, нарочно помещенного в нише стены, отчасти вскользь, так что живопись не дает отблеска, а расселина кажется действительно прорубленной в камне и уходящей в глубину подводного мрака. Неудивительно, что не только Франческо ди Джорджо внезапно умерил шаги и заскакал как стреноженная лошадь, но живописец, после долгой разлуки увидевший произведение своей юности, также остановился в изумлении и лишь спустя время пришел в себя и весело рассмеялся.

В Герцогской зале инспекторов встретил секретарь Бартоломео Калько, рассмотревший их внимательно и, похоже, обнюхавший, как бы отыскивая запах злоумышления. Велевши им подождать, секретарь, оглядываясь, удалился. Вскоре послышался лай собак и затем, теснясь без всякого порядка и насколько возможно уступая дорогу герцогине Миланской и ее дамам, помещение заполнила охотничья прислуга, скрывая посредине фигуру герцога Джангалеаццо. Такое расстройство этикета наглядно свидетельствовало о небрежении, в котором пребывает двор в Павии.

В то время как правительствующая чета усаживалась в приготовленные кресла, крики егерей стали утихать и порядок понемногу восстанавливался. Откуда-то появившись, промчался, как громадная мышь, внезапно на ходу застывая и злобно оглядываясь, шут Гонелла, одетый в камзол из разноцветных лоскутьев. Хотя настоящий Гонелла, служивший неаполитанскому королю, некоторое время как умер, он был настолько знаменит, что другие шуты присваивали его имя, подобно тому как инженеры присваивают имя Аристотеля, не заботясь о правильном соотнесении своих заслуг с деятельностью величайшего философа.

Наконец каждый нашел себе место, и возле герцога стал сокольничий; на его руке, крепко охвативши когтями палец, дремала под драгоценной скуфейкой любимая птица герцога Джангалеаццо – охотничий сокол, которого Леонардо видел еще когда принимал участие в соревновании музыкантов. Со временем привязанность герцога не уменьшалась. По мнению некоторых историков, не ворон, а именно эта вещая птица предупредила его отца о грозящей гибели, когда вылетела из окна замка Сфорца в Милане и, проделав круг в воздухе, опустилась тому на плечо; спустя меньше часу Галеаццо Мария истек кровью на паперти церкви св. Стефана. В свете подобных событий понятна исключительная осторожность секретаря Бартоломео Калько, опасавшегося участи своего предшественника, служившего Галеаццо Марии и обвиненного в нарочитой небрежности: этот по сию пору находился в заключении в башне дворца Мирабель – охотничьего домика в Парко. Хотя герцог Джангалеаццо вместе с короною не унаследовал задатков зверской жестокости, отличавшей его отца, болезнь, установившийся беспорядок в регламенте и страшная тревога в глазах герцогини – все предупреждало о грозящей ему гибели.

Однако как бы для облегчения бремени всевозможных предчувствий герцогу по достижении зрелости удалось сохранить большую часть присущего ему легкомыслия. Сославшись на своего дядю, кардинала и архиепископа Асконио Сфорца, что тот, дескать, займется делами строительства в Павии, герцог желал повернуть разговор к предметам, которые ему ближе, и уже раскрыл было рот, чтобы начать о соколиной охоте; однако же герцогиня, мало заботясь, как будут судить об их разногласиях, торопясь, прервала своего мужа.

– Известно, что святой великомученице Варваре дана благодать избавления от внезапной и насильственной смерти, – сказала герцогиня Миланская. – Не далее как вчера его светлость герцог, возвращаясь из лесу, едва избежал увечья, когда лошадь под ним споткнулась и увлекла бы за собою в канал, окружающий Парко, если бы егерь не удержал ее, взяв под уздцы.

Обратившись затем к Леонардо, герцогиня просила, чтобы живописец изобразил ее в виде великомученицы Варвары ради спасения герцога, ее супруга. Тогда секретарь Бартоломео Калько с выражением величайшей угодливости сказал:

– Святая Варвара, насколько я это знаю, также покровительствует артиллерии. Супруг вашей светлости со временем непременно отличится в военном искусстве; имея в виду, что магистр Леонардо славится не только как живописец, но и как редкостный знаток артиллерии…

Герцогиня не дала возможности секретарю довести до конца его хорошо задуманное

высказывание и, внезапно разозлившись, сказала:

– Покуда его светлость сражается с зайцами и обходится без артиллерии.

Тогда Леонардо сказал:

– Кровожадного зверя возможно уподобить жестокому неприятелю, а неудобства, которым охотник себя обрекает, – бедствиям, какие бы он испытывал в военном сражении. Что касается предложения вашей светлости, – обратился он к герцогине, – то, когда я исполню другие важные поручения и закончу Коня, я смогу приступить к работе согласно вашему замыслу. Теперь же я предлагаю обдуманный в подробностях проект купальни на месте обветшавшего храма Венеры поблизости от дворца Мирабель, с устройством, позволяющим согревать поступающую из источника воду солнечным жаром.

– На месте храма Венеры герцогиня Миланская предпочитает видеть часовню, – проворчал Джангалеаццо, – а купалась она в последний раз, когда ее крестили. Что ты там смотришь, дурак? – громко спросил он шута, который, изловив что-то в складках одежды, спрятал добычу в горсти и, припавши ухом, внимательно слушал, одновременно другою рукой призывая всех смолкнуть, а затем, раскрывая ладонь, сдунул находившееся там, по-видимому, крохотное животное и, сгибаясь в три погибели, захохотал.

– Тончайшим слухом мне удалось уловить мгновение, когда блоха испускает накопившийся в ее животе ветер, – сказал герцогу шут, выпрямляясь, насколько это возможно при его несчастном уродстве, – для вашей светлости я сочиняю трактатец о паразитах, где намерен сообщить новые сведения сверх того, что известно воспитателю блох и других подобных животных, знаменитому автору Ротелло ди фико.

Здесь шут протянул несоразмерно длинную руку, указывая на Леонардо. Отвечая обидчику, флорентиец сказал:

– Деметрий Афинский Полиоркет, или Разрушитель городов, говорил, что не видит разницы между словами и речами бессмысленных невежд и звуками и шумами, произносимыми брюхом, заполненным избытком ветров. Действительно, ваша светлость, – корпусом Леонардо повернулся к этому кривляке, присевшему поодаль от своего повелителя, между тем как лицо говорящего по-прежнему было обращено к герцогу Джангалеаццо, – Деметрий сказал это не без основания, так как нет разницы, откуда такие люди испускают звук, поскольку цена и сущность звуков одна и та же.

Тут все присутствующие, в их числе герцогиня, весело рассмеялись, тогда как Леонардо торжествовал, ожидая, каким из указанных способов ответит ему этот необдуманно на него напавший.

При телесной слабости герцога и малой выносливости к лишениям, неизбежным в открытом поле и в лесу, когда ветви деревьев больно хлещут по лицу, а колючий терновник впивается и жалит всадника и лошадь и та, в свою очередь, подбрасывает ношу в седле без всякой мерности и к подобной скачке невозможно приспособиться и привыкнуть, Джангалеаццо всему на свете предпочитал гудение егерского рожка, лай собак, свист прислуги и так далее. К обиде других напрашивающихся сопровождать герцога во время прогулки, тот выбирает Леонардо, который не ест мясную пищу и охоту называет pazzia bestialissima, или зверское безумие, несправедливое и жестокое, поскольку нападают на невооруженный народ, имеющий при себе только крылья, плавники или копыта, чтобы спасаться.

Что может быть приятнее, нежели имеющий досуг образованный собеседник? Неудивительно, если герцог Миланский, в свое время обучавшийся древним языкам у природного грека Ласкариса, обращается к Мастеру, ссылаясь на Аристофана, у которого в одной из комедий Сократ объясняет жужжание комара исхождением газов из его кишечника.

– Не скажешь ли ты, каким органом муха производит неустанное свое жужжание? – спрашивает Джангалеаццо, встряхивая гладко расчесанными светлыми волосами, названными Беллинчоне в одном из его сонетов гривою миланского льва.

– Если бы мухи производили звук, слышимый при их полете, ртом или другим отверстием, – сказал Леонардо, – то поскольку звук этот долгий и непрерывный, понадобился бы внутри мех, намного превышающий размеры животного, способный выгонять такую большую и длинную струю воздуха. Кроме того, должно было бы время от времени наступать долгое молчание при втягивании большого количества воздуха внутрь. А что у мухи звук в

крыльях, ваша светлость убедится, слегка подрезав их или намазав медом, так, чтобы она не вполне лишилась возможности летать. И будет видно, что звук, производимый движением крыльев, станет глухим и тем более изменится из высокого в низкий, чем большая будет помеха у крыльев.

Когда проницательный взгляд Леонардо замечает недоступное другим наблюдателям, как бы чудесный челнок без перерыва снует и находит нужные слова в обширном помещении памяти; когда строки его ровной скорописи выстраиваются справа налево – это сплетается ткань, подобная драгоценной невидимой паутине, окутывающей те или иные явления природы и вещи, которые Мастер обдумывает. Впрочем, англичанин Бэкон, всеми согласно признанный как основатель экспериментального метода и научной индукции, говорит, что конечная цель познания должна быть достигнута пчелиной работой, а не паутинным тканием, имея в виду, что не изнутри, подобная паутине, рождается истина, но исключительно путем наблюдения и опыта.

27

Вес давит на свою опору и проникает и проходит по самой своей природе из опор в их основания; он находится целиком во всем основании и целиком во всей опоре этого основания и проникает из опоры в опору, вплоть до центра мира.

Хотя стены собора выведены едва ли на локоть, осмотревшись в подземной крипте, напоминающей о первоначальном положении христианства, опасавшегося показываться открыто, удается все же представить, насколько урбинец Донато Браманте добавит изумительной круглости костлявому, почти сплошь готическому населению города Павии: подразумеваются, понятное дело, произведения архитектуры. Но если, прохаживаясь как бы по протянутой вдоль основания пилонов нити, Франческо ди Джорджо отмеривает расстояния ступнями, а следуя крутизне сводов, сам наклоняется и поводит рукою в воздухе, вся его повадка и вид заметно меняются, будто бы в его незначительную фигуру вселяются размеры и важность произведения строительного искусства, которое он инспектирует.

Отзываясь пренебрежительно о дивном инструменте, как рука человека, превосходный и знающий мастер Браманте не прав и сделал это, надо думать, в запальчивости. Когда инспектор Франческо ди Джорджо растирает известь между пальцами и затем к ней принюхивается, желая заключить о ее свойствах, рассудок, воображение и память совместно в этом участвуют. И как воображаемая анатомия не есть одна теория, такое вынюхивание нельзя полагать чистой практикой. По-видимому, теория и практика проникают друг в друга как бы языками или сфумато – рассеянно. Подобно свету и тени, они не окончательно разделены, и естество их творец не создал несмешиваемым в противоположность тому, как это утверждал настоятель миланской капеллы св. Непорочного Зачатия, попрекая живописцев «Мадонны в скалах», что-де противореча догме Писания, они хотят показать невозможную срединную сущность.

Между тем в науке механике срединная сущность занимает всю эту науку едва не целиком, и если тяжесть действительно, как это картинно показано в приведенном отрывке из Леонардо, опускается, будто бы по лестнице, вниз, к центру мира, то всякое усилие каменщика необходимо отзывается там, в глубине. Только постепенно, то есть по степеням или ступеням, меняется тональность: ближе к началам или основаниям теория чище становится ее голос, и в нем труднее угадывать обыденное звучание практики. Правда, большая часть ступеней покуда пуста, хотя бы на некоторых нашли место добытые опытом и рассуждением выводы. Пусть их мало, важнее правильно разместить подобные краткие заключения: одни, как приведенный выше параграф о проникновении тяжести из опор в их основание, ближе к началам теории, другие – к простой чистой практике и упомянутым каменщикам.

Где переламывается арка.

Арка переломится в той части, которая проходит через ее середину ниже центра.

О другой причине разрушения.

Арка будет еще менее долговечной под действием поперечной силы, ибо, когда сила тяжести не направлена к подножию арки, арка долго не держится.

Когда говорят, что с этой своей полупустой лестницей Леонардо выглядит довольно

нелепо и немного приносит пользы инспекции, это хорошо видно тем, кому достаточно взять под мышку учебник или какой-нибудь справочник, где все необходимое сказано. Тогда же, поскольку за отпущенный незначительный срок человечеству предстояло сделать столь многое и такое количество новых вещей исследовать и изобрести, к определению пользы относились с меньшею строгостью, а труд размышления больше ценился. Недаром не за горами, как говорится, были времена, о которых известный Ульрих фон Гуттен[18] так выразился: «О век, о науки! Радостно жить – просвещение свивает гнезда повсюду, а невежество изгоняется за Гиперборейские горы».

Могло показаться, что с водворением герцогской четы на берегах Тичино некогда блестящая Павия отчасти вновь освещается. Но это впечатление ложное, хотя бы сверкал Режисоль, конная статуя короля Теодориха, сделанная в античные времена и заново вызолоченная герцогом Джангалеаццо к его свадьбе с неаполитанской принцессой Изабеллой полтора года назад. Позолота нимало не потускнела за это время, тогда как взаимная привязанность между молодыми людьми, внезапно вспыхнувшая и скорее воображаемая, успела погаснуть. Неравноценной заменою остались раздражительность герцога и беспокойство за его жизнь герцогини: возле высокопоставленной пары, как постоянные спутники, присутствовали тень близящегося несчастья и страх. Ведь и за сверкающей ярче летнего солнца статуей короля Теодориха, если смотреть с наиболее выгодных точек, в поле зрения непременно оказывается тюремная башня, где был заключен и погиб знаменитый Боэций, тогда как у постамента всегда можно видеть роющимися в пыли ужасных черных свиней. Из-за таких противоречий – а они есть в каждой судьбе, какого человека ни возьми, – крайне трудно определить настроение, доминирующее над городом Павией вместе с ее населением и многочисленными приезжими. Потому что одно дело – герцог, другое – инспекторы, третье – какой-нибудь простолюдин из окрестностей и вовсе иное – благороднейший рыцарь Ульрих фон Гуттен, обучавшийся одно время в павийском университете, проведший затем полную приключений жизнь и умерший в нищете без необходимой помощи, охваченный всевозможными радостными предчувствиями.

Что касается отдельно инспекторов, их настроение самое бодрое и деятельное, и вопреки их писаниям, где они часто показывают себя полными высокомерия, это народ приветливый, учтивый и уважающий чужие занятия. Когда, закончив инспекцию, нагруженный подарками Франческо ди Джорджо в сопровождении слуг покинул Павию и направился в Сиену, так как Синьория его потребовала, неудивительно, что он не допытывался, в самом ли деле Леонардо задерживается ради отыскания источника в Парко, достаточного для обещанной герцогине купальни, иди, может, ради исследования устройства астрариума, находящегося в северной башне цитадели Висконти, или для занятий в библиотеке, разместившейся в его другой башне, или, наконец, ради беседы с некоторыми сведущими людьми в целях дальнейшего образования. Однако миланская администрация этого также не выясняла, хотя, чтобы сделать рисунок конной статуи короля Теодориха, на что Леонардо ссылался перед отъездом, требовалось не более дня.

28

Правда, что нетерпеливость, мать глупости, хвалит краткость. Казалось бы, таким людям некогда составить понятие об одном частном предмете, а потому хотят они дать в сокращении мысль Бога, которая объемлет вселенную, развешивают и размельчают ее на бесконечные части, словно анатомируя ее. Пусть такие люди остаются в обществе зверей и пусть их придворными будут псы и другие животные, полные ярости, и пусть эти животные сопровождают их.

Если бы Леонардо находил друзей, сообразуясь с их взглядами, оп бы оставался без тех

---

18 Ульрих фон Гуттен (1488–1523) – один из крупнейших деятелей гуманизма в Германии; цитируемое высказывание взято из послания к нюрнбергскому патрицию и гуманисту Пиркгеймеру.

немногих, что он имел. Сказанное всецело относится к Джорджо Валле,[19] преподающему в университете города Павии латинскую и греческую словесность, а остальное время занятому делом, душа которого – краткость, а движущая сила – тщеславие автора и его нетерпение обнять необъятное.

Свою энциклопедию – громаднейший труд благополучно приближался к концу – Джорджо Валла назвал «О вещах, к которым следует стремиться и каких избегать». Хотя в сорока девяти книгах, образующих, подшитые вместе, два объемистых тома в половину листа, не полностью удается оправдать такое название, ознакомившегося с энциклопедией читателя можно будет считать хорошо образованным, поскольку там говорится о прорицаниях, вкусе, обонянии, грамматике, политике, стратегии, фортификации, медицине, экономии, включая устройство отхожих мест и состав отвратительных экскрементов: собачьих, человеческих, волчьих, овечьих, бычьих, гусиных и петушиных, – и еще о другом, всего не перечислишь.

Параграфы, к чему бы ни относились, открываются подходящим изречением какого-нибудь древнего автора; а где изречение, там для догадливого человека непременно находится какая-нибудь мораль. Поэтому перелистывание авторов занимает большую часть времени у составителя энциклопедии. Правда, в отношении свободных искусств, как грамматика, тут при обширной учености Джорджо Баллы, известного переводами из Птолемея, Афродизия, Галена и Аристотеля, не встречается больших трудностей. Но хотя к вещам практическим и различным новейшим изобретениям отыскать подходящие слова, да еще сказанные задолго до того, как появилось такое изобретение, очень непросто, при удаче подобным предсказаниям или пророчествам цены нет и они как нельзя лучше украшают изложение и придают ему занимательность. Что касается недостатков труда Джорджо Валлы, то на свете имеется бесконечное и неисчерпаемое количество вещей, к которым надо стремиться и которых избегать, и каждую можно бесконечно исследовать, тогда как составитель энциклопедий или компендиумов скорее заботится, как бы чего не упустить наиболее важное. Поэтому отчасти оправданны ярость и негодование Леонардо против этих аббревиаторов, или сокращающих, когда он с язвительностью называет их облиаторами, то есть на забвение обрекающими и создающими, говоря его словами, произведения голые, единственно достойные нетерпеливых умов. С другой стороны, возможно ли вообразить энциклопедию настолько объемистую, чтобы она целиком обнимала круг знания, да еще и разъясняла с подробностью каждый предмет?

Рассуждая о водоснабжении человеческого тела, древний Платон приводит аналогию с вершей, якобы сотканной верховным создателем из воздуха и огня, целиком облекающей живое разумное тело мира и имеющей у входов вставленные воронки, как и делается при изготовлении таких рыболовных снарядов. Применительно же к человеку одной из воронок соответствует отверстие рта, тогда как сквозным ячеям – называемые норами мельчайшие отверстия кожи. Прямой смысл платоновской анатомии мира и во времена Леонардо представлялся вполне фантастическим, хотя в виде иносказания красивые поэтические выдумки древних живут значительно дольше и Платон таким образом в иносказательной форме желал дать понятие, что человек, как вселенная, пронизывается не только физическими, но духовными токами: будто бы многие вогнутые зеркала пускают внутрь него лучи света, которые там перекрещиваются и взаимодействуют.

Эти духовные токи надо понимать как воображение и мысль человека, распространяющиеся во все стороны до пределов вселенной, когда, отражаясь, они возвращаются обогащенные знаниями. Однако круг знания или рыболовную вершу, запускаемую меж звезд и прилегающую изнутри к пределам вселенной, трудно все же вообразить настолько вместительной и прочной, и чтобы ее ячеи еще свободно растягивались – тут приходится выбирать между широтою охвата и глубиной и подробностью. Имея же в виду Леонардо, можно сказать, что единственный раз природа предприняла попытку создать механизм размышления, прямо отвечающий требованию Николая Кузанского, изложенному в его трактате «Об ученом незнании»: «Здравый свободный интеллект схватывает в любовных

[19] Валла Джорджо (1477–1523) – ученый-гуманист, профессор университета в Павии.

объятиях и познает истину, которую ненасытно стремится достичь, озирая весь мир в неустанном беге». Единственный раз природе удалось существо, равно обладающее могучим прыжком и пчелиною тщательностью, озирающее целиком мироздание и одновременно кружащееся возле какой-нибудь частности, с величайшим вниманием ее рассматривая: недаром Леонардо приходится считать не только универсальным гением, но родоначальником нынешней наиболее узкой специализации, когда исследователь неотлучно находится в своей ячее как бы в хорошо охраняемом доме с затворенными ставнями. Но первое свойство, то есть могучий прыжок, непременно предполагает аббревиацию, однако утрачивающую осудительный смысл, вкладываемый в это понятие Мастером. Но ведь и самые аббревиаторы различаются между собою: от сидящих возле папского престола и, можно сказать, в наикратчайшем виде зарабатывающих на жизнь лживыми перьями, перелагающих чужие сочинения и приспосабливающих для ленивых умов – и до ученого Алкуина, чьи суждения, как о языке, что это бич воздуха, не есть ли наиболее остроумная аббревиация, или сокращение?

29

Люди дойдут до такой неблагодарности, что тот, кто дает им пристанище без всякой мзды, будет осыпан ударами и внутренние его части оторвутся от своего места и будут переворачиваться по всему телу. О взбивании постели, чтобы ее поправить.

Хотя шестнадцатилетняя Беатриче красотою много уступает синьоре Чечилии, еще за четыре года до этого изображенной живописцем с куницею, символом власти, в руках, – такое предвидение не оправдалось. В начале 1491 года младшая дочь герцога Эрколе выходит за миланского регента, тогда как наследник феррарской короны Альфонс женится на племяннице Моро Анне Марии, а ведь это самое прочное, такая крестообразная связь! Сообразительности регента еще достало, чтобы выдать Чечилию за престарелого графа Бергамо. Кроме того, Моро имел сына от одной знатной римлянки, узаконенного по его настоянию придворным служащим. На торжестве бракосочетания присутствовала также синьора Лючия Марлиано, которою Моро бессовестно овладел, когда та была возлюбленной его брата, и продолжал с ней сожительствовать после ужасной смерти последнего. Что касается Чечилии Галлерани, то в канун свадьбы Моро подарил синьоре красивое палаццо в Милане, показав окружающим свою наглость. В добавление ко всему из толпы приглашенных гостей на Беатриче дерзко уставилась Лукреция, графиня Караваджо, ставшая с недавнего времени наложницей регента. Таким образом, радуясь и веселясь, невеста зорко оглядывалась, подобно солдату в захваченной, но не покорившейся окончательно местности. Однако же, обладая сильным характером и становясь супругою Моро, в чьих руках сосредоточивалась громадная власть, Беатриче д'Эсте надеялась скоро укротить многоглавую гидру.

Певчие под управлением ученейшего музыканта Франкино Гафури выводили, краснея и надуваясь от большого старания:

Грянули хором: слава Моро!
Слава Моро и Беатриче!
Лишь тот узнает меру величья,
Кто служит ей и великому Моро;
Грянем же хором – слава Моро и Беатриче!

Трудно отыскать человека, который с большим вниманием и благодарностью воспринимал грубую лесть и всевозможные преувеличенные похвалы, чем младшая дочь феррарского герцога. В задумчивости обводя взглядом потолок, Беллинчоне, будто бы не рассчитывая, что присутствующие хорошо его поймут, излагал тему сонета:

– Автор воображает, как Дантова Беатриче, вернувшись в мир, становится супругою миланского регента, тогда как поэт униженно просит позволения всевышнего за нею следовать.

Прочитывая стихотворение, Бернардо раскидывал длинные руки, и сердце его распахивалось; стриженные коротко сальные волосы прикрывали лоб, как воронье крыло. Рот раскрывался широко и требовательно: поэт меняет слова на дукаты – почему бы и нет?

Беатриче сияла от удовольствия, Беллинчоне торжествовал; дукаты, можно сказать, сыпались с неба.

На второй месяц без перерыва продолжавшихся празднеств, 7 февраля 1491 года, в доме Галеаццо Сансеверино было устроено состязание на копьях. Придворный историк Франческо Симонетта, брат покойного канцлера, судимого и обезглавленного по приказанию Моро, выразил мнение, что императорский Рим не видел ничего более блестящего. Синьор Галеаццо появился впереди кавалькады па коне, покрытом золотой чешуей и колючками; золотой шлем отягощал змей с золотым хвостом, свивающимся кольцами и ниспадающим до стремян, а из середины щита смотрело бородатое лицо, одного вида которого противник должен был испугаться.

Чтобы избежать кровопролития, мечи нарочно делали тупыми, а наконечники копий накрывали деревянными шарами величиною с кулак ребенка. Под всеобщий крик всадники мчатся навстречу один другому и, подобные запущенным с силою металлическим предметам, сталкиваются и мнут отполированные до изумительного зеркального блеска и местами украшенные тончайшей насечкой бока, а случается, повреждают и ребра.

Сила не имеет тяжести, удар не имеет длительности, движение заставляет силу расти и убывать, удар и тяжесть в своем естественном движении делают себя большими.

Подобная застилающей небо гонимой ветром туче, мысль, расширяясь в движении, ускоряет свой бег и развертывается.

Сила есть незримая мощь, которая поселяется и развивается в телах, выведенных и отклоненных от своего естественного состояния, давая им самостоятельную жизнь. Все возникшие вещи она понуждает к изменению формы и положения, бешено устремляется к своей желанной смерти и разнообразит себя соответственно причинам. Она рождается насильственно и умирает свободно; она яростно гонит прочь все, противящееся ее разрушению, стремится победить, умертвить свою причину и свою преграду и, побеждая, сама убивает себя. Она растет от своих трудов и умирает от покоя.

Собака кружится в желании укусить себя за хвост – праздник, как бы подстегиваемый, приходит в неистовство и ускоряет движение, покуда очертания предметов не утратят отчетливости и не сольются в сплошном вертящемся круге, в середине которого помещается наблюдатель, обязанный еще и поддерживать слитность и быстроту обращения. С этой целью Леонардо придумал девиз, повторяя который люди сами себя взбадривают. «Скорее смерть, чем усталость», – написано или вышито нитками на знаменах, развевающихся лентах, одежде, головных уборах и платках; а если кто нашел способ поместить эти слова у себя на лбу, то, хотя сам их не видит, другие, прочитавши, воодушевляются.

Праздничный водоворот не умещается в пределах замка, и его частицы, подчиняющиеся центробежной силе, выплескиваются наружу; поскольку же замок Сфорца расположен на окраине Милана, а его стены включаются во внешнее кольцо городских укреплений, поначалу ликующая процессия с относительной медлительностью движется по наибольшим кругам, но затем, как бы подчиняясь другой силе, центростремительной, свертывается, уменьшает круги и близко к Собору и Корте Веккио настолько увеличивает скорость движения, что иной участвующий, наиболее прыткий, догоняет, если можно так выразиться, эхо своих шагов. При этом из-за торопливости он повторяет девиз в сокращенном виде: «Без устали!» – покуда не упадет. Все это вместе находит аналогию в любопытной особенности движения водоворотов, изучая которые, Леонардо заметил, что оно тем быстрее, чем ближе к горлу образующейся воронки или к оси. В настоящем же случае неподвижною осью вращения удобно представить зреющую, полнясь пластами глины, зачерненной углем и для вязкости смешанной с навозом и волосом, фигуру Коня.

30

Джакомо поселился со мной в день Магдалины, в 1490 году, в возрасте десяти лет. На второй день я заказал ему четыре рубашки, пару штанов и плащ. Когда я положил рядом с собой деньги, чтобы заплатить за все эти вещи, он украл их у меня из кошелька. И я так и не заставил его признаться, хотя совершенно в этом уверен.

Негодяя привел его отец, сапожник из Монца, надеявшийся, что при обучении дурь выйдет сама собой. Имея в виду миловидность Джакомо, выяснившуюся, когда его отмыли от грязи и нарядили в красивую одежду, а с другой стороны – наклонность к воровству, исключительное упрямство и хитрость, можно подумать, что в нем сочетаются две природы: ангельская и сатанинская. Может, поэтому Леонардо дал ему прозвище, воспользовавшись одним из имен Сатаны, приведенным в поэме Луиджи Пульчи «Великий Морганте», излюбленном чтении Мастера, а именно Салаи, откуда уменьшительное Салаино.

7 сентября украл пряжку стоимостью 22 сольди у Марко, живущего у меня. Пряжка эта была серебряной, и украл он ее из моего кабинета. После того как Марко долго искал ее, она была найдена в сундуке названного Джакомо.

Марко д'Оджоне тогда едва не убил похитителя и впоследствии сожалел, что этого не сделал, поскольку в конце концов Салаино вынудил его покинуть мастерскую раньше, чем Марко намеревался. Поскольку же с этим Джакомо при его качествах Мастер не желал расставаться, Марко, наслышавшийся платонических разговоров и таким образом отчасти образовавшийся, высказывался в том смысле, что, дескать, подобное стремится к подобному, имея в виду внутреннее сродство, которое решался усматривать между величайшим живописцем Италии и этим, чтобы не употребить бранного слова, созданием.

Когда я был в доме Галеаццо Сансеверино и подготавливал его выезд на турнир, несколько оруженосцев разделись, чтобы примерить костюмы дикарей, приготовленные для праздника. Джакомо подкрался, к кошельку одного из них, лежавшему на кровати вместе с другими вещами, и взял все деньги, которые там нашел, – 2 лиры 4 сольди. Когда я получил в подарок турецкую шкуру, чтобы сделать из нее пару сапог, Джакомо через месяц украл ее у меня и продал за 20 сольди. И на эти деньги, как он мне сам признался, купил анисовых конфет.

Однако Леонардо продолжал таскать его за собою в дома знатных дворян и брал в Замок. Если придворные женщины, встречая мальчишку на каком-нибудь празднике, нарочно стискивали ему пальцами щеки или трясли за волосы, Салаино знай себе улыбался, точно как ангел, настолько встревоживший приора отца Бартоломео; и такой же, в виде миндалины, ворочался глаз над припухшим, как бы воспаленным бессонницей веком.

Откуда у сына сапожника плавность в движениях, сходная с манерою Мастера? Когда Леонардо указывал на какую-нибудь вещь локтем, кистью руки и указательным пальцем, он как бы подражал движению шеи лебедя; при этом указательный палец оказывался похожим на клюв, застывший на короткое мгновение, если птица что-нибудь рассматривает. Сходным образом ангел из «Мадонны в скалах» указывает на Иоанна. Но если в фигурах какого-нибудь живописца в самом деле видны манеры и движения их творца, не от того ли и Леонардо в движениях полностью подчинен контрапосту? С недавних же пор такая манера стала считаться естественной и наиболее приличной между придворными, тогда как прежде она обнаруживалась – да и то если заранее объяснить и, что называется, ткнуть пальцем, – разве на портрете синьоры Чечилии Галлерани или в фигуре этого злополучного ангела. Впрочем, портрет, находившийся известное время в спальне у Моро, после его свадьбы убран в далекие секретные комнаты; Мадонна же с ангелом, написанная для францисканцев капеллы св. Зачатия, из-за тяжбы с заказчиками остается в мастерской Леонардо. Так что произведения не настолько доступны, чтобы непосредственно от них распространялось влияние. Не избирает ли Мастер посредником своего государя, который, если чему подражает, другие к этому присматриваются?

Так или иначе, распределившиеся вдоль стен, когда не принимают участия в танце, молодые люди, прежде помещавшиеся твердо на обеих ногах, теперь обнаруживают большую свободу движений и некоторую развязную вывернутость: вертлуг бедренной кости приподнят и тяжесть всецело опирается на одну ногу; другая нога чуть согнута в колене и отставлена, а носок ее вытянут и вызывающим образом покачивается. При этом грудная клетка относительно тазовой кости сместилась примерно на четверть круга. А прислуживающий какой-нибудь знатной особе мальчик, если, придерживая шлейф, опускается на колено, отставляет вбок зад и голову обращает в противоположную сторону – все же в целом движение изумительно складно и, можно сказать, очаровывает естественностью. Правда, тут возникает вопрос: что полагать как естественное? Здесь господствует путаница – ведь, единожды согрешив, человек только и

делает, что скрывает свою природу, как если бы творец из небрежности не оканчивал свои произведения и ему следовало помогать. Так, в Египте бинтовали младенцев, покуда их кости еще мягкие, чтобы сделать голову длиннее, чем она есть. Критяне перетягивали талию до такой степени, будто желали разделиться надвое. Китаянкам нарочно укорачивали ступни с помощью деревянных колодок, а жители горного Тибета откармливали своих женщин так, что они не могли стронуться с места, и это считалось красивым и соблазнительным. В то же время контрапост полностью осуществлен в качающейся походке матроса и его случайной подруги, у которой тазовая кость движется как бы на шарнирах, и все остальное колеблется, подчиняясь правилу противопоставления. Таким образом, естественное другой раз оказывается не чем иным, как вызывающим и нескромным.

31

Если, разъярившись в своем движении после того, кап двигатель его покинул, колесо совершает само собою много оборотов, то отсюда следует, по-видимому, что, если двигатель, продолжая упорствовать, станет вращать колесо, он будет затрачивать мало силы.

Подобно тому как грязнуля и вор, недобросовестный ленивец Джакомо служит, по-видимому, оболочкою другому Джакомо с его ангельской миловидностью и врожденной вкрадчивой вежливостью, так немужественное изящество движений флорентийского мастера сочетается с его способностью к длительной тяжелой работе, когда глиною, с трудом разделяющеюся на подручные порции из-за добавления волоса, дурно пахнущей от других необходимых добавок и более обычного пачкающейся из-за графита, надо забросать и заполнить железные ячеи каркаса Коня. Поистине тот, кто увидит Леонардо после занятия скульптурой, пока он не переоделся в чистое, удивится переменам в его внешности и повадках – подобный Протею, он выступает то как царедворец со всей привычной мягкостью, то как суровый ремесленник, у которого не исчезают заусенцы возле ногтей, и глина впивается в трещины кожи. Не так ли обнаруживается и громадная разница между разнообразием кушаний, какие ему приходится пробовать на придворных пирах, и неразличимой изо дня в день монотонностью у себя дома?

Хлеб – 6 сольди
Вино – 9 сольди
Фрукты – 3 сольди
Суп – 2 сольди
Отруби – 2 сольди
Свечи – 3 сольди

Суп – ломбардская минестра, отвар из говяжьего или свиного желудка, забеленный кислым молоком и употребляемый в холодном виде за завтраком; отруби – для домашних животных, тогда как свечи скорее принадлежат пище духовной.

Относительно других условий существования надо заметить, что в те времена понятие о необходимых удобствах, включая чистоту, которой теперь люди так преданны, много отличалось от нынешнего. Что касается произведений искусств – внутренние помещения зданий и улицы городов этим были, можно сказать, переполнены – их так же нельзя отнести к необходимым удобствам, как мало они подпадают под понятие пользы, хотя служат орудием авторитета, власти, влияния и прочего в таком духе. Если же комнаты Моро, как небо от земли, отличались богатством украшения от предоставленных служащим замка, то относительно устройства проветривания, подачи воды, тепла или сырости – тут все было то же самое, даже помещение служащего удобнее, поскольку не так велико. Кроме того, состояние владельца и его сан лучше представлены в верхней одежде, между тем как в белье нет большой разницы, и для повседневного существования князя необходимо не меньше выносливости сравнительно с существованием его подданных, простых граждан.

Но не оставляет ли такая нетребовательность к условиям жизни больше силы для творчества? Ведь нехорошо и однообразно питающиеся, отдыхающие ночью в неудобных постелях, не имеющие достаточно мыла и свежей воды, умирающие из-за небрежности

медиков, эти люди оставили такое количество изумительных произведений во всех областях, что издали кажутся какими-то богами или волшебниками. Как великим событиям предшествуют другой раз сходные с ними малые события в виде шутовского предсказания или пророчества, так появлению на людях Большого коня предшествовал Малый, размером не более карликовых лошадок, выращиваемых жителями острова Эльба.

В отличие от Большого коня, который только казался движущимся, а на самом деле оставался на месте, Малый конь двигался по-настоящему; сделанное из дерева и металла животное имело взамен скачущих ног два быстро вертящихся колеса, расположенных не рядом на оси, как это бывает обыкновенно, но одно за другим. Они катились, не падая и не сталкиваясь между собою, поддерживаемые неизвестною силой, и посредине в седле помещался всадник. Когда Леонардо как дух вынесся из ворот Корте Веккио, из людей, оказавшихся близко, иные обмерли от страха, другие же, более сведущие, как Салаино и Зороастро, держались за животы, покатываясь со смеху. Из-за быстроты и краткости всего происшествия невозможно было сразу понять, каким способом малый искусственный конь приводился в движение. Но людям свойственно высказываться и с уверенностью судить о вещах прежде того, как они ознакомятся с ними более внимательно. Некоторые утверждали, что, сидя верхом и превосходя ростом животное, всадник отталкивается ногами от земли; другие настаивали, что он земли не касается, но, поочередно приподымая колени и действуя шпорами, движется с помощью стремян. В то время руководимое злобою и недоброжелательством невежественное большинство – те были убеждены, что Мастер и его конь имеют движителем нечистую силу. Также находились свидетели, которые вообразили двойственное существо, обладающее возможностями вместе и лошади и человека: такие свидетели уподобились древнейшему населению Греции, не имевшему понятия о верховой езде – когда они увидели метавшего стрелы иноплеменного всадника, то вообразили кентавра. Наконец, не обошлось без таких, кто, возбужденный своим суеверием и поощряемый дикостью, полагал, будто жилец Корте Веккио появляется на людях в том виде, какой принимает по произволу, и что колеса ему присущи как другому исчадию копыта или рога.

Оседлав свое детище, Мастер недалеко уехал: колеса прекратили вращение, как если другой, невидимый зверь протянул лапу, чтобы им воспрепятствовать. Конь заскакал, рама треснула, всадник упал в дорожную пыль и расшибся. Поднявшись, он подобрал отдельные части разрушившегося произведения, и тут в самом деле могло показаться, будто споткнувшийся при неосторожной скачке кентавр, огорченный, уносит отделившиеся от него конечности.

Едва утихли разговоры об этом кентавре, как Милан вновь оказался сильно взволнованным. Доминиканец, летом 1492 года проповедовавший на Новом рынке, говорил страшные вещи: что Италия и Рим будут перевернуты вверх дном и что время близко, хотя точно указать его нельзя, поскольку господь того не хочет, желая, чтобы его подданные пребывали в ожидании и тревоге. Впрочем, пояснял доминиканец, называвший себя учеником и последователем фра Джироламо Савонаролы, феррарца, события начнутся после кончины флорентийского князя, которая вскоре последует.

Доминиканца забрали стражники и отвели в тюрьму, где он продолжал проповедовать и объявил нового Кира: тот-де пройдет всю Италию, и никто ему не воспрепятствует. Когда наушники донесли об этом регенту, Моро посмеялся и сказал, что много есть проповедников, которые пугают, а потом выясняется, что здесь издевательство или прямая ложь, и велел проводить монаха к границам Ломбардии. Однако обитающие в квартале Патари старьевщики, приняв семя самого вздорного и зловещего слуха, выращивают его в тряпье и других отбросах как бы в теплице. Когда разговоры о пришествии Зверя и скорой всеобщей гибели возобновились и, подобные ропоту древесной листвы под ветром, переполнили город, в добавление и подтверждение этому при общем унынии и страхе, как звук трубы архангела, разнеслось известие о смерти Лоренцо Великолепного Медичи.[20]

---

[20] Медичи – знаменитая семья флорентийских купцов и банкиров, с середины XIV века принимавшая деятельное участие в государственной жизни и в течение трехсот лет с малыми перерывами правившая Флоренцией.

Подробности этого события рассказал флорентиец Джулиано Сангалло, присланный Синьорией в Милан, поскольку Моро желал иметь в городе здание в новом духе по образцу флорентийских палаццо. Джулиано прежде с большим успехом и изобретательностью строил для Лоренцо Великолепного, присвоившего ему прозвище Сангалло, когда за городскими воротами того же названия он соорудил помещение для монастыря августинцев. По словам Джулиано, скорую смерть Лоренцо Медичи монах действительно предсказывал, проповедуя в Сан Марко; он объявил также о скорой гибели папы и французского наследника и о несчастьях, которые за этим последуют. Пораженный такой проницательностью, Лоренцо призвал монаха для исповеди и отпущения грехов, поскольку его здоровье внезапно ухудшилось и не оставалось малейшей надежды на исцеление.

Лоренцо просил отпустить ему три греха: разграбление Вольтерры, израсходование принадлежащих попечительству о бедных девушках средств и грех кровавой расправы, учиненной после заговора Пацци, которого жертвой стал его брат, Джулиано Медичи. Как ловкий торговец, фра Джироламо требовал за это, чтобы Лоренцо исполнил его условия.

– Во-первых, – сказал он умирающему, – тебе надо иметь живую и крепкую веру в божие милосердие.

– Я имею такую веру, – ответил Лоренцо.

– Во-вторых, ты должен завещать сыновьям, чтобы они загладили нанесенное попечительству ужасное зло, и пусть возместят истраченные деньги.

На это условие Лоренцо согласился также.

– И последнее, – сказал фра Джироламо, – ты должен вернуть Флоренции свободу.

Тут Лоренцо, разгневанный, молча повернулся к стене; монах не стал его исповедовать, и он умер, не причастившись.

Джулиано Сангалло сильно горевал об этом Медичи. Когда же он увидел Коня, то, взволновавшись, сказал:

– Удивительная морда Чудовища, ее выражение, и оскал, и губы, вывернутые и оттопыренные над деснами, напоминают мне внешность Лоренцо, которого называли самым безобразным человеком в Италии. Но не было человека и привлекательней. Дух и порыв этого произведения могут сравниться с неукротимой волей умершего, после которого Флоренция осталась безутешной вдовицей, и судьба ее печальна и темна. Впрочем: – добавил Джулиано с язвительностью, – ее ожидает супруг, строжайший прежнего: фра Джироламо Савонарола, феррарец.

ФЛОРЕНЦИЯ. 1452-1482

32

Многое, произошедшее много лет назад, будет казаться нам близким и недалеким от настоящего, а многое близкое покажется стариной, такой же, как старина нашей юности. Так поступает и глаз в отношении далеких предметов: освещенные солнцем, они кажутся ему близкими, а многие близкие предметы кажутся далекими.

Всадники – мальчик и старик – через мост святой Троицы переехали на левый берег. Мальчик держался в седле красиво и свободно и едва касался поводьев пальцами, поэтому лошадь шла весело, высоко задирая морду; старик же сидел, выпрямив спину и откинувшись назад, как если бы его с силою тянули за воротник, и животное, которому он причинял неудобство, кивало головою, едва не окунаясь в дорожную пыль.

В праздник Благовещения, 25 марта, во Флоренции сменяется год и начинается новый; отсюда видно, какое значение здесь придают этому евангельскому событию и дню, который, по мнению Иоанна Златоуста, есть корень всех праздников. Улицы полны народа, красиво одетого, и все тянутся к церкви; и многие идут к францисканцам в Сан Феличе посмотреть представление, которое дается в тот день трижды.

Когда всадники приблизились к храму, его помещение, по-видимому, уже наполнилось людьми, и остальные толпились у входа. Привязав лошадей, старик и мальчик стали пытаться проникнуть внутрь, и иные на них негодовали, а уродливый нищий больно толкнул мальчика палкою в спину. Но велико было желание, и они до тех пор настойчиво действовали, покуда не оказались внутри храма близко к алтарю, впереди других верующих.

Служба еще не начиналась, и некоторые, задрав головы, смотрели кверху, откуда время от времени разносилось как бы грохотание грома, будто кто ходил по нарочно там постланному листу железа. Тут служка при помощи длинной палки с укрепленным на ней огарком стал зажигать свечи; при этом прибавилось торжественности, а разговаривающие примолкли. Зазвенели колокольчики, и другие служки в кружевных передниках вынесли крест; дьяконы закачали кадилами, и священник громким голосом произнес: «Мир всем!»

Служба тянется долго, так что и наиболее терпеливые из прихожан озираются по сторонам или вновь принимаются шептаться с соседями. Но и при такой невнимательности внешность богослужения и торжественные звуки мессы незаметным образом настраивают присутствующих, и, когда после троекратного «Аминь!» опять раздается громыхание, никто больше не сомневается, что это божья гроза, и лица обращаются кверху; если бы мальчик не смотрел вместе с другими, но оборотился назад, он увидел бы, как они расцветают и все, как одно, становятся благообразны, потому что нету такого некрасивого лица, которое бы не исправлялось улыбкою. И, правду сказать, было чему обрадоваться, хотя многие не первый раз присутствовали на представлении. Вдруг растворясь после сильнейшего громыхания, потолок раскрывал звездное небо, и там все мерцало и шевелилось, как это бывает в ясную безлунную ночь. Одновременно становились видны расположившиеся по краю небес неизвестно каким образом там прилепившиеся двенадцать ангелов, а проще сказать, дети лет по восьми или девяти с волосами из золоченой пакли и с прикрепленными бумажными крыльями. Проделывая руками плавные движения, как их научили, они также попеременно вытягивали носки и их легкие прозрачные одежды шевелились, завиваясь кольцами, и всем внизу представлялось, будто бы они кружатся в хороводе, – тогда как кружились небо и голова у легковерного впечатлительного человека.

– Проделанные в железе отверстия другой раз оказываются напротив источника света, который находится за небесами, – пояснял мальчику его вожатый, – если же свет не проникает в отверстия, тогда звезды гаснут: отсюда мерцание.

Бог-отец – его борода и волосы завиты мельчайшими кольцами, точно как одежда у ангелов, – помещается близко к зениту, откуда спускается металлический прут. От этого прута в стороны расходятся ветви, а к ним прикреплены еще ангелы, большие ростом, их изображают дети лет по двенадцати. И эти сучат ногами, и так же завиваются края облипающей их одежды; а тем временем сверху доносится прекрасная музыка, и все зрелище в целом воодушевляет и настраивает собравшихся здесь людей на возвышенный религиозный лад. Когда мелодия музыки изменилась, от уровня, где прикреплены восемь ангелов к железным ветвям, стала опускаться медная мандорла, или миндалина – вся в круглых отверстиях; и по мере того как она опускалась, из отверстий выдвигались устроенные в медных же трубках светильники; а поскольку эта мандорла была как нельзя чище и ярче отполирована, отражающийся свет в виде сияния расходился вокруг нее, и источаемый словом или благою вестью свет таким образом участвовал в представлении как важное лицо.

Удерживаемый металлическим обручем от случайного падения, стоя внутри мандорлы, опускается ангел-благовеститель, которого изображает юноша четырнадцати лет, и он, естественно, больше ростом сравнительно с упомянутыми прежде другими ангелами. Такое размещение в соответствии с возрастом и ростом предпринято нарочно, чтобы стоящим внизу людям перспективное сокращение снизу вверх казалось более быстрым, чем это есть в действительности, и расстояние более значительным. Но вот мандорла достигает пола и металлический пояс раскрыт; ангел, у которого на лице проступают капельки пота, потому что ему жарко от множества свечей, сходит по ступеням и делает несколько шагов к ожидающей его в богатом кресле перед красивым портиком Деве и затем произносит слова вести:

– Радуйся, благодатная, господь с тобою! Благословенна ты между женами.

И так далее. При этом пакля, изображающая ангельские золотистые волосы, на его темени

завивается хохолком, и его ноги путаются в одежде; от этого и от ужасного смущения, вручая пальмовую ветвь, он спотыкается, и Дева отшатывается невольно в испуге. В то время клирик с неприятным одутловатым лицом, очень важный, стоя позади Девы, простирает над ее головою ладонь, сложенную ковшиком, и тотчас затем раскрывает пальцы, разводя их в стороны как бы лучами. Тут все полностью убеждены, хотя отчетливо видят пальцы этого клирика, что святой дух, проникнувший в чрево Марии, затем оттуда распространяется по помещению. Поэтому все множество людей в храме, находясь под действием проникающей силы, косят глаза и вытягивают шеи. Однако сравнительно с людьми в толпе, которыми как будто кто-то владеет, и они колеблются как речные водоросли, мальчик стоит легко и прочно, опираясь на правую ногу, тогда как левая несколько отведена в сторону и носок ее вытянут, как если бы, оборотившись, он желал описать ею круг. И хотя его руки сложены в привычном благочестивом жесте, как у других молящихся, в такой постановке фигуры видна независимая уверенность, словно бы ему отдельно поручено рассмотреть и понять, что и как происходит.

33

– Как? Этот вопрос выражает иудейское неверие и по отношению к богу неуместен и богохулен. Человек не должен знать, каким образом действует всемогущество божие, но должен верою воспринимать, как мы воспринимаем какие-нибудь удивительные явления, производимые механиками, не зная, как они их совершают, но доверяя их искусству.

Читая вслух толкование Кирилла Александрийского[21] на Евангелие от Иоанна, сер Антонио да Винчи комментировал некоторые параграфы и, если что ему казалось неправильным, оспаривал.

– Если бы Липпо Брунеллеско, мастер редчайшей изобретательности, соглашался с таким толкованием, то не сумел бы накрыть куполом расстояние, большее шестидесяти локтей, как это сделано в церкви Санта Мария дель Фьоре. Подобные достижения возможны, когда творец в своей милости удостаивает инженеров ответами, если те вопрошают природу или через ее посредство его самого.

Изобретатель машины, привлекающей любопытство молящихся в праздник Благовещения, Филиппо Брунеллеско при его жизни состоял в приятельских отношениях с Антонио да Винчи, нотариусом, который впоследствии не упускал случая этим похвалиться и, чтя память великого человека, называл его по-дружески Липпо.

– Собакам охотничьим подобны разумные слушатели и любознательные исследователи, ибо стараются совершать подобное тому, что делают проворные охотничьи собаки, когда, имея от природы большую остроту чутья в ноздрях, постоянно бегают вкруг убежища искомых зверей.

Здесь налицо противоречие с мнением о людях, задающих вопросы: каким способом совместить любознательность с готовностью воспринимать удивительные явления верою?

– Однако, – пояснил Антонио своему внуку, – церковь не избавиться от противоречий желает, но их примирить, чтобы оставаться живой церковью.

Имеющиеся в доме книги этот Антонио, обладая неповрежденной возрастом памятью, частью знал наизусть и к случаю любил привести какой-нибудь отрывок. Тут сочинения, подобные цитированному, можно использовать как нельзя лучше, поскольку автор высказывается кратко, чтобы многословием не поощрить слушателя или читателя к любопытству сверх меры; тем более сочинения эти удобны, что вместе с различными сведениями в них предлагаются полезные преподавателям советы. Так, в «Девяти беседах на шестоднев», иначе говоря, в комментариях к «Книге Бытия»,[22] где речь идет о шести днях

---

[21] Кирилл Александрийский (ум. в 444 г.) – религиозный писатель и один из «отцов церкви».

[22] «Книга Бытия» – первая книга Библии, где излагается ветхозаветная легенда о происхождении мира и человека и начало истории.

творения, св. Василий Великий,[23] архиепископ Кесарии Каппадокийской, настаивает:

«Не ищи упоминания отдельно о каждой вещи, но об умолчанном рассуждай из того, о чем сказано, и преподноси с осторожностью».

И продолжает:

«Вначале Бог сотворил небо и землю и от этого произвел все дальнейшее, отдав преимущество небесам, а земле предоставив второе место. После этого получили бытие стихии, средние между ними; и хотя о воде, воздухе и огне ничего в отдельности не сообщается, об этом можно рассудить самому. Во-первых, что стихии смешались во всех телах и потому в земле находятся и вода, и воздух, и огонь, и из камней и железа, имеющих бытие от земли, можно произвести огонь, ударяя одно о другое, хотя достойно удивления, почему огонь, находясь внутри этих тел, им не вредит, но, оказавшись снаружи, сжигает и самые эти тела. Бытие воды в земле показывают копающие колодцы, а воздуха – влажная земля, когда, согревшись под солнцем, изводит пары, которые поднимаются кверху. И так как по природе небо находится наверху, а земля внизу, все легкое поднимается, а все тяжелое опускается».

«Рассмотрим теперь, на чем Земля стоит и на чем держится, – говорит дальше ученый-архиепископ. – Если скажешь на воздухе, непонятно будет, каким образом легчайшее вещество, обременяемое громадной тяжестью, ей противостоит. Если скажешь – на воде, также удивительно, как тяжелое и густое столь немощным естеством поддерживается; к тому же придется тогда искать основания для самой воды. Если же вообразишь поддерживающим Землю какое-нибудь иное тело, которое ее тверже, придется допустить, что и этому телу нужна опора. И если эту опору помыслишь, то и ей нужна опора, и чем дальше станешь рассуждать, тем более твердое тело придется признать существующим, и так далее до бесконечности. Что же иное означает сказанное, как только что земное естество повсюду окружается водным?»

Путем такой силлогистики выводится круговидность Земли. Сославшись затем на пророков и повторив утвердительно, что Землю господь на морях основал, автор задается вопросами:

«Почему, будучи жидкой и находясь на возвышении, вода никуда не стекает? И не вызывает ли еще недоумение, что Земля, которая по природе тяжелее воды, сама собой в ней удерживается?»

Предполагая, таким образом, возможность исследования, архиепископ одновременно настаивает, чтобы не забывали о всемогуществе божием:

«Хотя допустим, что Земля или сама собою стоит, или на водах удерживается, не должно удаляться от благочестивого разума, так как все купно содержится силою создавшего. Итак, долженствуем сами себе говорить и другим, если спрашивают, на чем такая безмерная тяжесть удерживается: в руце, мол, божией. Это и для нас безопаснее, и слушателям полезнее».

То есть при обучении нужно показывать, что не каждому дается полное знание и слушатели получают настолько, насколько того достойны; так ученики разделяются между собою в аудиториях. Василий Великий следующим образом оканчивает физику тяжелого тела:

«Свойственное легкому противоположно тяжелому; поскольку человек есть смешение противоположного, то когда поднимается вверх, обременяется земным естеством, если же вниз стремится, насилие творит огненному естеству, низвлекая его против природы. И во всех других вещах, как в человеке, развлечение стихий по противоположности свойств составляет причину разрушения и падения».

После подобных уроков Леонардо как бы обременялся большею тяжестью и его ноги прочнее прикреплялись к земле: люди тогда были так впечатлительны, что, не имея другого лекарства, выздоравливали от уговоров. Отсюда можно заключить, насколько запоминались и действовали некоторые моральные суждения о жизни с ее перипетиями и о несчастии смерти. Сер Антонио однажды прочитал из Гонория.[24]

«Как если бы кто, путешествуя в темной галерее, внезапно глянул в окно и, смущенный,

---

[23] Василий Великий (329–378) – один из «отцов церкви» и наиболее плодовитых христианских писателей.

[24] Гонорий (IV в.) – основатель монастыря, сделавшегося знаменитой школой христианской теологии.

тотчас отошел, так и человек, родившись, скоро умирает».

К счастью для человеческого рода, находятся люди, которые в этом усматривают не повод к унынию или безделью и приготовлениям к смерти, но причину для торопливости: чтобы за краткое мгновение жизни ничего существенного не упустить.

34

У взрослого мужчины от плечевого сустава до локтя и от локтя до конца большого пальца, и от одной плечевой кости до другой две головы на такое большое расстояние, а у ребенка только одна, ибо природа сооружает просторный дом для интеллекта раньше, чем для жизненных духов.

Леонардо впоследствии указывал, что если зачатие происходит при взаимной любви и желании родителей, потомство бывает выдающегося ума, живости и духовности. Надо думать, Катерина из Анкиано, крестьянка, и Пьеро из соседнего Винчи, нотариус, любили друг друга, поскольку известно, какое получилось дитя, родившееся 15 апреля 1452 года в третьем часу ночи. При крещении мальчика, которое состоялось в присутствии деда Антонио, также нотариуса, бабки Лючии, родственников и еще других близких, родительницы, однако, не оказалось: она и Пьеро не были венчаны, и Катерина малое время спустя вышла замуж за некоего Аккатабрига, что значит Спорщик, арендовавшего в Анкиано кирпичный завод. Причина такого поворота событий в точности неизвестна, только Аккатабрига долго еще поносил проклятых нотариусов за их коварство и спесь. Надо заметить, что люди здесь неуживчивые и буйные и склонны к преувеличениям; если же они называются горцами, то и в этом есть преувеличение: воображение разыгрывается быстрее, нежели возрастает высота.

Вместе с жителями окрестных селений уроженцы Винчи бахвалятся, выводя название городка от итальянского vincere – побеждать, хотя если бы наиболее кичливые не были настолько невежественны, они бы увидели, что vinci есть инфинитив страдательного залога латинского vinco и означает «быть побеждаемым»: название дано городку флорентийцами после победы над Луккой в 1361 году, когда последняя уступила им эту местность. Со стороны Флоренции в то время действовал кондотьер Джованни Акуто, затем получивший от Республики привилегии и доходы в окрестностях Винчи. А кондотьер, иначе говоря, чистый разбойник Джованни Акуто – это не кто другой, как Джон Хоквуд, явившийся из Британии с четырьмя тысячами англичан для несения военной службы. Так вот, из-за своего фанфаронства родственники Катерины придумали, будто бы происходят от тех англичан или от их предводителя, отсюда и слух о ее благородстве. Впрочем, окажись земляки Катерины не настолько кичливыми, всевозможные мнения и догадки о происхождении Мастера все же впоследствии возникли бы, поскольку громадному дарованию – как и богатству и власти – люди склонны отыскивать оправдание законности хотя бы в благородстве происхождения.

Поначалу совершенно подобный сверстникам, мальчик, когда вышел из возраста, называемого древними неизреченным, стал отличаться от других, и его миловидное лицо отчасти подурнело от выразительности, причиной которой является рано развившаяся способность суждения; улыбка стала насмешливой, а взгляд пристальным и неприятным для собеседника, как если бы тот лукавил или приукрашивал или еще каким-нибудь образом лгал, и это раскрылось. Большую часть свободного времени – а его в деревне бывает достаточно – Леонардо проводил с дядей Франческо, семнадцатью годами старшим племянника. Хотя этого беззаботного человека сер Антонио называл своим неудавшимся произведением, Франческо умел изготовить из ветвей можжевельника крепкие, далеко стрелявшие луки, а из полых стволов тростника или болиголова вырезывал дуделки, хорошо известные деревенским; и ведь то и другое не оставалось пустым развлечением, но сыграло необходимую роль в образовании чудесного мальчика даже сравнительно с тем, что ему преподавали оба нотариуса – дед и отец. Обладая развитым слухом и достаточной практикой, Франческо правильно и точно устанавливал места, где резать отверстия, на которых играющий музыкант держит пальцы, поднимая их поочередно или, добиваясь согласного одновременного звучания, парами. Что касается охотничьих луков из можжевельника, Франческо умел определить дальность выстрела, прислушиваясь к дрожанию тетивы, и, когда затем проверял это шагами, если

угадывал, торжествовал.

В последнюю неделю апреля и первую мая неразлучные родственники ходили далеко в луга собирать яйца чибисов. Ловко отыскивая спрятанные в траве гнезда, Франческо в своем увлечении разгибался лишь изредка, в то время как Леонардо, задравши голову, больше наблюдал за птицами, которые с криком носились над похитителями. Дядя однажды спросил племянника, не различает ли тот в их крике некоторые попятные ему слова и даже целиком предложения. Когда Леонардо стал прислушиваться, Франческо ему подсказал: не спрашивают ли, мол, птицы, кто они, зачем приходили и что им здесь нужно? «Да, именно это я слышу», – отвечал Леонардо. В следующее их путешествие Франческо спросил: «Не кажется ли тебе, что птицы кричат: пошли вон, негодяи!» Племянник ответил, что не только ему кажется, но что он отчетливо разбирает именно эти слова. И каждый раз они соревновались в изобретательности, придумывая значения птичьему крику и затем удивляясь, отчего и каким образом изменяется смысл, если звучание не изменяется.

Когда в деревне колют свиней, – а в городке Винчи обычаи вполне деревенские, – мальчишки, охотно интересуясь вещами отвратительными и ужасными, собираются близко, стараясь ничего не упустить, и отвечают беспрерывному визгу животного всевозможными издевательскими возгласами. В Тоскане убивают свиней зверским и безжалостным способом: животное опрокидывают спиной на широкую доску и крепко привязывают – уже тогда одного его крику достаточно, чтобы испугаться и убежать. После этого в сердце загоняют бурав, каким пользуются, просверливая винные бочки; поначалу его рукоятка покачивается, так как сердце продолжает сокращаться, но постепенно размах становится короче, и, когда маятник останавливается, это означает наступление смерти. Тут люди, теснящиеся вокруг, со свистом и улюлюканием набрасываются на мертвеца, чтобы его ободрать и разделать. Разрезав брюхо во всю длину, они отделяют легкие, погруженные в пузырчатый мешок, печень, и сердце, и кишки, обернутые слоистой материей жира. Со смехом и всевозможными дурацкими шутками, напиваясь вином и поедая сырую печень и другие части, считающиеся лакомством, эта шайка убийц и мучителей производит свою анатомию.

Приходский священник отец Виктор, любопытный, как уж, и проницательный, сказал бабке Лючии:

– Твой внук, если его определить к духовному званию, станет выдающимся проповедником, поскольку его язык превосходно подвешен. Кроме того, мальчику свойственно редкостное и изумительное сострадание, необходимое, чтобы управлять прихожанами и называться их пастырем. Тогда как другие дети, подобные безжалостным разбойникам, смеются, наблюдая варварское мучительство, учиняемое без необходимости, этот смотрит внимательно и серьезно, будто желая вызнать важную вещь, прежде ему неизвестную. Черты его лица искажаются от сильной душевной боли, словно бы инструмент, которым закалывают свинью по нашему обычаю, проникает в его сердце.

35

Разве ты не видишь, что среди человеческих красот красивейшее лицо останавливает проходящих, а не богатые уборы? И это я говорю тебе, который украшает свои фигуры золотом или другими богатыми узорами. Не видишь ли ты, что сияющие красоты юности уменьшаются в своем совершенстве от чрезмерных, слишком изысканных украшений, не видал ли ты, как горские женщины, закутанные в безыскусственные и бедные одежды, приобретают большую красоту, чем те, которые украшены?

Вследствие необходимой при составлении бумаг быстроты письма почерк нотариуса не может отличаться изяществом, хотя сер Пьеро иной раз украшал буквы завитушками и всевозможными росчерками. Также и буквы, которые выводил Леонардо, поначалу изобиловали завитушками, подобными локонам младенца, но получались настолько красивыми и так быстро он овладел приемами опытных писарей, что Пьеро скоро перестал приговаривать, что, дескать, левой рукой, какою писал его ученик, водит сатана или нечистая сила.

Будучи достаточно образован, Пьеро обучил сына счету – в пределах, установленных жизненной практикой, беглому чтению и письму на вольгаре, общепринятом тосканском

наречии, которым пользовались нотариусы в юридических актах, оставляя латынь для отдельных украшающих текст выражений. Такое небрежное отношение к языку своих предков отчасти отразилось в преподавании сера Пьеро, давшего ученику только начала грамматики, поскольку и сам был в этом нетверд. Если же Леонардо на всю дальнейшую жизнь остался uomo sanza lettere, или человеком без книжного образования, не знающим хорошо по-латыни, виною здесь также недостаток времени, занятого частыми отлучками Пьеро во Флоренцию, куда он другой раз брал с собою и сына. Если же такие путешествия с людьми, старшими возрастом, как дед и отец, полезны для широты кругозора, то же относится к пребыванию в деревне, где люди не понаслышке знакомятся с происхождением необходимых вещей, как мясо и хлеб или шерстяная одежда.

Однако многие мальчики, которым родители желают дать правильное образование, если незнакомы с устройством виноградного пресса или мельницы, зато, постоянно находясь во Флоренции, во-первых, прилежно изучают грамматику, для чего посещают городскую школу или имеют в доме учителя не как сер Пьеро, преподающий от случая к случаю, а такого, что себе не предоставляет поблажки, но и требует того же от ученика. После грамматики в другой школе они усваивают латинскую стилистику и, имея согласие родственников помогать им деньгами, готовятся в университет. Леонардо же систематически получал разве что физику по «Шестодневу» через деда Антонио, а в остальном питался отрывочными и баснословными сведениями. И все же сельская жизнь имеет свои преимущества для образования.

Хотя коренному деревенскому жителю, наверное, незнакома латынь, а о существовании греческого языка он не догадывается, голоса птиц, рыб, мышей или домашних животных, как и многое другое, трудное для горожанина, ему отчасти понятно. Правда, такому пониманию недостает ясности, поскольку не всякий раз можно с уверенностью определить, чей голос звучит: камень ли, куст, или скрывающееся животное, или вздыхает земля, или звучание проникает из нависшего тумана – тогда как, рассматривая следы, остающиеся в местах, где собираются на водопой ночные животные, легко перепутать, чья именно ступня здесь отпечаталась: козы, нимфы, или козлоногого сатира, или, опираясь на посох, прошел тут святой, призванный к больному или для помощи роженице, или еще кто-нибудь. Трудность всяческого опознания увеличивается испарениями лесной или болотистой почвы, а в горной местности, как Анканио, величайшим в мире обманщиком – эхо; и, кажется, тут все предпринято нарочно, чтобы запутать человека и лишить его возможности правильно судить о вещах. Могут спросить: так что тут хорошего и какая польза для образования от всей этой путаницы?

На это следует отвечать, что так колеблется, зыбится, неровно дышит самая жизнь и кто достаточно пробыл в сельской местности, тот на долгое время предохранил свою душу от высыхания, поскольку она хорошо напиталась влагою в детские и отроческие годы – Леонардо же в его ранней молодости относился не иначе как к тем, кого Вазари, предваряя «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» общими рассуждениями об искусстве, удивительными в их проницательности, называет «простыми мальчиками, грубо воспитанными в лесах». Однако Леонардо не только неоднократно посещал столицу Тосканы, сопровождая деда или отца, но имел, можно сказать, маленькую Флоренцию у себя дома, в Винчи: от старшего в семье, деда Антонио, считавшего в числе приятелей молодости знаменитого Брунеллеско, до Альбиеры, на которой Пьеро женился тотчас после рождения сына, взявши ее из старинного флорентийского семейства Амадори. Так что, с одной стороны, на богато одаренного природой мальчика влияют нотариусы, хорошо образованные и любознательные, и речь их суха и чиста, как стук тележных колес по мощеной улице; с другой стороны – поскольку ему не препятствуют посещать Катерину – ее деревенские земляки, разговор которых невнятен и слова, кажется, более служат сокрытию истины: на простой вопрос от них не дождешься ясного ответа, так как они предпочитают метафору или басню какую-нибудь или пословицу.

Настоятель прихода св. Лючии отец Виктор не раз отзывался о деревенских в том смысле, что мнение, будто они наиболее благочестивы, ложно, ибо деревенское или простонародное благочестие это не что иное, как чудовище, увязнувшее в трясине суеверия, и что, мол, еще неизвестно, откуда распространяются все искушения язычества: из ученого собрания и

библиотеки или из мест, где мирная сходка другой раз оканчивается дракой или кровопролитием. И все из-за того, заключал отец Виктор, что у деревенского жителя рассуждение спит, а воображение бодрствует. Если отец Виктор прав, выдумки, как происхождение Катерины от англичанина, неудивительны. Тем более при крайней выразительности движений и жестов, свойственной другим жителям Анкиано, известная сдержанность и светлые волосы и глаза придают Катерине сходство с иностранкою и как бы свидетельствуют благородное происхождение.

Подражая практиковавшемуся в медицине священнику, Леонардо собирал и высушивал целебные травы, так что Пьеро однажды спросил с насмешкою, не собирается ли он стать аптекарем, чтобы изготавливать яды, в нынешнее жестокое время, дескать, более необходимые. Но и тут язвительному нотариусу пришлось прикусить язык, когда он увидел, с каким тщанием Леонардо рисует листок со всеми его прожилками, насекомое, речную раковину или еще что-нибудь, достойное изображения; и как это у него хорошо получается, хотя бы, выражаясь словами Вазари, он начал рисовать сам собой по живости своего ума, имея образцом лишь прекрасные картины и скульптуры, созданные природой.

36

Лавр и мирт, увидя, что срубают грушу, вскричали, громкими голосами: – О груша! Куда влекут тебя? Где гордость, которая была у тебя, когда на тебе были зрелые плоды твои? Отныне уже не будешь бросать сюда тень густыми своими волосами!

Тогда груша ответила: – Меня возьмет с собой крестьянин, который срубит меня, и понесет он меня в мастерскую лучшего ваятеля, который при помощи своего искусства придаст мне форму бога Юпитера, и я буду посвящена храму, и все станут заместо Юпитера поклоняться мне. Вы же будьте готовы к тому, что часто будете оставаться искалеченными и лишенными ветвей, которыми люди, дабы высказать мне почитание, станут окружать меня.

При скудном освещении церкви деревянное распятие, сделанное в давние времена неизвестным скульптором, выступает из темноты точно как на Голгофе тело распятого Царя Иудейского, а из-за тесноты помещения нескольких шагов от двери достаточно, чтобы оказаться близко возле скульптуры; в то время впечатлительная душа в своем воображении успевает пройти целиком крестный путь. И вот обремененный грехами прихожанин лобызает стопу Спасителя, а иной еще и отламывает кусочек грушевого дерева ради исцеления родственников от болезни и порчи или для сохранения урожая от градобития и дождей. Из-за этого стопа разрушается довольно быстро, и ее приходится время от времени заменять или же восстанавливать. Да и само распятие в целом не хорошо сохранилось, и в некоторых местах краска отстала, так что поверхность напоминала частично облупленное пасхальное яичко. Поэтому – так как естественность и правдоподобие много способствуют силе переживания верующего, – чтобы восстановить в лучшем виде это распятие, а вместе и настенную живопись, также разрушенную временем и неосторожными прикосновениями, настоятель приходской церкви призвал знакомого ему мастера из Эмполи – торгового города на берегу Арпо, по пути во Флоренцию. Мальчик, которого догадливый настоятель свел с этим мастером, когда тот на место частично испорченной прежней стопы прикрепил другую, приготовленную накануне из куска грушевого дерева, не знал, чему изумляться: правдоподобию, с каким вырезана каждая малейшая жилка, или тому, что фигура Спасителя составлена из отдельных частей и может быть разобрана для исправления, как, скажем, давильня для винограда. Прободавший обе стопы евангельский гвоздь мастер также изготовил отдельно и, смазав клеем стенки четырехгранного отверстия, ловко туда вставил, укрепив фигуру наиболее прочно.

О том, что мастер из Эмполи приступил к исправлению живописи, каждый вошедший мог заключить по сильному запаху гнилого творога и яиц, переводимых в большом количестве для приготовления красок. Как если бы подобные гнилостные испарения обладали некоторой бодрящею силой, худой, болезненного вида мастер, когда взбирался по стремянке, чтобы работать на лесах, двигался с большим проворством и быстротой, и он всегда напевал себе под нос, оставаясь в превосходном расположении духа; если же приходил хмурый и недовольный

завтраком или небрежным обращением, поскольку столовался у прихожан поочередно, спустя немного времени забывал про нанесенную ему обиду. Иной раз этот любитель пения, отложив в сторону кисть, громко исполнял какую-нибудь священную музыку, широко разевая рот и размахивая руками; и было видно, что именно искусство живописи его воодушевляет и поддерживает в нем радостное расположение.

Хотя другие занятия также попервости доставляют удовольствие, оно не идет в сравнение с тем, что испытывает живописец или скульптор от начала обучения до преклонного возраста и старости. И это потому, что если заказчик велит исполнить то или другое и оговаривает в подробностях, каким он желает видеть произведение, мастер скорее угождает природе, нежели своему работодателю, и в сочетании природных вещей и их выборе остается свободным. А поскольку живописцу, если бы даже он захотел, не удается в точности повторить однажды выполненное произведение, он по необходимости становится изобретателем, тогда как превосходное чувство удовольствия возникает после первого следа, оставленного грифелем, или кистью, или другим инструментом, которым он по-царски распоряжается. И если мастер из Эмполи что-то там весело напевает себе под нос, то это потому, что каждое утро он попадает из царства необходимости в царство свободы, где ему предоставлено действовать по своему произволу.

Другая причина радости, и удовольствия, и превосходного расположения духа какого-нибудь живописца, хотя выступает совместно с указанной выше, по своему характеру ей противоположна; и тут живописец выглядит скорее как раб и слуга, подчиняющийся своему хозяину: имеется в виду величайшее удовлетворение сходства, достигаемое при подражании природным вещам. Относительно же того, почему именно подражание рождает радость, есть разногласие. Некоторые, например, утверждают, что нарисовать с большим сходством – все равно что присвоить. При этом они ссылаются на дикарей, спасающихся бегством, когда любознательный путешественник желает набросать их фигуру для памяти. Но так или иначе, мастер из Эмполи, по-видимому, вынужден был довольствоваться первой причиной, так как не добивался достаточного сходства – насколько он был умел и ловок в скульптуре, настолько неопытен в живописи и рисунке, и, как ни старался, фигуры у него получались кривобокими, а лица все имели одинаковое выражение. Кроме того, все округлое, полное и упитанное, чем приятно любоваться в природе, оказывалось у него тощим и плоским и скорее могло быть названо тенью предмета, нежели его правильным изображением.

– Такой живописец, – отзывался о мастере призвавший его настоятель, – должен быть признан клевещущим на божество, создавшее человека по своему подобию; если ему полностью доверять, получится, будто внешность Создателя напоминает какого-нибудь нищего попрошайку. В то время рисунки его добровольного помощника, – настоятель имел в виду Леонардо, – при их несовершенстве и отроческой незрелости круглятся подобно развивающимся мышцам, которые сулят в близком будущем набрать огромную силу.

37

Живопись не нуждается, как письмена, в истолкователях различных языков, а непосредственно удовлетворяет человеческий род, и не иначе, чем предметы, произведенные природой. И не только человеческий род, но и других животных, как это подтвердилось одной картиной, изображавшей отца семейства: к ней ласкались маленькие дети, бывшие еще в пеленках, а также собака и кошка этого дома, так что было весьма удивительно смотреть на это зрелище.

Когда Пьеро получил важное прибыльное место, которого домогался, а именно нотариуса дель Подеста, то есть первого магистрата исполнительной власти, семья переехала жить во Флоренцию, где Антонио да Винчи имел собственный дом напротив палаццо Синьории,[25]

[25] Синьория – демократическое правительственное учреждение, где заседали представители цехов, избиравших из своей среды магистратов и гонфалоньера. Однако из почти двухсоттысячного населения Флоренции правом занятия должностей пользовались не более двух тысяч.

возле помещения львов, олицетворяющих, как известно, силу и прочность Республики. Хотя царь зверей находился здесь в жалком положении на соломе, менявшейся едва ли раз в год, добыча и доставка животных считались делом государственной важности. Поэтому львы во Флоренции не переводились, и отрочество Леонардо протекало, можно сказать, под злобное рыканье этих несчастных, напоминающее о переменчивости судьбы.

Дом напротив Палаццо[26] сер Антонио после своей смерти оставил старшему сыну, тогда как Франческо досталось имение в Винчи, что справедливо, поскольку тот с его ленью не годился для Флоренции, где считается полностью потерянным день, когда недостаточно заработано денег. Правда, отсюда исключаются дни, отданные политике и делам управления городом: недаром же такие государства называются республиками, что в переводе с латинского означает правление народа, в отличие от монархии, как, скажем, Милан, или тирании, как Римини. И все же первые места занимают в душе горожанина деньги и труд – стучит ли он счетами, красит ли шерсть, ткет или напрягает сообразительность, желая получить при продаже наибольшую выгоду, или еще что-нибудь полезное делает в своей боттеге. А это есть лавка и мастерская одновременно, как их принято соединять во Флоренции, которую правильно было бы назвать громадной боттегой, где каждый находит прибыльное занятие, а лентяю приходится труднее, чем в другом месте. Да и понятия о приличной и достойной жизни здесь иные: миланские нобили настолько гордятся своим дворянством, что, как рассказывают, там был государственный казначей, который почитал за бесчестье пересчитывать деньги и даже к ним притрагиваться, и держал для этого другого человека, не такого спесивого. Во Флоренции же дворянство присваивают в виде наказания, поскольку дворянин лишается всяческих прав и ему остаются война и безделье, недостойные свободного трудящегося человека.

Конечно, здесь, как всюду, имеется множество пройдох и обманщиков, и они даже опаснее из-за свойственной тосканцам сообразительности. И свобода во Флоренции неполная: при том, что устройство республиканское, действительная каждодневная власть большей частью принадлежит какому-нибудь клану, семье или даже одному человеку, если тот законным или мошенническим способом распоряжается избирательной сумкой, куда помещаются свернутые трубкою листки с именами кандидатов на должности в магистратуре. Вот уже пятьдесят лет кряду там можно найти имена одних только сторонников Медичи, известных банкиров и богачей.

Медичи начинали аптекарями, и красные шары на их гербе – это аптекарские пилюли. Теперь они говорят, что «шары» – не что другое, как след зубов гиганта Муджелло, побежденного Аверардо Медичи, будто бы прибывшим в Италию вместе с Карлом Великим в числе его приближенных. Хотя благородство и древность происхождения здесь имеют мало цены, все же многие их добиваются с помощью подобных выдумок: лавочник, аптекарь, банкир или мясник, разбогатевши, скучают без какого-нибудь пышного титула или легенды о происхождении. А поэтическая фантазия, как равно понимание живописи, архитектуры, скульптуры и музыки, за самым малым исключением свойственны флорентийским аптекарям, суконщикам и нотариусам – всем, кто недосыпает ночей и встает с петухами ради хорошего заработка. И в большинстве они могут правильно употребить деньги, если не пускают их в оборот, и не ошибаются в выборе превосходных произведений искусств. Таким образом город и они сами богатеют, а просвещение широко распространяется; что может быть полезнее и привлекательнее для человека? Однако в представлении некоторых чрезмерное образование излишне и даже обременительно; не так ли следует понимать приведенный в качестве эпиграфа отрывок из Леонардо, а именно, что-де, непосредственно удовлетворяя человеческий род, живопись не нуждается в истолкователях, знающих языки?

С математикой Леонардо настолько знаком, насколько хватает приказчику, чтобы сосчитать штуки сукна, и для его гордости невыносимо, если мальчики младше его, не имеющие опыта деревенской жизни, приучающей человека к самостоятельности, легко могут

---

[26] К вещам, которые они почитали, флорентийцы относились с простодушной сердечностью: «Божественную комедию» Данте они другой раз называли просто «Комедией». Философом для них был Платон или Аристотель, а если говорили Палаццо – подразумевалось палаццо Синьории.

его уколоть, цитируя греческого Эвклида. Но есть другая сторона в этом деле. Разумеется, достойно сожаления, что, задержавшись в деревне, он с молодых лет вынужден завидовать более удачливым в образовании; но также возможно, что здесь не ошибка судьбы, а ее умышленное благодеяние, когда ум предоставлен произволу его обладателя и, если можно так выразиться, обречен на своеобразие и новизну.

После двенадцати лет замужества Альбиера Амадори, заботившаяся о Леонардо как о родном сыне и любившая его чистосердечно, скончалась бездетной. Поскольку же из-за неудачи, столь длительной, дети стали как бы манией сера Пьеро, спустя время он вновь женился. Будучи старше пасынка пятью годами, Франческа ди сер Джулиано также не чаяла в нем души и ему всячески угождала. И все же наступает пора – развившийся, подобно молодому дереву, ум и чудесные способности требуют другого помещения, где насмешливые жестокосердые ученики заменят заботливых родственников, а отцом станет мастер, угрюмый и похожий на мукомола, так как его передник и отчасти лицо испачканы алебастром. Когда по происшествии срока, в течение которого Леонардо только и делал, что рисовал и развлекался с друзьями, Пьеро привел его в мастерскую Вероккио, тот не робкого мальчугана увидел, но шестнадцатилетнего юношу – красиво подбоченясь и уперев руку в бок, он без смущения озирался по сторонам. Впрочем, Андреа Вероккио считался в числе ближайших приятелей сера Пьеро, как некогда Брунеллеско – деда Антонио; и это еще придавало его сыну уверенности.

Здесь и там развешанными по стенам мастерской или поместившимися на столах и подставках, можно было видеть отлитыми из алебастра стопу или кисть руки, или колено, или снятую с покойника маску, или алебастровый ствол дерева; а также отпечатавшиеся в алебастровых плитах более тонкие произведения природы – листья, травинки, цветы, мелких насекомых и прочие вещи, подобные тем, которые Леонардо, находясь в Винчи, исследовал и рисовал. Фартук Андреа Вероккио из-за того был как бы мукою испачкан, что он широко пользовался алебастровыми слепками, и так велико было его восхищение естественным видом вещей, что он не утомлялся их повторять таким способом. По стенам мастерской были также развешаны различные музыкальные инструменты, частью изломанные при их изучении; Андреа считался лучшим во Флоренции мастером из всех, кто мог их изготавливать. Первым самостоятельным произведением Вероккио были пуговицы для священнического облачения – работа по своей малости и тонкости чисто ювелирная, тогда как последним оказался конный памятник кондотьеру Колеони, где лошадь и фигура всадника имеют размеры в три раза большие натуральной величины.

Будучи сторонником новизны, Вероккио писал картины, пользуясь способом масляной живописи, недавно до этого проникшим в Италию из северных стран; также он разрисовывал сундуки, кровати и знамена для шествий, придумывал и строил различные механические устройства и практиковался в скульптуре. Вероккио слыл знатоком перспективы, геометрии и арифметики, хотя сама по себе подобная репутация мало о чем свидетельствует, поскольку достаточно было близкого знакомства с мессером Паоло Тосканелли,[27] чтобы считаться ученым человеком.

Мессеру Паоло было тогда более семидесяти лет, но и сравнительно с молодыми людьми он отличался живостью в движениях и разговоре. Смеясь над удачною шуткой, мессер Паоло сгибался, что называется, в три погибели и хватался руками за колена, однако же, выпрямившись, тотчас принимал важный вид. Поскольку же он еще и наматывал на голову тюрбан из золоченых нитей, его иной раз принимали за турецкого пашу. По указаниям мессера Паоло в боттеге Вероккио изготовили гномон, установленный затем в фонаре знаменитого купола Санта Мария дель Фьоре: с помощью этого инструмента Тосканелли с большой точностью определил угол склонения солнечной эклиптики и длину градуса по земному меридиану. Когда же Синьория поручила Вероккио изготовить и установить еще выше на фонаре металлический шар – малое подобие небесной сферы, мессер Паоло помогал ему советами, и они вместе обсуждали соответствие подобных моделей своему образцу. Находясь теперь посреди мастерской, железный остов изделия напоминал каждому входящему о

[27] Тосканелли, Паоло даль Поццо (1397–1482) – флорентийский математик, астроном и медик.

взаимодействии великого, малого и малейшего – сферы неба, сферы земли и других, значительно меньших. А спустя несколько времени капитул Санта Мария дель Фьоре, собравшийся в полном составе наверху возле поручней, окружающих основание купола, приветствовал гномон и шар дружным пением «Тебя, боже, славим»; и могло показаться, что звуки церковного гимна то расширяются к пределам вселенной, то опадают близко к сиянию вызолоченного шара.

Образованный медик, Тосканелли был записан в цехе аптекарей, мелочных торговцев и живописцев – эти во многом несходные занятия объединяются совместным владением мельницами, размельчающими лечебные травы и растирающими краски, закупленные мелочными торговцами у заморских купцов. Другой стороной медицина соприкасается с астрономией, поскольку для правильного лечения бывает необходимо известное сочетание светил; однако прочнее и лучше соединяет людей желание свободно беседовать независимо от того, кто чем занимается.

Многие любознательные и ученые граждане собирались у Андреа Вероккио, по-товарищески красуясь познаниями и подзадоривая один другого. Покуда Леонардо находился в боттеге, обучаясь ремеслу живописца и скульптора, такие беседы оказывались для него наилучшим университетом, тем более мессер Паоло Тосканелли, похоже, обнаружил в нем родственную душу: при огромной любознательности и быстрой способности схватывания дерзкую и отчасти высокомерную.

– Гермес Трисмегист,[28] – говорил мессер Паоло, – трижды величайший знаток каббалы, астрологии и многих тайных наук, чьи сочинения не удается прочесть полностью, кто бы в этом ни изощрялся, велел держать смысл за семью замками, поскольку иные люди недостойны узнать даже названия вещей. Глупо давать ослу салат, если с него довольно волчца.

Такое название подразумевает произрастающую в пустынях библейскую траву. На это и другие подобные высказывания ученого Леонардо откликнулся заимствованным у восточных народов способом письма справа налево. При том Леонардо и буквы переворачивал, так что они оказывались как бы в зеркальном изображении. Сам мессер Паоло как раз был из первых, кто, рассматривая его письмена, испытал томительное чувство беспомощности и тревогу: подобное бывает, когда в сновидении является кто-нибудь хорошо вам известный, но невозможно это явление с кем бы то ни было отождествить.

38

Случилось, что орех был унесен грачом на высокую колокольню, однако щель, куда он упал, спасла его от смертного клюва. Тогда стал просить он стену благости ради, какую дал ей господь, даровав ей такую вознесенность, и величие, и богатство столь прекрасных колоколов и столь чтимого звона, чтобы помогла она ему затем, что раз уж не довелось ему упасть под зеленые ветви старого своего родителя и укрепиться в жирной земле под опадающими листьями, то и не хочет он с нею расстаться: дело-де в том, что, пребывая в клюве дикого грача, дал обет, что в случае, если избавится от него, станет он кончать свою жизнь в малой дыре. Из-за таких слов стена, движимая состраданием, была вынуждена оставить его там, где он упал. Но немного времени спустя стал орех раскрываться и запускать корни промеж скреп камней, и расширять их, и высовывать наружу из своего вместилища побеги; а в скором времени, когда поврежденные корни поднялись над зданием и окрепли, стал он расковыривать стену и сбрасывать древние камни с их исконных мест. Тогда-то, поздно и тщетно, стала оплакивать стена причину своего изъяна, а вскоре, раскрывшись, обронила долю своих частей.

О том, что люди, раздираемы противоположными стремлениями – манией подражать, повторяя с наивозможной точностью и сходством сделанное прежде другими, и желанием

---

[28] Гермес Трисмегист, или Трижды величайший – вымышленный автор нескольких книг и отрывков египетско-греческого происхождения, в которых якобы в аллегорической форме содержится тайное учение, включающее рецепт философского камня.

новизны вместе со склонностью к изобретениям, свидетельствуют многие примеры. Если стать лицом к порталу церкви Санта Мария дель Фьоре, по правую руку окажется колокольня, фундамент которой заложен по плану Арнольфо ди Лапо, умершего, не приступая к дальнейшему возведению. Спустя время колокольню стал достраивать Джотто, не пожелавший полностью согласоваться с замыслом своего предшественника, предпочитая создавать новое и необычное, чем вызвал нарекания некоторых влиятельных граждан. Прошло еще время, и колокольню украсили снаружи фигурами и барельефами, которых прежние строители не предусматривали.

В барельефах нижнего яруса скульптор Нанни ди Банко, согласуясь в сюжетах с Писанием и легендами, дошедшими из глубокой древности, показал постепенное возвышение человеческого рода из бедности и невежества. Рядом с изобретателем литья Тувалкаином[29] и придумавшим музыкальные инструменты Юбалом[30] поместился Дедал[31] как первый механик. За его спиной видны крылья, по преданию, изготовленные из дерева и воска; тут же находится отвес и наугольник – барельеф обыкновенно называют Механикой или Искусством летать. Лоренцо ди Креди, обучавшийся вместе с Леонардо, рассматривая однажды Дедала с его инструментами, спросил своего товарища, с какой целью тот внимательно наблюдает за птицами. Леонардо ответил:

– Кажется, мне заранее предопределено ими заняться. Когда я лежал в колыбели, то видел сон, будто бы с неба слетел коршун, открыл мне хвостом рот и несколько раз ударил по губам. Посмотри, – Леонардо повернулся спиной и, проделывая суставами плеч вращательные движения, коснулся ладонью спины между лопатками, – если сюда прикрепить крылья, то, научившись летать, я не буду отличаться среди небесных ангелов. Тем более не имею бороды, как этот Дедал.

Сын флорентийского ювелира, Лоренцо ди Креди, при слабом телосложении обладал еще и душою пугливой и впечатлительной.

– Дедал умертвил обучавшегося у него племянника за то, что тот изобрел более совершенные инструменты, – сказал он трепещущим голосом.

Леонардо поднялся со ступенек, сидя на которых они разговаривали, откинулся плечами и спиною назад, но затем сгорбился и простер перед собою руки, и пальцы его скрючились и повисли, подобные когтям хищной птицы. Удачно подражая движениям и голосам животных, он издал звук, сходный с шипением коршуна.

– Зависть, – сказал Леонардо, выдохнув воздух с силою, – ужасная вещь: и коршун является ее примером: убедившись, что птенцы, оставшиеся в гнезде, становятся красивее родителей, он их пинает и оставляет без еды, чтобы умерли. Хотя, – добавил Леонардо с озабоченностью, – многие на это возражают, говоря, что коршун так поступает, видя птенцов слишком жирными, поскольку излишняя тяжесть препятствует полету на высоте.

Что касается Лоренцо ди Креди, то некоторые люди, если к кому прилепятся, норовят полностью воспринять чужую форму. Правда, Лоренцо от рождения прихрамывал, а роста был невысокого, и возле него Леонардо выглядел Геркулесом или еще каким-нибудь древним силачом. Также не умел Лоренцо хорошо подражать манерам и разговору приятеля, не обладая необходимой язвительностью и остроумием. Зато, обучаясь совместно, Лоренцо ди Креди настолько успешно перенимал достижения Леонардо в искусстве, что в этом смысле тот приобрел как бы другую тень, и многие путали их ученические произведения, отличавшиеся, если говорить о Лоренцо, только большею робостью, довлевшей наряду с миролюбием в его душе над другими качествами. Но одновременно, хотя Леонардо не упускал случая использовать свою сообразительность для нападения или насмешки, воспитанный в

---

[29] Тувалкаин – один из потомков библейского Каина, искусный ремесленник, изобретатель литья.

[30] Юбал – сводный брат предыдущего, изобретатель свирели и гуслей, праотец всех музыкантов.

[31] Дедал – из греческой мифологии; изобретатель пилы, стамески и отвеса. Согласно преданию столкнул со скалы своего племянника Талоса, когда тот придумал более совершенные инструменты.

набожности и благочестии Лоренцо не мог согласиться с известными издевательскими суждениями относительно священнослужителей, которые его приятель охотно повторял, еще разукрашивая своим остроумием. А ведь в этом Леонардо мало чем отличался от большинства молодых людей в испачканной краскою или алебастром одежде и деревянных башмаках, которых всегда можно видеть в тех местах Флоренции, где находятся наиболее выдающиеся произведения скульптуры или живописи. И когда они впиваются взглядом в какую-нибудь сцену из св. истории или в прекрасное изображение Девы с младенцем или чего-нибудь еще, относящегося к религии, словно бы настойчиво вопрошая, как это сделано, не благочестие отражается на их лицах, но любопытство, тщеславие и благородная зависть. Леонардо тут вместе с другими, только его невозможно застать в грязной одежде или в растоптанной обуви, поскольку на людях он показывается не иначе как обутый в сапоги из светлой кожи с отвернутыми голенищами, так что видна подкладка, еще более светлая и мягкая; и все это – длинные вьющиеся волосы, красивое лицо и одежда – выглядит само по себе как изумительное превосходно задуманное произведение искусства.

Дольше, чем в других местах, Леонардо – а с ним его тень в виде Лоренцо ди Креди или еще кого из прилепившихся, – оставался рассматривать живопись в церкви св. Духа, в капелле, расписанной Томмазо из Паникале, прозванным Мазолино, и его учеником Томмазо из Валь д'Арно, которого называли Мазаччо, что значит Мазилище: таким причудливым и даже издевательским способом флорентийцы показывали уважение и страх, испытываемый ими при виде могучего дарования последнего. Мазаччо прожил всего двадцать семь лет; но если при совместной работе ученику удалось настолько переделать своего учителя Мазолино, что тот стал, можно сказать, плясать под его дудку, такая деятельность, продлись она дольше, имела бы неисчислимые следствия и многие способные люди лишились бы возможности своеобразно проявить себя, стертые кистью, двигающейся как могучий Левиафан в морской пучине.

Хотя пейзаж в «Грехопадении», поместившемся на правом пилоне при входе в капеллу, написан без малейшего тщания, представляется достоверным, что в не имеющей предела глубине тонет влажная листва деревьев; здесь не видно тверди небесной, поскольку она затуманена испарениями, правда, сомнительно, чтобы райские сады располагались в сырой заболоченной местности.

Многие преимущества, из-за которых флорентийская живопись называлась как первая в целом свете – радующие глаз сочетания всевозможных красок, золота и лазури, тонкость и меланхолия в лицах, занимательная и превосходная выдумка в композиции, – покажутся чистым ребячеством рядом с работою мужа, плугом перепахивающего целину, землекопа, роющего бассейн, чтобы его заполнить медообразным составом, где свет и тень меняются местами, будто бы перемещается погруженный в воду фонарь.

Согласно расчетам ученых богословов, шести часов не прошло, как мир был окончательно сделан, и тут Создатель изгнал Адама и Еву из рая из-за их нетерпения соединиться. На левом пилоне изображены эти удаляющиеся преступники, как бы выталкиваемые тенью, облепившей их спины, страшной и могучей, как божий гнев. Над изгнанниками помещается ангел, крылья которого с такой же силой освещены сверху, с какой снизу они затеняются. Громаднейший перепад света и тени создает у зрителя впечатление ударов грома, и ангельскому мечу, простертому над жалкой наготой человека, невозможно не подчиниться.

И вот прародители оказались беспомощны и наги посреди предоставленной им незнакомой пустынной местности, и, не умея воспользоваться приобретенной свободой, упали духом. Но затем, возмутившись – а возмущение ужасной несправедливостью смерти дает силу и умение жить, – стали они насаждать другой сад, наподобие райского, и все кругом украшать и устраивать, и время обрело свое стремительное течение: хотя говорится, что господь создал его вместе с миром, вернее предположить, что до этого оно было как неподвижное, не имеющее стока озеро. Не прояви человек вожделения и останься бессмертным, чтобы блаженствовать, времени, которое одно дает цену счастью, для него все равно что и не было бы. Поэтому вполне можно сказать, что изгнание и смерть есть блага, выступающие под видом несчастья и наказания, от них происходит облегчающая скуку существования торопливость, когда Леонардо и этот Мазаччо или другие подобные им ограничивают себя даже в удовольствии сна.

В нижнем ярусе налево от алтаря помещается фреска с изображением апостола Петра,

исцеляющего своей тенью больных и немощных. Каждый значительный и важный сюжет, понятый без какого бы ни было иносказания, может быть затем истолкован метафорически; вся в целом живопись знаменитой капеллы истолковывается не иначе, как исцеление ее, то есть живописи, светом и тенью. Случается, правда, что упрекают этих двоих, Мазаччо и Мазолино, указывая на поверхности их произведений следы жесткого волоса, как если бы они работали малярного кистью, отчего границы вещей смазываются будто бы от небрежности. Но этим придирчивым знатокам лучше подумать, не здесь ли начало сфумато, или рассеяния, которое Леонардо впоследствии довел до изумительного совершенства с помощью более тонкого инструмента.

Находясь в мастерской Вероккио и изучая, как образуются складки, Леонардо придумал их рисовать на сильно ношенной и обветшавшей льняной ткани, для чего, рассказывает Вазари, растягивал ее на доске, а из красок применял сепию. Работал он тонкими беличьими и колонковыми кистями, как раз добиваясь, чтобы не оставалось следов или бороздок после прикосновения волоса; выпуклые и хороню освещенные места он трогал белилами, а тени в углублениях ради рельефности изображения больше сгущал сравнительно с тем, как тогда было принято. Так что тут он смотрел не на соседей, но сообразовался с предшественниками, как если бы субстанция тени заранее была приготовлена Мазаччо с помощью его сотрудника, ученика и учителя Мазолино в виде лекарства для исцеления живописи, которым прежде мало кто пользовался.

Таким образом, если хорошо посмотреть, каждому великому изобретению найдется предшественник. Но и этот не останется, так сказать, один на один со своей выдумкой, и непременно обнаружится кто-то, прежде него догадавшийся о чем-либо похожем. Разыскание же корней и начал – дело поучительное и занятное и показывает духовную связь, своего рода всеобщее рассеяние, или сфумато, когда каждый исследователь и изобретатель питает другого, следующего за ним, или того, кто находится рядом и кто в отдалении, – и так без конца. При этом, однако же, надо опасаться людей, которые сами не способны придумать что-нибудь новое, а заслуги других стараются умалить до неразличимости; хотя, вместо того чтобы твердить с унынием и злобой, что все уже придумано прежде, более плодотворно искать и, удивляясь, восхвалять изменения и улучшения, которые изобретательный разум приносит вещам, иначе пребывающим в пустой неизменности.

39

Юноша прежде всего должен учиться перспективе; потом мерам каждой вещи; потом копировать рисунки хорошего мастера, чтобы привыкнуть к хорошим членам тела; потом срисовывать с натуры, чтобы утвердиться в основах изученного; потом – рассматривать некоторое время произведения рук различных мастеров; наконец, – привыкнуть к фактическому осуществлению работы в искусстве.

Конечно, такой обдуманный и строгий порядок – хорошая вещь. Только ведь если всевозможные сведения помещаются в голове в спутанном виде, так же они туда и поступают. Это тем более относится к живописи, которой, пояснял Леонардо, не научишь того, кому не позволяет природа, тогда как в математических науках ученик усваивает столько, сколько учитель ему прочитывает. И, добавим, в том же порядке; если же ученику живописца скоро после поступления к мастеру поручается приготовление грунта – что это, как не начало привычки к практическому осуществлению работы в искусстве, упомянутой в приведенном списке последней?

Но даже ближайшая к математике наука перспективы непрочно усваивается путем объяснения, а лучше помогает пример: тогда поучения оказываются забытыми, однако рука правильно действует сама по себе. Важно еще, что обучение осуществляется не только примером учителя, но всюду, где ученика обступают прекрасные произведения искусства. А здесь, во Флоренции, их многочисленность и разнообразие не уступают природной растительности. Иное дело, что если кто одарен сильным талантом, одарен также пристрастиями, и ему не придется, оборачиваясь в растерянности, слоняться между деревьями, ни к одному решительно не прислоняясь. Больше того, если рассмотреть параграфы «Трактата

о живописи», составленного после смерти Леонардо по его записям, найдется много таких, где он уповает не столько на определенную последовательность или какие-нибудь точные математические способы, к каким, по общему мнению, безусловно, привержен, а скорее на способность фантазии. Так, утверждая, что неясными предметами ум побуждается к новым изобретениям, Леонардо советует хорошо рассматривать пятна на стене, образовавшиеся от сырости, пепел, облака или грязь, чтобы отсюда извлечь расположение фигур в композиции, лица людей, пейзажи и всевозможную новизну: спрашивается – где тут математика?

Что же касается ученика, обладающего исключительной природной способностью, тут какой бы ни было жесткий порядок тем более непригоден и неприменим, поскольку такой ученик таинственными, неизвестными способами быстро и без остатка вбирает в себя умение, вроде бы не обучаясь новому, но обнаруживая в полученном от преподавателя совпадение с тем, что само по себе созревает в его душе. Такая быстрота и легкость усвоения имеет огромную важность: бывает, что живописец обучается долгое время, а когда наконец ему предоставлена желаемая самостоятельность, смотришь, пора умирать.

В 1470 году – Леонардо два года находился возле учителя – Вероккио, не поспевая к сроку окончить «Крещение Христа Иоанном», поручил ему написать коленопреклоненного ангела, держащего одежды. Само по себе это неудивительно и обычно практикуется. И ангел, в живописи которого Леонардо следовал довольно сухой и мелочной манере наставника, ничем другим не отличался помимо, однако же, его постановки, если воспользоваться принятым у живописцев и скульпторов словечком.

В то время как Иоанн Креститель, принадлежащий кисти Вероккио, словно опутанный невидимыми узами, иноходью, с ужасным упорством наступает на своего крестника и его правая рука выдвигается вперед одновременно с правою ногой, а фигура отчасти валится на бок, держащий одежды Спасителя ангел полностью сохраняет свободу в движениях, хотя, присаживаясь па колено, принял трудную позу: плечи смещены относительно таза, а голова относительно плеч – хрупкое создание все как бы вывернуто, и тазовая кость сильно подалась в сторону. В этом и заключается новое и удивительное, за чем стекаются сюда знатоки и любители живописи и живописцы, движимые как распространившимся тогда любопытством к прекрасному, так и надеждою извлечь из новизны что-нибудь для себя выгодное и полезное. И если удавалось проникнуть в мастерскую, избежав вспыльчивости и гнева ее хозяина, некоторые, рассматривая картину, пытались с такой же гибкостью, как это получилось у ангела, держащего одежды, присесть в труднейшую позу. Когда же кто-нибудь с этим справлялся, от удовольствия и радости хлопал в ладоши, как бы обнаруживая в себе неизвестную ему прежде редкостную способность. Можно, конечно, сослаться на то, что причина подобной развинченности и кажущейся поначалу излишней и нескромной свободы движения ангела есть контрапост, которому подчиняются четвероногие, в их числе и прямоходящие, как человек. Но что это объясняет? Почему, если от этого зависит удобство хождения, контрапосту не подчиняются беспрекословно? Так, иная собака лучше желает сидеть на цепи, оберегая хозяина, тогда как ее сородичи свободно бегают в лесах, добывая пропитание то здесь, то там.

Если кто поинтересуется и сравнит первое достоверное произведение Леонардо с позднейшими, тому покажется удивительным сходство повадки ангела, держащего одежды, с повадкою другого, миланского, которого улыбка двенадцатью годами спустя расстроила настоятеля капеллы св. Зачатия Девы. Из-за своего негодования францисканец тогда не заметил точно такую повадку и контрапост в движениях самого живописца. И он бы пуще расстроился, если бы до него дошел смысл этого двигательного знамения, говорящего о близком упадке религиозного благочестия, когда новый Нарцисс, наклонясь над попавшейся ему лужею, станет созерцать и исследовать по преимуществу самого себя и также направивши взгляд для исследования окружающего мира, повсюду взамен отражения божия внезапно обнаружит свое.

Что касается действительной внешности Леонардо, отражавшейся не в метафорических лужах, но в хорошо полированных зеркалах и произведениях других живописцев и скульпторов, и каким его могли видеть на улицах, об этом позволяет судить бронзовая фигура

Давида,[32] которую Андреа Вероккио, по-видимому, лепил с Леонардо. Зная исключительную боязнь этого мастера погрешить против природы, можно предполагать, что он верно воспроизвел внешность своего ученика и помощника, хотя тот появлялся на людях не настолько скудно одетым, как библейский Давид. Если же очевидцы все согласно говорят, что в молодости Леонардо был привлекателен, почему бы с этим не согласиться? Могут ли, в самом деле, рано развившиеся ум и способность суждения исказить и испортить чью-либо приятную внешность? Найдутся ли судьи, которые станут доказывать, что красоте прилично выглядеть стертой, как старая монета, а резкость и беспокойство тут неуместны? Ведь если в Леонардо было что-нибудь божественное или ангельское, это отчасти проявлялось в изумительной беспокоящей резкости. Как у человека, который высматривает скрытое, кожа верхней части лица стянута к переносице, седловина которой едва заметна; нос изящно обточен, однако хрящеват и велик; губы тонки, и углы их заведены в тень, и там, малозаметная, играет улыбка; глаза, сильно выпуклые и плотно обтянутые кожею век, излучают внимание и приятнейший свет, что в скульптуре редко удается. Во всей фигуре видна не сила, которою Леонардо, по общему мнению и согласно Вазари, в особенности отличался, но тонкость телосложения и мальчишеская угловатость. С другой стороны, в таком возрасте – при начале работы Леонардо минуло семнадцать – фигура складывается в окончательных пропорциях, которые затем изменяются лишь в глубокой старости. Так вот, если судить по соотношению величин, Леонардо был среднего роста, что также противоречит общему мнению, но, возможно, он держался с таким умыслом, что казался более высоким.

При своем угрюмом, неприветливом характере Вероккио был переимчив – как другие во Флоренции, где каждый норовит сунуть нос в мастерскую соседа. Когда Антонио Поллайоло написал для цеха суконщиков Товию[33] с рыбой, сопровождаемого архангелом Гавриилом, Андреа эта работа так понравилась, что он только ожидал случая сделать какую-нибудь вещь в подобной манере. Между тем Поллайоло одел своего Товию, можно сказать, с иголочки и все, от подметок до шляпы с пером, тщательно обдумал и изобразил с огромным старанием. Не следует думать, что живописец считает, будто библейский Товия в самом деле имел сапоги с отворотами и палевого цвета изнанкою; да и между зрителями настолько доверчивы только наиболее невежественные – для человека тонкого метафорический смысл Писания распространяется на все времена, когда в виде Товии свободно могут выступать флорентийские граждане, чтобы так вот красиво одетым, не приминая цветов ввиду своей легкости, путешествовать берегом Арно; и чтобы этого Товию еще и сопровождала собачка болонской породы, как тогда было принято. Если же Леонардо впоследствии предостерегал живописцев, чтобы не изображали фигуры в исторических композициях в одежде, какую носят в их время, то еще неизвестно, что опаснее для церкви: такое вот кажущееся легкомыслие или отдаление и холод, становящиеся уделом божественных персонажей из-за того, что драпированы в какие-то вымышленные балахоны и тоги или вовсе раздеты.

Когда Вероккио смог удовлетворить свое желание и написал картину на тот же сюжет, что и Антонио Поллайоло, все удивились, насколько ему это удалось. Правда, у Вероккио Товию сопровождают трое архангелов – Рафаил, Гавриил и Михаил; но разница в количестве и расположении фигур не так существенна: более важны жест и манера, эта развевающаяся кисейность, мир, представленный хрупким, словно бы отлит из стекла и действие происходит внутри яйца с семью прозрачными оболочками – по числу небес. Единственный обладающий тяжестью и силой архангел Михаил ступает с большой осторожностью и, идя первым, вытягивает носки, словно бы спускаясь по крутому опасному склону, тогда как крылья за спиной и меч в руках острием кверху способствуют его равновесию наподобие шеста у шагающего по канату гимнаста. Поскольку же фигурой, лицом и насмешливым взглядом

---

[32] Давид – второй царь израильский. Согласно библейской легенде победил в единоборстве филистимлянина исполина Голиафа.

[33] Товия – сын Товита, ослепшего к старости. Когда Товит послал сына в далекий город получить деньги у должника, Товию сопровождали архангелы Рафаил, Михаил и Гавриил (из неканонических книг Ветхого завета).

архангел похож на Леонардо, возможно предположить, что ученик Андреа Вероккио как раз направляется разметать завитки и другие украшения, вынуждающие его к осторожности, и чтобы расколотить в пыль многочисленные стеклянные мелочи; затем он намерен – как в свое время поступил Мазаччо – залить освободившееся пространство медообразной субстанцией, светящейся изнутри и проникающей сквозь поверхность картины, целиком заполняя помещение и поглощая каждого, кто там находится. Потому что его возмущает, когда люди, считающие себя знатоками и ценителями искусства, как мухи прилипают к какой-нибудь пряжечке или оборке, словно бы к капле сладкого варенья, и муж, подобный Вероккио, важный в движениях и осмотрительный, возится с эдакими пустяками.

40

Срисуй кишки, в их местоположении и отдели их локоть за локтем, связав сперва концы отделенного и остающегося; и, отделяя их, срисуй края брыжейки, где ты отделяешь часть кишок, и, зарисовав расположение этой брыжейки, срисуй ветвление ее кровеносных жил, и так ты постепенно проследуешь вплоть до конца; и начнешь с прямой кишки, и попадешь вверх с левой стороны к толстой кишке. Но сперва убери долотом лонную и подвздошную кости.

Обучавшийся вместе с Леонардо и старший его семью годами Пьетро Перуджино не одобрял занятий анатомией, но не из благочестия или боязни, которыми не обладал, а потому что считал их бесполезными. При этом он ссылался на Донателло, который правдоподобием фигур превзошел древних скульпторов, хотя в анатомии мало что смыслит. Что же касается Фидия, Мирона или Поликлета, то ведь и они не имели возможности вскрывать трупы людей, поскольку греческое суеверие этого не допускало, и наблюдали голых в гимназиях. Остается добавить, что Гален приобрел самые изумительные познания, вскрывая мертвых свиней, собак и других животных и пользуясь воображением, которое можно назвать узнающим или действующим по аналогии. Но, хотя времена меняются и давно не случалось, чтобы во Флоренции преследовали занятия анатомией, злобствующие невежды всегда будут существовать, и их следует остерегаться. Если надзирающие за кладбищем монахи сговорчивы, обращаться с мертвецом непросто, и тут нужны всяческие предосторожности, когда приходится опасаться людей хорошо знакомых и доброжелательных.

Страх мертвого тела бывает настолько велик, что уничтожает всякую сдержанность и воспитание, да и безразлично, криком ли такой испугавшийся оглашает окрестность или наговаривает кому-нибудь на ухо. Поэтому когда Леонардо, желая участвовать в ночном анатомическом сеансе вместе с братьями Антонио и Пьеро Поллайоло, державшими мастерскую по соседству, на этом настаивал, братья соглашались с неохотою. Согласившись же, удивлялись, что юноша действовал без малейшей робости, показывая, напротив, большую сноровку, как если предварительные понятия об анатомии были заранее вложены в его память. Но этому нечего удивляться: там, где один созерцает без пользы, другой ухитряется приобрести подобие практики. Тут отчасти прав Перуджино, считающий занятия анатомией излишними, поскольку человек, обладающий интуицией и воображением, ей научается, ощупывая собственное колено или стопу, или наблюдая за голыми в банях, или при купании в реке, или благодаря аналогии, присутствуя, когда забивают свинью или другое животное и затем разделывают тушу. В то время мясник, действуя топором как анатомическим инструментом, ничего такого не приобретает и не усваивает.

Действительно, поскольку хорошему мастеру, как Донателло, достаточно поверхностного наблюдения мышц, зачем ему устройство прямой кишки и других отвратительных, зловонных органов, которые не проявляются снаружи? Братья Поллайоло отчасти привыкли терпеть дурные запахи, иначе невозможны подобные ночные занятия; но если исследователи, каких справедливо называют собаками ищущими, проникнув в брюшную полость, рассматривают и перебирают пальцами свернувшийся в виде удава кишечник или вскрывают прямую кишку, распространившееся зловоние не оставляет братьям другого выхода, кроме как, зажав нос, с проклятиями удалиться.

Откуда же у юных чувствительных душ такая стойкость к ужасному, чего не выносят

более простые и грубые души? Леонардо мог бы на это ответить следующим образом:

– Всякое сведение, достающееся трудолюбивому и внимательному человеку, не только его не обременяет, но с пользою проявляется в произведении. Пусть уходят Антонио и Пьеро Поллайоло, которые ошибочно думают, будто господь, как и они, отворачивается и зажимает нос, если ощущает зловоние; и что он поручает кому-то другому создание вещей, кажущихся нам отвратительными и ужасными. Вот подобно разбитому сосуду распластывается мертвое тело при вскрытии; вино разлилось и испачкало черепки, в таком виде не дающие правильного представления об истинной форме разбитого. Но не одна только поверхность и мускулы в движении достаточны и интересны для восстановления формы в ее целости и красоте; как бы там ни высказывался греческий Деметрий Полиоркет Разрушитель городов, бурление внизу живота выражает мысль бога вместе с прекрасным церковным пением. Только тому будет прощен грех и величайшее искушение краткости, кто до этого не убоялся выслушать утомительную и монотонную, как набегающие одна за другую морские волны, речь своего создателя во всей ее полноте и подробностях, которые невозможно перечислить. Если же братья Поллайоло удаляются, а с ними вместе и тот, кто, как они, полагает, будто бы определил предел необходимого знания, другие, более проницательные, остаются трудиться и бодрствовать, ожидая великого преображения, когда живопись, «тонкое изобретение, которое с философским и тонким размышлением рассматривает все качества форм», из робкой служанки превратится в знатную госпожу, а из механического искусства в благороднейшую науку. Ведь посредством своих инструментов, каким являются глаз и рука, живопись не только успешно доказывает первородство перед другими науками и занятиями, но соединяет их все в круге знания, подобно громаднейшей верше, заполняющей изнутри пределы вселенной: сквозь ее ячеи ложь сцеживается, а истина остается, составляя улов.

Однажды наутро после анатомического сеанса Пьетро Перуджино по своему обыкновению дерзко и насмешливо спросил Леонардо, почему у него утомленный вид я глаза красные, словно их терли перцем. Тот отвечал:

– Устрица во время полнолуния вся раскрывается, и когда краб ее видит, то бросает внутрь ее какой-нибудь камешек или стебель. И она не может закрыться и становится добычею краба. Так же и человек, не умеющий хранить тайну, становится добычею лжецов и недоброжелателей.

41

Душа, правящая и управляющая телом, есть то, что образует наше суждение еще до того, как оно станет нашим собственным суждением. Поэтому она создала фигуру человека так хорошо, как она это рассудила, – с длинным носом, или коротким, или курносым, и так же определила его высоту и фигуру. И так велико могущество этого суждения, что оно движет рукой живописца и заставляет его повторять самого себя.

Выражением «круглый дурак» в Тоскане пользуются редко, а говорят просто «круглый» – остальное бывает понятно, поскольку здесь называют круглыми людей малосообразительных и тупых. Почему фигуре круга, столь совершенной и, можно сказать, перегруженной тончайшими рассуждениями, которым она является поводом и причиной, присвоен еще и такой оскорбительный смысл, никто толком не знает. Остается это добавить к известным противоречиям круга, о чем Аристотель в приписываемом ему сочинении «Проблемы механики» отзывается следующим образом:

«Ничего нет странного в том, что из удивительного происходит нечто удивительное. Но самое удивительное есть соединение в одном противоположных свойств – в круге его порождает нечто движущееся и одновременно пребывающее на одном месте. Противоположность также проявляется в линии, объемлющей круг, так как это – выпуклое, и вместе вогнутое, так же отличающееся одно от другого, как большое и малое, когда посредине не лежит прямая линия. Поэтому если одно должно перейти в другое, то или они сами, или ограничивающие их внешние противоположности должны сперва выровняться и выпуклое, чтобы стать вогнутым или наоборот, должно стать прямым. Круг в одно и то же время движется в противоположных направлениях – вперед и назад; прямая линия, описывающая круг,

приходит обратно к той точке, из которой вышла, и в ее непрерывном движении последнее является первым». Так вот, удивительное, необычайное время, известное как Возрождение, точно так же можно назвать великим скруглением. Что же касается противоречий и противоположностей круга, то хотя помещение капитула, которое Брунеллеско на средства семейства Пацци поставил возле Санта Кроче, церкви св. Креста, постороннему глазу представляется исключительно цельным и слаженным, оно еще и воплощает собой важнейшие из указанных Аристотелем свойств: средний пролет шестиколонного портика перекрыт полукруглой аркой, представляющей собой чистую вогнутость; выше ее вогнутость оборачивается прямизною карниза; еще выше – выпуклостями барабана и крыши.

Помещение капитула францисканцев возле их церкви св. Креста, иначе называемое капеллою Пацци, счастливо соперничает легкостью с наиболее выдающимися готическими постройками, которым приписывают исключительное качество легкости. Но тогда как готическая стрельчатая арка, будто бы увязнувшая в болотистой почве, пытаясь вытянуть себя за волосы, тщетно стремится кверху, круглая арка, пребывая, по выражению Кирилла Александрийского, как земля в руце божьей, скорее причастна небесному и представляет собой его верный слепок. Если же произведение архитектуры отличается, как человек, свойственным ему жестом, то знаменитые церкви в готической или немецкой манере, не убоявшись силы сравнения, возможно уподобить нищему калеке, протягивающему костыли как бы в намерении проткнуть небесную сферу и не заботящемуся о симметрии. Если же нищий внезапно оставляет свое притворство и ханжество, отряхивает одежду, расправляя ее красивыми складками, и, довольный, приветствует встречающихся прохожих округлыми, плавными телодвижениями, – тут-то и начинается новая архитектура.

При том что Липпо Брунеллеско, сердечный приятель Антонио да Винчи, был человеком сведущим и остроумным, трудно ручаться за его знакомство с Аристотелевой механикой и рассуждением о противоположностях круга, удачно иллюстрированным капеллою Пацци. Так же и Леонардо, обдумывая живопись на сюжет св. Благовещения для пределлы, то есть невысокой, вытянутой в длину нижней части алтарного складня, заказанного Андреа Вероккио монахами церкви св. Марии на Масличной горе, вряд ли опирался на Аристотеля. Тем не менее когда философ говорит, что все мыслимые механизмы сводятся к рычагу, рычаг – к весам, весы – к кругу, это имеет отношение к исполненной по поручению учителя живописи. Правда, капелла Пацци при ее совершенной симметрии находит аналогию в обычных весах, в то время как «Благовещение» следует приравнивать к римским весам, или безмену, когда какой-нибудь значительный груз на коротком плече уравновешивается малыми гирьками, разместившимися вдоль более длинного. Так, опустившийся на лужайку легчайший ангел-благовеститель полностью уравновешивает каменное строение, перед которым расположилась Мария; эта, в свою очередь, чудом не улетает, кажется, настолько легка. Но недаром проницательность взвешивателя или купца – иначе говоря, живописца – можно приравнять к проницательности опытного менялы, когда тот, даже не пользуясь наиболее чувствительными, аптекарскими весами, а пробуя на зуб, определяет качество и чистоту драгоценного металла и приводит к золотому дукату все эти дублоны, пиастры, эскудо или восточные рупии. Живописец в подобном сведении также ничего важного не упускает – пробирающуюся по стеблю травы божью коровку, цветы, облачко, камни, облицовку стены, огромную балку он все равно приводит к метафорической тяжести, сопоставляя и учитывая различное: тень, свет и цвет, расстояние между вещами и большую или меньшую отчетливость, с которою они видны наблюдающему живописцу, когда предметы, находящиеся далеко, обработаны кистью как бы с небрежностью.

Ось, на которой качаются плечи безмена, или римских весов, пронизывает мраморный столик, в точности похожий на саркофаг, приготовленный Андреа Вероккио для почетного захоронения Пьеро Медичи, отца нынешних Лоренцо и Джулиано, семь лет как умершего. Вдоль длинного плеча, понятное дело воображаемого, в добавление к недостаточной для равновесия тяжести ангела помещены выстроившиеся в ряд малые гирьки в виде деревьев – числом десять, выписанные с бесподобной тщательностью. Но и самого ангела-благовестителя, опустившегося на лужайку в нескольких шагах от Марии, возможно вообразить прикрепившимся таким образом, что легко способен качаться как весы; он и в самом деле

качнулся, протянувши перед собою руку с перстами, сложенными для крестного знамения, клюя носом подобно приземляющейся птице. Говоря короче, здесь есть чем заняться любителю орудовать циркулем и линейкой.

Относительно ангелов в те времена было мнение, что-де в их телах стихии или элементы сочетаются с преобладанием легчайших. Однако, рассматривая свободно опущенную, придерживающую пальмовую ветвь кисть правой руки приземлившегося ангела, ее состав можно представить таким, каков он бывает у юношей, упражняющихся в развитии силы: эдакая рука годится не ангелу, но скорее кузнецу и механику, как древний Дедал. Что касается прикрепленных к спине и движущихся вместе с лопатками крыльев, их крепость и мощь дают основание вообразить, с каким шумом и хлопаньем станет взлетать этот плечистый благовеститель и как повлечется за ним, свиваясь из-за сопротивления воздуха, тяжелый бархатный плащ. Самому живописцу, когда он писал «Благовещение», минуло двадцать, и его органы еще укреплялись от упражнения и гимнастики – грудная клетка плохо помещалась в камзоле, и шея удерживалась настолько развитыми мышцами, что плечи выглядели покатыми наподобие сторон фигуры трапеции.

Хотя во Флоренции бороды можно было видеть разве что у цыган или греков, подбородок и верхняя губа Леонардо отчасти прикрыты кольцами как бы золотого руна: при его желании отличаться он обнаруживал себя не исключительно в живописи или скульптуре, но состязался в излюбленной флорентийскими юношами игре в ножной мяч, или в числе других всадников, наклонясь на полном скаку, поднимал нарочно положенное на мостовую оружие, или показывал силу мышц, сгибая рукой подкову, или соревновался в поднятии тяжестей – и все это в присутствии толпы ротозеев, которые ничего другого не делают, как только перемещаются по городу и разносят молву. Брунеллеско, которому природа дала малый рост и невзрачную наружность, и был он человеком тщедушнейшим, в свое время избегал подобных развлечений, чтобы себя не ронять. Вместе с тем плавность и величие жеста и круглота, проявляющиеся в произведениях обоих художников, сходны, а следовательно, близки они и в первоначальном суждении, которое равно движет рукой архитектора и живописца. Остается понять, как образуется самое это суждение, настолько могущественное: рождается ли оно вместе с телом, которым призвано править, выбирая затем из мнений философов именно то, что ему больше подходит?

С «Благовещением» Леонардо поступил в сообщество живописцев св. Луки – этот евангелист, как считается, сделал изображение Богородицы при ее жизни с натуры. Имея самостоятельный характер и обладая также необходимым умением, Леонардо, однако, не покинул мастерскую Андреа Вероккио, не стремясь, как другие ученики, к скорому обогащению, тем более, что его участие в предприятиях мастера теперь будет оплачиваться по справедливости, тогда как прежде он сам ежемесячно приносил за обучение условленные три лиры.

42

Если бы живописцы были так же склонны восхвалять в писаниях свои произведения, как и вы, то, я думаю, живопись не оставалась бы при столь низком прозвище. А если бы назвали ее механической, так как она выполняется руками, то вы, писатели, рисуете посредством пера то, что находится в вашем разуме. Если же вы назвали ее механической потому, что делается она за плату, то не идете ли вы к тем, кто больше платит?

Время, умелый кузнец, ловко обработало внешность Лоренцо Великолепного Медичи. Словно бы разозлясь, покуда изделие податливо от жара – или же молодости, так можно сказать, – ударило его несколько раз молотом по переносице, и от этого середина носа стала плоской и широкой, а основание вытянулось наподобие утиного клюва; затем два раза по щекам, и они от этого провалились и ушли в тень, а скулы выпятились и осветились; наконец по нижней губе, которая распласталась как бы в улыбке, безобразной и привлекательной одновременно. Хотя подбородок, квадратною формой показывающий упорство и хитрость, кузнец не затрагивал, внешность Лоренцо таким способом настолько усовершенствовалась, что его по справедливости называют самым безобразным человеком Италии. На собраниях так

называемой платоновской академии, а верное, дружеского кружка братьев Медичи на вилле в Кареджи или в других известных местах, Лоренцо обыкновенно сидел, как бы испытывая боль в низу живота, и от этого сгорбившись и ухватившись за поручни кресла. Из-за жестокой болезни – старший Медичи страдал от уремии – цвет лица он имел желтый или оливковый. Поскольку же его рот обыкновенно растянут гримасою, бывало трудно понять, огорчен он или радуется превосходному обществу, представляющему род скрибократии – от латинского scriba, «писец» – и управляющему отчасти Флоренцией поверх Синьории и магистратов.

Полагая первым достоинством человека латинскую и греческую образованность и умение цитировать авторов, платоники влияют на окружающих не так своей философией, которую мало кто может понять, как ученою спесью и высокомерием: опасаясь прослыть невеждами, многие к ним подделываются и из кожи вон лезут, чтобы похвалиться знанием каких-нибудь греческих аористов и других вещей из грамматики, которые невозможно постичь. В этом, с позволения сказать, ученом содружестве также никто другому не уступает, но каждый работает локтями и языком, чтобы только приблизиться к Медичи и занять место рядом. Притом своих оппонентов они по-всячески честят: поэта Луиджи Пульчи – что значит блоха – наиболее выдающийся из платоников, Марсилио Фичино,[34] иначе не называл, как Терситом, злоба которого столь велика, что избавиться от нее труднее, чем вычерпать песок с морского дна. Что касается чудовищной и безобразной поэмы «Великий Морганте», Фичино считал это его произведение сплошным, беспрерывным преувеличением преувеличенного, извращением истины, издевательством над здравым смыслом и путаницей. Однако дерзкий насмешливый автор, кажется, самый печальный человек на свете, если среди его крылатых выражений, разлетающихся далеко, как почтовые голуби, одно сообщает: «Когда я учусь жить, я учусь умирать». Один глаз этого Пульчи смеется, а из другого выкатывается слеза, хотя не только от душевной раздвоенности, но и потому, что Луиджи был ранен напавшими на него злоумышленниками, обиженными какою-то его шуткой.

Поместившийся почетным образом по левую руку Лоренцо Великолепного Анджело Полициано в возрасте семнадцати лет сочинил своего «Орфея», а в восемнадцать приступил к чтению курса во флорентийском Студио, где толковал обучающимся латинских и греческих авторов. Введение к курсу лектор назвал панэпистемон, что по-гречески означает «всезнайка». Излагая порядок наук, после сочинений по оптике Полициано рассматривает науку механики и чем она занимается.

– Как Герон,[35] так и Папп[36] утверждают, что в механике имеется одна часть рациональная, которая занимается изучением чисел, звезд и вообще природы, а другая хирургическая – от греческого хирос, «рука» – или прикладная, которая распространяется на обработку металлов, строительное дело и живопись.

Живопись не только не причислена к свободным искусствам, как дисциплины университетского тривиума и квадривиума[37] – грамматика, диалектика, риторика, музыка, арифметика, геометрия и астрономия, – но среди ремесел поставлена после обработки дерева. Не может быть ничего унизительнее этого, хотя именно благородная живопись оказала славе Флоренции наибольшее количество важных услуг – таково общее мнение. Правда, не всех это заботило: Доменико Гирландайо, которого Вазари называл одним из главных и превосходных

---

[34] Фичино Марсилио (1433–1499) – писатель-гуманист, философ и теолог, виднейший деятель Платоновской академии, считавший Платона предшественником Иисуса Христа.

[35] Герон Старший (род. в Александрии ок. 155 г. до н. э.) – искусный механик; до нас дошли некоторые его сочинения – «Пневматика» и две книги об автоматах.

[36] Папп Александрийский (жил в конце III века н. э.) – греческий геометр.

[37] Тривиум и квадривиум – обязательные для изучения в средневековых университетах циклы наук. Элементарный цикл – тривиум – включал грамматику, диалектику и риторику, высший – квадривиум – музыку, арифметику, геометрию и астрономию.

мастеров своего века, хотя досадовал, что не получает заказа расписывать стены, опоясывающие Флоренцию, при подобных исключительных притязаниях оставался простым, скромным человеком и, работая в каком-нибудь бедном монастыре, довольствовался остатками монашеской трапезы и наблюдал только, чтобы хватило еды его помощникам; при этом он стучал деревянными башмаками, как угольщик, накрываясь мешком с двумя дырами вместо рукавов.

Леонардо желает быть возле Медичи так же красиво одетым, как те, что, по его словам, расхаживают, чванные и напыщенные, украшенные не только своими, но и чужими трудами. И питаться желает оп не остатками, предназначаемыми для свиней, но чтобы восседать за той трапезой, где, по словам Данте в «Пире», вкушают ангельский хлеб – так называет Поэт пищу знания. «О, сколь несчастны те, кто питается той же пищей, что и скотина!» – продолжает великий тосканец, сохраняющий, однако, надежду на человеческое благородство: «Поскольку каждый человек каждому другому человеку – друг, а каждый друг скорбит о недостатках любимого, постольку вкушающие пищу за столь высокой трапезой не лишены сострадания к тем, кто у них на глазах бродит по скотскому пастбищу, питаясь травой и желудями».

Но легко ли самолюбивому юноше, самим Меценатом призванному, принять участие в платонических сборищах, если другие присутствующие его встречают с нарочитой прохладцей и он вынужден слоняться за их спинами, знаками напоминая о себе. Вопреки мнению Данте, сообщавшему, будто познавшие истину, как он говорит, всегда щедро делятся своими богатствами с бедняками, являя собой как бы живой источник, чья вода утоляет природную любознательность, эти платоники не так благодушны. Непреходящая обида и язвительность Мастера относительно их поведения оказались бы еще значительно большими, не окажись между пирующими мессера Паоло Тосканелли.

Всегдашний его доброжелатель, выведенный в поэме Луиджи Пульчи «Великий Моргауте» под личиною черта – по крайней мере, так полагают знающие филологи, – в прежние годы служил библиотекарем у известного Никколо Никколи.[38] Когда тот разорился, потратив все состояние на книги и различные древности, Козимо Медичи выкупил его библиотеку у кредиторов и подарил монахам монастыря Сан Марко. Хотя, как исстари заведено, книги во Флоренции доступны каждому взыскующему знания, чтобы Леонардо не блуждал посреди полок без руководства, мессер Паоло, хорошо изучивший состав библиотеки Никколо Никколи, давал ему правильное направление и помогал советами. Таким образом, Тосканелли стал первым помощником в осуществлении благородного замысла и желания Леонардо не только принять полноправное участие в пире, но также изменить порядок застолья, поместив рядом с Философией благородную Живопись как представительницу свободных искусств. Трудность заключается в том, что в библиотеке монастыря Сан Марко гораздо более книг на латыни и греческом, чем на общедоступном тосканском наречии. И вот когда этот uomo sanza lettere, то есть без книжного образования, с ослиным упрямством вчитывается в латинские тексты, советуясь о правильности перевода с людьми, сведущими в грамматике, и вновь и вновь возвращаясь к какому-нибудь абзацу, на котором его заколодило, у него есть время хорошо обдумать читаемое, а нужные ему вещи прочнее оседают в памяти.

И все же большую часть образованности Леонардо приобрел не над книжными полками и не в аудиториях, которые не посещал, а как если бы, обладая чудесным сачком, улавливал ее в воздухе: его тривиум и квадривиум – в уличных сборищах, в дружеских беседах и спорах, когда наряду с оскорблениями рождается истина. Сравнительно с учеными лекциями и чтением книг подобная практика лучше закаляет ум в риторике и диалектике и делает его для противника неуязвимым. Также и музыку он изучает в предпраздничных спевках возле церкви св. Мартина, где устраиваются состязания и турниры певцов. Когда же в перерывах не слышится пения, раздается гул разговора множества людей, поскольку тут встречаются и беседуют между собою богатые и бедные, люди из старинных семейств и безродные, купцы, менялы, аптекари, монахи, живописцы, кожевники, булочники – люди всякого звания, мастера, подмастерья и ученики, а

---

[38] Никколо Никколи (1365–1437) – флорентийский гуманист, сын купца. Отдал все состояние на собирание книг и памятников древности.

также бездельники, живущие обманом и кознями. И никто здесь не чванится перед другими знатностью или богатством, потому что во Флоренции существует только один род чванства, а именно чванство ученое, которого Леонардо много терпел от платоников.

43

– Один лик божий является в трех по порядку разложенных зеркалах: в ангеле, в душе и в теле мира, – говорил Марсилио Фичино, наибольший платоник из собиравшихся вокруг братьев Медичи, и его лицо, постное и утонченное, еще вытягивалось. – Блеск и красота божьего мира, так отраженные, должны быть названы всеобщей красотой, а всеобщее устремление к этой красоте должно называться любовью.

Люди попроще имели другие способы приблизиться к божескому через любовь, имея руководителя, как Екатерина Сиенская. Известная в те времена духовидица перед кончиною сообщила, что де Христова невеста вступает на ложе своего жениха, называла Иисуса сладчайшим возлюбленным рыцарем и еще по-всячески, в чем некоторые ханжи усматривали неприличие. Наконец, третьи исходили из Дантовой «Новой Жизни», где Поэт с присущей ему силой показывает, как таинственный Амор является то в виде юноши в красной одежде, то в белой, то пламенеющего облака или, внезапно утрачивая какие бы ни было признаки, внедряется в душу в качестве универсальной причины. Но все равно соглашаются, что этот князь Амор, или Любовь, управляет и господствует в громаднейшей области и его воля объединяет множество подданных. И неудивительно, если люди разного состояния и привычек, невежественные и хорошо образованные, все горячо обсуждают сердечную привязанность младшего Медичи.

Симонетта Веспуччи, урожденная Каттанео, имела плоскую, даже впалую грудь, а живот выдавался как у беременной и нос был велик, однако же, подчиняясь внушению Медичи, граждане Флоренции считали ее образцом красоты и прелести. Симонетта была замужем за Марко, сыном нотариуса Анастасио Веспуччи, второй сын которого, Америго, дал имя Америке, открытой Христофором Колумбом. Хотя Симонетту можно было назвать возлюбленной Джулиано Медичи только в идеальном смысле, семейство затаило на него вражду и, поддерживая заговорщиков Пацци, способствовало его гибели. Между тем незадолго до этого Симонетта внезапно умерла, и многие оплакивали ее смерть, будучи в уверенности, что в таких людях отражается лик божий и созерцающие подобную красоту коротким путем сообщаются с небом.

В отличие от Лоренцо, которого называют самым безобразным человеком в Италии, Джулиано очень красив: кожа у него нежная и белая и без малейшего румянца, а взгляд приветлив, тогда как в выражении Лоренцо видна язвительная насмешка. Движения младшего Медичи плавны и неторопливы, Лоренцо же во всех действиях резок и быстр, и, покуда Джулиано убивался и вздыхал, Лоренцо написал большое количество сонетов на смерть Симонетты Веспуччи, где показал себя таким же огорчающимся и влюбленным, как его брат. В красивых благозвучных стихах Лоренцо сообщает читателю свои переживания с поэтической тонкостью, в то время как в написанных прозою комментариях рассматривает их более подробно, приводит примеры и аналогии и разъясняет темные места.

Пропорция, в какой соотносятся проза и стихи, у Лоренцо примерно такова же, что и у Данте в его «Новой жизни», или у провансальских трубадуров. Этот жанр, называемый прозометрией, не Лоренцо придумал, и он встречается в поэтической практике задолго прежде него. И все же, имея предметом исследования собственную душу и вокруг нее только и обращаясь, автор находит нужным оправдываться. «Мне не кажется, – рассуждает Лоренцо, – что в толковании событий, происходящих в моей душе, есть что-нибудь зазорное. Напротив, это дело из всех наиболее стоящее и дает наилучшие плоды, что доказывают многочисленные ошибки и нелепости, допущенные комментаторами чужих произведений, поскольку они достовернее изображают самих себя, нежели то чужое, о чем берутся судить. Тогда как собственная душа и ее произведения легко доступны владельцу и сами себе открыты».

И тут наиболее существенно, как автор показывает, чем является для поэта окружающий его мир, а именно тем, чем для влюбленного звон церковного колокола или журчание ручья,

поскольку этот влюбленный, куда свое ухо ни обратил бы, отовсюду в него проникает имя, предпочитаемое им среди прочих. Касаясь зрительных образов, Лоренцо замечает, что, глядясь в светлую прозрачную воду, как в зеркало, влюбленный находит там то, к чему имеет неодолимое влечение, а обращаясь к облакам, и между ними усматривает предмет своей склонности. Выходит, как душа человека правильно называется зеркалом природы, так и природа отчасти, в известных обстоятельствах, есть зеркало души человека. Но если произведение поэтического искусства непременно отвечает своему создателю, наиболее правдоподобно показывая его самого и его намерения, почему не отнести это к благороднейшей живописи?

Я не премину поместить среди моих наставлений новоизобретенный способ рассматривания, хотя он может показаться ничтожным и почти что смехотворным. Это бывает, если ты рассматриваешь стены, запачканные разными пятнами, или камни из разной смеси. И если тебе нужно изобрести какую-нибудь местность, ты сможешь там увидеть подобие различных пейзажей, украшенных горами, реками, скалами, деревьями, обширными равнинами, долинами и холмами; кроме того, ты сможешь там увидеть разные битвы, быстрые движения странных фигур, выражения лиц, одежды и еще бесконечно многие вещи, поскольку с подобными стенами и смесями происходит то же самое, что и со звоном колокола, – в его ударах ты найдешь любое имя или слово, какое ты себе вообразишь.

Первоначальную идею, подобно мягкой глине, один изобретатель перенимает от другого для обработки, и тут в ее податливой мягкости возникают как бы различные выражения лица: от высокоумного божеского до шутовского или нарочито простецкого. Данте, намеревавшийся прославить любовь как одну из частей философии, говорил, что во всяком действии главное сделать других подобными себе, отчего, заключает поэт, «мы видим, как солнце, посылая лучи на землю, превращает вещи в свое светоносное подобие в той мере, в какой они в силу собственного предрасположения способны воспринять его свет».

Лоренцо отчасти приспустил идею с небес и, избегая нарочитого мудрствования и натянутых аналогий, часто свойственных Данте, приблизил к цветущим лужайкам возле Флоренции. Леонардо применил идею взаимодействия к живописи, тогда как Сандро Боттичелли заранее осмеял его довольно осторожные рассуждения и вывернул наизнанку, после чего первоначальная идея оказалась глубоко скрытой под нищенской одеждой, так что Леонардо ее не признал в таком виде и гнал со двора, подобно недоверчивым домочадцам, не признающим вернувшегося после долгого отсутствия блудного сына.

Если кому-нибудь не нравятся пейзажи, то он считает, что эта вещь постигается коротко и просто. Как говорил наш Боттичелли, достаточно бросить губку, наполненную различными красками, в стену, и она оставит на этой стене пятно, где будет виден красивый пейзаж. И этот живописец делал чрезвычайно жалкие пейзажи.

Древний Платон справедливо указывает, что одно только широкое распространение какой-нибудь вещи не служит причиною, чтобы ее отрицать: хорошо владея латынью и греческим, Лоренцо Медичи свои поэтические произведения, как и комментарии к ним, писал на тосканском наречии и его восхвалял. Громадное большинство населения не только не знает латыни и тем более греческого, но, выучившись читать на тосканском, из-за отсутствия необходимости или досуга этим не пользуются, так что лучше дать им выучивать наизусть и со слуха. Предлагая образованным людям более изысканные кушанья, Лоренцо не жалеет старания и времени придумывать к карнавалам и праздникам, чему во Флоренции нет числа, диалоги, игры и песенки; принято, чтобы сообщество, или конгрегация, – будь то девственницы, бедные невесты, куртизанки или кормилицы, – имело каждый раз новую песенку, Флоренция же с охотою распевает стихи, которые сочиняет ее поработитель и узурпатор народного суверенитета, а сам он, нисколько не важничая, отплясывает вместе с другими.

44

Если мастер набожен, таковыми кажутся и его фигуры со своими искривленными шеями; если мастер не любит утруждать себя, его фигуры кажутся срисованной с натуры

ленью; если он непропорционален, фигуры его таковы же; если он глуп, он широко обнаруживает себя в исторических композициях – они враги всякой цельности, фигуры их не обращают внимания на свои действия, наоборот: один смотрит туда, другой сюда, как во сне.

В диалоге «Гермотим, или О выборе философии» величайший из греческих софистов, Лукиан, утверждает, что каждый философствует соответственно своему характеру; при этом он описывает эпикурейцев как добродушных и падких до удовольствий, перипатетиков называет корыстолюбивыми и большими спорщиками, платоников же наделяет надменностью и честолюбием. Применительно к новым флорентийским платоникам сюда надо добавить утонченность, важность и чуточку ханжества, которое заключается в том, что они не любят называть вещи своими именами и избегают всего некрасивого и грубого, даже когда на этом держится жизнь. Их настроению и духу как нельзя лучше отвечает «Примавера», или «Весна», картина, написанная Сандро Боттичелли для Медичи; правда, если разбираться, что именно здесь представлено и правильно ли такое название, находится столько знатоков, сколько и толкований, хотя все соглашаются, что Флора имеет огромное сходство с умершей Симонеттой Веспуччи, а Борей, или Северный ветер, своим видом вызывает дрожь как бы от холода, и в целом картина изумительно красива.

– Венера олицетворяет различие и связь между любовью материальной, которой отдана правая половина картины, и поместившейся слева идеальной, или духовной, – пояснял Марсилио Фичино, – материальная любовь хотя и приятна, но обречена телесным и душевным страданиям и смерти и, беспрерывно преобразуясь, стремится избавиться от каждого нового облика. Это, по-видимому, подразумевается изображением прекрасных цветов, разбрасываемых Весною, извлекающей их из прозрачной своей одежды, а также гирляндою, рождающеюся в устах богини Флоры: подобное странное происхождение напоминает о цветах на могиле несчастной Симонетты и вызывает у зрителя желание плакать. Между тем отданная идеальной любви левая часть представляет в виде граций три добродетели: Чистоту, Красоту и Любовь; здесь все радостно и малейшая тяжесть или горе не обременяют фигуры, подобные полевым растениям, качающимся от легкого дуновения воздуха.

Во всеобщем движении и плавном перетекании неизменной, по крайне чувствительной духовной сущности – утверждают платоники – главный и единственный движитель есть любовь, сопровождающаяся огорчением, как жизнь сопровождается гибелью и всевозможными несчастьями. Радуясь каждому новому телесному облику, приходится оплакивать прежний и горько о нем сожалеть: отсюда сходство, которое имеется в наименовании противоположных по смыслу понятий, как amore – любовь и amarezza – горечь, представляющих собой как бы ветви, происходящие из одного ствола. И все это наглядно показано в картине Сандро Боттичелли, что по крайней мере свидетельствует о его начитанности и глубоком сочувствии платоническим идеям. В самом деле, будучи сыном богатого кожевника, Сандро получил достаточное образование и был любознателен; испытывая же склонность к поэзии, знал наизусть и толковал многие отрывки из Данте.

При хорошем росте и стройной фигуре Боттичелли имел значительное и печальное выражение лица и в теплое время года кутался в плащ, как бы показывая, что душа его мерзнет. Впрочем, другой раз, утомляясь жарою, он подолгу отдыхал где-нибудь в холодке, болтая с кем попало, из-за чего Леонардо сравнивал его с созревающей в затененных местах тыквою и называл лентяем. Большую часть заработанных денег Боттичелли тратил на вино, угощая приятелей; говорили, что Отсюда и прозвище, поскольку «боттичелли» означает «бочонок», хотя в действительности оно происходит от его старшего брата бочара, настоящее же имя живописца – Алессандро ди Мариано Филиппепи. Что касается его ума или глупости, которые де широко обнаруживают себя в исторических композициях, то, если посмотреть непредвзято, можно видеть, что в картине «Весна», которая, в понимании Леонардо является исторической композицией, фигуры недостаточно связаны между собою и, кажется, могут внезапно исчезнуть, как это бывает во сне. При этом они свободно колеблются, но неизвестно по какой причине не падают: Меркурий, отвернувшийся от остальных, судя по его положению, должен бы непременно упасть, растолкавши три Добродетели, – эти же, хотя и держатся за руки, также одна на другую не смотрят, как бы в растерянности.

Человек неробкий и старший Леонардо семью годами, Боттичелли был принят у Медичи, когда его юному приятелю оставалось еще два года на обучение; они познакомились, и разница в возрасте стерлась, зато обнаружились более важные противоречия, которые, впрочем, укрепляли их дружбу, ибо один своими достоинствами восполнял недостатки другого, и если бы они соединились, то представили бы собою совершенного человека. Но, слава богу, этого не происходит, иначе небогатая развлечениями и обильная горестями жизнь человеческая стала бы скудной и скучной невыносимо. Имея привычку рассказывать о своих любовных делах, Боттичелли однажды рассердил своего товарища, этим не занимавшегося, и вынудил его произнести следующую обидную для влюбленного речь:

– Акт соития и члены, применяемые при этом, настолько безобразны, что если бы не красота лиц и всевозможные украшения участников и не их исступленное состояние, человеческий род скоро бы прекратился. Я удивляюсь, что жалуясь и сетуя на судьбу, якобы тебе не способствующую, ты не бережешь время и силы, которые пригодятся в более важных занятиях.

Таким жестоким нападкам подвергается переживание amore, любви, в самой цитадели платоников, как уместно будет назвать Флоренцию. И тут Леонардо выступает как некогда в Афинах представители кинической школы, наподобие знаменитого Диогена, которому были невыносимы общепринятые предрассудки и мнения, и он их отважно высмеивал и уничтожал. Между тем киническая философия, как и позднейшее учение скептиков, больше, чем какая-нибудь другая, является отражением особенностей человеческого характера: недаром же киниками, или же циниками, называют некоторых людей, не имеющих малейшего отношения к ученым-философам, но своим поведением или высказываниями представляющих как бы их философию в действии.

45

Сначала ты будешь трактовать о тяжести, потом о движении и, наконец, об ударе.

Сколько существуют люди, они редко бывают довольны; и некоторые, отыскивая утешение своему беспокойному духу, нарочно обращаются к лишениям и нищете, которых до тех пор не испытали. Находясь в Халцидской пустыне, св. Иероним имел менее тридцати лет от роду; однако же тот, кто, говоря словами самого этого знаменитого воспитателя христианского юношества, стал членом общества диких зверей и скорпионов, лишается признаков, помогающих правильному определению возраста. Выбирая наиболее сильные выражения, пустынник свидетельствует о своем состоянии и виде:

«Мои безобразные члены отпугивали от себя своим облачением, грязная кожа, казалось, покрывала тело эфиопа. Ежедневные стенания и слезы – если же когда сон побеждал сопротивляющегося ему, я бросал чуть державшиеся кости на голую землю».

Жалкое положение модели представляет известную выгоду для живописца, и как раз потому, что в подобных условиях жир, не позволяющий отчетливо видеть разделение мышц, из-за недостатка питания исчезает. На небольшой дощечке с изображением св. Иеронима в пустыне, доведенной Леонардо едва ли до половины готовности, можно хорошо рассмотреть поверхностные мышцы и связки; что касается костей, то, как бы ни был человек истощен и измучен, они остаются соединены сухожилиями и выдерживают самое бурное движение, не рассыпаясь.

В насколько возможно вытянутой правой руке Иероним держит камень, которым наносит себе удары, приходящиеся, судя по направлению, в грудную кость: кажется, что самоистязатель набирает в легкие воздуху, чтобы затем при бурном движении быстро с особенным звуком его выдохнуть, как это делают дровосеки. Вид и голос пустынника страшно беспокоят находящегося возле него льва, хотя и прирученного, – разинувший пасть, он ярится, рычит и бьет хвостом, схожим с взведенною стальной пружиной.

Выразительность и сила небольшого незаконченного произведения, относящегося к 1472 году, так велика, что Леонардо мог бы успешно соперничать с знаменитою античной группой Лаокоона, если бы шедевр древних родосских скульпторов не был найден в Риме на Эсквилинском холме только спустя тридцать лет. Тем не менее скрытое сходство с Лаокооном,

представляющим в его композиции сочетание треугольников различного размера и положения, становится очевидным, если приступить к этому Иерониму с линейкой и циркулем, поскольку воображаемые прямые линии, соединивши зажатый в горсти пустынника камень, исхудалое лицо кающегося и разинутую пасть свирепого хищника, образуют равнобедренный треугольник. Подставляя же на место треугольника пирамиду, обладающую какой бы ни было тяжестью, легко сообразить, что, подвешенная за вершину и отклонившаяся наподобие маятника в сторону, она станет стремиться к прежнему устойчивому положению. Кстати говоря, в «Благовещении» ангел, выступающий в качестве груза, свободно подвешенного на воображаемой оси, качнувшись по направлению к Деве, стремится затем восстановить равновесие. Однако при состоянии живописи, как в «Св. Иерониме», подобные вещи легче наблюдать и исследовать: так ведь и механики дают возможность проходящим зевакам посмотреть, как устроена мельница, покуда устанавливают жернова, лотки, сита и другие необходимые части ее механизма. Если же работа закончена и мельница действует, посторонний человек ничего этого не увидит. Находятся ли такие механики, которые воображают, будто бы их наниматели больше интересуются, как и что происходит внутри мельницы, чем тонкостью перемолотого зерна? Похоже, нашелся один.

Львиная сила этого юноши и его изумительные способности к рисованию, живописи, лепке и всякой другой случающейся работе в искусстве в сочетании с неторопливостью в фактическом осуществлении и видимое равнодушие к заработку говорят сами за себя. Поэтому не будет полностью ошибочным предположение, что, если кто испытывает неотступную склонность к исследованию бесконечного, тому окончание чего бы то ни было отчасти противно. В то же время нетрудно себе представить, насколько странным и даже возмутительным выглядит все это в городе, где, как было указано, считается потерянным день, когда недостаточно заработано денег. Больше того, в таком образе действий в самом деле усматривается нечто киническое, или циническое, поскольку изменяются не одни только способы, но и самая цель, ради которой они существуют. А уж этого большинству людей невозможно понять, и они таких опасаются, как опасались греческого Диогена,[39] попросившего, когда царь Александр предложил ему требовать что он пожелает, отойти в сторону и не загораживать солнце.

Но одно дело окончательная цель, которую многие видят в накоплении наибольшего богатства, и другое – необходимые заработки, чтобы не впасть в нищету. Находясь вместе с Вероккио в его мастерской, Леонардо имел время лепить и затем отливать из гипса на продажу небольшие произведения – скульптуры, кажущиеся совершенно законченными, иначе как их продавать? До этого подобную практику широко применял Дезидерио, сын каменщика из Сеттиньяно, который делал за небольшую цену гипсовые отливки смеющихся мальчиков – путто, младенца Иисуса или отрока Иоанна Крестителя, а также некоторые портретные изображения. Дезидерио был добрым и приветливым человеком, и, если его модель обладала угрюмым характером, в произведении свойственное ей выражение не сохранялось. Но мало кто этим расстраивался, так как Дезидерио придумал своим фигурам настолько привлекательную улыбку, что когда – а именно в изображениях молодых женщин и этих путто – она рвалась с губ подобная солнечному лучу, таяли и исчезали наиболее жестокие огорчения. Открытие или же нововведение скульптора из Сеттиньяно скоро распространилось повсюду – и не только в домах богачей так улыбались отлитые из гипса их родственники, но и прогуливающиеся по улицам молодые женщины с большим старанием и искусством устраивали па лицах такую улыбку, не желая отставать от Дезидерио и его подражателей. Таким образом между мастером и гражданами установилось согласие, и никто не желал дальнейших изменений. Тут надо заметить, что в республиках, как Флоренция, приучить людей к чему-нибудь непривычному не легче, чем при монархической форме правления, когда граждане пользуются меньшей самостоятельностью. Скорее наоборот – поскольку там убеждать в преимуществах новизны

---

[39] Диоген из Синопа (414–323 гг. до н. э.) – цинический философ, довел принципы воздержания и жизни сообразно с природой до крайних пределов, отчего был прозван «собакою». Известен также остроумием и находчивостью.

приходится одного человека или немногих, а остальные, отвыкнувши самостоятельно действовать, обыкновенно бывают согласны с этим одним или немногими. Не так во Флоренции, о которой Вазари свидетельствует, что де «в этом городке каждый считает себя призванным знать в этом деле – то есть в скульптуре или живописи – столько же, сколько испытанные в нем мастера, в то время как очень мало таких, которые действительно понимают, не в обиду им будь это сказано!».

Если улыбка Дезидерио рвется, можно сказать, как дикая ласточка, от полуоткрытого рта и помимо чистосердечной радости ничего другого не содержит, улыбка, которую Леонардо придумал и пустил в оборот, подобная легчайшей бабочке, витает возле сомкнутых губ. При этом уголки рта углубляются один чуть более другого, а к простой радости примешивается тревога, беспокойство и сумеречность, поскольку улыбка как бы подернута тенью: так, если белая от жара поверхность нагретого в кузнечном горне железного прута обдувается прохладным воздухом, на ней происходят мгновенные слабые изменения цвета или побежалости. Здесь побежалости вызваны тончайшими движениями души; поэтому пусть слова Леонардо о тонком философском рассуждении и как оно участвует в его искусстве, не покажутся пустой похвальбой. Сто лет спустя Паоло Ломаццо, миланец, переменивший кисть на перо, когда ослеп от болезни, так отзывался по этому поводу: «У меня находится голова Иисуса, изображенного в детском возрасте, собственноручной работы Леонардо да Винчи; в ней видны наивность и простота и вместе нечто другое, показывающее остроту ума и старческую мудрость».

46

Не желай ничего от вещей и не делай их, если видишь, что, когда не имеешь их, они вызывают в тебе страсть.

Прискорбно, если наблюдательность и соображение некоторых направлены не на исследование окружающего их разнообразного мира, но на различные козни против невинных людей. Когда бы спросить у кого-нибудь с улицы, для чего у Лоренцо и Джулиано Медичи собираются их друзья, иной завистливый и злобный ответит, что, дескать, собираются ради того, за что разрушены библейские Содом и Гоморра, да разве мало таких, кто, знакомясь с произведениями Платона по извращающим подлинник пересказам, остается уверенным, будто все эти собеседования и симпозиумы в древние времена устраивались с тою же целью? Мнение улицы прочно стоит также па том, что ужасный порок гнездится в лавках ремесленников, и если кого-нибудь туда приглашают из-за его красивой наружности, то это не для рисования. Когда 8 апреля 1476 года, во второй понедельник месяца, как принято обычаем, распечатали tambur infra scriptorum – круглый ящик, прикрепленный у входа в Палаццо нарочно для тайных доносов, присутствующие нотариусы и служащие ночной стражи[40] смогли прочитать:

«Сообщаю Вашим Превосходительствам синьорам Ночной стражи, как истинное, что Джакопо Сальтарелли, единокровный брат Джованни Сальтарелли, у которого и обучается ювелирному делу в боттеге на улице Ваккареккиа, – одет в черное, лет семнадцати или около того, – движимый нуждою доставлял удовольствие лицам, склонявшим его к пороку. Это случалось много раз, когда он услуживал названным в настоящем уведомлении:

– Бартоломео ди Пасквино, ювелир с улицы Ваккареккиа.

– Баккино, портной от Сан Микеле у лоджии деи Черки, где прежде находилась мастерская стригалей.

– Леонардо Торнабуони, одет в черное.

– Леонардо ди сер Пьеро да Винчи, держит мастерскую вместе с Андреа Вероккио.

Перечисленные лица предавались с указанным Джакопо содомскому греху; и это истинно».

Постановлением камеры ночной стражи обвиненные были скоро задержаны, и их

---

[40] Комиссия ночной стражи – следила за благопристойным поведением граждан и нарушениями общественного спокойствия и тишины.

препроводили в подвальное помещение Палаццо Синьории, где они находились взаперти. Как и другие, Леонардо настаивал при допросе, что ученик ювелира из-за своего красивого и правильного телосложения служил моделью для фигуры отрока Иисуса. Синьоры ночной стражи возразили на это, что из указанных лиц только Леонардо занимается живописью, но что они не имеют сведений о заказанной ему картине с изображением отрока Иисуса. Тогда Леонардо сказал:

– Если живописец исполняет только те вещи, которые ему заказаны, он не научится чему-нибудь новому, а то, чему обучен прежде, многократным употреблением испортит.

После чтения доноса глашатаями по людным местам тайные обвинители не обнаружились и задержанных пришлось отпустить; судьи отнеслись к ним с большой мягкостью, так как один из упомянутых в донесении оказывается в близком родстве с Лоренцо и Джулиано Медичи, поскольку матушка их, синьора Лукреция, происходит из флорентийских Торнабуони.

С другой стороны, некоторые юридические установления, если их применять без разбору, позволяют преследовать многих известных и уважаемых лиц. Поэтому законы, как тот, по какому возможно было судить Леонардо и его приятелей, не столько являются орудием справедливости, сколько злобы и зависти и сведения личных счетов. Между тем, пробыв какое-то время в заключении в подвале Палаццо, Леонардо изобрел инструмент, чтобы открывать темницы втайне от тюремщиков как изнутри, так и снаружи. Однако что пригодится человеку под угрозой несправедливого осуждения, может понадобиться и злоумышленнику. Подобная двойственность представляет существенное неудобство для добродетели, поскольку тонкость осязания важна как механику, так и тайному вору: постепенно поворачивая отмычку, тот чувствует малейшее препятствие и открывает замок, не нарушая его устройства. Равно и механик, когда, скажем, проверяет исправность винтовой передачи, сосредоточивает внимание в чувствительных подушечках пальцев и действует не глядя.

Имея в виду подобное соотношение между умением и добродетелью, не приходится удивляться дурному обществу, какое Леонардо другой раз предпочитал. Томмазо Мазино из Перетолы, более известный как Зороастро, считаясь по справедливости величайшим озорником и насмешником над людьми, не сделавшими ему ничего плохого, лечил и поддерживал многих несчастных четвероногих, тогда как двуногие, подобные ему самому, его опасались. Одному, который спросил, отчего у Зороастро, страдавшего от рождения косоглазием, или страбизмом, глаза смотрят в разные стороны, тот отвечал, что, мол, из любопытства и отвращения, которые велят правому глазу наблюдать за таким дураком бестолковым, тогда как другой от него отворачивается, чтобы не видеть. Этот страбизм считался в те времена вещью опасной и для многих свидетельствовал, как леворукость, о сношениях с нечистой силой. Из-за того что ремесло ювелира, какому Томмазо обучался без большого старания, не приносило ему дохода, и, если не удавалось кого-нибудь обмануть и раздобыть деньги, он веселился в остериях за счет римской казны, как говорят в Тоскане, то есть в долг, и находились простаки, ему доверявшие. Зороастро выдавал себя за внебрачного сына Бернардо Руччелаи, знаменитого и влиятельного человека, близкого к Медичи и их родственника, и желал бы прославиться в качестве гадателя-некроманта. Отсюда его прозвище: настоящий Зороастро жил в Мидии за пять тысяч лет до Троянской войны и назывался верховным жрецом и магом огнепоклонников, приносящих жертвы растениями, поскольку убийство животного считалось у них грехом.

Томмазо не надевал кожаной обуви, сделанного из овечьей шерсти сукна, и запрещал себе пользоваться волосяными петлями. Однако же в сумке, с которой он редко когда расставался, хранились вещи, мало отвечающие облику такого ханжи: завернутый в сырую тряпку глаз рыси – чтобы излечивать чирьи; фаланги пальцев младенца, умершего накануне духова дня; добытый у палача кусок веревки; волчьи и лошадиные зубы; бычий пузырь в другое, пригодное, чтобы обманывать доверчивых людей в этом городе, где каждый считает себя хитрей остальных.

47

Поистине живопись – наука и законная дочь природы, ибо она рождена природой; но, чтобы выразиться правильней, мы скажем: внучка природы, так как все видимые вещи были порождены природой, и от этих вещей родилась живопись. Поэтому мы справедливо будем ее

называть внучкой природы и родственницей бога.

Жабам, которых Леонардо держал в помещениях, предоставленных ему Вероккио для жилья и работы, он придумывал различные прозвища, и Пьеро, однажды посетив сына, был удивлен, что такое тупое создание откликается на голос человека. Пьеро принес доску из фигового дерева в виде круглого щита: один крестьянин из Винчи, помогавший нотариусу при рыбной ловле, попросил, чтобы этот щит ему расписали во Флоренции, а он, дескать, хорошо заплатит. Леонардо с охотою согласился, как если бы не имел другого дела, кроме как исполнять подобные дурацкие просьбы.

«Он выпрямил этот щит па огне, – пишет Вазари, – и, отдав токарю, из покоробленного и неказистого сделал гладким и ровным, а затем, пролевкасивши, по-своему обработал и стал раздумывать, что бы на нем написать такое, что должно было бы напугать каждого, кто на него натолкнется, произведя то же впечатление, которое некогда производила голова Медузы. И вот для этой цели Леонардо напустил в одну из комнат, в которую никто, кроме него, не входил, разных ящериц, сверчков, змей, бабочек, кузнечиков, нетопырей и другие странные виды подобных же тварей, и, сочетая их части по-разному, он создал чудовище весьма отвратительное и страшное, которое воспламеняло и отравляло своим дыханием воздух».

Последнее можно понимать как сказано, поскольку в помещении стоял невыносимый смрад, чего Леонардо не замечал из-за великой любви к искусству.

«Закончив это произведение, Леонардо сообщил отцу, что тот может прислать за щитом. Когда же сер Пьеро пошел к нему и постучался в дверь, Леонардо отворил, но попросил обождать и, вернувшись в комнату, поставил щит на аналой на свету, но приспособил окно так, чтобы оно давало приглушенное освещение. Сер Пьеро, когда вошел в комнату, при первом взгляде на эту живопись содрогнулся и в страхе попятился. Тогда Леонардо с видом удовлетворения сказал: „Это произведение хорошо служит тому, ради чего оно сделано; так возьмите же отдайте просителю, чтобы тот убедился, каково действие, которое оказывает произведение искусства“.

Отдавши заказчику купленную у лавочника за самую низкую цену такую же доску, но с изображением сердца, пронзенного стрелой, сер Пьеро продал щит с изумительной росписью Леонардо, знаменитый впоследствии Ротелло ди фико, каким-то купцам за сто дукатов, а те, взявши против этого втрое, перепродали произведение миланскому Галеаццо Марии, который сам был чудовищем и все ужасное к нему приставало, и, где бы он ни находился в гостях, там происходили несчастья и всевозможные неприятности. Так, в его приезд во Флоренцию из-за иллюминации загорелась и была сильно повреждена церковь св. Духа, или Сан Спирито.

Когда Галеаццо Мария показывался гражданам Флоренции, его сопровождала неблагозвучная музыка, малоприятная чувствительному тосканскому уху. Предполагая, что из Милана, напротив, должны бы распространяться нежнейшие амвросианские мелодии, флорентийцы спрашивали о причине такого неблагозвучия; Галеаццо Мария им отвечал:

– Город не музыкой славится, а звоном молотков о железо и ружейной пальбой.

Герцог имел в виду развитую промышленность воинских доспехов и оружия, сделавшую миланских ремесленников настолько известными; это был умный и понимающий человек, хотя порок чрезмерной жестокости привел его к жалкому концу.

Почему такая судьба постигла и Джулиано Медичи, которого все любили, трудно сказать с уверенностью. Ужасное происшествие, известное как заговор Пацци, случилось при звуках утренней мессы на хорах, в восьмигранном тамбуре – как бы в громаднейшей лодке, несущей над собой в виде наполненного ветром паруса удивительный и прекрасный купол Санта Мария дель Фьоре, величайшее сооружение Липпо Брунеллеско, красотой и размерами превзошедшее все воздвигнутое прежде в этом роде: когда эдакая громадина накрыла собою трансепт, или пересечение кораблей, его тень простерлась далеко за городские стены, вместе с движением солнца скользя по траве и как бы ее причесывая. Флорентийские граждане тогда были настолько горды, что на других итальянцев стали смотреть сверху вниз.

Перетекая в расплавленном виде в свое изображение, происшествия жизни затем застывают и останавливаются, непричастные больше ее течению. Так, отлитое скульптором Бертольдо в медаль, остановилось и застыло событие, разразившееся, подобно внезапной грозе или землетрясению, на Пасху 1478 года, в светлое Христово воскресенье. В те времена хоры

церкви Санта Мария дель Фьоре еще не были отделаны мрамором, Брунеллеско оставил их затянутыми холстом, на котором красками изобразил необходимые украшения – барельефы с фигурами, гирлянды и все другое, что он желал там видеть. Так что кровопролитие произошло как бы перед декорацией по ходу представления какой-нибудь пьесы. Поскольку же медаль размером в половину ладони невозможно прочеканить, как это необходимо для иллюзии, нету такого молота – при мелком литье умение и тщательность требуются невероятные. И тут мастер Бертольдо, которого Лоренцо Великолепный поставил наблюдать за садами Медичи у Сан Марко, где молодые люди учились на сохранявшихся там произведениях древних скульпторов, еще показал, что человек с талантом, если выбросит из головы сделанное другими и направит усилия духа па себя самого – из-за такого сосредоточения душевного жара там вспыхнет огонь и ослепительный свет, и в нем мастер увидит свое произведение. Тогда, будучи сделано, оно заслужит похвалу своей новизной.

Из множества фигурок, исполненных в самом низком рельефе и поместившихся в пространстве между пилястрами, обозначающими углы восьмигранного тамбура, одни замахиваются кинжалами, другие отстраняются от удара, третьи загораживают собою намеченную убийцами жертву, четвертые поддерживают падающих и истекающих кровью или преследуют заговорщиков, которые спасаются бегством; и так все движется в страшном смятении. Однако одолевающий зрителя испуг уравновешивается удовольствием от мастерства скульптора – как и в театре, если на сцене происходит жестокая драка или сражение, присутствующие не покидают своих мест, и чем страшнее, тем больше им это нравится.

На обеих сторонах медали поверх поддерживаемых пилястрами балок Бертольдо поместил выполненные с большим сходством портретные изображения: с одной стороны – Джулиано, с другой – Лоренцо. По своей прихоти скульптор не показал части одежды как обыкновенно, но обрезал изображение по шею, будто бы страшные отрубленные головы выставлены на позор: для некоторых из ненавидящих Медичи этого, может статься, достаточно, чтобы вообразить себя отмщенными за понесенные от них обиды. Luctus publicus, то есть скорбь народа, написано по-латыни под головою Джулиано; Salus publica, благо народа – под головою Лоренцо, который, отбившись от нападения, укрылся в ризнице и благодаря этому спасся. Флорентийские граждане, едва было не лишившись своих угнетателей и не желая расстаться с ярмом, к какому привыкли, жестоко расправились с причастными к заговору: кого удалось настигнуть, тех добили, волоча по улицам как крыс. Другие из Пацци, явившиеся в Палаццо с намерением захватить власть, выкинутые из окон, разбились о мостовую и умерли в мучениях, тогда как мальчишки кидали в них камнями и плевали. Отсюда понятно, почему флорентийцы, такие чувствительные и нежные, из происшествий св. истории предпочитали страшные и кровавые. Ведь и Боттичелли, не занимавшийся анатомией, так как при виде мертвого тела его тошнило, с большим правдоподобием изобразил убитого предательским образом Олоферна и залитую кровью его постель, а также Юдифь в развевающихся кисейных одеждах, которая возвращается в свою Ветилую, а за нею служанка несет отрезанную голову. И когда магистраты велели ему изобразить повешенными архиепископа Сальвиати и одного из Пацци, он с покорностью согласился – похоже, для гнусного дела магистраты отыскивали наиболее одаренных людей.

С течением времени других заговорщиков вылавливали и казнили, и последним оказался Бернардо Барончелли, два года скрывавшийся у турецкого султана, прежде чем тот его выдал. Тотчас после казни Леонардо сделал рисунок с натуры, где записал цвета одежды несчастного повешенного: шапочка каштанового цвета, черная куртка на подкладке, турецкий кафтан, подбитый мехом, чулки черные. Леонардо не пугался мертвецов, ни самого происшествия смерти, однако негодовал, имея в виду магистратов, не имеющих жалости. Флорентийцы, сказал он, уподобляются детям, злобствующим без причины: эти, когда идут вдоль травянистого луга, палками сшибают изумительные венчики цветов. Он добавил, что на улицах и площадях знаменитого города пахнет спекшейся кровью и что такой в точности запах он слышал в разоренном лисою курятнике.

Между тем произведения живописца не издают и малейшего запаха, а если поначалу исходит от них слабое дуновение краски пли лака, это не имеет отношения к действительному происшествию, которое чудесным, божественным искусством, можно сказать, полностью

очищено и обезврежено. Если же с помощью живописи кого-нибудь желают унизить, цель не бывает достигнута, и правильно будет утверждать, что лучше быть повешенным рукой Боттичелли, нежели в изгнании влачить жалкую жизнь, опасаясь быть выданным турками.

Когда с этими Пацци и их сообщниками, действовавшими по наущению папы и совместно с кардиналом Риарио, его племянником, флорентийцы без сострадания разделались, то, желая – по словам Никколо Макьявелли – обелить себя в глазах Италии, они стали громогласно обвинять первосвященника в предательстве и нечестии, поскольку тот не стеснялся учинить убийство в храме при совершении таинства евхаристии. В свою очередь, папа, отчаявшись что-нибудь изменить во Флоренции другими средствами, кроме войны, сговорился с неаполитанским королем, и они напали на Республику, заявляя, что светским правителям не дано право вешать епископов, убивать священников и волочить по улицам их тела, без различия истребляя правого и виноватого.

48

Имеются многие способы, какими люди сами себя унижают, если с ужасной жестокостью расправляются с противником или с готовностью ему угождают, надеясь избегнуть опасности или рассчитывая на выгоду, или из свойственной им природной угодливости. Между тем ученые, и поэты, и всяческие проповедники, надувшись как индюки, болбочут с крайней напыщенностью о достоинстве человека и других подобных вещах. После получившего большую известность трактата флорентийца Джанотто Манетти «О достоинстве и превосходстве человека» сын владетеля Мирандолы и Модены граф Пико также опубликовал речь «О достоинстве», где, излагая мысль, имевшуюся якобы у господа при сотворении, говорит от его имени следующее:

«Не даем Мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по своему желанию, согласно своей воле и решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных Нами законов; ты же, не стесненный никакими пределами, сам определяешь свой образ. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие неразумные существа, но можешь но велению своей души переродиться и в высшие Божественные».

Пожалуй, есть основания счесть сказанное графом Мирандола пустой болтовней, ложной версией существования, рассчитанной на простаков, чтобы те впали в соблазн испытать судьбу и подверглись ее наказующий ударам, орудием которых она избирает злобу и зависть соотечественников, разрушительные войны, гибельные болезни, когда смерть косит людей размахами своего серпа, как цветы на лужайке, и всяческие другие бедствия. Но возможно повернуть по-другому и увидеть здесь заслуживающую внимания попытку найти должное место или Архимедову точку, чтобы оттуда действовать, не стесняясь никакими границами. Ведь если другие – таких большинство – прилежно следуют правилам, отказываясь нарушать установленные пределы, одаренный талантами человек примеривает различные занятия, как модник новую одежду, и, никого не спросившись, вламывается в сопредельные области. Поэтому когда Леонардо предложил приподнять баптистерий Сан Джованни, с течением времени осевший, чтобы сохранить от дальнейшего разрушения, магистраты напрасно подшучивали и смеялись над его дерзостью. Подобное недоверие тем оскорбительней, если здесь руководствуются посторонними соображениями, как молодость изобретателя или что-нибудь другое, но не трудностью предприятия: когда наука неразвита, самое дерзкое представляется осуществимым – недаром находятся люди, которые, не прилагая усилий к изучению законов механики, берутся построить снаряд, чтобы передвигаться по воздуху с помощью крыльев, и получают всеобщее одобрение. Того же, кто выступает с намерением отвести воды Арно в канал с целью облегчить судоходство и сделать пригодной для земледелия заболоченную пустынную местность, встречают недоверием и насмешками. Тут не остается другого, кроме как, набравшись терпения и скромности, действовать, подобно древесному

клещу, извилистыми ходами, изнутри протачивая здание ложной науки. Недаром Парменид сравнивал истину с шаром – кто к ней подходит извне, тот соскальзывает.

В стакан, наполненный водою, опусти одну за другой мелкую монету па три лиры, и вода не прольется. Возьми меч и ударь с размаху – стакан с водою окажется цел, а меч разломится. Два стакана с водой поставь на расстоянии локтя и сверху положи камыш: если ударишь тростью, камыш разломится, а стаканы останутся как стояли. В таз с водою поставь бутылку вверх дном и разложи под тазом огонь – вода поднимется и наполнит бутылку.

Стакан ли с водой, наклонившаяся Пизанская башня или какой-нибудь памятник – все равно удерживается метафорическим корнем или же тяжестью, но не колеблется от малейшего дуновения, как надутый воздухом рыбий пузырь, что как раз происходит с фигурами Сандро Боттичелли. Этот настолько избегает тяжести, что, изображая спящего Марса, вместе показал амуров, потихоньку уносящих его доспехи и вооружение. А в то время один посредством вставленной в ушное отверстие раковины в виде рожка надувает внутренность бога войны, как поступают дети с несчастными лягушками, пользуясь соломиной.

Однако исследованием явлений природы, рассуждениями и остроумными опытами можно зарабатывать на пропитание только в том случае, если нарочно для этого состоишь на службе у какого-нибудь любознательного богача или князя, но не во Флоренции, где каждый торопится обойти другого как раз в целях заработка.

Грустная и страшная вещь так напугает собою людей, что они, кап безумные, думая убежать от нее, будут содействовать ее безмерным силам.

Леонардо имеет в виду страх перед нищетою и скаредность некоторых, надеющихся сохранить накопленное богатство, отказывая себе и другим воспользоваться его преимуществами. Но не одни только подобные люди виною тому, что он не может себя обеспечить даже сравнительно с менее старательными и трудолюбивыми. Ведь, хотя из-за обилия праздников, когда устраиваются всевозможные пышные торжественные встречи и представления или ввиду возникающих войн, при необходимости иметь преимущество перед неприятелем в вооружении войска, а также в других обстоятельствах непременно нужны изобретательные и умные головы, все же такая нужда ограниченна, поскольку две-три головы задают довольно работы гораздо большему количеству рук. И тут, если соотношение установилось, нет необходимости его нарушать.

Тогда на жаловании у Синьории в качестве умной головы состоял Франческо д'Анджело, прозванный за свою болтливость Чеккой, что значит сорока, и прославившийся многими изобретениями. Так, он придумал облака, которые делают из дерева и бумаги, и несколько человек удерживают их наподобие носилок, и они передвигаются как бы по воздуху. В праздник Вознесения кто-нибудь, изображая Иисуса, поднимается с такого облака вверх на большую высоту, и многие, охваченные религиозным воодушевлением, не замечают веревок и мачты, с помощью которых Чекка это устраивает: опытный инженер умеет добиваться иллюзии. Что касается литья пушек и способов ведения артиллерийского огня, тут величайшим авторитетом считался Джулиано Сангалло, придумавший средство, как сделать пушки безопасными для прислуги при отдаче. До этого артиллерия угрожала своим солдатам не меньше, чем вражеским, и другой раз прислуга оказывалась убитой, тогда как неприятель не пострадал.

Отыскивая для себя желаемое применение, многого можно достичь интригами и лестью, но такие способности не у всякого имеются; между тем за всевозможными нарушениями зорко следят консулы цехов, которые в свое время заперли в тюрьму на две недели Филиппо Брунеллеско – и только за то, что, записанный в книгах ювелиров, он взялся за каменные работы. А ведь тогда вся Италия, можно сказать, трепетала, видя распускающимся над столицей Тосканы цветок Санта Мария дель Фьоре. Универсальность, о чем все хорошо знают применительно к этим людям, достойная вещь, но ограничения, и самые нелепые, еще оставались. Поэтому, направляясь позднею осенью 1478 года осматривать пушку Гибеллин, оставленную неприятелем на возвышенности возле Ареццо, Леонардо и Зороастро, опасавшиеся денежного штрафа или другого наказания, сохраняли все дело в тайне. Военные действия, предпринятые папою в союзе с Неаполем против Флоренции в надежде добиться того, что не удалось с помощью заговора, с наступлением осенней распутицы прекратились, и

войско, которым командовал герцог Федериго Урбинский, отошло на зимние квартиры в Сиену.

Очевидцы свидетельствовали, что, когда отлитая Франческо ди Джорджо для герцога знаменитая пушка выстреливала, козы, овцы и другие домашние животные блеяли и мычали как при землетрясении, а колокола звонили сами собой. Но хотя причиняемый пушкою военный урон трудно вообразить, еще больше вреда происходило из-за уныния и страха, распространявшихся среди вражеских солдат. С другой стороны, в наемных войсках, на что указывает Макьявелли в своей «Истории», бывает столько трусости и неустройства, что стоит какому-нибудь коню повернуться головой или задом, чтобы из этого последовали победа или поражение. Поэтому, прежде чем учитывать сведения как полностью достоверные, надо хорошо все разузнать и убедиться, нет ли здесь преувеличения.

Поднявшись на холм, откуда в прошедшую летнюю кампанию действовала артиллерия герцога, исследователи обнаружили пушку сваленной с лафета и наполовину погрузившейся в грязь. Погода, и без того скверная, еще ухудшилась, и началась страшная зимняя гроза с ливнем и ветром. Человек с воображением, находясь в таких обстоятельствах, непременно подумает, что это Юпитер нарочно противодействует людям, которые, как древний Сизиф, выкрали у него гром и молнию и теперь пользуются ими для своей выгоды. Но при внезапных кратковременных вспышках небесного огня, освещающего окрестность, хорошо видна как бы саркастическая гримаса, искажающая лицо громовержца, и слышны раскаты олимпийского хохота – бог смеется сам над собою, будучи уверен из опыта, что, если это двуногое какую-нибудь полезную для себя вещь заполучило, обратно у него не отнимешь. И хотя двое исследователей спотыкаются и увязают в грязи, все же им удается производить измерения, и один их записывает, прикрывая от потоков дождя свою книжку.

При помощи топора, лома и кузнечных клещей они анатомируют брошенное в грязи мертвое тело, разбирая лафет на составляющие его части, и тот, кто записывает, еще и рассматривает и рисует вырубленные в деревянных брусьях пазы и выступы, какими отдельные части прочно соединяются.

– Все какие бы ни было сооружения или устройства из дерева, – сказал Леонардо, – скрепляются в своих частях способами, которых известно не больше дюжины. Поэтому тот, кто придумает еще способ или усовершенствует прежний, будет считаться величайшим изобретателем.

Но в благородном стремлении облагодетельствовать человеческий род своими изобретениями немногие избранные для этой цели не только богами языческого Олимпа или консулами цехов бывают преследуемы, а сообща всеми – таких подавляющее большинство, – кто предпочитает бездельничать, почивая на лаврах, заслуженных не ими, и пробуждается исключительно ради каких-нибудь козней. И наибольший гнев этих бездельничающих вызывает и провоцирует тот, чьи намерения остаются непонятными, а деятельность не дает быстрого результата. Спрашивается, откуда быть результату, если, окапывая и высвобождая чугунное тело пушки из грязи и обдумывая ее размеры и устройство, как она сделана Франческо ди Джорджо, Леонардо еще и пытается спорить с самим Аристотелем?

Аристотель говорит, что, если сила движет тело на определенное расстояние в определенное время, та же сила передвинет половину этого тела на вдвое большее расстояние за то же самое время. Иначе говоря, если это тело было бы в унцию и проходило в определенное время одну милю, то миллионная его часть пройдет миллион миль в то же время. Мнение это отвергается разумом, а следовательно, и опытом, и если взять вес одного зернышка пыли для опыта, то бомбарда выбросит его не дальше, чем дым в начале выстрела.

Тому же, кто утверждает, будто бы Леонардо, которому было тогда двадцать шесть лет, находясь во Флоренции, такими вопросами не задавался, но приступил к ним внезапно в Милане, поневоле приходится предполагать, что наподобие иудейского Савла, строжайшего, ревностного фарисея, переделавшегося по дороге из Иерусалима в Дамаск под влиянием внезапного знамения и ставшего ближайшим спутником Иисуса, христианским апостолом Павлом, так же переделался флорентиец. Но применительно к исследователям, как Леонардо, такие предположения неосновательны и абсурдны.

49

Свинцовый груз, толкая и давя на небольшой кожаный мешок, наполненный воздухом, сможет посредством своего опускания показать тебе часы. Нет недостатка в средствах и способах подразделять эти наши несчастные дни! Нам следует радоваться, когда мы не расточаем и не проводим их без проку и без всякой славы, не оставляя о себе никакой памяти в умах смертных.

Миланец Джироламо Ольджати, вместе с двумя сообщниками заколовший герцога Галеаццо Мария, стоя перед лицом готового нанести удар палача, произнес следующие слова по-латыни, ибо, как сообщает Макьявелли, был юноша образованный: «Память об этом сохранится надолго, смерть жестока, а слава вечна».

Но если кому родственники оставили достаточно денег, тому легче заботиться о своей и их славе. Когда наследники задумали поставить конный памятник кондотьеру Коллеони, венецианский сенат, который и мертвого его опасался, выбрал для этой работы флорентийца Вероккио. Тот вылепил коня размером побольше падуанского, отлитого Донателло для увековечения памяти другого такого разбойника, Гаттамелаты, что значит Пятнистая Кошка. Вероккио превзошел Донателло также и выразительностью фигур; для этого он выдвинул вперед с большой силой плечо всадника, одетое доспехом, в то время как его кисть, свободно удерживая уздечку, за движением плеча не успевает. Поскольку же левая передняя нога лошади поднята и копыто при этом свободно опущено, а задняя левая твердо ступила на постамент, животное как бы подражает движению всадника, и иноходь повторяется дважды. Хотя такое двойное насилие над природой полностью противоречит правилу контрапоста, выразительность от этого выигрывает. Падуанская лошадь также приучена к иноходи, однако шагает сама по себе, а кондотьер будто дремлет, и лицо его выражает уныние, тогда как выражение Бартоломео Коллеони, кажется, показывает существование духовной субстанции или лучей, распространяющихся по направлению взгляда – из углублений, прорезанных на месте зрачков и. затененных, как бы изливается глубина души со всеми замыслами и намерениями.

В молодости однажды, играя с товарищами, Андреа Вероккио, в сильном воодушевлении и разъяренный соперничеством, ранил одного камнем настолько опасно, что тот в скором времени умер, а преступник скрывался от преследования. Отсюда можно заключить о характере; но фигура Бартоломео Коллеони, вмятины щек, образовавшиеся как бы при сопротивлении сильнейшим ударам, взгляд и все выражение не свидетельствуют ли также с большой достоверностью о глубине души скульптора? Но тогда каким образом и какой стороной показывается эта душа в произведениях, подобных «Товии с ангелами»?

Когда в 1478 году Вероккио с восковой моделью своего коня прибыл в Венецию, там у него вышел спор, поскольку ему приготовили в помощники одного падуанца, которого он не желал. В запальчивости Андреа отбил у лошади ногу и голову и вернулся домой, а венецианцы стали угрожать, что отрубят голову самому этому дерзкому и буйному скульптору, если он им попадется. На это Вероккио отвечал, что будет всеми силами их остерегаться, поскольку сами они безголовые и, отрубая другим людям головы, не умеют их снова приставлять; он же, Вероккио, если пожелает, сможет приставить лошади голову еще более красивую. Тогда сенаторы стали уговаривать его вернуться, обещая двойное вознаграждение, и Андреа тотчас без лишнего упрямства согласился, оставив распорядителем, охраняющим мастерскую, Лоренцо ди Креди, которому безгранично доверял. Но Лоренцо не смог отчитаться перед учителем, так как судьба жестоко посмеялась над заносчивостью Вероккио: простудившись во время литья, он заболел и умер, и окончание работы доверили еще третьему скульптору. Таким образом на подпруге коня, отлитого по модели Вероккио, оказалось имя Алессандро Леопарди, но не истинного создателя произведения.

Три года, пока Вероккио готовил восковую модель и до самого его отъезда в Венецию, Леонардо находился возле учителя. Имея симпатию и интерес к лошадям, так что при любых стесненных обстоятельствах у него была не то что одна, но иной раз и две самые лучшие, Леонардо постоянно ими менялся, обсуждая их достоинства, и рисовал и лепил с исключительной ловкостью; поэтому его помощь была для Вероккио уместной и необходимой. Однако когда Вероккио покинул Флоренцию с готовой восковой моделью, не только он сам

испытал утрату, лишившись помощи ученика, но и Леонардо при его деревенской расчетливости тотчас обнаружил неумение в устройстве практических дел. Не удивительно ли, что, имея настолько выдающееся дарование и некоторую известность между заказчиками, он, как простой маляр, вынужден был крыть ультрамарином и золотом часовую башню, и монахи Сан Донато платили ему частью деньгами, частью же хворостом для отопления мастерской, которую после отъезда Вероккио он снимал у Старого рынка? И это при том, что Перуджино едва успевал исполнять многочисленные выгодные заказы, а Боттичелли не искал больше денег взаймы, но достаточно их зарабатывал.

Похоже, у Леонардо дела во Флоренции с самого начала не сладились. Еще прежде в семье, которая до тех пор ему помогала, произошла неблагоприятная для него перемена. Когда, подобно несчастливой Альбиере, Франческа умерла бездетной в возрасте двадцати пяти лет, нотариус тотчас снова женился, и из-за поспешности его выбор можно признать отчасти неудачным, так как при исключительной скаредности Маргарита имела крутой и злобный характер. Хотя Вазари свидетельствует, что благодаря красивой внешности и вежливому обращению Леонардо был каждому по душе, третья жена Пьеро да Винчи ненавидела его люто. Однако именно при ее посредстве судьба желала вознаградить добивающегося потомства нотариуса за первоначальные лишения: прошло время, какое для этого требуется, и Маргарита родила сына Джованни, младшего Леонардо двадцатью четырьмя годами. Родившаяся после Мадлена вскоре скончалась, но затем чередою явились на свет Джулиано, Лоренцо, Виолетта и Доменико.

50

Среди, великих вещей, которые находятся меж нас, существование «ничто» – величайшее. Оно пребывает во времени, и в прошлое и будущее простирает свои члены, захватывая ими все минувшие дела и грядущие, как [неодушевленной] природы, так и существ одушевленных, и ничего не имеет от неделимого настоящего.

Кто бы ни желал толковать произведения Леонардо так, попросту, а его рассуждения, наподобие приведенного, как бы ни унижали, называя пустыми химерами, и ни честили его самого за напрасную трату времени и попытки человека несведущего затесаться между философов, если в самом деле добиваться «правдоподобного мифа», глубокомыслием Мастера нельзя пренебречь ни в одной части. Тем более что он другой раз дает в виде наброска возможные выходы к практике от самых выспренних абстракций.

«Ничто» не причастно никакой вещи. Следовательно, поскольку границы тел не являются какой-либо их частью, а взаимно являются началом того и другого тела, эти границы – ничто, а потому поверхность – ничто.

Разве этим не указана дорога к сфумато, рассеянию? Зато если не углубляться в его намерения, а отнестись как к другим живописцам, поставив, так сказать, в общий ряд, то при малой продуктивности и занятиях бог знает чем его высокомерие покажется возмутительным, а насмешливость неоправданной и обидной. Так, рассматривая в мастерской Боттичелли «Поклонение волхвов Богородице», которое затем находилось в церкви Санта Мария Новелла и широко прославилось как превосходное, Леонардо, имея в виду флорентийских Медичи, спрашивал автора:

– Что это они здесь теснятся, как будто, помимо их родственников, нет больше на свете верующих христиан? К тому же их приятели и льстецы, которых легко опознать, отпихивают один другого локтями, устраиваясь ближе к Лоренцо и находясь будто бы не в святых землях Востока, а в собраниях здешних платоников. Но если так, почему, в то время как граф Мирандола опутывает его, то есть Лоренцо, речами, изображенный с большим сходством Анджело Полициано обнял своего мецената, как бы желая задушить?

Язвительно затем отозвавшись о разнообразии и причудливости восточных тюрбанов, металлических касок, как у знаменитого филолога, грека Аргиропуло, или украшенных редкостными перьями шляп, как у Лоренцо Торнабуони, Леонардо со смехом добавил, что живописец, по-видимому, договорился с флорентийскими шапочниками показать их работу. Хотя, чем смеяться, лучше бы он похвалил своего товарища, благодаря исключительному

дарованию которого все упомянутые лица как живые действуют и смотрят – и еще позади других скромно выглядывают двое из Лами, заказчиков или дарителей, оплативших произведение. Вместо этого Леонардо сказал:

– Точно так Медичи поступают при ведении государственных дел, где, кроме них, мало кому достается участвовать. К тому же несообразно, что здесь встречаются Козимо Медичи, умерший, когда его внуку не было девяти лет, граф Мирандола, который прибыл в Тоскану два года спустя после гибели Джулиано от Пацци, и сам Джулиано, как бы восставший из гроба. И все они одеты го нынешней моде, будто бы с автором не одни шапочники договорились, но и портные и сапожники.

Тут, не отвечая прямо на обвинения, Боттичелли, в свою очередь, больно уколол Леонардо, сказав, что если он и впредь станет дурно пользоваться своей наблюдательностью и остроумием, то впадет в нищету, как Паоло Учелло, которого видят на улицах города в изношенной одежде, так как родственники не дают ему денег, а сам он, занятый труднейшими перспективными задачами, их не зарабатывает. Можно было подумать, что живописцы, будучи в приятельских отношениях, встречаясь, вместо того чтобы обмениваться какими-нибудь важными мыслями, касающимися их искусства, нарочно озорничают, без жалости вышучивая один другого, и что глубине и серьезности их произведений плохо отвечает подобная манера беседовать. Впрочем, сказанное не относится исключительно к этим двоим, хотя Леонардо и здесь отличается дерзостью не по его летам и положению: так, он нарисовал и многим показывал Петрарку вместе с его Лаурою в ужасном, оскорбительном виде похотливого старика и такой же старухи и пояснял рисунок скабрезным четверостишием. Но недаром у «Илиады» есть «Батрахомиомахия» – издевательское повторение в виде войны мышей и лягушек, у государя – шуты, у великой эпохи – великое качество юмора, порою обнаруживающее себя внезапно и странно, как язык Медузы в замке, сделанном однажды для Фацио Кардано в Милане.

Надо полагать, еще древние знали, что выражение горя и скорби, когда углы рта опущены книзу, не иначе – перевернутое или находящееся на противоположной стороне круга выражение радости, а звуки смеха и рыдания бывают настолько сходны, что их легко перепутать. Страшная изменчивость и неопределенность, когда в любом качестве содержится противоположное качество и одно через другое просвечивает или брезжит, есть особенный признак замечательной и знаменитой эпохи, известной как Возрождение. И если кто-нибудь не оставил после себя бессмертных произведений, а только детей, как это наконец удалось серу Пьеро, то и в таких людях напутаны и с трудом разделяются противоположности – привлекательное и отвратительное, добродетели и пороки. В бессердечии, с каким Пьеро отказал своему первенцу в денежной помощи, похвального мало; однако, когда Леонардо исправил ультрамарином и золотом обветшавшее от непогоды покрытие башни монастыря Сан Донато, он же и постарался, чтобы монахи этой обители поручили ему работу более значительную и достойную его дарования, а именно алтарный образ поклонения волхвов Богородице. Одновременно Леонардо получил возможность делом показать свое превосходство, а также частично оправдать насмешки и издевательства, на которые он не скупился относительно других живописцев.

Что касается согласного с евангелиями сюжета «Волхвов», если кто его представляет неотчетливо, напомним, что тогда из-за переписи, которую было велено произвести в подчинявшихся кесарю Августу областях, в Вифлеем прибыло много людей, и в переполненной приезжими гостинице семейству из Назарета недостало места. Какой-то крестьянин пустил их ночевать в хлев, устроенный – это уже воображение Леонардо – в развалинах великолепного здания в римском духе. Возле овец и быков Мария разрешилась от бремени, и рожденному Царю Иудейскому первыми поклонились проснувшиеся среди ночи работники и пастухи. Затем, следуя знамению в виде новой звезды, издалека пришли эти волхвы или халдейские мудрецы, которых обычно изображают царями четырех сторон света с их разнообразно по-восточному наряженной свитой или, как сделано у Боттичелли, одевают всех равно флорентийскими модниками, что еще более нелепо. Однако же, глядя на волхвов Леонардо в топ виде, какой они приобрели после восьми месяцев работы, когда картина была внезапно оставлена автором, вовсе невозможно сообразить, к какому племени принадлежат эти

явившиеся вслед за звездою гадатели, поскольку они представляют собой не что другое, как тени, выступающие в общей смутности. На это могут возразить, что тут только половина работы, а то и меньше того, и всему виной незаконченность. Но что это за притча такая, если живописец, чья забота лишь в том, чтобы утвердиться в репутации превосходного мастера, нарочно ее разрушает, внушая заказчику особого рода предусмотрительность, чтобы не льстились на славу, но больше смотрели на надежность работника и как бы не обманул? Да и из чего составилась слава, если из возмутительно малого количества произведений наиболее значительные и важные наполовину не кончены? Правда, что касается настоящего случая, надо заметить, что причиною здесь не прихоть избалованного человека, но сложившиеся обстоятельства, вынудившие живописца покинуть Флоренцию. С другой стороны, поразительно, что несчастное, покинутое автором произведение заставляет о себе говорить как о величайшем и искать толкования, которые прежде сочли бы крайне натянутыми – однако ни один живописец прежде не ставил перед собою подобных задач.

В самом деле, Леонардо как бы решается воспроизвести невидимые воздушные вихри, происходящие от разнообразной жестикуляции фигур, доступных скорее воображению и клубящихся подобно облакам или дыму, – здесь зритель угадывает встающих на дыбы лошадей и удерживающих их всадников, пеших, склоняющихся в благочестии, и других, приподымающихся с коленей и прикладывающих ладони ко лбу или протягивающих руки перед собою. Происшествия, смысл которых трудно понять, заслоняются еще меньше попятными, и многое наиболее важное тонет в мраке, а другое освещается каким-то слабым источником. Всадники или гарцуют вдали и опасаются приближаться, или проникли в развалины и проезжают туда и сюда между арками; какие-то люди взобрались наверх по лестнице, другие спускаются оттуда. И все это написано легчайшею кистью – как бы касаниями крыльев пролетающих или кружащихся ласточек. Что до толкований, то эти «Волхвы» подвигали людей к самым удивительным выдумкам. Так, один, побывавший в гардеробной у Бенчи, флорентийских доброжелателей Леонардо, где картина сохранялась все время его отсутствия, рассказывал, что возле «Волхвов», показавшихся ему достойными самой высокой оценки, он испытывал чувство опасения и тревоги, как бы перед готовой исчезнуть непрочной иллюзией. И будто бы ему показалось, что живописец продвигался не как другие, то есть от приготовления грунта до укрепления готовой вещи в красивую раму, но действовал наоборот – поверхность картины, произошедшей неизвестным, таинственным образом, покрывал каким-то составом, поначалу растворяющим лак, после того одежды фигур, а затем сами фигуры, оставляя от них только клубящиеся призраки.

– Так же поступает время с великолепным зданием в римском духе, превращая его в развалины, в которых крестьянин устраивает хлев, – говорил в заключение огорченный рассказчик.

Конечно, чтобы представить себе едкий состав, померещившийся этому посетителю гардеробной, нужно особенное качество воображения, которым не все обладает; поэтому многие опытные знатоки и толкователи произведений искусства, не имеющие, однако, необходимой утонченности, когда разговор заходит о Леонардо, краснеют от злости. Означает ли это, что перед подобными произведениями остается беспомощно развести руками? Растворяя неизвестным составом поверхность картины, живописец не растворяет ли перед вдумчивым зрителем свою душу? Для подобной раскрытости, которую иначе трактуют как незаконченность и приписывают нетерпению Мастера, может быть, есть менее пошлая причина сравнительно с какими-нибудь разногласиями между ним и заказчиком, и даже внезапный вынужденный отъезд из Флоренции, возможно, не сыграл здесь исключительной роли, но тут лишь совпадение? Может быть, наконец, в указанный едкий состав вместе с терпентином, отбеленным на солнце растительным маслом и какою-нибудь кислотой, пригодится «ничто», которое, как говорит Леонардо, простирает свои члены в настоящее и будущее, захватывая ими минувшие дела и грядущие, и хорошо приспособлено для целей уничтожения?

Но что замечательно: как всевозможные причудливые толкования возникают после появления самой картины, так и рассуждения Мастера о «ничто» применительно ли к времени, или к сфумато, рассеянию, принадлежат позднейшей поре его жизни и представляются не чем другим, как его толкованием его же собственного произведения. Порядок оказывается

обратным тому, как об этом говорилось, когда речь шла о «Мадонне в скалах» и преподавании братьям да Предис. Здесь не произведение рождается в коконе рассуждений и слов, но эти последние опутывают его позднее – появляется же оно неизъясненным, хотя и ожидая своих толкователей, из которых один судит так, другой эдак; но они-то и дают произведению настоящую жизнь, а без них оно умирает как бы от истощения.

51

И если найдутся среди людей такие, которые обладают качествами и достоинствами, не гоните их от себя, воздайте им честь, чтобы им не нужно было бежать от вас и удаляться в пустыни, пещеры и другие уединенные места, спасаясь ваших козней, ибо такие люди являются вашими земными богами, заслуживающими от вас статуй, изваяний и прочего.

Насколько флорентийцы проворны в расправах с бунтовщиками, настолько они не любят воевать. Зная об этом и не решаясь испытывать терпение сограждан, Лоренцо Медичи в декабре 1479 года отправился на свой страх и риск в Неаполь просить короля о мире. Лоренцо показал себя величайшим политиком, расстроив союз короля с папою, а поскольку последний не желал действовать в одиночку, война полностью прекратилась. Флорентийцы уплатили за это остатками вольностей, некогда обширных и многочисленных: под тем предлогом, что, дескать, Синьория в полном составе неповоротлива, важнейшие дела были поручены новому совету Семидесяти, а там заседали одни только сторонники Медичи. Таким образом Лоренцо окончательно захватил вожжи, и никто ому не препятствовал; зато если Флоренция и прежде не скучала, теперь началось что-то ужасное. Ночи напролет слышалось бренчание, пиликание и дудение, громкие крики и смех, некоторые улицы освещались плошками, как в большие праздники, а размалеванные женщины в непристойных одеждах всякого, кто здесь проходил, тащили в раскрытые двери притонов. Тут же играли в кости – а где игра, там и драка, и тогда лилась кровь. С тех пор не стихающее напряжение праздника не покидало Флоренцию, и, что бы ни случилось в городе, имело печать легкомыслия и порока.

Утратив свободу, многие о ней сожалеют, но мало найдется таких, кто станет подвергаться опасности ради ее возвращения; когда же, проклиная свою слабость, человек не в силах ее преодолеть, то, чтобы не впасть в отчаянно и не наложить на себя руки, подобно евангельскому Иуде, он обращается к развлечениям. Но вместе с распущенностью возрастает ханжество, когда некоторые ищут успокоения в церкви и у священников. И таков человек, что, раскаиваясь и винясь, он желает, чтобы другие также раскаивались и винились, а если этого не происходит, усердствует в подозрительности и доносах, имея цель показать, что немногие, сохраняющие умеренность посреди окружающего их распутства, так же глубоко в нем погрязли. Не имея в руках ничего достоверного, доносчик угрожает невинному человеку ядовитою сплетней, когда за неизвестным предполагается худшее, а в бескорыстном сотрудничестве усматривает безнравственность и ужасный порок. После того как Вероккио покинул Флоренцию вместе с моделью своего коня, многоустое чудовище – сплетня – отчасти примолкло, но спустя время отвратительный шепот возобновился, имея причиною юного Аталанта Милиоротти, которого Леонардо обучал игре на лире, тогда как тот, происходя из зажиточною семейства и хорошо образованный, преподавал ему латынь.

Клеветы носятся в воздухе, как стая ворон, и у них все преимущества. Лоренцо Медичи призвал тогда Леонардо и велел ему сделать богато украшенный музыкальный инструмент, а именно лиру ди браччо, с какими-нибудь необычайными усовершенствованиями, чтобы затем отвезти миланскому регенту Моро. Медичи при этом сказал:

– Иначе тебя, как древнего Сократа, обвинят в развращении юношей и погубят. В то время в Милане ты сможешь с большею пользой применить способность к механике и редкостную изобретательность: не зря говорят, что город святого Амвросия славится не одними колоколами и церковной музыкой, но звоном молотков о наковальни. А что при миланском дворе высоко ценят хорошее пение и музыку, это само собой разумеется.

Беседа между двумя настолько известными гражданами знаменитой Флоренции происходила в начале весны 1482 года. В то время Лоренцо Медичи Великолепный достиг совершенного умения вести государственные дела, а его искусство устраивать к собственной

выгоде отношения между другими правительствами, добиваясь равновесия, достигло аптекарской утонченности, косвенно подтверждая происхождение Медичи от флорентийских провизоров, а не от каких-то там воинов Карла Великого, чем они из тщеславия предпочитали гордиться. Что касается Леонардо, то недаром Вазари впоследствии прямо советует: если человек достаточно научился и не желает жить изо дня в день наподобие скотины, но хочет разбогатеть, он должен уехать из Флоренции и торговать за ее пределами хорошими качествами своих произведений, как доктора медицины торгуют именем университета, где они обучались. Вазари к этому добавляет, что Флоренция поступает с художниками точно как время со своими творениями, то есть, создав их, сама же и разрушает. Так, дед нынешнего господина Флоренции, из всех Медичи может быть наиболее опытный и ловкий в политике и управлении городом, Козимо Старший, желая насолить одному гражданину, его неприятелю, тогда как раз заказавшему живопись в церкви св. Духа, отправил Томмазо Мазаччо в Рим к папе Мартину и там его отравили, и работы в капелле, ставшей впоследствии настоящим университетом для живописцев, остались неконченными. Даже если утверждение биографа о причине смерти Мазаччо отнести к его фантазии, основанной на непроверенных слухах, отдавать одаренного человека в услужение далеко от его родины, где у него нет надежных друзей и доброжелателей, рискованно и неблагородно, и для государства невыгодно. И тут внук Козимо Старшего, знаменитый Лоренцо, со всей его дипломатией допускает ту же ошибку, хотя при этом ссылается на желание избавить Леонардо да Винчи от угрожающей ему опасности.

Первой работой, какую Лоренцо поручил многообещавшему мастеру, оказался картон для португальского короля, желавшего иметь вышитую по его образцу занавесь с изображением Адама и Евы в раю. Об этом произведении Вазари свидетельствует:

«Поистине можно сказать, что по тщательности и правдоподобию изображения божественного мира ни один талант не мог бы сделать ничего подобного. Есть там фиговое дерево, которое, не говоря о перспективном сокращении листьев и общем виде расположения ветвей, выполнено с такой любовью, что теряешься при одной мысли о том, что у человека может быть столько терпения. Есть там пальмовое дерево, в котором округлость его плодов проработана с таким великим и поразительным искусством, что только терпение и гений Леонардо могли это сделать».

В числе разнообразных растений, окружавших наших прародителей до их падения, Леонардо пожелал показать флору окрестностей Винчи и Анкиано, которую отчасти изучил еще прежде, когда с настоятелем приходской церкви собирал лекарственные травы. Теперь, чтобы сделать это более основательно, он оставил на время мастерскую Вероккио и Флоренцию и поселился в Винчи у дяди Франческо. Если сюда прибавить, что с растительностью более жарких сравнительно с Италией стран Леонардо знакомился во Флоренции в домах некоторых любителей, станет очевидным, что шести часов, которые Адам пробыл в раю, недостало бы для предварительного беглого осмотра собранного живописцем гербария. Однако заказчики и поручители не обладают должным терпением и способностью ждать, и за это приходится расплачиваться, когда они получают взамен от более торопливого мастера какую-нибудь заурядную вещь. Так что не дворец португальского короля, а сельское строение недалеко от Флоренции стало первоначальным помещением изумительной и необыкновенной работы, которая затем перешла к Оттавиано Медичи, а после ее следы теряются. Из всех изложенных обстоятельств все же нельзя заключить, что Лоренцо Великолепный желал каким бы ни было способом избавиться от Леонардо, – да и к чему бы это Великолепному? Более ясно, что он не слишком огорчался необходимостью его отъезда, когда не воспользовался своим влиянием, чтобы затушить возрождающуюся сплетню, а вместо этого стал обсуждать, как лучше угодить миланскому регенту, прежде прислявшему ему в подарок редчайшую вещь – изготовленный во Франции музыкальный ящик вроде шарманки. Решено было, что наиболее подходящим украшением ответного подарка, лиры для регента Моро, будет изготовленный из серебра череп лошади – самого чувствительного к музыке животного: недаром одному из Пацци удалось научить свою лошадь приноравливать шаг к ударам церковного колокола.

Видно будет, как деревья великих лесов бегут по воздуху с востока на запад, с севера на юг; и они будут нести по воздуху множество людей. О, сколько обетов! О, сколько мертвецов! О, сколько расставаний друзей и родных! О, сколько будет таких, которые больше не увидят своего края, ни своей родины и которые умрут без погребения, с костями, рассеянными по всему свету! О мореплавании.

В одной из записей для бестиария, пополняемого от случая к случаю, Леонардо указывает, что добродетель благодарности присуща сороке, которая за полученные ею от родителей жизнь и пропитание, когда видит их старыми и беспомощными, строит им гнездо, обогревает и кормит и, вырывая клювом старые грязные перья и применяя известную траву, придает их оперению вид, какой оно имело в их молодости. Леонардо не настолько внимателен: последний раз он был в Винчи и Анкиано, когда занимался картоном для португальского короля, – за семь лет до того, как приехал проститься с родственниками, отправляясь в Милан. Можно сказать, что, не имея более детей и подарив Италии своего единственного, Катерина сделала достаточно. Но если Лоренцо Медичи хорошо не рассмотрел в Леонардо его гениальности, откуда это увидеть крестьянке и как ей понять необходимость настолько чувствительной жертвы? С другой стороны, хотя было сказано, что с возрастанием высоты возрастают также фанфаронство и спесь, буйствующие здесь сильные ветры не окончательно выдули осевшее в каменистых расселинах amor fati – умение подчиняться судьбе, свойственное древним латинянам, но так же необходимое христианину; впрочем, не все его одинаково впитывают.

О время, истребитель вещей, и старость завистливая, ты разрушаешь все вещи и все вещи пожираешь твердыми губами годов мало-помалу, медленной смертью! Елена, когда смотрелась в зеркало, видя досадные морщины своего лица, сделанные старостью, жалуется и думает наедине, зачем два раза была похищена?

Не знающий хорошо языка переводчик перелагает Овидия прозой, отчею мысль проясняется. Поскольку же у Леонардо своя Елена – из Анкиано, происходящая метаморфоза имеет для него особенную важность, и он огорчается ужасными следами времени, подобно невидимому огню, обугливающему снаружи и проникающему сквозь поры внутрь, пожирая всякую упитанность, и от этого кожа, прежде упругая и чистая, обвисает морщинами.

Направление и свойство ума, когда единственная родительница показывается окутанная метафорической тканью всевозможных величественных соображений, обрекает его обидной холодности и лишает участия в той простой жизни, которая людей, менее выдающихся, вознаграждает теплом и сердечностью. Вместе с тем если что наиболее важное перешло к Леонардо от Катерины, так это как раз amor fati – умение и способность подчиниться судьбе и терпеть все лишения.

В точности неизвестно, каким условием обязал себя Леонардо перед отъездом в Милан, но есть основания предполагать, что родственный договор касался возможной безвременной смерти Аккатабриги, необходимой тогда продажи имения, поскольку Катерине будет трудно управляться в одиночку, и последующего соединения с сыном на оставшиеся ее дни. Amor fati – умение или, лучше, желание подчиниться судьбе – может означать разное и быть направлено противоположно. Бедному крестьянину оно помогает безропотно изо дня в день шагать за плутом, не добиваясь какой-нибудь иной участи и принимая все, как есть; другому это могущественное amor приказывает, что попадается перед глазами, все переделывать; третий тянет лямку, воспитывая многочисленное потомство и помогая родственникам; четвертый запирает свой хлев, и отправляется на поле брани, и становится защитником отечества и советником королей, как Иоанна Французская[41] или упоминавшийся Аттендоло из Котиньолы, получивший прозвание Сфорца. Говоря короче, amor fati бывает орудием всеобщей справедливости, но и ужасного произвола, толкающего людей на безумные и опасные поступки, огорчая их близких, не устающих лить слезы, когда такого человека внезапно как бы действием посторонней ему внешней силы обуревает жажда пространства и он задыхается от негодования при виде какой бы ни было изгороди или другого препятствия.

Летом 1476 года мессер Паоло Тосканелли, отвечая любознательности одного

[41] Иоанна Французская – имеется в виду Жанна д'Арк (род. в 1412 г., погибла на костре 30 мая 1431 г.).

португальского дворянина, письменно разъяснил возможность морского путешествия в Индию кратчайшим путем, то есть на запад через Океан, Вместе с приложенной картой письмо однажды попало Христофору Колумбу, бросившему свое ремесло и отдавшемуся географии генуэзскому суконщику, побудив его к исполнению этого предприятия. Находясь в Португалии, он не сумел заручиться поддержкою короля, а был преследуем по вымышленному обвинению, бежал и, оставив жену и детей без помощи на чужбине, поселился в Испании, где всячески бедствовал. Но в конце концов Фортуна к нему оборотилась, и правившие совместно Изабелла и Фердинанд даровали ему звание дворянина и вице-короля земель и островов, какие он обнаружит на пути в Индию. Тогда Колумб снарядил корабли и отправился в путешествие, результаты которого известны.

Вместе с Паоло Тосканелли открытию Нового Света много способствовал другой флорентиец, живописец Паоло Учелло, потрудившийся в упорядочении науки перспективы, без чего невозможна истинная картография и тщетны все разговоры о достоинстве человека: новый свет первоначально освещает душу исследователя, и уже затем поднимается земля над горизонтом. Также путешественник сперва сам себя назначает королем и правителем области, границы которой перемещаются вместе с его кругозором, и где, приближаясь к их господину, вещи прибавляют в размере и достоинстве. Только при такой очередности назначенный вице-король будет пользоваться подобающей ему властью, а округлые жесты, когда он обводит рукою горизонт, будут оправданы его самочувствием. Таким образом, появляется жест, а позднее открытие.

Из третьего успешного плавания Колумб возвратился в цепях, как преступник: вместо награждения его отвели в тюрьму, и там знаменитому путешественнику пришлось доказывать свою невиновность. Но если принять как известное, что нет пророка в отечестве, неудивительно, что и и Италии с ним обошлись так же скверно и найденный им материк назван по имени флорентийца Америго Веспуччи, чем славе Христофора Колумба нанесен заметный ущерб. Не получилось ли здесь, что и с Вероккио, поскольку на подпруге коня, которого он поставил в Венеции, ясно читается другое имя – Алессандро Леопарди? Однако такими несправедливыми, жестокими способами все же делается кое-что важное и ясно показывается, что решительно никто не в состоянии действовать в одиночку.

В 1493 году поздней осенью – незадолго перед тем Колумб возвратился из третьего плавания в цепях, как преступник, – по распоряжению регента Моро сломали сарай в Корте Веккио или разбили бутылку, как тот выразился не без остроумия, и показали гостям другого Коня, настолько громадного, что его не решались стронуть с места, опасаясь какого-нибудь несчастья. А ведь Моро действовал не исключительно ради тщеславия, но верно угадывая, что носится в воздухе, то есть нетерпение к необычайному и переменам и некоторое всеобщее трепетание. Примерно то самое испытывал дельфийский оракул, известная Пифия, когда испарения ее одолевали; и если ей были препятствия высказаться, она двигала руками, разевала рот и покрывалась каплями пота. В таких случаях жрецы ее приподнимали вместе с треногою, на которой она помещалась над священным источником, и тут она говорила. Но кто эти жрецы, как не поэты, ученые или художники? Кому, как не им, свойственно торопиться и чувствовать прежде других и кто еще так обеспокоен быстротою течения времени?

МИЛАН. 1494-1499

53

– Что такое человек?

– Как светильник на ветру, – отвечает ученый Алкуин любознательному ученику.

В зимние ненастные месяцы 1494 года, когда Бьянка Мария Сфорца после императорской свадьбы направилась в Инсбрук к своему Максимилиану, а ложно обвиненный испанцами Христофор Колумб находился в тюрьме, в страшную дурную погоду, когда падающий мокрый снег, кажется, растворяет свинцовые крыши, Катерина слегла. Медик, хотя не обладающий

значительной практикой, однако напыщенный и важный, как другие в этом сословии, рассматривая внимательно мочу, нарочно помещенную в стеклянную колбу, велел зашить больную в одеяло и держать так в течение суток, чтобы истекающий жизненный жар возвращался обратно, как уголья возвращаются в топку с помощью кочерги. Леонардо не полностью доверял ухищрениям медицины и обратился к врачам, скорее придерживаясь рутины, чем из сознания необходимости.

Старайся сохранить здоровье твое, в чем больше преуспеешь, если будешь остерегаться врачей.

Больная находилась в глубоком обмороке, и Леонардо бодрствовал у ее постели. Минули глухие часы; оголенные ветви деревьев перед рассветом внезапно обозначились на небе, исподволь утратившем черноту. Губы несчастной умирающей зашевелились, и, хотя в забытьи, она внятно и разборчиво произнесла несколько слов:

– Ты слышал, пропел петух. Это хороший признак: пение петуха разрушает козни грабителей, с ним пробуждается утренняя звезда и Иисус обращает лицо к колеблющимся и впавшим в грех. И тут возвращается спокойствие души и сомнение уходит. Писание учит, сынок, что все это не происходит случайно, по по произволению господа нашего.

Ничего более нельзя было усвоить: голос ее ослаб и язык стал коснеть и плохо повиновался.

О благосостоянии, каким покойник пользовался при его жизни, прохожие могут судить по количеству провожающей церковной прислуги, размеру свечей и красоте заупокойного пения.

– Если она не приходилась Мастеру кровной родственницей, – сказал Марко д'Оджоне, – такие похороны неуместны; если же разговоры об этом соответствуют действительности, сыновнюю щедрость и доброту следовало выказывать скорее при ее жизни. Что он теперь надулся как индюк и вышагивает за гробом с эдакой важностью?

Салаино, в свою очередь, сказал:

– Мастер не был на исповеди два года и никогда прежде не истратил одного динара на свечи; меня-то он не убедит в своей набожности.

Больтраффио с горечью упрекнул их обоих:

– Чем по обыкновению злословить, вы бы порадовались пристойности похорон и рассудительности, с которою Мастер распорядился, не изменяющей ему при множестве и разнообразии занятий, когда обыкновенные люди теряются и впадают в отчаяние.

В самом деле, если за истекший значительный срок его жизни Мастер не приобрел достаточно, чтобы называться человеком богатым и обеспеченным, происхождение со стороны отца от нотариусов, способствующее устойчивости известных привычек, создавало для этого предпосылки. Достаточно видеть изумительные аккуратные записи о расходах, которые человек бережливый не оставляет вести в каких бы ни было обстоятельствах:

3 фунта воску – 27 сольди
Катафалк – 8 сольди
Покров на катафалке – 12 сольди
Переноска и вкапывание креста – 4 сольди
4 священника и 4 клирика – 20 сольди
Колокольный звон, чтение молитв и обмывание – 2 сольди
Могильщики – 12 сольди
Медик – 2 сольди
Свечи и сахар – 12 сольди
Всего: 4 дуката 19 сольди

Конечно, как ни суди, ничего нет похвального, если клевещут на учителя. Однако Леонардо сам помогает распространителям нежелательных и нелестных для него слухов, обнаруживая благочестие в крайних случаях, если это решительно необходимо. Также уместно напомнить, что в присутствии посторонних лиц он не обращался к умершей, как прилично при ближайшем родстве, а между тем Катерина с величайшей почтительностью именовала его «ваша честь». Таким образом, обыкновение поддерживать тайну и не опубликовывать вещи, которые в том не нуждаются, бывает причиною худшего мнения, чем некоторые достойные люди того заслуживают.

54

И если ты скажешь, что науки, начинающиеся и кончающиеся в мысли, обладают истиной, то в этом нельзя с тобою согласиться, а следует отвергнуть это по многим причинам, и прежде всего потому, что в таких чисто мысленных рассуждениях не участвует опыт, без которого нет никакой достоверности.

Зависит ли это от хода ветров, влияния солнца, положения среди морей и пустынь или каких-нибудь других условий, считается, что населяющие острова в холодной области океана британцы всему остальному предпочитают свободное суждение на основании опыта. Вот тут и суди, является ли происхождение Катерины от Джованни Акуто, уроженца Британии, ложной выдумкой тщеславных людей или здесь есть крупица правдоподобия.

– Без опыта ничего нельзя знать достаточным образом, – преподавал читавший в первой половине XIII века в Сорбонне англичанин Роджер Бэкон. Спустя три столетия его однофамилец, другой англичанин, Фрэнсис Бэкон, назвал опыт допросом, учиненным природой, и настаивал на усердии к отысканию истины, равном упорству властей в розыске о преступлениях.

Однако Фрэнсис Бэкон также указывает:

– Нельзя упускать из виду, что любое усердие в опытах нередко с преждевременной и неуместной торопливостью устремляется на какие-нибудь заранее намеченные практические цели; оно ищет, я хочу сказать, плодоносных, а не светоносных опытов, и не следует божественному порядку, который в первый день создал только свет и на это уделил полностью один день, не произведя за это время никаких материальных творений, но обратился к ним в последующие дни.

Далее, развивая свою мысль, Фрэнсис Бэкон обращается к примеру алхимии:

– Этой ложной науке мы обязаны тем, что можно прекрасно понять из сравнения с басней Эзопа о земледельце, который перед смертью сказал сыновьям, что оставляет в винограднике богатый клад золота, но точно не помнит, в каком месте. Тщательно перекопав заступом весь виноградник, сыновья не нашли золота, но зато на следующий год получили богатый урожай винограда, потому что тем временем окопали корни виноградных лоз.

Добросовестный ученый-изобретатель может вывести из басни Эзопа такую мораль: препятствия к практическому осуществлению даже величайших изобретений другой раз желательны и полезны науке, так как мысль изобретателя тогда растекается в стороны, ища обходных путей, и, путешествуя по новым землям, далеко их освещает светом теории. Либо может случиться и так, что упорствующее намерение, неизвестно уж по какой причине уверенное в правильности заранее определенной дороги, возмущенное препятствием, как бы сужается, долбя в одну точку; и тогда кажущаяся узость исследования искупается его силой и глубиной. Так, продажа бронзы в Феррару оказалась отчасти причиною или, лучше сказать, веским поводом длительного изучения условий равновесия нити – или проволоки, или каната, растянутых между опорами, с подвешенным где-либо посредине грузом; и светоносность этого наиболее долгого опыта оказалась громаднейшей, хотя при установленных опытным путем блестящих и правильных предпосылках поначалу свет истины слабо пробивается сквозь щели поспешного неправильного рассуждения.

Невозможно выпрямить канат, если он подвешен между блоками с расстоянием в 100 локтей и на каждом конце подвешен груз весом в 1000 фунтов. Я утверждаю, что если ты подвесишь груз весом в 100 фунтов в середине этого каната, то канат скорее лопнет, чем выпрямится, перемещая свой груз в точку a. Между тем кажется почти невероятным утверждение, что 2000 фунтов груза, укрепленные на концах каната, не в состоянии поднять 200 фунтов, то есть тяжесть каната и груз, помещенный в его середине. Причина та, что груз, помещенный в середине каната, производит то же самое действие на противовес в 1000 фунтов, какое произвел бы такой же груз, подвешенный к концу рычага длиною в 40 локтей. Следовательно, чтобы определить истинное действие, то есть определить, возможно ли грузу в 2000 фунтов выпрямить канат, измерь диаметр блока, поддерживающего груз в 1000 фунтов, и посмотри, сколько раз половина этого диаметра содержится в промежутке между

половиной блока и половиной груза в 100 фунтов на линии ra. И половина груза, находящегося на середине каната, поднимется выше настолько, сколько раз часть диаметра ro содержится в ra. Предположим, следовательно, что ro содержится 200 раз в расстоянии до точки над серединой каната и столько же в другой половине, что дает 400. Итак, ты скажешь: 400 на 100 дает 40000, а кроме того, имеется вес каната, который тянет его своей тяжестью вниз. В результате канат на большой длине не может выпрямиться, не порвавшись.

«Занимающиеся геометрией выражаются очень забавно, словно они заняты практическим делом и имеют в виду интересы этого дела. Они употребляют выражения „построим четырехугольник“, „проведем линию“, „произведем наложение“ и так далее: все это так и сыплется из их уст», – говорит Платон в «Государстве».

В самом деле, такое строительство, не являясь ни чистой теорией, но и не практикой, занимает как бы среднее положение. Притом исследователь в противоположность каменщику или плотнику не имеет ни топора, ни клещей, ни зубила, не пользуется какими-либо подъемными устройствами, но обходится исключительно линейкой и циркулем: эти чудесные инструменты обладают той решительностью в своих «да» и «нет», которых лишены многие люди, как равно и более грубые инструменты. Ведь если линия имеет малейшую кривизну, а круг незаметным образом сплющен, линейка и циркуль этого никак не упустят и, так сказать, выведут на чистую воду всякую неправильность. Вместе с тем линейка и циркуль представляют как бы хирургический нож, каким при анатомии мира обнаруживаются прямолинейные и круговидные связи между вещами, которые тоньше тончайших волосяных сосудов и вовсе невидимы. Подобные связи обладают величайшей истинностью сравнительно с поверхностью вещей, привлекательной отчасти своей неправильностью и прихотливым разнообразием внешнего вида, из-за чего создается ошибочное мнение, будто все на свете раздельно и существует само по себе, тогда как линейка и циркуль являются орудиями всеобщей аналогии и связывают далеко отстоящие и различные вещи прочнее самого прочного каната.

Однако безбрежная универсализация найденного однажды научного принципа, свойственная как древним, при их склонности к умозрению и лености в опыте, так и некоторым торопливым исследователям позднейшего времени, приводила другой раз к забавным ошибкам и заблуждениям. Первое, что пришло в голову поднаторевшему в чертежном строительстве Мастеру, – это распространить на исследуемую им систему принцип Архимедова рычага. И это ему удалось, больше того, подтвердилось расчетами, впрочем, самыми простенькими. Притом в одном случае, применительно к короткому плечу рычага, Мастер действовал на основании очевидности, имея в виду радиус блока, в другом, применительно к длинному плечу, вопреки очевидности, поскольку аналогия проволоки или каната и жесткой негнущейся балки очевидно неправильна и незаконна. И тут Леонардо второпях подчинился одному из тех идолов, которых Фрэнсис Бэкон перечислил как довлеющих над человеческим разумом, – а именно идолу ученого высокомерия и безосновательной уверенности.

Может быть, Леонардо так бы и остался при своем заблуждении, если бы судьба не выставила перед ним непреодолимое препятствие, разрешив регенту Моро передать бронзу в Феррару. Судьбу, когда бы она существовала, можно понять: если столько времени спали, притушивши свечу свободного исследования, теперь, пробудившись внезапно, следовало бы отказаться от излишней торопливости, хотя бы и понятно желание скорее наверстать все упущенное. И здесь уместно еще раз сослаться на Фрэнсиса Бэкона, сказавшего сто лет спустя: «Человеческому разуму следует придать не крылья, а скорее свинец и тяжести, чтобы они сдерживали его прыжок и полет».

55

От первых истинных и доступных познанию начал постепенно продвигайся при помощи истинных заключений, как это явствует из математических наук, называемых арифметикой и геометрией, то есть числа и меры.

Что касается Корте Веккио, басня о винограднике сюда как нельзя лучше подходит, только здесь не виноградник, а пустынный двор, местами заросший бурьяном, лопухами и травой. Если же устранить эту растительность, – что нелегко из-за пристрастия некоторых

Висконти к редким животным, на протяжении долгого времени утучнявшим почву, – окажутся видными установки и различные модели для механических опытов в виде ли каменных плит для изучения падающей или брошенной вдаль тяжести, невысоких ли столбиков, чтобы исследовать ее медленное длительное движение, или других более сложных снарядов. Так, вся площадь двора, подставленного на место метафорического виноградника, оказывается в то или иное время использованной в целях научного опыта. Тем более что становится видной сеть каналов и канавок и деревянных или глиняных лотков с перепадами уровней, заслонками и шлюзами, которых, исполненные в их настоящем размере и кажущиеся увеличенными как бы для великанов железные части – скобы, петли и прочее – сложены внутри помещения возле наковальни.

Простые деревянные ящики – к ним при опытах прилаживаются противовесы, так как с их помощью Леонардо изучает условия и закономерности трения, – частью пришли в ветхость. Мастер приступил к изучению подобных закономерностей еще прежде того, как задумался о способах установки Коня на пустыре перед Замком. Поэтому невозможно выяснить с точностью хотя бы для того, чтобы отпраздновать, потеснивши многочисленные религиозные праздники, в какой именно день определена изумительная пропорция трения. Рассуждение и опыт, хотя и разбрасываются, подобно точильному камню, искрами аналогий, при быстром движении вгрызаются в вещи, продвигаясь к истине постепенно. С другой стороны, постепенность бывает нарушена внезапными озарениями; однажды в воображении Мастера как бы молния сверкнула, высветив пристань в Лагетто, на Озерце, возле церкви св. Стефана, и пеньковый канат, петлею обернутый вокруг каменной причальной тумбы. Внезапно раздается ужасающий скрип, будто бы суставы вселенной расселись; пенька, прочно схватившаяся с поверхностью камня, удерживает тяжело груженную баржу. Таким или иным каким-нибудь образом сочетаясь, озарение вместе с исследованием приводит к открытию.

Каждое тяжелое тело побеждает сопротивление трения, равное одной четверти его веса.

Иначе говоря, один блок или несколько равно удерживают известную тяжесть, и сопротивление трения при этом не возрастает и не уменьшается. И если протащить обожженный кирпич гладкой, ровной поверхностью по деревянной доске, безразлично, какой стороной он соприкасается с деревом – широкою, узкою или торцевою: сопротивление трения каждый раз будет равным четверти ею веса.

Вывод исследователя, добытый опытным путем, полностью противоречит обычным понятиям, как и заключение, что подвешенная между опорами проволока не может быть выпрямлена противовесами, но скорей разорвется. Поэтому, узнавая о подобных открытиях, люди несведущие или предубежденные против научного опыта приходят в ярость, предполагая, что их одурачивают.

Трение тел делится на два главных вида, а, именно: текучее с текучим и плотное с плотным. Из них получается третий вид, причастный двум названным и составленный из них, а именно: текучее может тереться о плотное и плотное о текучее. К четвертому виду трения относится, например, трение колес повозки, движущейся по земле: оно не ломает, а только прикасается, и о нем можно сказать, что оно имеет природу ходьбы шагами бесконечной малости.

Как спорящему его аргументы представляются наиболее убедительными, когда он их с нарочитою ровностью перечисляет, еще и загибая пальцы на руке – во-первых, во-вторых, в-третьих, в-четвертых, – так для исследователя, если, покуда он не имеет что сказать по существу его науки, обнаруживается возможность что-нибудь перечислить, наука тотчас приобретает свойственный ей вид, а этот исследователь – необходимую ему уверенность.

56

Исследуй более внимательно движение с промежуточными прослойками. При том, что крупинки, находящиеся в промежутке, имеют круглую форму, движение будет легким; а если они будут крупнее, движение станет еще более легким.

В то время как изучающий анатомию делает вывод, что в середине высоты, ширины и

толщины человека как бы сосредоточено наибольшее искусство создателя, – в особенности это хорошо видно у женщины, имеющей здесь мочевой пузырь, матку, яичники, прямую кишку, геморроидальные вены, мускулы и хрящи, – верующий христианин переносит указанную середину ближе к области сердца, где, по понятиям того времени, обитает дух жизни или ее сила, vis vitalis. Что касается древних, равнодушные к подобным вещам, они больше доверяют циркулю: по Витрувию, естественной серединой является пупок, и если человека уложить навзничь с распростертыми руками и, раздвинувши ему ноги, приставить циркуль к пупку, то достигающая кончиков пальцев на руках окружность затронет и подошвы, и, таким образом, фигура оказывается причастной кругу. Если же ноги сдвигаются, а руки вытянуты в стороны на уровне плеч, – высота ее увеличивается, середина несколько смещается книзу и фигура удачно вписывается в квадрат. Для известного трактата Витрувия об архитектуре, комментарий к которому подготавливал Джакопо Андреа Феррарский, Леонардо сделал рисунок, где представил оба возможных положения фигуры человека совместно, так что изображение в целом, имея протянутыми в разные стороны четыре руки и четыре ноги, напоминало ветряную мельницу о восьми крыльях. Посмотрев на рисунок, Джакопо Андреа сказал:

– О причастности чудеснейшей мельницы божественному христианскому таинству, равно как и философии древних, свидетельствует своего рода наглядная квадратура круга, иначе говоря, совмещение несовместимого и соизмерение разномерного. Подумай о том, что фигура распятого на кресте оказывается вписанной в равносторонний четырехугольник, тогда как если бы его палачи воспользовались косым бургундским крестом, расположением ветвей сходным с буквою «х», фигура Спасителя нашего вписалась бы также и в круг.

Рассуждение Джакопо Андреа приблизительно и неточно: простое вычисление показывает, что площади названных квадрата и круга не полностью совпадают. Однако же неполное совпадение и приблизительность, как полагает Фрэнсис Бэкон, суть душа аналогии и ее главный движитель и преимущество, поскольку силлогизмы с их безупречностью толкутся в пределах, которые устанавливают сами себе. Поэтому другой раз лучше отдаться произволу наиболее причудливой аналогии, не стесняясь того, куда она занесет.

Если на крыльях указанной аналогии пролететь над Миланом и посмотреть на него с точки зрения, доступной разве крылатому Пегасу или глиняному Коню Леонардо, поднятому на высоту ради удобства передвижения, город покажется как бы выложенным мозаикой с многократно повторяющейся в виде узора фигурой латинского креста с неравными прямыми ветвями, из которых кратчайшая обращена на восток, к месту распятия Иисуса. Так выглядят миланские церкви – сколько их, никто не пересчитывал, – сверху. Опустившись на землю и побыв какое-то время близко около храма или на паперти, особенно в праздники, когда церкви посещаются множеством людей и все они крестятся, можно будет представить себе, будто бы ткачи расшивают фигурой креста недоступное зрению покрывало. Между тем древние христиане еще имели изображение креста нарисованным краскою на лбу, и по этому признаку их узнавали и предавали страшным мучениям и смерти.

Стираясь постепенно с поверхности, фигура креста зато проникала глубоко в душу и во времена Леонардо составляла важную часть внутреннего суждения. Причем это мало зависело от чьего-либо благочестия и было одинаково свойственно как Перуджино, из-за насмешливых отзывов о священнослужителях считавшегося ужасным безбожником, так и фра Беато Анжелико, человеку глубоко верующему и боязливому; и что-нибудь изменить в этом фундаменте души настолько же трудно, как вытащить себя за волосы из болота, поскольку опереться возможно исключительно на собственное свободомыслие – вещь неустойчивую и зыбкую.

Когда сиенец Франческо ди Джорджо захотел вписать в план церковного помещения, устроенного в виде латинского креста, фигуру человека, то, судя по рисунку в его «Трактате», попытка не оказалась удачной. И это потому, что место пересечения кораблей, или трансепт, сдвинуто к востоку, а поперечный корабль короток; так что руки приходится изображать как бы стиснутыми за спиной, а голова и шея хорошо не помещаются в алтарной части. Однако без малейшего неудобства, как это видно из рисунка Леонардо к Витрувию, фигура человека вписывается в образуемый греческим равноконечным крестом при его вращении круг или в самый этот греческий крест, когда алтарь приходится, так сказать, на место пупа. Такое

положение вполне соответствует обрисованному Пико делла Мирандола в знаменитой речи «О достоинстве человека»: поместившийся в пупе Земли изобретатель-творец, в какую бы сторону ни обратился, обнаруживает равно удаленный от него горизонт. Новизна, достигнутая Леонардо да Винчи, умеющим вытащить себя за волосы из болота путем независимого внутреннего усилия, сфорца, есть наиболее решительная и радикальная переделка внутренней геометрии души, от которой происходят разнообразные явления творчества. Вместе с этим многие имеющиеся в Италии приезжие из древней Киликии, иначе говоря из Армении, настаивают, будто все равностороннее и равноконечное проникло сюда с их соотечественниками или привезено итальянцами, которым не сидится на месте и они были в Армении и там этого насмотрелись, и еще приезжие упорствуют в том, что Леонардо путешествовал на их родину и, дескать, воодушевившись армянским центральнокупольным храмом, разрабатывал затем эту идею с большим постоянством, о чем свидетельствуют многочисленные рисунки. Таким образом, считают они, флорентиец оказался единственным, от кого впоследствии распространились проекты подобных церквей, когда алтарь помещается посредине, а молящиеся вокруг него равномерно. Однако применительно к архитектуре это слишком общие и широкие принципы, чтобы принадлежать одному человеку, времени или стране: во Флоренции в седьмом веке воздвигнут, а в двенадцатом усовершенствован и отчасти перестроен восьмигранный центральнокупольный храм – именно баптистерий Сан Джованни, который Леонардо мог видеть с детства. Когда же мы удивляемся и робеем перед мощью независимого внутреннего усилия, сфорца, не менее удивительным кажется согласованное какими-то тайными путями и способами одновременное возникновение в различных государствах и городах сходных вещей и намерений, как если бы неизвестная необходимость подбирала для работы в искусстве людей с похожими склонностями и устройством души, тогда как в другие времена подобные люди вынуждены были бы искать другое занятие.

Из осуществленных тогда построек в Милане наиболее круглая – церковь св. Сатира Мученика – возведена в 1480-м, за два года до появления здесь Леонардо; и этот урбинец Браманте, кажется, был бы доволен, если бы костлявые готические храмы внезапно оказались все поглощены упитанными и круглыми, то есть в противность тому, как это говорится в Писании, жирные коровы пожрали бы тощих. Когда в 1495 году Донато было предложено па место готических, в старинном ломбардском духе барабана и купола церкви монастыря доминиканцев Санта Мария делла Грацие поставить другие, он с охотою на это согласился и, все быстро разрушив, поставил барабан в виде додекаэдра, или двенадцатигранника, – одного из правильных тел, выступающего, по мнению древних, в качестве прообраза небесной сферы. Быстро закончив кладку, Донато Браманте каждую из получившихся двенадцати граней поделил надвое при помощи арочек и колонок из обожженной глины; затем эти двадцать четыре снова поделил надвое, прикрепив посредине гирлянду либо венок, которые чередовались, действуя, таким образом, в духе метафоры Леонардо о бесконечно малых шагах, относящейся к трению.

Какую вещь ни возьми, что-нибудь она означает. Если у древних философов двенадцатигранник считался прообразом небесной сферы, знакомому с христианской символикой человеку известно, что восемь – это не иначе как воскресение. Однако не сразу можно понять, что имеет в виду Леонардо, когда рисует октаэдр, восьмигранник, и располагает по его сторонам или граням восемь малых окружностей: церковь ли с планом в виде октаэдра, поверх граней которого катятся восемь круглых капелл, или отнести рисунок к механике, если октаэдр здесь выступает в виде обоймы шарикового подшипника.

Я не вижу большей разницы, применять ли в подобных подшипниках шарики или же ролики, исключая ту, что шарики могут вращаться во всех направлениях, а ролики только в одном. Но если во время движения шарики или ролики соприкасаются, движение будет более медленным, так как при их касании сила трения будет действовать в противоположном направлении. Если же шарики или ролики находятся на расстоянии друг от друга, это облегчает движение.

Применительно к временам, когда могли совместно работать, советоваться и считаться приятелями урбинец Донато Браманте и флорентиец Леонардо да Винчи, надо отказываться от обычного укоренившегося высокомерия позднейшей эпохи относительно всех предыдущих и, имея в виду величие произведений некоторых наших предшественников, по крайней мере принять как возможное величайшую глубину их рассуждения и понимания.

Человек отличается от животных только тем, в чем он является необычайным и показывает себя как существо превосходное, а именно – там, где природа кончает создавать свои виды, человек из всего созданного природой начинает при помощи той же природы создавать бесконечные виды.

Наземные животные, говорил Леонардо, обладают подобием в членах тела, то есть в мускулах, нервах и костях, и больше отличаются длиной, толщиной и другими размерами. Поэтому знающему анатомию легко, как он выражается, сделаться универсальным строителем. Но из груды лошадиных костей возможно ли, так сказать, меняя местами части машины, изготовить медведя или лису?

– Нет, невозможно, – отвечает изобретатель. – Даже воспользовавшись костями животных одинакового размера и возраста, нельзя сложить другое животное, потому что, если создатель определил какой-нибудь вещи нужное место, решение его окончательное, а место единственное.

– Какая же польза от таких аналогий?

– А та, что при своей приблизительности они есть опора дальнейшему, указание пути и пища воображению.

Немногим удается листать чудесную дарохранительницу, где хранятся изобретения Мастера. Но кому это однажды будет позволено, тот испытает восторг и волнение и наиболее полно удовлетворит потребность души в поразительном или ужасном, как если ему случилось присутствовать при окончании кровопролитной битвы, и, когда дым и пыль отчасти рассеялись, стали видны ее жертвы, разъятые в целях чудовищного мучительства. Иные из этих отдельных частей или членов, кажется, сами собою непроизвольно движутся и сокращаются наподобие лягушачьей лапки, когда ее отделяют от туловища, или обрубка змеи. Так же петух, истекая кровью, бегает и хлопает крыльями как бы от радости, в то время как его голова брошена в грязи и пыли.

По мере того как воздух становится прозрачнее, взволнованное воображение успокаивается и наступает очередь внимательного рассматривания и рассуждения, когда но месте окровавленных и безобразно искалеченных членов оказываются превосходно нарисованные части машин. Если же хорошо поискать, каждой части найдется подходящая к ней другая, к этим двум – третья; а буде троица не оживает, надо искать еще что-то, четвертое, не на этом листе, так на следующем, покуда не образуется новый полезнейший вид из созданных хотя и по совету природы, но вопреки ее, можно сказать, фатальной криволинейности и излишнему разнообразию. И если чудовище Ротелло ди фико, сирена, кентавр, крылатые кони и прочее – дети воображения и неопределенности, то бесчисленное стадо машин – произведения точности, прямизны и идеальной округлости; и такое происхождение как раз позволяет изобретателю по своему желанию сочетать между собою части различных машин и получать таким образом новые виды. Действительно, прямая линия только одна, и где бы ни появлялась, она остается частью этой единственной; все линейки на свете, включая громаднейшую, какую используют плотники, родственники и близнецы и различаются только размерами, тогда как кривых линий бесконечное множество разных. Также и правильные круги: в виде зубчатых колес, подшипников или какого-нибудь другого устройства они легко сочетаются и взаимодействуют, однако малейшая неправильность и случайная кривизна тотчас устраняют такую возможность. Фантазия изобретателя упорядочивается линейкой и циркулем, поэтому его произведения могут двигаться, тогда как произведения живописца и скульптора движутся только в воображении.

Выступающий в бумажном сражении изобретатель, действуя сам против себя, если придумывает и изготовляет машины из добытых жестоким убийством и расчленением других многих машин, сочетает их различными способами, согласуясь с мнением Архимеда, который указывает, что любое механическое устройство может быть создано из трех элементов –

рычага, блока и винта. Однако же древние, при их заслугах, ради красоты рассуждения готовы другой раз свести и принять за одну вещи, разделенные еще значительно большим пространством и разницей, чем на это решаются такие, как Леонардо. Поэтому к их остроумию необходимо прибавить способность современного человека сосредоточиваться на мелочах и его наблюдательность к практике. Кроме того, надо учитывать надобность в разнообразных машинах, которой древние не испытывали, упражняя изобретательность исключительно в целях войны, а в мирное время предаваясь абстракциям. Насколько сравнительно с Архимедом Леонардо приблизился к практике, видно из следующего перечисления необходимых частей или простых механизмов.

Винтовые передачи; клинья, заклепки; опоры и опорные подшипники; шпильки, оси, валы; муфты; тросы, ремни и цепи; зубчатые колеса; фрикционные колесные передачи; маховики на лебедках; соединительные тяги и рычаги; храповики, храповые механизмы; тормозные устройства; сцепления шестерен; полые стержни и их соединения; цилиндры насосов и поршни; вентили, клапаны; пружины; шатуны и тяги; блоки; эксцентрики и кулачки.

Допущенные Леонардо кулачки и эксцентрики, представляя собой отступление от правила обязательной круглости, показывают, что он не расположен жертвовать интересами практики, оберегая чистоту и стройность теории. Одновременно шатуны, поршни, эксцентрики и кулачки образуют хотя недостаточно плавное, но средостение между миром населяющих Землю от их создания живых существ и произведениями изобретателя, внезапно после длительного перерыва как бы открывшего второй акт творения: когда у подкрадывающейся к добыче кошки за холкою поочередно выдвигаются как бы шатуны – то не эксцентрики ли вращаются под ее кожей?

В дальнейшем наука о деталях машин, основателем которой по справедливости надо считать Леонардо, мало что изменила или добавила в приведенном перечне двадцати двух элементов или простейших машин. Зато сравнительно с Архимедом и его тремя элементами насколько же двадцать два элемента флорентийского мастера прибавили возможностей изобретателю! Это легко поясняется на примере алфавита: из ограниченного количества литер или металлических букв наборщик складывает слова, тогда как изобретатель из простейших машин складывает более сложные, то есть искусство изобретения получило изумительный способ создавать бесконечную новизну, опираясь на общеизвестное и существующее.

Увы! Величайшему достижению Мастера вполне соответствовало постигшее его разочарование. На предлагаемые им изобретения и новизну спрос не увеличился, а многие стали избегать его предложений, как если бы такое сотрудничество угрожало их репутации или карману. Но когда Марко д'Оджоне, дерзкий в словах и осмотрительный в практике, стал утверждать, что доходы держателя мастерской в Корте Веккио заметно бы увеличились, отдайся он всецело занятиям живописью или скульптурой, к которым имеет исключительную способность, Джованни Больтраффио ему отвечал:

– Это обычное заблуждение простонародья: полагать себя более опытным в житейских делах сравнительно с людьми образованными. Не существует способности или умения, которыми Мастер не владел бы полностью; что до его доходов, они велики и станут впоследствии еще значительно большими, поскольку каждая полезная выдумка со временем находит применение.

Завтра утром, 2 января 1496 года, велишь сделать широкий ремень и испытаешь. Чтобы сделать клей для ремня, возьми крепкий уксус, в котором растворы рыбий клей: из него сделай пасту и склей кожу, и будет годиться. При 100 оборотах, какие машина делает за 1/4 часа, в час получается 40 000 иголок и 480 000 за 12 часов. При цене в 5 сольди за тысячу, получается 20000 сольди или 1000 лир за каждый день работы. При 20 днях работы в месяц получится 240 000 лир или 60 000 дукатов в месяц.

К тому времени потребность в иголках намного возросла сравнительно с нуждами древних; и все же, если бы миланцам заниматься только ремеслами, где не обойтись без хорошо заточенной иглы, машине достаточно месяца, чтобы снабдить работников иглами надолго вперед. Да и не существует покуда города или места в целой вселенной, которые полностью отвечали бы подобной производительности, поглощая что сделано.

Кроме машины для затачивания швейных иголок, Леонардо придумал: станки для

прядения нитей – с тремя веретенами и также с пятнадцатью; для чесания пряжи; для наматывания нитей на шпули; для разрезывания ткани на одинаковые куски; для волочения проволоки совершенно новые станки; золотобойный станок; станок для быстрой насечки напильников; механический молот, который сам поворачивает изделия разными сторонами, подставляя их под удар; способ поворачивать переднюю ось в повозке посредством зубчатого колеса, расположенного горизонтально; способ жарить мясо, при том что оно поворачивается вместе с вертелом силою горячего воздуха, стремящегося кверху; способ ходить по воде; способ мерить воду; множество способов ее поднимать с помощью Архимедова винта, самодвижущихся черпаков и так далее; способ сверлить землю, чтобы узнать, в каком месте копать колодец; токарный станок; ткацкий станок. И множество других изобретений и усовершенствований, нарисованных с величайшей точностью и правдоподобием, и к каждому есть объяснение; и тут волю создателя ограничивает только количество бумаги, поэтому для сбережения площади Леонардо покрывал рисунками и надписями также и оборотную сторону листа, а буквы писал настолько мелкие, что необходима большая острота зрения, чтобы их различать.

– Может быть, бесчисленные машины и есть твое главное искусство и художество, – говорил Фацио Кардано, миланский юрист и библиофил, которому в числе немногих Леонардо доверял без боязни, – если подобные изумительные изображения в увеличенном виде поместить в храмах и домах богачей, где обычно находятся картины и скульптуры, каждому станет ясно, что никто другой с тобою не сравнивается как красотою, разнообразием и количеством произведений, так и ожидаемой от них пользой.

– Собака лает на незнакомые предметы, и шерсть у нее встает дыбом, когда она видит телегу или ящик для угля, не причиняющие ей вреда; однако хозяина, который ее колотит и морит голодом, она почитает как божество какое-нибудь, – пояснял Леонардо, имея в виду миланских ремесленников, – невежественные люди опасаются применить незнакомое им орудие, если этого не сделает до них другой человек, более отважный. И тут величайшее искушение выгоды соперничает с боязнью истратить лишнее сольди и оказывается побежденным.

58

Заснул осел на льду глубокого озера, а теплота его растопила лед, и осел на горе свое проснулся под водой и тотчас утонул.

Не только ремесленники и торговцы из-за своей боязливости пренебрегают выгодой, которую сулят изобретения Мастера, но и князья из-за легкомыслия и самонадеянности. Так, самого регента Моро справедливо будет назвать изобретателем и архитектором воздушных замков.

«Ему доставляет удовольствие поддерживать общую тревогу, и он создает тысячу планов, удающихся в его фантазии», – доносил в конце 1494 года флорентинский посол своему правительству; однако необходимо быть настороже, заключал он, зная коварство всех Сфорца, хотя бы настоящий момент и не требовал от миланского регента особенной злодейской решимости, поскольку природа, по-видимому, взялась ему помогать. Кончина племянника, здоровье которого ухудшилось, представлялась скорой и неминуемой, и осталось распространять и поддерживать славу регента Моро как мудрого и справедливого правителя, чтобы внезапное возмущение народа ему не препятствовало.

По приказанию своего господина, давшего общую идею аллегории, Леонардо сделал рисунок, а ученики перевели его на большую холстину и исполнили в красках с обыкновенной при украшении праздников грубостью. Большое старание здесь ни к чему: по миновании надобности картине, свернутой, будто какая-то негодная, износившаяся занавесь, дадут прозябать и пылиться в чулане, где вещи исчезают как бы сами собой с течением времени. А жаль, поскольку мгновенная изобретательность и фантазия в таких произведениях проявляются наилучшим образом. Тем более Мастер не доверяется полностью ученикам, а при частых набегах, отрываясь от других дел, на ходу вносит изменения в первоначальную композицию, распоряжаясь как полководец.

Итак, Зависть протягивает регенту пару очков, означающих проницательность, Справедливость держится поблизости, Петух же, эмблема герцога Джангалеаццо и его воплощение, встревожен появлением стаи Волков, то есть французов, как и герцогиня Изабелла – Голубка. Однако Благоразумие спешит им на помощь, в одной руке держа Змею, эмблему Сфорца-Висконти, а в другой – Метлу.

Имея в виду, что празднества в Павии предполагались по случаю торжественной встречи Нового Кира, иначе говоря, французского короля Карла Восьмого, о чем в свое время пророчествовал доминиканец, назвавшийся учеником фра Джироламо Савонаролы, Моро своею метлой предупреждает французов, чтобы протекли сквозь Ломбардию, как вода через сито, иначе их выметут, как шелуху какую-нибудь.

Опасаясь, что после кончины тяжко болевшего герцога Джангалеаццо король Неаполя, его тесть, станет отстаивать наследственные права малолетнего внука, Моро, желая предупредить события и действуя через миланских послов, нарочно возбудил военные амбиции короля Карла, разрешив ему переход через Ломбардию; поддерживая решимость короля вернуть Неаполь Анжуйскому дому, Моро обрисовал также возможность дальнейшего движения в Турцию к гробу господню. Считается, что таким образом Моро позволил французам проторить дорогу в Италию и отсюда все ее несчастья. Оспаривая подобные обвинения, Моро указывал, что другие не поступают иначе и что в этой стране не осталось простаков, рассчитывающих на собственные силы. Флорентийскому послу Моро сказал:

– Вот вы все твердите мне об Италии, а между тем я ее никогда не видел. Так можно ли погубить то, что ни увидеть нельзя, ни даже представить как целое?

В самом деле, составленную из многих больших и малых государств, соперничающих или воюющих между собою, вступающих в союзы и лиги, возникающие внезапно и так же распадающиеся, чтобы восстановиться в другом составе, Италию следует признать несуществующей или заранее предназначенной к гибели, тем более некоторые, в целях собственной выгоды причиняя ей какой-нибудь вред, выступают под видом ее защитников. Так, кардинал делла Ровере, впоследствии папа Юлий Второй, получивший название гонителя варваров, тогда готов был согласиться с пришествием сатаны, чтобы причинить неприятность папе Александру Шестому Борджа. Конечно, тот родом испанец и заботился исключительно о своем кошельке и развлечениях самого гнусного рода, но означает ли это, что следует передаваться французам? Между тем точно так же поступают частные лица. Когда Моро впустил короля в Ломбардию, в его свите находился флорентиец Джулиано Сангалло, о котором прежде упоминалось в связи с его оценкой Коня. Этот покинул Флоренцию после смерти Великолепного Медичи от огорчения, а теперь, пользуясь оказией в виде французского войска, желал возвратиться туда. Так что одному – папский престол, другому – друзья и родительский очаг; но кого заботит Италия?

Между тем, хотя в конце августа созревают персики и другие плоды земледелия, требующие приложения рук, и тут не до праздников, многие прибыли из сельской местности исключительно чтобы приветствовать короля, в то время как горожане уже две или три недели развлекались ожиданием и подготовкой торжеств, для чего здесь находились Леонардо с учениками и другие живописцы и всевозможные мастера. И вот теперь все эти люди толпились на улицах, а наиболее отважные взобрались на крыши домов. Те же, кому было хорошо видно из окон, теснясь и приминая лучшее и дорогое платье, выглядывали оттуда в нетерпении. Но прежде чем стало что-нибудь видно, слабый ветер принес как бы далекие раскаты грома или шум волн. После этого в свете закатного солнца наподобие морского смерча поднялся столб пыли; и уже затем на дороге, вьющейся посреди холмов, показалась голова змеи, призванной ужалить Италию. Но об этом мало кто догадывался, исключая наиболее проницательных историков, как Гвиччардини,[42] хорошо научившихся пронизывать воображением прошлое и на основании такой воображаемой анатомии предсказывать будущее, – итальянцы больше расстраивались внешностью французского короля, от которой не того ожидали.

---

[42] Гвиччардини Франческо (1483–1540) – историк, уроженец Флоренции, автор знаменитого труда по истории Италии от 1492 до 1530 г.

За авангардом, составленным из блестящих рыцарей свиты, – между ними затесался король, чудовище эдакое, – выступали без всадников хорошо упитанные громадные кони с обрезанными хвостами, и за каждым вместо какого-нибудь тяжелого груза тащилась особенная двуколка – механический барабанщик с множеством рук, работающих палками и движущихся настолько быстро, что в отдельности они неразличимы, но воспринимаются слитно, подобно мерцанию колесных спиц. Хотя славившиеся музыкальным слухом ломбардцы в ужасном звучании барабанов отличали настройку и лад едва ли не каждого инструмента в отдельности, никто из добровольных экспертов не разобрал в гармоническом грохоте победного звонкого имени Леонардо да Винчи. Самому же изобретателю – неизвестно, радоваться было или огорчаться, когда его выдумка после далекого странствования возвратилась, подобная горному эхо, отразившемуся от какой-нибудь крутизны. К сожалению, ворующие изобретения имеют обычай выдавать их за свои; а при том, что люди снуют из одного государства в другое с быстротою иглы в руках проворной портнихи, не было бы удивительно, если бы Джулиано Сангалло заодно с сожалениями о Лоренцо Медичи Великолепном вывез во Францию некоторые идеи своего земляка.

59

Выйдет из недр некто и ужасающими криками оглушит стоящих поблизости, а дыханием принесет смерть людям и разрушение городам и замкам. Об артиллерии.

Когда войско тысячью ног и колесами множества пушек ступило на мостовую города Павии, то, соединившись с грохотом барабанов, шум достиг такой степени, что ротозеям, широко обсуждавшим находящееся в поле их зрения, не осталось другого, как смолкнуть, и, шевеля губами и морща лбы, они стали подсчитывать артиллерию короля Карла, даже на общий беглый взгляд изумлявшую количеством пушек. В самом деле, сначала проехали тридцать шесть восьмифутовых с подвижным передком – каждая запряжена шестеркою коней и за такой упряжкой еще пароконная, где на повозку уложены ядра величиною в детскую голову. Также запряженные парою лошади протащили девяносто орудий большего калибра, если иметь в виду установленное в качестве меры отношение длины и диаметра. После того по три в ряд пошли кулеврины – им годятся снаряды величиною в яблоко, и одноконная упряжка легко их тащит: у кого хватило терпения, насчитали таких орудий более тысячи. Доезжачие и другая прислуга, оглядывающие толпу с отвратительным высокомерием, больше походили на трубочистов, так как за спинами у них вместо копий имелись банники; адский грохот и шум, громадные лошади рыжей и черной масти и множество пушек – все заставляло людей изумляться, и многие трепетали от страха. Но когда простучала последняя пара ободьев и пошли арбалетчики – все, как один, гасконцы со зверскими лицами, одетые в кожу, и колпаки на них кожаные, – присутствующие быстро оправились и зашумели.

На что опирается такая самонадеянность? Может быть, они, эти присутствующие, полагают, что как знающий инженер отводит воду в канал и заставляет вращать мельничные колеса, так и они подобную невозможную силищу сумеют направить к нужной им цели? И как бы они еще возгордились, если бы им было известно, что, мало кем узнанный в несметной толпе, здесь находится величайший после разрушителя городов Деметрия Полиоркета изобретатель военных машин и артиллерии!

В случае надобности буду я делать бомбарды, мортиры и метательные снаряды прекраснейшей и удобнейшей формы, совсем отличные от обычных.

Разве кто видел когда или пользовался скорострельной мортирой с многими стволами, укрепленными на горизонтальной оси и, если судить по чертежу, похожей на детскую трещотку, только громаднейшую? Разве такой опытный мастер, как герцогский оружейник Джаннино, когда-нибудь отливал ядра, похожие не на детскую голову, а удлиненные наподобие желудя, спереди заостренные и сзади имеющие металлический хвост, как у ласточки? Начинял кто-нибудь ядра вместе с взрывающимся порохом еще и стальными ежами, сеющими, куда они достигают, ужасную смерть и страдания? Придумывал такие замки для артиллерийских орудий, чтобы не пропускали порохового дыма и не угрожали взорваться при выстреле, когда их заряжают с казенной части? Наконец, исследовал кто-нибудь настолько тщательно и подробно

опытным путем на различных моделях траекторию полета ядра или другого снаряда, как убывает импульс движения в движимом или как установить мортиру внутри крепостных стен направленной вверх с ничтожным наклонением, чтобы не была видна неприятелю, но ядра, будто падая с неба, его поражали?

Также устрою я крытые повозки, безопасные и неприступные, для которых, когда врежутся со своей артиллерией в ряды неприятеля, нет такого множества войска, чтобы они не сломили. А за ними невредимо и беспрепятственно может следовать пехота.

Нашелся ли другой остроумный изобретатель, придумавший защитить железным кожухом тележку, движимую заранее взведенными пружинами, так что поместившиеся внутри в безопасности солдаты свободны управлять вращающейся железной башней с артиллерийским орудием?

Случись сражение на море, есть у меня множество приспособлений, весьма пригодных к нападению и защите; и корабли, способные выдержать огонь огромнейшей бомбарды, и порох, и дымы.

В случае осады какой-нибудь местности умею отводить воду из рвов и устраивать бесчисленные мосты, стенобитные орудия и лестницы, и другие применяемые в этом случае приспособления.

Герцогство не имело удобного выхода к морю и потому кораблей; взамен этого флорентиец совместно с камердинером Джакопо Андреа, не только разглагольствовавшим о теории согласно Витрувию, устроил наиболее остроумную систему водной защиты вокруг Замка, когда, если другие возможности исчерпаны, оставалось залить ближайшую местность как при наводнении или потопе. Когда же Леонардо предложил в пару Коню отлить громаднейшую пушку и поднять ее на высоту, поместивши на площадке башни над воротами, в том месте, где Галеаццо Мария держал набитого соломой медведя, Моро, довольный, сказал, что это было бы лучшим способом досадить его покойному брату, который перевернется в гробу от зависти. Тут Моро вспомнил о проданной в Феррару бронзе, и его радость уменьшилась. Имея в виду громадные возможности Моро и его положение сравнительно с каким-то ремесленником, а с другой стороны, нелепые и неправильные поступки, как продажа упомянутой бронзы, обрекшая Коня на разрушение, а государство на гибель, решительно можно говорить о легкомыслии регента и обидном неприменении способностей Мастера как инженера и его рассеявшихся надеждах; в самом деле:

Груз, гонимый яростью силы, если он по качеству несоразмерен ее способности, не будет совершать должного пути. Это явственно подтверждается опытом, ибо если ты быстрым движением отбросишь от себя какую-нибудь песчинку, которая по своей легкости не под стать твоей силе, эта вещь получит малое движение.

Когда герцогиня Изабелла, воспользовавшись кратковременным пребыванием французского короля в Павии и забывая, что тот угрожает владениям ее отца в Неаполе, обратилась к нему за помощью против Моро, она напрасно себя унизила. Может быть, возмутившись таким же несоответствием исторических замыслов освобождения гроба господня и частной просьбы, король Карл, бормоча о своей славе, которая, дескать, много дороже, направился прочь из Замка, куда прибыл для свидания с герцогиней. Навстречу ему егеря провели лошадь и борзую собаку, с которыми герцог, сильнее обычного занемогший, желал проститься, и слуга пронес блюдо с персиками.

Известие о смерти герцога Миланского настигло короля вместе с провожавшим его Лодовико Моро в виду Пьяченцы. Возвратившись, Моро застал широко распространившимся слух, винивший его в отравлении. С этим трудно согласиться: человек мягкий и жалостливый, он любил племянника и отечески о нем заботился, хотя и желал – а еще более Беатриче его к тому подбивала – полной власти в Милане и герцогского титула. Так, срастаясь корнями, подобно близкорастущим деревьям, в душе человека совмещается несовместимое. После похорон Моро созвал Тайный совет и предложил соблюсти право наследования в пользу малолетнего Франческо, старшего сына Джангалеаццо и Изабеллы. Тут люди, которых регент сам и подговорил, стали его убеждать, что при малолетнем правителе государство оказывается в опасности; недолго упрямясь, Моро согласился продолжить управление Миланом впредь до получения инвеституры от императора.

Смерть миланского герцога сделалась источником еще другой клеветы, более ужасной в силу того, против какого человека она была направлена. И ведь не только злобствующие невежды, питающиеся слухами и домыслами, впоследствии такую нелепицу поддерживали иные образованные и умные люди. Эти в своем воображении сопоставляют сделанные из любознательности записи с предполагаемыми наклонностями Мастера, выведенными из признаков, не более доказательных, чем одежда красного цвета, леворукость или способ письма, свидетельствующие якобы о связях с нечистою силой. Так, из двусмысленной улыбки ангела «Мадонны в скалах» или из сделанных для развлечения отвратительных уродов они не стесняются порочащих Мастера далеко идущих выводов. Не подражают ли такие исследователи приору капеллы францисканцев св. Зачатия, отцу Бартоломео, когда, возбужденный злополучной улыбкой и не желая полностью оплачивать не понравившееся ему произведение, тот затеял несправедливую тяжбу? Что касается текста, причинившего Леонардо столько вреда из-за его любознательности, вот он:

Если в персиковом дереве сделать отверстие и вогнать туда мышьяку и реальгару, сублимированных и настоянных в водке, то это имеет силу сделать ядовитыми его плоды. Но следует названному отверстию быть большим и доходить до сердцевины и быть сделанным в пору созревания плодов, а названную ядовитую воду следует впускать в такое отверстие при помощи насоса и затыкать крепким куском дерева.

60

Когда в небе над Ареццо появились всадники в полном вооружении и послышался ужасный грохот, более рассудительные люди указывали, что это не всадники, но облака причудливой формы, и что за вооружение многие принимают полосы солнечного света, которые протягиваются из облаков перед грозою, и что, мол, не барабаны слышны, а раскатистый гром. Рассудительность оказалась сконфуженной, а суеверные кумушки и болтуны, распространяющие среди населения всевозможную чушь, торжествовали. Хотя французская артиллерия не много вредила – разве стрельбою из арбалетов, которою напившиеся вина гасконцы иной раз озорничали, – по мере приближения войска к Флоренции предзнаменования стали оправдываться. Начать с того, что французский король обещал пизанцам независимость от Флоренции, и они вновь возмутились против Республики; о том же, что произошло затем и как Флоренция подчинилась Савонароле, Леонардо узнал от Пьетро Перуджино, который в 1496-м прибыл в Ломбардию написать алтарный складень для Чертозы, – ради хорошего заработка он был готов путешествовать на край света и, выполняя наиболее выгодную работу, нигде не задерживался долго.

В совокупности друзья не виделись четырнадцать лет; огорчаемый разрушениями, производимыми временем в некоторых близких ему людях, Леонардо изумился, найдя Перуджино полностью таким, как он был: время, по-видимому, другой раз затаивается, чтобы напасть внезапно.

– Флоренцию ты бы не признал с такой легкостью после того, как ее государем, по объявлению фра Джироламо Савонарола, стал Иисус, – сказал Перуджино.

– Что следует под этим понимать?

– А то, что вместо развеселых куплетов Флоренция теперь затянула «Тебя, боже, славим». Прежде улицы перегораживали палками и отбирали деньги на совместные кутежи, теперь на тех перекрестках с ужасными угрозами отнимают для стыдливых бедняков, если такие имеются во Флоренции, и еще приговаривают: помни о смерти, богач!

Когда после данного королем обещания пизанцы сбросили флорентийского льва в воды Арно и поставили на его место щит с французскими лилиями, Карл потребовал свободного пропуска через Тоскану. Так как его солдаты грабили и всячески притесняли жителей, Пьеро Медичи направился к королю договориться о гарантиях и за это уступил на время кампании три важные крепости и согласился уплатить 200 тысяч дукатов. Тут Медичи, влияние которых после смерти Лоренцо быстро утрачивалось, пришел конец и народ их выгнал. Этим воспользовался доминиканский монах, феррарец фра Джироламо, чтобы стать первым человеком в городе; и это ему удалось благодаря легковерию граждан, напуганных его речами.

«Се наведу воды на землю!» – передразнивал доминиканца Пьетро, как многие его соотечественники, обладавший малопригодным в практике, но привлекательным даром подражания. Так же благодаря слогу и голосу Савонарола уговорил короля довольствоваться меньшею суммой сравнительно с уступленной Медичи.

– Иди! Иди с радостью и ликованием, – наставлял он Карла Восьмого французского, поясняя, что его посылает тот, кто на кресте торжествовал наше искупление. Иначе говоря, пусть Карл разорит всю Италию за ее грехи, но оставит Флоренцию, нужную фра Джироламо для его целей. Таким образом, монах понимал общую выгоду превратно, как и другие.

– Бог дал вам во мне отца, хотя я самый последний из его слуг, – проповедовал феррарец в Сан Марко, где многие собирались вокруг его кафедры и каждого он умел уговорить, с изумительным совершенством играя на инструменте человеческой души, дотрагиваясь до нее различными способами.

– Удивительно, – сказал Перуджино, – но прежде других ему поверили люди, на кого он обрушивался наиболее свирепо, то есть ученые-платоники. Граф Мирандола, умерший от болезни в тот день, когда направлявшиеся в Неаполь французы вошли во Флоренцию, постригся перед кончиною, желая находиться поблизости от Савонаролы, а Полициано, которого монах всячески позорил и унижал, накануне смерти упрашивал, чтобы его схоронили в Сан Марко. Появление феррарца словно бы мор навело на этих людей, и они исчезали как мухи при наступлении холодов, – заключил Перуджино, добавив, что ему не кажется странным, если плаксою становится Лоренцо ди Креди, у которого глаза на мокром месте, но чем зацепило гуляку и игрока Сандро Боттичелли, труднее сообразить.

Леонардо отозвался по этому поводу, что их общим приятелем так же легко овладевает меланхолия, приводящая душу к угнетенному и робкому состоянию, и тогда люди ищут, кому бы предаться.

На восьмой день после праздника Благовещения в проповеди на книгу Иова Фра Джироламо предсказывал события настолько ужасные, что у присутствовавших волосы шевелились на головах, хотя монах выражался в общих чертах и загадочно:

– Господь приготовил великий ужин, и все кушанья горьки. Хотя до сих пор он подал только салат из латука, ибо, повторяю вам, ужин большой, но все кушанья горьки.

Поистине прав Роджер Бэкон, когда говорит в «Opus majus» – «Великом произведении», что душа действует на другие тела и души главным образом речью, направляемой глубокой мыслью, правильной волей, сильным желанием и таким же сознанием правоты. Отсюда характеры, чары судьбы, мнимые чудеса, предсказания и пророчества.

Подразделение предсказаний. Во-первых, о вещах, относящихся к разумным животным; во-вторых, о тех, кто лишен силы разума; в-третьих, о растениях; в-четвертых, об обрядах; в-пятых, об обычаях; в-шестых, о положениях, законах или спорах; в-седьмых, о положениях, противных природе, как, например, о веществе, которое, чем больше от него отнимаешь, тем больше оно растет; в-восьмых, о философских вещах. И прибереги веские положения к концу, а начни с тех, что менее значительны; и покажи сначала зло, а потом наказание.

Пророку и его пересмешнику равно необходимы доверчивые слушатели и остроумные отгадчики, каких в Италии больше, чем в других странах. Но и здесь лучше придерживаться известного правила и наиболее терпкие и горькие кушанья подавать под конец, постепенно увеличивая однократный прием лечащего душу лекарства, чтобы слушатели заранее не разбежались от страха: одно дело, если, имея в виду непогоду и дождь, оратор предсказывает, что морская вода, поднимаясь выше высочайших вершин, падает затем на жилища, пастбища и пашни, и другое, когда, подразумевая весеннюю пахоту, он произносит с важностью: *«Много будет таких, кто станет свежевать свою мать, переворачивая на ней ее кожу»* .

Какому любящему родителю будет это приятно? Однако, влияя обдуманно и постепенно, как опытный преподаватель, Мастер не исключительно рассчитывает действовать на слушателей страхом, но приемы его разнообразнее сравнительно с проповедью фра Джироламо, феррарца.

Люди будут выходить из гробов, превратившись в птиц, и будут нападать на других людей, отнимая у них пищу из рук и со столов.

Слушатели изумлены, и напуганы, и трясутся от страха: при этом, когда выясняется, что

предсказание относится к мухам, рождающимся на кладбищах от мертвецов и разлетающимся в дома живых, впору бы весело рассмеяться, но еще действует страх и трясение продолжается. Слушатели не владеют собой, и на их лицах образуется странное и удивительное выражение.

Многие дети будут безжалостными побоями вырваны из объятий их матерей, брошены на землю и потом растерзаны. И те, что произвели лучших детей, будут больше биты, а дети будут у них отняты и свежеваны.

Это о желудях, каштанах, орехах и ореховых деревьях, откуда плоды сбивают палками, а затем также битьем добывают питательную сердцевину. Можно подумать, что пророк убежден, будто всяческая жестокость составляет основу материи жизни, тогда как уток – сострадание и жалость – вплетается туда редчайшими нитями. Видно, не ради одной только шутки и развлечения – важность, какую он придает подобным пророчествам, просвечивает, можно сказать, в плане и рисунке театра для проповедей – teatro per predicare, напоминающего гробницу Великого Могола: усеченный конус, накрытый полуциркульным сводом, опирающимся на невысокий, лишенный окон барабан или тамбур. Однако, как ото сделано в римском Пантеоне, вверху есть отверстие, которым гасятся отраженные волны звука, набегающие одна на другую, тогда как если они мечутся внутри помещения, не имея выхода, речь проповедника или пророка оказывается неразборчива. Тут же при исключительной громкости сохраняется ясность.

61

Многие будут заняты тем, чтобы отнимать от той вещи, которая тем больше будет расти, чем больше от нее будут отнимать. О яме.

Летом 1495 года, тайно сговорившись с Венецией, испанским королем, папою и императором, Моро предпринял военный союз ради изгнания «варваров», хотя незадолго до этого ссудил королю Карлу 200 тысяч дукатов, которых тот тщетно добивался от Флоренции, чтобы продолжить великое предприятие – освобождение гроба господня. Каким бы легкомыслием и тупостью ни отличался король, узнав, что Моро повел себя как изменник, он ударил себя по лбу и громко воскликнул:

– И это я, простак, доверился ему как брату!

После чего стал приготовляться к отходу из Италии. Что касается Моро, тот, кажется, только выиграл от пронесшейся бури и, полный самодовольства, велел себя изобразить на большом полотне в виде негра или мавра, выметающего из курятника петушков, то есть французов. Флорентийский посол мессер Аламани сказал с ехидством:

– Как бы петушки, узнавшие дорогу в Италию, не погнали отсюда некоторых недальновидных правителей. Покуда Моро избавился от одного петуха, наименее опасного.

Мессер Аламани имел в виду покойного герцога и его эмблему. Но если бы Моро и услышал подобные произносимые украдкой дерзкие намеки, то, ослепленный удачею, нимало бы не тревожился; недаром постыдное поражение при Форнуово, когда настигшее короля Карла при его отступлении за Альпы союзное войско было как пыль рассеяно французами, Моро велел объяснять и оправдывать редкостною военною хитростью, предпринятой для завлекания противника. Также он велел выбить медаль, украшенную на одной стороне изображением сосуда с водой, а на другой – языками пламени: ото показывало, что он является владыкою мира и войны. Отсюда понятно, почему в его голове тогда именно стали возникать наиболее величественные проекты. Так, для преобразования столицы Ломбардии в Новые Афины Моро предполагал воспользоваться описанием и чертежами вымышленной Сфорцинды, сделанными Антонио Филарете для герцога Франческо. Однако нынешнему миланскому герцогу при его замыслах недоставало денег: помимо 200 тысяч дукатов, переданных королю во время их дружбы, 120 тысяч стоила императорская инвеститура. И это не считая 400 тысяч дукатов, отданных воровским образом в виде приданого за Бьянкой Марией Сфорца. Таким образом, задумывая и создавая одно, приходилось разрушать что-нибудь не менее важное: так, Моро велел переделать в слитки бесценные древние золотые медали, чтобы заложить их в Венеции; одновременно служащие казначейства надеялись поправить дела, подолгу не выплачивая ничтожное жалованье, кому оно полагалось.

– На пятьдесят дукатов, полученных мною в течение тридцати шести месяцев, возможно ли прокормить шесть ртов? – спросил Леонардо, жалуясь на условия при миланском дворе. – О себе я не говорю, так как, обходясь растительной пищей, довольствуюсь малым. Однако же молодых людей, которым приходится тяжело работать, не следует ограничивать в питании.

Сквозь нарядную внешность, старательно поддерживаемую Мастером, просвечивала жестокая нужда – наилучшая сноровка и бережливость в обращении не восстановит в первоначальном виде ткань, поредевшую на локтях и коленях. Точно так же неудовлетворение и обида просвечивают через обычную приветливость Мастера: если уток составляют неумеренные похвалы, а основу – забвение со стороны власть имущих, неаккуратность казны и пренебрежение некоторых служащих канцелярии, подобная ткань непрочна, долго не держится и подобный человек до старости не разбогатеет. Многие скоро его обошли – как Перуджино, который женился на дочери архитектора Луки Фанчелли, всю жизнь как вол протрудившегося, и получил хорошее приданое. Но и помимо этого, не отвлекаясь для посторонней, не приносящей дохода деятельности, Пьетро увеличивал свое состояние неуклонно день ото дня.

Обычаем и практикой так предусмотрено, что, к какой бы профессии ни определила человека природная склонность и семейный обычай – писать ли картины, печь булки или строить дома, – с течением времени он выбивается из бедности и к порогу, за которым ни в чем не станет нуждаться, приближается с достаточной суммою денег, оставляя наследникам не одно имя. Но если человек, за что ни берется, большую часть времени расходует на исследования и его ведут произвол или причины, которые ему одному кажутся важными, трудно поручиться, что останется в сундуках после его смерти. Подобные люди при совершенстве их произведений и разнообразии и силе способностей, кажется, ничему окончательно не научаются, так как они постоянны только в своей изменчивости и в каждой следующей работе отчасти отвергают достигнутое ради неиспробованного лучшего, поэтому никогда не угадаешь, чего от них ожидать. Что же касается Перуджино, то, может быть, обманчивая молодость вида – если после четырнадцати лет разлуки Леонардо его нашел нимало не изменившимся – имеет основание и причину в душе, как и принятый им способ действовать? Вот что рассказывает Вазари, имея в виду живопись Перуджино для братьев сервитов во Флоренции:

«Когда эта работа была открыта, все молодые художники ее сильно порицали, и в особенности за то, что Пьетро использовал те же фигуры, которые он раньше обычно изображал в своих работах. Испытывая его, друзья говорили ему, что он себя, видимо, не утруждал и что разучился хорошо работать либо из-за скупости, либо чтобы не терять времени. Пьетро отвечал на это: „Ведь я написал те фигуры, которые вы раньше хвалили и которые вам бесконечно нравились. А если они теперь вам не нравятся и вы их не хвалите, что я могу сделать?“

Однако те продолжали его колоть сонетами и публичными оскорблениями. И надо сказать, что молодые художники отчасти правы: подобное постоянство или вечная молодость в действительности хуже смерти, тогда как тот, кто находит наилучшее удовольствие в беспрерывной работе ума и всевозможных изобретениях, хотя бы некоторые его создания были ошибочны и недолговечны, остается молодым и его слава только укрепляется.

62

Фигуры людей должны обладать позами, соответствующими их действию; их можно хорошо изучить, подражая движениям немых, которые разговаривают посредством движения рук, глаз, бровей и всего тела, желая выразить представление своей души. И не смейся надо мной, если я предпочитаю для тебя бессловесного наставника, который должен тебя научить тому искусству, в котором сам бессилен.

Моро пожелал, чтобы на северной стене трапезной монастыря Санта Мария делла Грацие, назначенного усыпальницей Сфорца, Леонардо написал «Тайную вечерю», к чему Леонардо приступил в начале 1496 года. Большую часть расходов Моро поручил казне, и без того истощенной его расточительностью, так что монахам осталось кормить живописцев досыта, прислуживать при устройстве лесов и в другом, если понадобится, а сверх того наблюдать, чтобы не отлынивали от работы.

– Монахи жалуются, что ты больше стоишь, чем занят порученным тебе делом, или отсутствуешь, оставив в трапезной ученика, чтобы не пропадали полагающиеся вам обеденные порции, которые этот ученик поедает, потешаясь над братией и ругая плохое приготовление, – сказал Лодовико Моро, обращаясь к Леонардо, на которого наклеветал настоятель отец Винченцо, спесивый, злобный старик, ставший впоследствии генералом ордена доминиканцев. Разгневанный пустыми придирками и неблагодарностью монахов, флорентиец ответил:

– Мало того, ваша светлость, что эти люди живут припеваючи за счет тех, кто тысячи лет назад умер, не оставив им другого наследства, помимо выгоды обманывать верующих, они при этом еще проявляют недостойную христианина скаредность.

Затем Леонардо рассказал герцогу о способе, каким он работает, и пояснил, что монахи не всегда могут это видеть, поскольку у хорошего живописца размышление занимает много времени.

– Я создаю в уме замысел, после чего ищу совета и помощи у природы. Голова Иуды, из-за которой возникла гнусная жалоба, представляет для меня наибольшую трудность, так как воображение не в силах показать лицо человека, который жестоко и бессовестно предал своего господина. Я обошел многие места, где обыкновенно собираются злоумышленники, чтобы незаметно нарисовать, каким образом пороки, свойственные подобным злодеям, обнаруживаются в их внешности. До сих пор мне не удалось найти ничего подходящего, но я имею возможность воспользоваться внешностью этого настоятеля, докучающего вашей светлости своими жалобами.

Герцог развеселился, и, чтобы его укрепить в благоприятном расположении духа, Леонардо стал показывать рисунки, которые имел с собою.

– Как тебе удается изображать божественную красоту и прелесть апостолов и одновременно эти чудовища? – воскликнул герцог в волнении. – Галеаццо Мария, мой брат, содержал возле себя наиболее отвратительных и страшных уродов, каких только возможно отыскать, но я не вспоминаю ничего близкого к этому.

В самом деле: свисающие ниже подбородка саблеобразные зубы, уши с громадными, будто бы распухшими мочками, верхняя губа в виде ужасного нароста, из тех, что встречаются на деревьях, вытянутый наподобие африканского огурца или сплющенный череп – все, пожалуй, свидетельствует о невозможности взять это наиболее тщательным наблюдением, так как природа не настолько жестока и не злоумышляет нарочно против своих творений.

– Я не настаиваю, будто подобные моим уроды существуют в действительности, – объяснил Леонардо, – но как огородник пользуется бутылью, чтобы выращивать плоды разнообразной удивительной формы, я прибегаю к помощи зеркала.

И Мастер стал демонстрировать герцогу нарочно припасенные зеркала, чтобы тот мог видеть, как отражаются вещи вогнутым или выпуклым зеркалом, или кривым и неправильным. Когда, глянув на свое отражение, Моро нашел, что его красивый узкий нос безобразно раздулся, а подбородок проваливается и исчезает, он поначалу оторопел, а затем стал смеяться. И все сильнее и громче по мере того, как рассматривал себя в других зеркалах, которые Мастер ему поочередно подавал.

Что касается природы, она редко бывает совершенна как в безобразии, так равно и в красоте: изумительный торс иной раз посажен на кривые ноги, а рука, приличная апостолу или пророку, пришита к слабому, неразвитому плечу; с другой стороны, какой-нибудь напившийся вина работник передвигается библейской величественной походкой, хотя и покачивается. Поэтому мир, изображаемый живописцем ради прояснения замысла его создателя, нуждается в переделках и улучшении, как если бы господь в своих творениях не добивался готовности.

Нетрудно представить, как, отправляясь нарочно наблюдать за людьми и их поведением, Леонардо и его ученики задерживаются утолить жажду где-нибудь в винном погребке; и тут им случается присутствовать при начале ссоры, которая разрешается не иначе как поножовщиной и убийством, когда кем-нибудь произнесенное невзначай слово совершенно меняет выражение лица и жесты окружающих этого человека людей. При этом каждый действует соответственно своему характеру и привычкам, отсюда великое разнообразие движений. Учитель вытаскивает из-за пояса книжечку величиною с ладонь и прямыми движениями рисующего инструмента, как если бы складывал фигурки из хвойных иголок или палочек, изображает всю группу. Хотя

он действует скрытно и быстро, поскольку то и дело переводит внимательный взгляд с модели на свое рисование, это могут заметить и принять за донос; тогда неизвестно, против кого обратится нож, вонзившийся в поверхность стола в самом близком расстоянии от Леонардо. Однако же шум и крики дерущихся он и его спутники слышат, уже находясь в безопасности за порогом остерии. Возвратившись в Корте Веккио и прочитавши эти беглые стенографические записи, Мастер без затруднения восстанавливает в памяти все, как оно было. Он велит Салаино, красиво сложенному и одетому лучше других, взять нож на кухне и, ставши спиною возле стола, с силою о него опереться. Затем Леонардо делает тщательный виртуозный рисунок, придав руке и далеко отставленному назад локтю большие изящество и красоту, чем они имеют в действительности, высвобождая существенное из пелены случайного. Это и есть возгонка и очищение природы, восстановление в том виде, какого она сама, без участия Мастера, не достигает. Изумительный рисунок послужил образцом для руки апостола Петра, сжимающей нож и грозящей расправою бессовестному предателю. Будучи увеличен, этот рисунок в точности был перенесен на картон.

63

О нервах, которые поднимают плечи.
И которые поднимают голову.
И которые ее опускают.
И которые ее поворачивают.
И которые наклоняют ее вбок.
Сгибать позвоночник.
Наклонять его.
Поворачивать его.
Поднимать его.
Ты напишешь о лице.

Склеенный в несколько слоев из листов бумаги с помощью сваренной костяной муки и пропитанный ею, чтобы уголь лучше держался на поверхности и не осыпался тотчас, громадный картон растянут по северной стене от одного угла до другого, оставляя свободным пространство вверху – от основания сводов, а внизу – от пола примерно в рост человека. Помещение, которое Марко д'Оджоне готовит апостолам, продолжает и увеличивает пространство трапезной; при этом напротив стола, где монахам накрывают в праздники и при посещении монастыря важными лицами, стена как бы восстанавливается далеко в глубине, и там прорублены окна, которых прежде не было. Евангельский стол скрепляется, однако же, не гвоздями и клеем, но соображением Мастера, по указанию которого Марко д'Оджоне строит пространство в целом с некоторой умышленной неправильностью, а именно – перспективное сокращение делает более крутым, словно зрительные лучи, если они в самом деле распространяются из зрачка наблюдателя, движутся быстрее и более решительными шагами; так же и ковры, развешанные по боковым стенам на месте окон, удаляясь, сокращают размеры быстрее, чем если бы линейная перспектива была правильно соблюдена. Благодаря подобным уловкам живописцы еще приобретают дополнительную площадь, обманывая неискушенного зрителя и, можно сказать, саму природу.

Когда, закончив строительство, ученик уступил приготовленное помещение Мастеру, туда стал проникать некий дым или курение, которое местами сгущалось, образуя не имеющие определенного смысла причудливые формы, будто бы Мастер нарочно для своего вдохновения создавал какие-то облака или случайные пятна, по его собственным словам, побуждающие живописца к прекрасным изобретениям. С течением времени приор доминиканцев отец Винченцо и его паства, шпионившие за Мастером, выясняя, насколько он прилежен, сообразили, что это не облака, а скорее морские волны, разбегающиеся далеко в стороны при падении в воду прибрежного камня. Однако причина разбегания волн хорошо не была видна, и некоторые предполагали, что тут имеет место сравнивающаяся с силой падения тяжелого камня респирация, или истечение духа, происходящее из пустоты, оставленной, как можно думать, для фигуры Спасителя. Дальнейшие превращения, или метаморфозы, пятен угольной пыли

плохо помогали проникнуть в замысел и намерение Мастера, – тем более он приступал к картону без очевидного порядка и последовательности, прикасаясь и трогая его поверхность то здесь, то там. Другой раз накатанным хлебным мякишем он почти дочиста снимал угольную пыль в некоторых местах, а затем нагружал их вновь, но как бы меньшею тяжестью. После того он проворно спускался с лесов, отходил к противоположной стене и, оборачиваясь, оценивал общее впечатление. Тогда если бы кому постороннему стать рядом с ним, то вместе с Мастером он бы увидел, как различной тяжести пятна чудесным образом размещаются в глубину, словно невидимый каменщик в самом деле разобрал стену трапезной и теперь восстанавливает на расстоянии. Одновременно, если, конечно, настоятель отец Винченцо Банделло и его паства были не вовсе лишены воображения, им кажется, что в этой пристройке, добавившейся к помещению трапезной, слоняются как бы неустойчивые призраки или привидения. Кто-нибудь, отлучившись на малое время, когда, возвратившись, не обнаруживает изумительную по красоте фигуру, только что виденную, а на ее месте находит слабые разводы угольной пыли, ему это, понятное дело, не нравится.

– Уничтожая то, что уже сделано, невозможно продвинуться в работе и когда-нибудь достичь ее окончания, – говорил настоятель с сердитым выражением в голосе и лице. – Скоро ли наконец уголь, осыпающийся, если к нему неосторожно притрагиваются, ты заменишь другими материалами, более прочными?

Леонардо на это отвечал:

– Живописец, который не сомневается и не находит, что изменить и переделать заново, быстро заканчивает работу, и заказчик бывает удовлетворен. Однако такое произведение не может понравиться понимающему человеку, поскольку быстрота исполнения есть достоинство лишь в глазах глупцов и лентяев.

Если Марко д'Оджоне, когда как бы пристраивал к трапезной монастыря делла Грацие дополнительное помещение, действовал с помощью линейной перспективы, правила которой к тому времени были достаточно выработаны и испробованы в практике живописи, сменивший его Мастер в своих блужданиях и неуверенности следовал малознакомыми тропами перспективы воздушной. А эта, помимо того, что мало изучена, еще и лишена инструмента в виде линейки и мерного циркуля – чем иначе можно измерить разницу в силе темноты или изменение цвета в зависимости от расстояния, как не опытным и обладающим природной способностью глазом? Ведь имеются люди, которые определяют подобную разницу только в самом грубом виде, а когда дело касается тонкостей, ошибаются и путаются. В этом смысле линейная перспектива ближе к математическим наукам, где, как говорит Леонардо, ученик усваивает столько, сколько учитель ему прочитывает. Но это относится исключительно к линейной перспективе, тогда как в других составляющих искусством рисования без природной способности мало что сделаешь. И это хорошо видно на примере самого Леонардо: его божественной легкости никто не научился, сколько бы он ни преподавал. Кто бы увидел, как Мастер, не приготавливаясь, рисует ладонь Спасителя в труднейшем ракурсе и тотчас затем другую ладонь, тот ужаснулся бы, каков в своем мастерстве флорентиец, если трудную вещь, на которую другой рисовальщик истратит день с утра и до вечера, этот сделает с изумительной правильностью с одного разу: будто бы две голубки внезапно опустятся на слегка затененное угольною порошей бумажное поле.

Хотя в других местах картона отчетливости много недоставало и Леонардо еще не касался их проясняющей линией, когда появились эти раскинутые ладони – правая сложена ковшиком и накрывает приготовленный к причастию сосуд, наполненный кислым соком палестинского растения паропсиды, а левая опрокинута тыльной стороною вниз и раздвинутые пальцы указывают пасхальный хлебец, – тотчас стали слышны слова, хотя бы и беззвучно произнесенные: примите и ядите, сие есть тело мое; и с этим отпала необходимость фантазировать о падающем камне, поскольку слова его полностью заменили.

Если волны, распространяющиеся от своей причины правильными кольцами, пересечь воображаемой плоскостью по вертикали, то на получившемся срезе мы получим кривую, сходную с фигурой движения пастушеского кнута, когда, быстро водя рукояткою сверху вниз и обратно, им забавляется его владелец. При этом ближе к своему источнику колебания становятся выше и круче: глянув на композицию «Вечери» в ее окончательном виде, нетрудно в

этом удостовериться. Ближний к Иисусу с левой стороны апостол Иаков, сын Заведеев, наклонив голову к груди, откидывается назад и в изумлении разводит руками – это напоминает движение крыльев какой-нибудь морской птицы, когда, подставляя себя напору встречного ветра, она опускается на гребень волны. В то время движению стремящегося вперед пенистого гребня подражает апостол Филипп. Дальше кривая снижается, волна, как бы достигшая берега, от него отшатывается, и происходит некоторая сумятица, дискорданца, видная в жестах апостолов Фаддея и Симона и в выражении недоумения и испуга на их лицах. Вообще, что касается жестов, выражения лиц и характеров, здесь все разработано с изумительным разнообразием и ясностью, а мастерство противопоставления выше всяких похвал. Простецу, как Филипп, который, трудно усваивая проповедь Иисуса, просил показать ученикам Отца и, дескать, этого будет достаточно, чтобы уверовать, противопоставлен известный постоянными сомнениями замысловатый Фома, чье лицо, как его изобразил Леонардо, иному посетителю трапезной неприятнее даже лица предателя Иуды так же, как ничем не стесняемое любопытство бывает неприятнее ленивым умам сравнительно с алчностью или злобой, качествами, которые людям более привычны. Кроме того, отстранившийся от Иисуса предатель поместился в тени, где его не так видно, тогда как Фома находится напротив одного из окон, прорубленных Марко д'Оджоне в торцевой стене; поэтому указывающий кверху палец, крючковатый нос и выдающийся, как у беззубого старика, подбородок отчетливо обрисовываются на светлом небе. В свое время Зороастро ссылался на какую-то взлетающую птицу, которую якобы высмотрел в произведениях Мастера, говоря, что в действительности это не что иное, как его подпись. Теперь наиболее остроумные из друзей Леонардо также сообразили насчет указывающего пальца Фомы, обнаруживая в этом важное сходство его фигуры с фигурою ангела из «Мадонны в скалах».

– За время, разделяющее оба произведения, – сказал Джакопо Андреа Феррарский, – указательный палец преодолел расстояние в четверть круга и повернулся к полудню. И тут можно подразумевать полдень жизни и ее расцвет; с другой стороны, за истекшие четырнадцать лет ангел, выступающий теперь в виде апостола, преобразовался в крючконосого старика. Из такого затруднения легко выбраться, имея в виду, что есть природное время, одинаковое для всех, а есть время внутреннее, у выдающегося человека измеряемое его достижениями. И если ему сорок четыре, – с любезной улыбкой, обращаясь к Леонардо, закончил свою речь Джакопо Андреа, – этим не исключается, что его опытный в размышлении разум и изобретательность значительно старше. Таким образом, внешность апостола представляет собой аллегорию души живописца.

Обескураженный мерностью и быстротой, с какой прибывают приглашенные к трапезе апостолы, настоятель, не зная, к чему еще придраться, стал предъявлять Мастеру самые несправедливые обвинения, ссылаясь в отличие от прежних клеветнических выдумок на его излишнее усердие. Такова бесплодная изобретательность глупости.

64

В числе глупцов есть некая секта, называемая лицемерами, которые беспрерывно учатся обманывать себя и других, но больше других, чем себя, а в действительности обманывают больше себя, чем других; и это именно они упрекают живописцев, которые изучают в праздничные дни предметы, относящиеся к истинному познанию всех фигур, свойственных произведениям природы, и которые ревностно стараются по мере своих сил приобрести их знание.

– Пусть умолкнут такие хулители, – сказал Леонардо, – ибо в желании познать творца столь многих удивительных произведений и полюбить их великого изобретателя не следует терять и часу, поскольку утраченное время не возвращается с прибылью, как это бывает с деньгами, пущенными в оборот их владельцем.

Марко д'Оджоне – из-за своего упрямства он защищал правоту настоятеля, не допускавшего живописцев в трапезную по воскресеньям и другим праздничным дням, – умолк и принялся за работу: подгоняемый алчностью, Марко готов трудиться и по ночам, и когда угодно в неудобное время, хотя бы на словах строго придерживался церковных правил.

Картина еще не окончена, а Марко уже старается над ее повторением, понятное дело, значительно меньшего размера. Он настолько спешит, будто заранее осведомлен об участи величайшего после Коня произведения Мастера, когда несчастным хранителям придется над ним трястись, подобно кормилице над колыбелью, прослеживая, чтобы отставшая от грунта свернувшаяся чешуями краска не осыпалась от каких-нибудь незаметных глазу толчков или от простого бичевания воздуха при разговоре. Впрочем, торопливость Марко д'Оджоне отчасти объясняется его намерением скоро покинуть гнездо, в котором воспитывался. Теперь же, повторяя за Мастером, он как бы соразмеряет способность не окончательно развившихся крыльев с высотою, на которую поднят, чтобы, если упадет, не больно разбиться.

Самую настойчивую заботу не украшает корысть; к счастью, находятся – увы, не из числа живописцев – заботящиеся не только о произведениях творчества, но и о привычках, обычае и целиком жизненном облике подобных людей, справедливо находя это поучительным. Тогда среди братии монастыря находился племянник настоятеля, Маттео, семнадцати лет; этот Маттео Банделло недаром прислушивался и внимательно наблюдал – впоследствии он стал писателем и уберег драгоценные сведения для потомства.

«Флорентиец имел обыкновение, как я много раз видел и наблюдал, рано утром влезать на помост и от восхода солнца до сумерек не выпускать кисти из рук и, забывая о еде и питье, беспрерывно писать. Однако затем могло пройти два, три и четыре дня, в течение которых он не брался за работу или проводил около картины один, два или три часа, но только созерцал, рассматривая и внутренне обсуждая и оценивая ее фигуры. Я видел также, как в соответствии с тем, что ему подсказывал его произвол, он уходил в полдень, когда солнце находится в созвездии Льва, из Корте Веккио, где он делал из глины своего удивительного Коня, и шел к монастырю делла Грацие. Там он влезал на помост, брал кисть, делал один или два мазка по какой-нибудь из фигур и сразу затем спускался оттуда, и уходил, и шел в другое место».

Все это похоже: Мастер, если бы его не преследовали заказчики, ни одного произведения не объявлял бы законченным и не выпускал бы из мастерской, а живопись в делла Грацие и вовсе увязла бы в бесконечном обдумывании и обсуждении – с самим собой, и с приятелями, и с разными посторонними лицами. Напрасно отец Винченцо надеялся, что, отложив в сторону уголь и взявшись за кисть, живописец оставит проволочки, настоятелю приходилось огорчаться как прежде. Избранный Мастером, хотя и мало проверенный практикой способ живописи смесью темперы и масла по сухой штукатурке хорошо пригоден для переделок и улучшений, тогда как живопись по сырому не дала бы возможности сделать один-два мазка и затем спуститься с лесов, покинуть трапезную и временно отдаться другому занятию. Леонардо как раз начал лепить всадника для своего Коня, хотя лучше бы он этого не делал, поскольку фигура герцога Франческо из-за ее надменного вида послужила причиной разрушения памятника, так как неприятели Сфорца этого не вынесли.

Между тем негодяям следовало бы поучиться благородству поведения у Мастера, презиравшего применяющих силу, мало того, он учил исследовать и принимать к сведению аргументацию противника, и какой бы возмутительной она ни была, предпочитал ее аргументации доброжелателей и пояснял это следующими словами:

Будь расположен столь же охотно выслушивать то, что твои противники говорят о твоих произведениях, как и то, что говорят друзья: ведь если это истинный друг, то он второе ты сам, а противоположное этому ты найдешь во враге. Друг же может ошибаться.

Осенью 1496 года с окончанием торжественных празднеств по случаю вручения Моро императорской инвеституры вместе с титулом герцога Миланского Мастер послал Больтраффио в Павию, чтобы тот приступил к обещанной картине с изображением герцогини Изабеллы в виде св. Варвары. Как празднество было сомнительным, поскольку Моро инвеституру скорее купил на не принадлежащие ему деньги, что в его обычае, так же сомнительна польза от подобной картины: если св. Варвара не уберегла несчастного Джангалеаццо от гибели, восстановить законное право его наследников она не сможет тем более. Но это уже другое дело; так или иначе, поскольку Салаино находился в мастерской с порученной ему маленькой мадонной для одного миланского дворянина, безотлучно возле Мастера был единственный Марко. Что касается сторонних посетителей, Леонардо никому не препятствовал приходить в трапезную делла Грацие и свободно высказываться о произведении,

хотя непременно находятся такие, что заболевают, если не удается осудить какую-нибудь превосходную вещь или оклеветать достойного человека. А ведь если посетитель молчит, потерян от изумления способность речи, неудовольствие крикливо о себе извещает. И это при том, что архитекторы трапезной придали ее помещению свойство усиливать самые ничтожные звуки. Таким образом Леонардо имеет время обдумать услышанное, прежде чем спускаться с лесов для возражения наиболее наглым.

Поскольку Леонардо советовал ученикам наблюдать за глухонемыми, заслуживает быть отмеченной проницательность путешествующего с севера паломника:

– Ужасное известие вызывает глубокую скорбь, а не растерянность и злобу, как если бы предводитель сообщил соумышленникам, что им не удается избежать правосудия; тогда как присутствующие апостолы испытывают все же более тонкие чувства сравнительно с тем, что можно видеть у непривычного к сдержанности простонародья или у глухонемых, которые размахивают руками и искажают лицо, не имея других средств сообщения.

– Тупицам, как ты, – ответил за Мастера Марко д'Оджоне, – следует показывать вещи в преувеличенном виде, так как они не могут ценить слаженность композиции, чудесное освещение или чередование и превосходную гармонию красок.

– Зато я хорошо понимаю скромность и благочестие, – ответил прохожий, – которые дороже стоят в наших краях сравнительно с буйством, неприличным смирению и задумчивости апостолов, следующих Спасителю, терпя лишения и неудобства.

Однажды в сопровождении свиты и клира в трапезную явился престарелый кардинал из Каринтии из местности Гурк, который, посещая Милан, останавливался в монастыре делла Грацие. Леонардо тотчас спустился с лесов, чтобы приветствовать важное лицо и дать пояснения, если понадобится. При виде хотя и не полностью оконченного произведения древний старик кардинал изумился и как бы впал в остолбенение, не в силах произнести ни слова; когда же вышел из тупика, не тратясь на похвалы, спросил Леонардо, какое он получает вознаграждение. Мастер, не задумавшись, отвечал, что две тысячи дукатов ежегодно, не считая подарков.

Обращаясь к одному из клира, чтобы другие этого не услыхали, Марко д'Оджоне сказал:

– Если Мастер, в то время как его служащие жалуются на дурное и недостаточное питание, зарабатывает громадные деньги и только посмеивается, когда говорит, что наилучшая пища для молодого человека – это его добродетели и усердие, он не иначе как скряга. Поэтому, покуда я здесь питаюсь вместе с монахами, я съедаю в каждую выдачу не менее чем за троих, так же поступает барсук, целую зиму остающийся в норе, сохраняя упитанность.

Как этот Марко преувеличивает скупость и расчетливость Мастера, другие преувеличивают его уверенность в себе и сознание превосходства; ведь совсем в ином свете показывается фигура Леонардо в рассказе миланского живописца Паоло Ломаццо, который, когда ослеп, занялся литературой и приобрел известность как историк искусства.

«Изумительнейший художник Леонардо да Винчи, написавший „Тайную вечерю“, придал Иакову Старшему и Иакову Младшему такую красоту и такое величие, что, пожелав сделать Христа, несмотря на все искусство, не мог для него найти достаточную полноту совершенства. Придя в отчаяние, он решил посоветоваться с Бернардо Зенале, тот сказал ему:

– О Леонардо, ошибка, допущенная тобой, так велика и такого свойства, что никто, кроме бога, не может помочь тебе. Не в твоей власти и не во власти других людей найти большую божественность и красоту, чем божественность и красота, которую ты придал Иакову Старшему и Иакову Младшему. Нужно примириться с этим: пусть Христос остается несовершенным, потому что ты не сделаешь настоящего Христа рядом с такими апостолами.

Леонардо так и поступил, как в этом можно убедиться еще и теперь, хотя картина, – добавляет Ломаццо, – совершенно разрушена».

Зенале, проживший более девяноста лет, исполнял должность соборного архитектора, можно сказать, до последнего вздоха: он родился, когда еще здравствовал Томмазо Мазаччо, работавший в знаменитой капелле церкви св. Духа, а умер спустя шесть лет после Леонардо. О нем Леонардо отзывался как о редкостном рисовальщике, в то же время надо признать юношескую чувствительность Бернардо Зенале к новизне, хотя бы в настоящем случае его суждение кому-нибудь покажется простоватым и не отвечающим философской утонченности,

какой Мастер требовал и ожидал от рассматривающих его произведения. Кроме того, возможно, что не отчаяние его охватило, когда он обращался к Бернардо за советом, – если вся эта история не выдумана Паоло Ломаццо, – но тут мы видим обычное его притворство. Что же касается дела по существу, а именно незаконченности фигуры Иисуса, то при поэтическом даровании этого Паоло ему трудно полностью доверять, поскольку из-за недостатка зрения он больше полагался на фантазию и рассказы других людей. К тому же незаконченность Леонардо особого рода, как это рассматривалось применительно к «Волхвам», сохраняющимся у флорентийских Бенчи в их гардеробной: будто бы Мастер использует неизвестный состав, растворяющий поверхность готового произведения, раскрывая – вместе с окном, на котором обрисовывается нежнейший, не полностью определившийся контур головы Иисуса, – метафорическое окно незаконченности.

65

Итак, живописец, смотри хорошенько на ту часть, которая наиболее безобразна в твоей особе, и своим ученьем сделай от нее хорошую защиту, ибо если ты скотоподобен, то и фигуры твои будут казаться такими же неосмысленными. И подобным же образом каждая часть, хорошая или жалкая, какая есть в тебе, обнаружится отчасти в твоих фигурах.

– Как око бури просвечивает сквозь кристалл, так, поместившись в апостолах, просвечивают правильные тела, которые описаны в геометрии древних вместе с их качествами, – говорил, обращаясь к Мастеру, начитанный в философии камердинер Джакопо Андреа Феррарский. – Тщательно и терпеливо подражая природе, ты создал произведение возвышенное, тогда как другие пребывают мыслию на небесах, но в их произведениях видна смертная скука. Твои же апостолы бодрствуют и горячатся, так что, приближаясь к картине, поначалу видишь подобные бурям, случающимся в безоблачном небе, движение и свет. И, еще не уяснив их причины, зритель бывает охвачен воодушевлением.

Джакопо Андреа устанавливал стекло, отдалившись настолько, чтобы через него картина была видна целиком, и обводил границы такого намного уменьшенного изображения. Получался прямоугольник, длинная сторона которого вдвое превышала короткую, а в пересечении диагоналей оказывалась голова Иисуса. Хотя между преступниками наиболее опасны ворующие изобретения и всевозможные остроумные выдумки, тщеславие побеждает предусмотрительность, и ставшим вокруг монахам и послушникам, между которыми есть любознательные, Джакопо Андреа объясняет, что модулем, ради которого он предпринял исследование, служит радиус малых люнетов, видных в верхней части стены. В треугольнике со сторонами, равными модулю, помещается фигура Спасителя, а в его вершинах оказываются голова и ладони. Полуокружностями, радиус которых также измеряется модулем, двенадцать апостолов охвачены по трое; при этом Фаддей и Варфоломей один напротив другого на торцевых сторонах стола спинами укрепляют полуокружности изнутри.

Другие ученые друзья Леонардо также пытались проникнуть в пифагорейский смысл великого произведения; иной бьется долгое время, так и эдак приноравливаясь своим инструментом, и не расспрашивает Мастера из гордости, зато, обнаруживая какую-нибудь закономерность, достойную, по его мнению, чтобы распространяться о ней по всему свету, похваляется и важничает. Регент соборного хора флорентиец Франкино Гафури, человек остроумнейший, нашел, что перспективное сокращение или шаги, какими удаляются в картине Леонардо потолочные балки, в своем уменьшении соотносятся как секста, кварта и терция.

Когда в 1494 году францисканец Лука Пачоли из Борго сан Сеполькро издал «Summa arithmetica», составленную для молодого герцога Гвидобальдо Урбинского, Лодовико Моро призвал его в Милан, куда он спустя время прибыл, чтобы здесь приступить к трактату «О божественной пропорции». В противоположность другому известному францисканцу, а именно настоятелю капеллы св. Зачатия отцу Бартоломео, чья внешность беспрерывно была разрушаема недостатками его характера, полное свежее лицо фра Луки Пачоли показывало при его летах, насколько дружеская доброта, трудолюбие и смиренная благодарность создателю сохраняют сосуд, в котором содержатся. Недаром основатель их ордена учит, что злобные живут беспорядочно, быстро дряхлеют и изнашиваются сравнительно с добрыми людьми,

понимающими справедливость не исключительно в целях собственной выгоды. И напрасно утверждение Вазари, будто Лука бессовестно обобрал своего земляка и преподавателя Пьеро делла Франческо, живописца, опытнейшего математика и знатока перспективы, хотя бы важнейшие части написанных на народном языке трактатов Луки Пачоли суть перевод из латинских сочинений этого Пьеро, его наставнике.

Существенное достоинство ученых рассуждений Луки Пачоли, когда он бывает самостоятелен, хорошо видно там, где он сводит различные вещи и находит аналогию, если даже другой человек ничего подобного не замечает. Таким образом, францисканца в его рассуждениях следует решительно уподобить птице, не смущаясь расстоянием прыгающей с ветки на ветку в поисках корма. С этим соглашается каждый, кто ознакомился с трактатом «О божественной пропорции», приведенным его автором к окончанию примерно в то время, когда Леонардо велел разобрать леса перед «Тайною вечерей». Перечисляя тринадцать свойств пропорции, Лука замечает, что таким было число лиц, присутствующих на трапезе; а когда он рассматривает пять соответствий пропорции с богом, то в четырех находит аналогию с небесными добродетелями, которых столько же. Отсюда Пачоли приходит к простым телам и далее к четырем элементам: земле, воздуху, воде и огню. Остающееся пятое соответствие францисканец приводит к додекаэдру, ограниченному двенадцатью пятиугольниками, тому из пяти правильных тел, которое согласно Платону прямо соотносится с небом. Всех же фигур, рассматриваемых Лукой Пачоли, оказывается более тридцати, поскольку между ними имеются произошедшие от первоначальных путем усечения или добавления. Поэтому если кто попытается, как это удалось Леонардо, иллюстрировавшему трактат Луки Пачоли, с помощью линейки и циркуля построить икосаэдр, то есть фигуру с двадцатью треугольными гранями, а затем, отсекая вершину каждой из составляющих пирамид, построить икосаэдр абсциссус, или усеченный, где шестиугольные грани чередуются с пятиугольными, а потом, действуя противоположным образом и выстраивая пирамиды на гранях икосаэдра, показать икосаэдр элеватус или – еще лучше – фигуру, которая получается при одновременном усечении и наращивании через одну граней десятигранника, то есть гекосаэдр абсциссус элеватус, то, имея в виду, что каждую из понадобившихся для трактата Луки Пачоли фигур Леонардо строил в двух видах: солидус, полную, и вакуус, порожнюю, как бы сделанную из прозрачного материала, – этот человек отчасти поймет, какие здесь нужны терпение и муравьиная тщательность.

Впрочем, Леонардо взялся за безвозмездную, невыгодную для него работу не из одних только дружеских чувств к Луке Пачоли, с которым близко сошелся, но и ради того, что тот преподавал ему геометрию по Эвклиду и некоторые разделы математики, как умножение корней. Мастеру стало сорок пять лет, и оказались видными недостаточность и неравномерность образования, когда он усваивал тончайшие вещи из философии, правда, скорее в изложении Джакопо Андреа, феррарца, чем из первоисточников, поскольку его латыни для этого не хватало, но имел пробелы в других науках, преподававшихся юношам и всем желающим в университетах.

Платон полагает, что как существует искусство философствующих и искусство нефилософствующих, так есть две арифметики – купцов и философов и две геометрии – строителей и ученых. Особый раздел «Суммы об арифметике, геометрии, пропорциях и пропорциональностях», изданной в Венеции в 1494 году, Пачоли отвел двойной итальянской бухгалтерии, отцом которой считается. Будучи сам человеком сообразительным в житейских делах, бережливым и расчетливым, Пачоли не растекается мыслию, но довольно толково излагает суть дела, и его примеры опираются на действительные возможности практики. Но как некоторые верующие чем усерднее отбивают поклоны и крестятся, тем чаще нарушают заповеди божьи вне храма, когда маэстро приступает к чистой теории, он не связывает себя и малейшим правдоподобием. Так, разбираясь с корнями, умножению которых он обучал Леонардо, Лука Пачоли приводит задачу о путешествиях: торговец столько раз путешествовал, сколько у него вначале было дукатов, спрашивается, сколько он совершил путешествий, если при каждой отлучке количество дукатов удваивалось и в конце концов стало их 90. Ответ поражает странностью: число путешествий оказывается равным; в другой похожей задаче ответ выглядит следующим образом:. Если все же принять, что Лука каким-то образом пытается

сблизить две математики – купцов и философов, смесь получается искусственная и непрочная, как масло с водой. С другой стороны, кажется, что подобной абстракцией и равнодушием к смыслу, за нею скрывающемуся, Лука показывает себя большим математиком сравнительно с Леонардо да Винчи. Мастер с его склонностью к целым простым числам, когда наимельчайшая дробь представляет собой 1/4 в пропорции трения, к простейшим зависимостям (настолько, насколько или чем больше, тем меньше), к притворному бумажному строительству, над которым потешался Платон («построим четырехугольник», «проведем линию», «произведем наложение» и так далее), как бы ни сцеживал сквозь ячеи своей верши всю великолепную жизненность, желая остаться с невидимыми волосяными линиями, обозначающими не более чем направление силы и тяжести, отодвинутое остается в виду, хотя бы и где-то на горизонте воображения. Больше того, от громоздящихся облачных гряд в долину абстракции всякими путями проникает сырость действительности но аналогии с тем, как в приготовленную Марко д'Оджоне с помощью чертежного инструмента пристройку к трапезной делла Грацие Мастер вводил как бы клубящуюся туманную влагу, угольную пыль, из которой затем образовались апостолы. Если же через их внешность, как утверждает Джакопо Андреа, просвечивают правильные тела, это, по-видимому, надо понимать таким образом, что все разнообразие жизни непременно сводится к научным законам и им подчиняется.

66

Родится от малого начала тот, кто скоро сделается большим; он не будет считаться ни с одним творением, мало того, он силою своей будет в состоянии превращать свое существо в другое. Об огне.

Архитектор из Болоньи, которого звали Франческо, желая поместить свое имя на архитраве выстроенного им здания, сделал это следующим образом: сначала высек рельефом фигуру св. Франциска Ассизского, а за ним поместил изображения арки, крыши и башни, также рельефные. Поскольку арка по-итальянски будет arco, крыша – tetto и башня – torre, из корней составляется слово architettorre, а все в целом означает: Франческо-архитектор. Имеются письменности, как египетская, когда простейшие картинки обозначают слоги, но при чтении смысл снимается, а звучание остается, так что древнего египтянина приходится считать изобретателем ребуса, служащего теперь для забавы.

Составленный Мастером ребус открывается изображением льва, охваченного языками пламени; в следующей, настолько же ловко набросанной картинке тот, у кого есть воображение и наблюдательность, увидит колоду для разделывания мясных туш, вернее, две колоды, чтобы показать множественное число. В Ломбардии такая колода называется desco, отсюда множественное – desci. Языки пламени понадобились, чтобы после leon, то есть лев, вышло ard, ardere, гореть или пылать, что также и в обыденной речи иной раз используется в переносном смысле: пылать страстью, гневом или еще как-нибудь. Из всего этого вместе получается leon-ard-desci, или леонардески, как называют последователей, учеников и прилежных подражателен великого Мастера, наиболее ловко подделывавшихся под его руку и подражавших также одежде и поведению, чтобы, переезжая с места на место, распространять его влияние по всему свету. Иначе говоря, пылающий лев передает жар души своим произведениям, которые затем его излучают, тогда как другие восприимчивые души им зажигаются и разносят пламя вокруг, как светильник на ветру, если придерживаться Алкуина. Только иные светильники от слабого дуновения гаснут, иные же разгораются и при сильном порывистом ветре. Вместе с этим если вьющиеся золотистые волосы отчасти соответствуют гриве, то высокий звонкий голос флорентийского Мастера близко не подходит к рыканью льва, тогда как повадками Леонардо скорее напоминает лисицу. С другой стороны, громадное произведение требует от исполнителя львиной силы – не так из-за площади, которую оно занимает, как из-за его глубины: каким шестом ни попробовать, вряд ли обнаружится дно.

Пророчества, басни и ребусы служат удовольствию Мастера и утешению его господина и необязательно содержат мораль. Держа перо на весу над четвертушкою бумаги, Леонардо медлит, подобно примеривающемуся к снарядам жонглеру; затем необычным для него способом, то есть слева направо, он пишет:

– Che po?

Чуть выше быстрым угловатым контуром, так что рисунок напоминает какой-то значок или египетский иероглиф, изображает берцовую кость. Получается che posso, потому что кость по-итальянски – osso.

Леонардо затем начертил нотную линейку и на ней значками, принятыми у музыкантов, – фа и ре; подумал и нарисовал седло – вместе с родовою частицей это будет la sella. Написал буквами fe, что само по себе ничего не означает; нарисовал мерную кружку – такими пользуются при раздачах продовольствия беднякам: как и самая мера, она называется миною. Изобразил епископскую митру, написал букву l и заключил изображением сердца. И все это так бегло, что могло показаться, будто он имеет привычное знание какого-то алфавита наподобие египетского, и поэтому больше заботится о смысле, но не о способе, каким его подает.

– Che posso se la femina mi tra el core? – Что я могу сделать, если эта женщина взяла мое сердце? – прочитали Леонардо и герцог в два голоса, и Моро весело засмеялся, что прозвучало довольно дико в помещении, из-за траура обтянутом черной тканью.

Проходящий под знаком Козерога декабрь относится к несчастливым месяцам, и это азбука астрологии. Последнюю неделю перед рождеством мессер Амброджо да Розате провел, уединившись в Павии, в западной башне замка, откуда наблюдал небо, сверяясь с астрариумом, звездными часами, чтобы определить срок предстоящего в январе, под Водолеем, соединения Марса, Юпитера и Сатурна, имеющего великую важность для Сфорца. Поскольку события все же могут повернуться либо так, либо эдак, мессер Амброджо не стал полностью опубликовывать свои наблюдения – не был так глуп, как те предсказатели, которые, рискуя прослыть обманщиками, распространяются с излишней подробностью о недостоверном. Он только объявил, что в наступающие дни нового, 1494 года синьоре герцогине следует воздерживаться от резких движений, так как на восьмом месяце созревания плода это бывает опасно. В канун св. Обрезания Беатриче и в самом деле не танцевала; однако в следующий затем праздник имени Христова отплясывала, словно сорвалась с цепи. Да и как ей было не радоваться, если Лодовико Моро добился императорской инвеституры и законная герцогиня Миланская нарочно празднует это событие в Павии? Но тут случилось, о чем было предупреждение: спустя два часа как родился мертвый ребенок, герцогиня умерла от потери крови, и вместо ожидавшегося с большим нетерпением карнавального шествия из Павии в Милан потянулось другое, угрюмое и печальное.

После похорон Моро велел обтянуть черным сукном помещение в башне миланского замка и оттуда не выходил, а пищу ему приносили. Побыв в одиночестве, герцог затем стал призывать сведущих и остроумных людей, чтобы те объясняли ему необходимость случившегося или каким-нибудь другим способом его утешали. Показывая герцогу Моро сделанные с умерших беременных анатомические рисунки, Леонардо настолько красноречиво пояснял их содержание, что слушателю оставалось вообразить, будто ему самому угрожает опасность от неправильного развития плода, тем более Моро с его бледным лицом, длинными волосами и расширяющимся книзу большим животом имел сходство с беременной женщиной.

В то время как Гиппократ советовал излечивать робость опасностью, а понос – чемерицей, вызывающей сильное расстройство пищеварения, – такой способ называют гомеопатией от греческого омейон – подобный и патос – болезнь, – другие врачи призывают лечить неудовольствие радостью и душевную боль развлечением и удовольствиями. Леонардо воспользовался обоими способами.

– Наименования звуков октавы предоставляют благоприятные возможности остроумному изобретателю ребусов, – сказал он и нарисовал рыболовный крючок, amo по-итальянски, и после на нотной линейке показал другие звучания от ре до ля; на самом верху написал буквами слог za, а опустившись затем четырьмя линиями ниже, повторил ноту ре. Тогда получилось: Амо-ре-ми-фа-соль-ля-ца-ре, или amore mi fa sollazzare, то есть любовь меня воодушевляет.

Моро и в самом деле пришел в превосходное расположение духа, и огорчение, кажется, на время его покинуло. Он похвалил Мастера за его старательность, и тот отвечал с помощью ребуса:

– Уподобляюсь муравью, alla formica.

Таким образом крыло, alla по-итальянски, оказалось в упряжке с муравьем, из божьих

тварей наиболее трудолюбивой. Присутствовавший здесь же духовник герцога Моро сказал, имея в виду свойственную Мастеру силу воображения:

– Среди населения муравейника, насколько это известно, находятся также крылатые летающие особи.

Фортуна, по-видимому изменившая намерения относительно Сфорца, скоро нанесла другой ощутимый удар легкомыслию герцога, когда спустя малое время после того как при родах скончалась герцогиня Миланская, внезапно умерла сестра герцога, Анна Мария, бывшая замужем за феррарским наследником Альфонсо; тот же, в свою очередь, приходился родным братом герцогине Беатриче. Так рушится прочнейшая крестообразная связь, двойное родство, предоставлявшее Милану союзника и военную помощь.

67

– Мы создаем нашу жизнь смертью других, – сказал Леонардо, поощряя выдумку герцога, когда тот велел расписать помещение Замка, называемое залою делла Ассе, в виде беседки и чтобы корни образующих ее растений видны были под дерном, где они получают питание из перегноя. На это Моро с внезапной злобой ответил:

– Мысль не новая, поскольку та же понимали в древнейшие времена: люди ходят по костям своих предков и обратившихся в перегной родителей, тогда как на перегное произрастает капуста, которую мы съедаем; вместе с капустою уничтожаются личинки летающих насекомых и бабочек, и так далее и тому подобное. Недостаточное утешение, если речь идет о смерти наиболее близкого человека, скончавшегося в молодом возрасте, не воспользовавшись полнотой славы и власти, которых ее супруг хитростью и упорством добился от императора.

В свою очередь, Леонардо мог возразить герцогу, его же самого и оправдывая, что-де не новая мысль, но глубокая, если частым повторением не обесцветилась и поражает душу много времени спустя после того, как была высказана впервые.

Что касается названия залы, то, по мнению некоторых, оно означает Дощатая, поскольку asse по-итальянски доска, и помещение для сохранения тепла в зимнее время обшивается досками. Другие указывают на второе значение слова, а именно – ось, и что делла Ассе не иначе как Осевая. Дополнительно они объясняют, что своды помещения образуют фигуру октаэдра, означающего музыкальную октаву, тогда как платоники изображают его символом блага, а благо божественное – ось, на которой все вертится.

Видно, живописцу этого показалось недостаточно, если он, со своей стороны, постарался насколько возможно запутать и сбить с толку зрителя и достиг цели, заплетая узлами и узорами золоченые ленты, какими перевиты и скрепляются купы деревьев, образующих упомянутую беседку. Мало кому придет в голову, что Мастер воспользовался опытом своих изобретений в военном деле, когда приходится отыскивать наилучшие способы связывать между собою отдельные части мостов, осадных лестниц и прочего. Так, духовник герцога Моро, человек образованный и остроумный, усмотрел в плетении золоченой ленты символическое изображение веревки, подпоясывающей одежды св. Франциска, обвенчавшегося с бедностью.

От пола примерно в рост человека и ниже по стенам залы делла Ассе с величайшими знанием и тщательностью изображен разрез каменистой почвы с укрепившимися в расселинах корнями, норами и ходами кротов и остальными подробностями. Так что находящийся посреди комнаты зритель испытывает в ногах могильный холод, и это, наверное, впервые в истории ЖИВОПИСИ: НИ ОДИН другой живописец не добивался такой силы влияния и многозначительности, не прибегая к какому-нибудь занятному и трогательному сюжету, обходясь изображением деревьев и скал, то есть представляя зрителю чистый пейзаж. При том, что Моро, разозлясь на судьбу, непрестанно ему угрожавшую, другой раз кричал и выговаривал кому ни попало без причины, большею частью он пребывал в печальном, подавленном расположении духа, и его фантазии тому соответствовали. Так, в нижней подземной области произведения, в расселинах между камнями, он обнаруживал очертания мертвой головы, хотя то, что имел в виду герцог, находившиеся возле него придворные принимали за очертания пятна, получившегося от сырости, или за оставшийся слабый след изображения, которое

живописец, сочтя неудавшимся, уничтожает. Однако, подчиняясь настойчивому внушению их господина, эти придворные затем внезапно усматривали выдвинутый вперед подбородок, глубоко запавший, как обыкновенно у покойников, рот, напоминающий клюв хищного ястреба нос, общий всем Сфорца. Мертвый представлялся герцогу равно похожим на несчастного Джангалеаццо и на него, герцога Моро, отчасти виновного в смерти племянника. Хотя угрызения совести и жалость к себе одновременно его одолевали, герцог с большим высокомерием и насмешливостью добивался согласия с его точкой зрения. Так и Зороастро, хотя и далекий от герцога по своему положению, настаивал, что, если кто не находит в волосах «Девы в скалах» знака взлетающей птицы, тот слепец и не признает очевидного.

Итак, живопись в зале делла Ассе отчасти обладает свойствами колокола Лоренцо Великолепного, в ударах которого влюбленный слышит имя его возлюбленной, тщеславный – предупреждение о победах, а еще кто-нибудь третий – что ему вздумается. Скажем, духовник герцога, отталкиваясь от произведения Леонардо, развивает легенду о Сифе, сыне Адама: этот, когда ему было видение, усмотрел в ветвях дерева, коренящегося в преисподней, а вершиною проникшего в рай, символ воскресения господня. Наконец, люди наиболее образованные и светские находят в остающемся посреди близко сведенных ветвей лазурном окошке структуру октаэдра, повторяющую членение сводов залы делла Ассе. Леонардо же, если к нему обращались за разъяснениями, ничего прямо не отрицал, по также и ни на чем не настаивал. Не показывается ли в таком случае Мастер в виде какого-то хитреца – сочинителя ребусов, задавшегося целью водить за нос и обманывать отгадчика? Хотя если в целях проверки такого предположения обратиться к разделу «Трактата о живописи», где Леонардо рассматривает правила живописи деревьев и зелени, можно с большею вероятностью предположить, что как «Тайную вечерю» в монастыре делла Грацие справедливо считают энциклопедией движений человека и выражений лиц, так же и пейзажная живопись в миланском замке в сопровождении текстов из указанного раздела «Трактата о живописи» оказалась бы наилучшей для своего времени иллюстрированной энциклопедией ботанических знаний, и, таким образом, плетение беседки в зале делла Ассе является необходимой естественной частью громаднейшей верши, вывязываемой одновременно с разных сторон и назначенной обнять мироздание, тогда как лазурное окошко в форме октаэдра вверху между сдвигающимися ветвями есть модель ячеи или, лучше, воронки: одной из двух, вставленных – согласно Платону – на ее полюсах. Преподобный отец, духовник герцога Моро, имея ослабленное возрастом зрение, мог ошибаться, сочтя находившегося под потолком на лесах Салаино, которому из-за его верткости сравнительно с другими ученики чаще поручалось подобное, за привидевшегося легендарному Сифу запеленутого младенца. Ведь если в таких произведениях, как «Тайная вечеря», большая доля работы доставалась помощникам, здесь подавно Леонардо не соглашался доверить ученикам только немногие важные куски живописи в подземной области, где Моро обнаружил мертвую голову. Для остального же сочинял композицию, готовил рисунки и давал необходимые пояснения ученикам, не имея возможности сам тратить дорогостоящее время на работу, которую легко может выполнить кто-нибудь другой.

68

Примечай движение на поверхности воды, которое походит на волосы, обладающие двумя движениями: одно зависит от веса пряди, а другое – от линии завитков. Точно так же вода имеет свои водовороты, одна часть которых зависит от импульса главного течения, а другая – от падающего и отраженного движения.

Настолько острого внимательного зрения нет у других наблюдателей, как нету у них ни поднаторевшего в сопоставлениях скорого разума, ни чудесной способности рук, позволяющей с наибольшей достоверностью и правдоподобием изображать всевозможные движения воды, какими болотистая влажная местность как бы внезапно закипает после дождя, когда едва различимые в обычных условиях действия и движения удесятеряются; ни, наконец, легкой походки, тем более удивительной, если под ногами отважного путешественника почва колеблется, как бы раздумывая, поглотить храбреца или над ним посмеяться.

Если на поверхность черного водяного окна пробивается донный ключ, впечатлительному

человеку его клубящиеся желваки напоминают меняющиеся разнообразные выражения лица; в то время водоросли и трава – это как бы намокшие волосы утопленников; расположенные близко к поверхности воды и колеблемые течениями, они дают рисовальщику правильные указания, как надо действовать, – редкостный случай, когда штрих и линия осуществляются самой природой. А это отчасти помогает смириться с доступностью для человека поистине дьявольского мастерства, видного в рисунках Леонардо, относящихся к науке гидродинамики и изображающих волны, течения, водопады, всплески и прочее. И ведь как способность сочувствия и сострадания дает Леонардо обнаруживать и понимать возможности движения фигуры человека и выражение лиц, таинственная и непостижимая родственность стихии воды позволяет участвовать в ее играх, разбиваясь на тысячу брызг вместе с водопадом, ворочаясь с тинистой болотною жижей или весело струясь под солнцем вместе с каким-нибудь ручейком. Впрочем, некоторым образом родственность показывалась в его внешнем виде – прежде другого в его золотистой, струящейся равномерными волнами и отчасти прозрачной бороде, тем более удивительной и необычной в Милане, где едва ли не со времен Фридриха Барбароссы,[43] что значит Рыжая борода, из презрения и ненависти к варварам все без исключения граждане брились. Заказывая для себя одежду, Леонардо предпочитал ткани шелковистые и переливчатые, как подкладка его плаща, не имеющая, подобно воде, определенного собственного цвета. Что касается поведения и деятельности флорентийского Мастера, тут равно замечательны обширное место, которое занимает в его записях и размышлениях стихия воды, ее движения, свойства и практическое использование, и готовность прервать каждое другое занятие ради того, чтобы быть к ней поближе.

В свое время граждане города Виджевано подарили герцогу Франческо Сфорца две тысячи перт земли, которою сами не пользовались. Моро по дешевой цене прикупил у них еще столько – таким образом, заболоченная и на возвышенностях покрытая подобными обнажившейся кости плешинами, заросшая кустарником местность между реками Тичино и Сесия, называемая Ломеллина, оказалась в фамильном владении Сфорца. После кончины герцогини Миланской намерение Моро – здесь, видно, сказывалось первоначальное деревенское происхождение знаменитой династии – внедрить культуру тутового дерева на пустующих землях окрепло. И вот громадная пустошь во многих местах размечена посредством кольев с флажками, из которых иные выцвели от непогоды без всякой пользы, тогда как другие пригодились, чтобы согласно с разметкой устраивать канавы, лотки и заслонки как лучше для земледелия. Метафорически такую разметку флажками можно истолковать как предварительный план науки гидродинамики, а дальнейшая разработка есть дело времени, упорства и удачи исследователя.

Проводя дни с землекопами и плотниками, Леонардо с закатом солнца возвращался в гостиницу, но занятия его тем не заканчивались, и он оставался за письменными принадлежностями далеко за полночь – жар дневных размышлений и опыта исходил, преобразуясь в буквы, слова, цифры и чертежи. Не так ли нагретый солнцем камень излучает до самого рассвета тепло?

В капле воды, вполне округленной, можно наблюдать много разнообразных случаев деятельности водной сферы, как она заключает внутри себя тело Земли, не нарушая сферичности своей поверхности. Пусть будет взят свинцовый кубик величиною с просяное зерно и на очень тонкой нитке, на которой он подвешен, пусть он затем будет погружен внутрь такой капли. Окажется, что капля не потеряет своей шаровидности, хотя и возрастет на величину заключенного в ней кубика.

Остроумный пример и аналогия громадной Земли и ничтожной капли вполне убедительны и даже достойны древних философов, по обыкновению размышлявших перед каким-нибудь красивым мраморным портиком, вдалеке от практического дела. Сравнительно с древними, озиравшими мир как бы с вершины Олимпа и имевшими склонность к отвлеченному

---

43 Фридрих Барбаросса, Рыжая борода – германский император (1155–1190) из дома Гогенштауфенов; дважды брал Милан после долгой осады, причем во второй раз город был разрушен до основания, а жители выселены в другие места.

умствованию, Леонардо большею частью не парил так высоко, и его размышления сохраняли, можно сказать, всю влажность полей, питавших его наблюдательность.

Результаты работ по улучшению пустующих и негодных земель в долинах Ломбардии и еще где бы ни было, без сомнения, одно из важнейших произведений Мастера. И как это относится к любому другому произведению, в способах, которыми оно осуществляется, и в его окончательной внешности отражаются манеры и привычки творца и все его качества. К полотну, растянутому через Ломбардию, к уставленной сообщающимися сосудами громаднейшей скатерти Мастер притрагивался то здесь, то там, ограничиваясь другой раз незначительными исправлениями; или внезапно предпринимал какую-нибудь решительную переделку, противоречащую первоначальному плану; или, собравшись с учениками и помощниками, отъезжал из Милана, кажется, ради одного только обдумывания, ничего не меняя и не увеличивая количество сделанного. Таким образом, работа неизменно оставалась открытой для продолжения, как и в трапезной леса оставались неразобранными, а принадлежности живописца ожидали его, когда бы он ни явился. Такого обычая Мастер придерживался все шестнадцать лет, проведенные им в Милане без перерыва: пустыри Ломеллины занимают только часть полотна, исправляется также земля возле Павии, расширяется русло канала Мартезана, доставляющего в Милан воды реки Адды вместе с грузами с севера, – словом, начальнику орошения и водных путей флорентийцу Леонардо да Винчи заботы достаточно, как и материала для размышления и выводов.

Противовес воды. Если противовес воды будет иметь ширину, равную ширине бочонка, на который он давит, то часть его, действующая и производящая давление на воду, поднимающуюся в противолежащей трубке, будет такова, какова ширина названной трубки.

В другом месте Леонардо разбирает случай, когда одиннадцать локтей камня находятся над одним локтем воды, и весь этот нижерасположенный локоть испытывает давление вышележащей тяжести. Мастер находит, что если эти одиннадцать расположить горизонтально над соответственно большею площадью воды, то в соседнем сообщающемся сосуде вода поднимется не на одиннадцать локтей, как в первом случае, а на один локоть, поскольку имеет значение не общий вес груза, но тяжесть, приходящаяся на единицу площади воды. Исходя из такого рода параграфов, некоторые исследователи убеждены, что Леонардо находится где-то в преддверии фундаментальных законов гидродинамики; другие находят подобное мнение поспешным и неосновательным; третьи набираются наглости смотреть свысока на всю научную деятельность Леонардо да Винчи, ссылаясь, скажем, на такие его заключения:

Все ветви деревьев на каждой ступени их высоты, будучи сложены вместе, равны толщине основного ствола. Все ветвления вод на каждой ступени их течения при постоянной скорости равны ширине начального потока.

И то сказать, здесь страсть к аналогиям преобладает, а простота отношений плохо скрывает их приблизительность. Этим надменным следовало бы напомнить совет Николая Кузанского, обращенный к читателям трактата «Об ученом незнании»: «Желающий проникнуть в суть дела пусть не задерживается на буквальном значении отдельных выражений, которые не могут удовлетворительно соответствовать высшим духовным таинствам, а поднимается пониманием над смыслом слов». В самом деле, если – не отказываясь, понятное дело, и от более внимательного чтения – кому бы удалось полистать, бегло прочитывая и наслаждаясь изяществом чертежей и рисунков относящийся к движению и свойствам воды манускрипт Леонардо, одновременно представляя в воображении громадное поле деятельности, какую-нибудь пропадавшую веками пустошь и ничтожную сравнительно с нею фигурку исследователя и устроителя, тот человек в этом воображаемом аккорде расслышал бы необычайные вещи. А именно – ничем не смущаемую уверенность в единстве теории с практикой, в их тесном союзе и неизбежности бракосочетания в свое время при испытании в Корте Веккио модели устройства для переноски Коня, предсказанном Франкино Гафури, регентом соборного хора.

69

Один ремесленник часто ходил навещать некоего вельможу, ничего не прося у него;

вельможа как-то спросил, по какой надобности он приходит. Этот ответил, что приходит, чтобы получить удовольствие, которого тот получить не может, затем, что он-де охотно глядит на людей более могущественных, нежели он, как это делают простолюдины, тогда как вельможа может видеть только людей менее значительных, чем он сам.

Между мастерами и их нанимателями многое зависит от случайности и произвола; да и не в состоянии какой бы ни было заботливый князь безотрывно следить за судьбой каждого из его подчиненных, чтобы ими правильно управлять. Поэтому иное светило, хотя бы самое яркое, затмевается другими, менее важными, но обладающими большей наглостью, и о нем забывают. Когда же оно вновь появляется на небосводе, кто может знать, что с ним случалось, да и кому это любопытно? Сочиняя письмо герцогу Моро, флорентиец проявляет наибольшую требовательность при выборе выражений и слов и безграничное терпение, желая еще и не уронить своей гордости.

> «Синьор, зная, что Ваша Светлость занята важными делами… Чтобы мое молчание не оказалось причиной неудовольствия Вашей Светлости… Пребывание на службе у Вашей Светлости обязывает меня к постоянному повиновению… Напоминаю Вашей Светлости обо мне, ничтожнейшем из малых сих… Извещаю Вашу Светлость, что канцелярия задолжала мне за полных два года…»

Так вот и колеблется жизнь – от забвения к славе; и кто захочет ее проследить как по вершинам достойного вознаграждения, так и в низинах заброшенности, легко убедиться, насколько трудна и неудобна такая дорога, в то время как несчастный прохожий заслуживает большего от нанимателей.

Я делаю все возможное, однако не имею чем оплачивать сотрудников, хотя надеюсь заработать на их пропитание. О Коне ничего не скажу, так как знаю, какие нынче времена.

Новый век, подобный неоконченной строителями громаде Собора, приблизился и нависает всей тяжестью; подробности рассмотреть невозможно, и многое закрыто лесами, однако размеры его очевидны, и кто попадет в его тень, робеет и мерзнет. В самом деле: наступающее будущее ничего хорошего не сулит, поскольку наследник французской короны происходит из Орлеанского дома и герцогам Сфорца придется расплачиваться за тщеславие одного из Висконти, который столетием прежде отдал свою дочь за французского принца. Теперь, чтобы Франция предъявила права на Милан, осталось умереть королю Карлу, здоровье которого внезапно ухудшилось. И вот Галеаццо Сансеверино, опытнейший капитан миланского войска, женатый на внебрачной дочери герцога Моро, колеблется на острие измены – герцога же в таких обстоятельствах хорошо приравнять к школяру, который, имея близко экзамен, бездельничает, а в самый канун обнаруживает, что срок слишком короток и для какой бы ни было подготовки его не хватает. Впрочем, судьба несчастной Ломбардии вместе с легкомыслием ее государя большинству людей безразлична, между тем как благородная щедрость и рвение герцога, когда ввиду близкого нападения неприятеля он устраивает в Замке широкий диспут, созывает ученых и докторов и содержит их за счет канцелярии, заслуживают благодарности.

Обстановку ученого собрания в Замке Сфорца лучше других обрисовал францисканец Лука Пачоли, а именно в посвящении, предшествующем трактату «О Божественной пропорции», опубликованном знаменитым венецианским типографом Альдо Мануцием[44] спустя десять лет, когда Моро, будучи пленником французского короля, оканчивал жизнь в заключении в замке Лош на Луаре.

«В году от нашего спасения 1498, в девятый день февраля, в неприступной крепости знаменитого города Милана состоялось научное соревнование в присутствии Его Светлости герцога и сопровождавших его лиц, духовных и светских, и знаменитых ученых мужей, находящихся при дворе Его Светлости Лодовико Первого Сфорца». Указав поименно

---

[44] Мануции – семья итальянских типографов, издателей и ученых, имевшая родоначальником Альда Мануция Старшего (1448–1515).

епископов, протонотариев и аббатов священного серафического ордена и перечислив других выдающихся францисканцев, украшающих миланскую общину ученостью и добродетелями, Лука, не столь внимательный к доминиканцам, прямо переходит к наиважнейшим из светских, первым упоминая своего покровителя, а вернее, коварнейшего изменника Галеаццо Сансеверино, который, как сказано, не только никому не уступает в сражениях, но прилежно изучает науки, достигая осведомленности во всех областях. «Затем назову, – продолжает Лука Пачоли, – превосходнейшего оратора и преподавателя факультетов медицины и астрономии, остроумного толкователя Серапиона и Авиценны, исследователя небесных тел и предсказателя будущего Амброджо да Розате, ученых докторов медицины и целителей болезней Алоизо Марлиано и Габриеля Пировано, а также опытнейших Андреа да Новаро и Николо Кузано» (не путать с известным Утонченным доктором и кардиналом, автором трактата «Об ученом незнании», к тому времени сорок лет как умершим). «Присутствовали также многие другие доктора медицины и права, советники, секретари и канцлеры достославного магистрата Его Светлости герцога вместе с инженерами и архитекторами. Среди этих отличается прилежный изобретатель новых вещей флорентиец Леонардо да Винчи, предпочтительно перед всеми оправдывающий такую репутацию и превосходно работающий в живописи и скульптуре, создавший из глины конную статую высотою от основания до темени всадника в 12 локтей, посвященную памяти Вашей Светлости непобедимого отца, на которую понадобится при отливке 200 тысяч фунтов металла, и помимо того прекраснейшую картину с изображением последнего Ужина господа нашего Иисуса, написанную в трапезной Санта Мария делла Грацие, месте душевного отдыха и размышления, удостоивший меня большой чести, исполнив рисунки правильных тел для этой книги. С ним был Джакопо Андреа, феррарец, остроумнейший комментатор Витрувия, не уступающий никому в искусстве фортификации. Названному Леонардо этот Джакопо Андреа как брат…»

Намеченную к диспуту область определяют как возможность действия силы на расстоянии; ввиду же неясности ее очертаний или имея какие-нибудь личные цели, выступающие в диспуте оппоненты меньше высказываются по существу, но выхваляются перед герцогом своим красноречием. Обвешанный цепями из чистого золота, как рыбаки обвешивают сетями колья на морском берегу, мессер Амброджо да Розате сказал:

– Незримые корни времени погружены в Перводвигатель, а его зримая листва или вершина расположена в остальных небесах и воплощается в движении светил; люди, как певчие птицы, гнездятся в листве и зависят от состояния неба. Разве бури, происходящие наверху, не качают ствол дерева и многие жизни не осыпаются, подобные желудям, при порывах ветра небесного?

Некоторые наиболее робкие при этих словах закрывали лицо, как бы пытаясь заслониться от неизбежного. Желая ободрить этих людей, духовник герцога, довольно язвительный доминиканец, сказал с насмешкою:

– Страшные вещи говорит мессер Амброджо, и я прихожу в трепет. Но промысел и соизволение божие не могут быть предугаданы; те же, кто полагает, будто господь удалился от управления, осуждаются церковью.

Преподобный отец напомнил павийскому доктору и его товарищам про императора Феодосия, запретившего гадание на внутренностях животных, и прочитал из Тертуллиана, который предсказывающих по звездам относил вместе с кулачными бойцами и публичными женщинами к наиболее вредным для общества и подлежащим преследованию. Тут начались крики и взаимные оскорбления, и герцог, чье мнение, если языки спорящих удачно подвешены, склоняется попеременно в разные стороны, вынужден был их удерживать. Тем временем Леонардо, находившийся не на виду, поскольку ему не предоставили места близко от герцога, сидел, опершись на суковатую палку, и неподвижно, молча выслушивал выступающих с речами. Голова его покрыта картузом, какого не видно более ни на ком из присутствующих, словно бы он нарочно себя так отметил, соревнуясь с докторами права, гордящимися шапками из драгоценного бархата и лисьего меха. Тень от козырька падает на его лоб, а глаза еще и надежно защищены и прикрыты бровями, белыми из-за их седины: Леонардо имеет вид сурового старца, хотя ему нету пятидесяти лет.

Что же касается выражения лица и соответствующего ему расположения духа, об этом

трудно сказать что-нибудь достоверное, так как одному оно покажется язвительным и насмешливым, другому – самодовольным, третьему – огорченным из-за предоставленного ему недостаточно почетного места. Тем более что обдуманность и хороший вкус в украшении одежды некоторые богачи готовы приписать его бедности, а молчаливость – незнанию: недаром же Мастер предпочитает подобным праздничным сборищам тесный кружок, где преподает, не повышая голоса.

И поистине всегда там, где недостает разумных доводов, их заменяет крик, чего не случается с вещами достоверными. Вот почему мы скажем, что там, где кричат, там истинной науки нет, ибо истина имеет одно-единственное решение, и, когда оно оглашено, спор прекращается навсегда. И если спор возникает снова и снова, то это наука лживая и путаная, а не возродившаяся достоверность…

Истинные науки – те, которые опыт заставил пройти через ощущения и наложил молчание на языки спорщиков.

В этом поражающем своею решительностью рассуждении все верно и правильно; только для полноты картины сюда надо добавить другое, между яростными восхвалениями опыта имеющее вид оговорки, предпринятой из осторожности и чтобы не впасть в одностороннюю крайность, но, путешествуя крутыми рискованными тропинками, иметь на что опереться.

Природа полна бесчисленных причин, которые никогда не были в опыте.

Поэтому когда Леонардо настаивает, что пусть-де его не читают, кто не является математиком согласно его принципам, он должен бы выставить еще необходимое условие, а именно: пусть не читают его те, которые ищут в высказывании простейшее единство, но приготовятся к упреждающим или же заключающим оговоркам.

70

Вода, ударяемая водою, образует вокруг места удара круги; звук – на далекое расстояние в воздухе; еще больше – огонь; еще дальше – ум в пределах Вселенной. Однако поскольку он ограничен, он простирается не в бесконечность.

Всадник горячит лошадь и одновременно уздечкою сдерживает ее нетерпение – расширяясь со страшной быстротой, воображение ограничивает само себя, а не скитается в воздухе беспорядочными движениями подобно подхваченному ветром листу бумаги. Похоже, что оговорка или оглядка есть наиболее общий принцип этой отважной и осторожной души в ее путешествиях, чему есть удивительные примеры. Так, когда Леонардо с величайшей энергией призывает к справедливости и милосердию относительно выдающихся и достойных людей, а храбрых исследователей именует земными богами, заслуживающими изваяний и почестей, то, сохраняя ту же серьезность, он оговаривается внезапно, чтобы не поедали их изображений, как это, мол, делается в некоторых местностях Индии. Леонардо, по-видимому, имеет в виду Новый Свет, о котором путешественники – между ними Америго Веспуччи – рассказывают, будто бы тамошние жрецы разрезают такие изображения на куски, поскольку они деревянные, и молящиеся отщипывают понемногу и съедают с пищей: считается, что таким путем они съедают каждый своего святого и тот в будущем оградит их от напастей.

Всевозможные неприятности ожидают обрекающего себя поискам истины достойного человека: краткий срок его жизни и то он проводит подобный акробату, балансирующему на канате с помощью длинного шеста, когда на одной оконечности укреплен аргумент, а на другой – оговорка. И это равновесие исключительно шаткое; удерживается же он наверху еще и покуда из расступающегося перед ним сумрака будущего извлекает одну за другой новые вещи, каких прилежным изобретателем называет его францисканец Лука Пачоли, ученый монах. Впрочем, количество новых вещей, остающихся в воображении или на бумаге, настолько превышает осуществленные изобретения, что изобретатель как бы переселяется в будущее и там орудует, тогда как настоящее время обладает его менее деятельным двойником. И если мессер Амброджо с товарищами пытается выведать о предстоящих событиях окольными путями через указания звезд, Леонардо эти события создает своими усилиями: неизвестно, что больше влияет на судьбу государств и их подданных – изобретение какой-нибудь новой машины или фантазия и прихоти властителей, не простирающиеся дальше объявления войн и обложения граждан

обременительными налогами.

С другой стороны, влияние Мастера тем успешнее сдерживается, чем вернее он следует советам вроде того, что, дескать, зачем давать ослу салат, если с него довольно волчца, как ему в пору юности преподавал мессер Паоло. Запавшее тогда в душу семя проросло и, поощряемое обстоятельствами и равнодушием некоторых, стало куститься. Мастер оставлял доступными постороннему взгляду одни свои странности, выражался загадочно и давал повод сравнивать себя с греческим Эмпедоклом,[45] носившим медные сандалии и багряницу и чародействовавшим в Селинунте и других городах. Не более трех человек могли иметь приблизительное понятие о всей его деятельности: мессер Фацио Кардано, францисканец Лука и Джакопо Андреа, феррарец, с которым Мастер сотрудничал при улучшении оборонительной системы каналов вокруг миланского замка. Но и те вряд ли достаточно вчитывались в параграфы, написанные диковинным способом справа налево, и не могли уловить важнейшие тонкости, как это возможно сделать теперь, когда они, если имеются налицо, все упорядочены, переведены или, точнее сказать, перевернуты на обычный манер, тщательно изданы и находятся в библиотеках, где каждому желающему доступно их полистать. А ведь именно тонкости, как эти бесчисленные оговорки – свидетели мужества и одновременно боязни исследователя, пробирающегося мелководьем за истиной, – свидетельствуют, что Леонардо не жертвует ни одной частью добытого опытом знания ради непротиворечивости суждения.

Однако противоречие или оговорка – не только препятствие, задержка или удлинение кратчайшего пути: напротив, истина другой раз скрывается на окольных тропинках, а через оговорку нередко удается достичь нового изобретения. Что такое кулачки и эксцентрики, как не оговорка среди деталей машин, неудачные дети в семействе, гордящемся совершенной круглостью и прямизной? Если же так, не есть ли достижение Кеплера, допустившего в солнечную систему вращение не по кругам, величайшая из оговорок к системе Коперника? Наконец, топтание Леонардо, его осторожность, сомнения, возвращение к пройденному, даже забывчивость и противоречивость в высказываниях – не есть ли это надежные признаки новой науки, не стесняющей себя неразрушимою догмой или обязательным требованием стройности и красоты?

Приготавливаясь к диспуту в Замке, Мастер со свойственным ему терпением подобрал примеры как в пользу возможности распространения силы на расстояние, так и опровергающие эту возможность, не упустив ни змею, пристальным взглядом притягивающую соловья, как магнит железо, ни волка, имеющего якобы способность взглядом производить у человека хрипоту, ни страуса и паука, которые, как говорят, взглядом высиживают яйца. Однако день 28 февраля 1498 года имел, наверное, меньше значения для науки, чем для имущественного положения Мастера. Надо сказать, что, не имея в Милане, ни где бы то ни было недвижимости, Леонардо все же не настолько нищ, как изображает для герцога, – бережливость, унаследованная им от нескольких поколений нотариусов, дала ему набрать сумму в четыреста дукатов, сохранявшихся в его комнатах в Корте Веккио в укромных местах. С другой стороны, те, от кого почти исключительно зависит указанное имущественное положение Мастера, помнят о его обстоятельствах и заботятся, чтобы они улучшались. Разве не показал это герцог, когда при окончании диспута казначей мессер Гуальтиеро огласил дарственный акт о предоставлении флорентийцу Леонардо да Винчи за большие заслуги перед династией шестнадцати перт земли с виноградником за стенами города у Верчельских ворот?

За время пути or Замка к Корте Веккио – верхом, медленным шагом, – освежая дыхание холодным февральским воздухом и купаясь в излучении звезд, Леонардо постепенно высвобождается из чешуи слов и их сочетаний, хотя бы пригодных для полемики; но не стоит все же их сохранять ввиду малой значительности и чтобы оставить место вещам более существенным и важным. Тем не менее дома в его помещении на втором этаже разостланный на столе под латунным рефлектором лист бумаги оказывается приготовлен не для какого-нибудь научного рассуждения. С помощью циркуля он чертит два концентрических

---

[45] Эмпедокл из Агригента (Сицилия) – древнегреческий (V век до н. э.) философ, политический деятель, врач и поэт, руководитель преданного ему кружка молодежи.

круга, из них внешний диаметром поболее дюйма; затем тщательно замысловатейшим образом размечает получившееся кольцо и занимается этим до полуночи с громадным терпением. Но чтобы по размеченному нарисовать лабиринт, иначе говоря, связный орнамент, в каждую точку которого, следуя причудливым линиям или тропинкам, возможно попасть, не пересекая белое поле, ему недостанет оставшегося ночного времени, ни даже двух ночей, но понадобится часть третьей ночи. Когда же постройка будет закончена, внутри малого круга Мастер напишет: Академия Леонардо да Винчи.

Обнаруженная впоследствии надпись даст повод предположить, что такая академия действительно собиралась около Мастера и тот направлял ее деятельность. Однако никакого другого свидетельства этому не оказалось; и здесь происходит обратное тому, что бывает с картинами и другими произведениями художника, когда все необходимое для правильного суждения об их авторстве есть налицо, но отсутствует единственно его подпись или она надежно скрывается наподобие взлетающей птицы, видной в волосах «Девы в скалах» одному лишь догадливому Зороастро. В настоящем же случае имеется собственноручно и тщательно выполненный знак или печать учреждения, которого, может, и не было, а все это воображение его руководителя, обладающее исключительной проникающей силой, отчего и оставляет следы как лесные животные на водопое или герцогская печатка, когда впивается в нагретый сургуч и затем, отлипая, оставляет в надежной сохранности какое-нибудь послание главы государства. Но с каким тайным письмом печать академии Леонардо да Винчи проникла в далекую Британию, если оставила след на одеждах известного преступника короля Генриха, казнившего смертью свою жену Анну Болейн и еще другую, Екатерину, отказавшегося от авторитета римского папы и упорно преследовавшего химеру завоевания Франции?

Впрочем, считается, что переплетением такого орнамента или лабиринта, хорошо видного на портрете короля работы Гольбейна Младшего, тот оборонялся от демонов, желавших при его преступлениях им завладеть, и что тут, мол, угадывается древний кельтский мотив. Выходит, что орнамент первоначально распространяется с севера и только затем, проникнув в итальянскую душу и набравшись изящества, возвращается обратно.

71

О чудо человеческой природы! Что за безумство так тебя увлекает, что ты взлетаешь на небо и, в страхе покидая его, спасаешься от огней, из него извергающихся. Ты увидишь себя падающим с великих высот без всякого вреда для себя; водопады будут тебя сопровождать.

Ранней весной 1499 года в Ломбардии вновь появился Перуджино, чтобы окончить иконостас для Чертозы; настоятель угрожал затворить его на ключ в помещении церкви, опасаясь, как бы он не улизнул ввиду других возможных заказов, более выгодных, но тот прибыл настолько взволнованный ужасными происшествиями на его родине, что даже исключительное корыстолюбие его не подстегивало и не торопило.

– Пример флорентийцев показывает, что люди не стали умнее со времени царя Кира, приказавшего высечь морской пролив, когда буря разметала его корабли при переправе, – сказал Перуджино своему приятелю, имея в виду колокол Сан Марко, лишенный языка и изгнанный из города как соучастник в преступлениях Савонаролы, созывавший его сторонников, и продолжал: – Зная прежнее количество плакс, сколько их было и как они свирепствовали в защиту монаха, легко представить, насколько распространилась в Тоскане доблесть предательства: иной человек с утра обливается слезами, желая поститься и каяться, тогда как к полудню решается требовать для проповедника позорнейшей казни или изгнания. Я думаю, – заключил Перуджино, – что игра в кости, которую преследовал доминиканец, скорее отвечает желанию перемены и новизны, нежели человеческой алчности и жажде наживы.

В подтверждение он рассказал, как тотчас после казни Савонаролы те самые люди, кто ожидал ее исключительно из любопытства, с воплями и плачем провожали обгорелые останки к берегу Арно, куда их везли, чтобы выбросить; граф Мирандола, племянник умершего незадолго до печальных событий философа, хвалился, что выловил в водах реки сердце фра Джироламо и бережно его сохраняет.

Леонардо заметил, что это возможно, поскольку сердце имеет большую плотность и огонь

повреждает его с трудом: в то время как кости превращаются в пепел и золу, оно внутри себя кровоточит.

– Такую стойкость к температуре, – сказал Леонардо, – природа предусмотрела, чтобы телесная ткань сопротивлялась сильному жару, образующемуся с левой стороны сердца посредством артериальной крови, которая становится более жидкой в его желудочках. Если же монах, задушенный прежде на виселице, объятый огнем, поднял руку, как бы указывая на небо, то имеется много примеров случающегося после смерти движения органов.

Джакопо Андреа, камердинер миланского герцога, однажды при осмотре первой модели Коня обратил внимание своего господина, что восковая фигура герцога Франческо Великого Сфорца напоминает свивающиеся кольцами части змеи, разрубленной охотником; позднее папа Александр называл эту династию змеиным отродьем. Хотя преступление Моро, велевшего задержать и передать римской курии посланного Савонаролы с предложением к французам о вселенском соборе ради смещения этого папы, прямо не связывается с нападением короля, возможно его толковать как причину возмездия, а какие орудия господь выбирает, это его компетенция. И вот уже кони с обрезанными хвостами бьют копытами в виду плодородной Ломбардии, и изменник Тривульцио с трудом их удерживает.

– Для некоторых чрезмерно трусливых самое время воспользоваться твоим изобретением, чтобы бежать: во Франции умер король Карл, а заступивший па его место Людовик, подстрекаемый проклятым Тривульцио, ожидает удобного случая напасть на Милан.

Так говорил Джакопо Андреа Феррарский, когда из-за существовавшей между ними симпатии Леонардо его допустил в верхний этаж башни св. Готтарда, где, как младенец в утробе, в удобстве и скрытности созревал аппарат. В сильном воодушевлении, без тени насмешливости Джакопо Андреа спросил:

– Когда птенец покроется перьями и вылетит из гнезда?

– Для этого понадобится помещение еще гораздо просторнее, поскольку крылья имеют размах сорок локтей; с другой стороны, искусственной птице всего удобнее гнездиться на вершине какой-нибудь уединенной горы в окрестностях города и на случай падения чтобы близко был водоем.

Поистине следует удивляться не столько осторожной боязливости образованного человека, сколько отваге и дерзости тупых и недобросовестных, начиная от Симона Волхва, разбившегося насмерть во времена императора Нерона при попытке взлететь на небо и присоединиться к богам. Не далее чем в свадьбу императора Максимилиана Австрийского вместе с людьми императора прибыл в Милан некий Фауст из Кракова, присвоивший себе еще имя Сибелликус, то есть подобный сивиллам, или Прорицатель; пройдоха тогда обещал, и всюду об этом распространялся, прикрепить орлиные крылья, чтобы, путешествуя в воздухе, исследовать, по его выражению, все основание неба и земли. Спустя же три года после событий, о которых предупреждал Джакопо Андреа Феррарский, советуя наиболее робким покинуть Ломбардию, Перуджино, поскольку ему ввиду бродячего образа жизни из-за желания хорошего заработка чаще доставалось присутствовать при всевозможных интересных событиях, сообщит Леонардо про одного своего земляка. Этот взобрался на высочайшую башню из всех, что имеются в Перудже, и, развернув крылья из материи, спрыгнул. Он спасся потому, что в соответствии с предположением Мастера опустился в водоем, хотя другие свидетельствуют, будто бы новый Беллерофонт[46] упал на мостовую, где были уложены перины и волосяные матрацы для мягкости.

Падение подобных приборов может происходить по двум причинам. Первая – поломка прибора, вторая – переворачивание его на ребро или в положение, близкое этому, ибо он всегда должен опускаться по очень отлогой линии, близкой к горизонтальной. Что касается переворачивания на бок, на какое-нибудь ребро, надо предотвратить его с самого начала и построить машину таким образом, чтобы при спуске защита оказалась предусмотренной.

---

46 Беллерофонт – сын коринфского царя Главка и Эвримеды, дочери Сизифа. По греческому преданию, захотел подняться на Пегасе к Олимпу, но крылатый конь сбросил его, так что он, сделавшись хромым и слепым, принужден был скитаться.

Это будет достигнуто путем помещения центра тяжести прибора над центром тяжести поднимаемого им груза всегда по вертикали и на довольно далеком расстоянии.

При том, что относительно некоторых частей аппарата и движений Мастер ссылался на природные устройства, теперь он меньше связывал себя прямым подражанием. На столе среди помещения Джакопо Андреа мог видеть изумительные изделия искусства механики, а именно: укрепленные между вертикальными брусьями подковообразные стальные пружины, которые сравнением с мышцами птицы или другого какого-нибудь живого существа могут быть только унижены. Если напряжение мышц возникает изнутри и произвольно и в точности соразмеряется с необходимостью, оно быстро затухает и рассеивается от усталости; тем более невозможно сохранять его впрок, тогда как взведенная пружина долгое время полностью удерживает вложенную в нее постороннюю силу и, являясь послушным орудием человека, действует в нужный момент с исключительной резкостью.

– Движение крыльев, которых четыре, будет по образцу конской рыси, – пояснял Леонардо любознательному камердинеру, – однако аппарат равно может быть назван конем, как и птицею, воздушным кораблем, летающим корытом или мельницей, устроенной по турецкому образцу, то есть с горизонтальным расположением крыльев. И я нашел, что при плавании в воздухе управляющему лучше сидеть, чем лежать, так как это позволяет использовать ягодичные мышцы и другие, расположенные ниже поясницы, а также наиболее мощные у человека мышцы спины.

– Сравнительно с моделью, части которой мы видим, какого размера окажется самый корабль? – спросил Джакопо Андреа, любивший громадное.

– Лестница или трап будут иметь 12 локтей, корпус – от носа до кормы – 25, а его высота – 5 локтей: втрое против того, что здесь помещается. Однако относительно своих размеров это сооружение легкое, поскольку его арматура сделана из тростника и обтянута полотном. Ведь что касается крыльев, я не отказываюсь от подражания: полотняные перепонки образуют свободную связь между прутьями или костями арматуры, как у летучей мыши; и когда крыло поднимается, оно вместе и складывается, как если бы пальцы сжимались в кулак.

72

Дрозды сильно радовались, что человек поймал сову и лишил ее свободы, связав ей лапы крепкими веревками. А потом эта же самая сова стала причиной, что дрозды потеряли не только свободу, но и самую жизнь. Сказано для тех стран, которые радуются, что их властители потеряли свободу: ведь из-за этого они сами. теряют поддержку и остаются во власти своих врагов, лишаясь свободы, а часто и жизни.

Внезапная решимость судьбы, по-видимому, бесповоротна. При наступлении французов осенью 1499 года Моро, полностью утративший самодовольство, поручает государственные дела своему брату кардиналу Асканио и проводит время в молитвах возле могилы жены в монастыре делла Грацие. С дерзостью, свойственной людям, когда они видят в несчастье того, кто превышает их положением, настоятель сказал герцогу:

– По всему видно, воля божья такова, что не быть вашей светлости сеньором в Милане; а поскольку живые – это не что другое, как мертвые, не приступившие к исполнению своих обязанностей, вы правильно сделаете, если станете прежде всего остального молиться о спасении души.

К тому времени в монастырь делла Грацие доставили верхнюю плиту гробницы, предусмотренной для совместного захоронения герцога и его жены. Тщательно отделанные скульптором фигуры поместились одна возле другой, как два яйца, снесенные одновременно: размером поболее – герцог, поменьше – его жена Беатриче.

Когда сопротивление пограничных крепостей было подавлено и неприятель продвинулся глубоко в Ломбардию, герцога посетили кардинал Асканио и ученый астролог мессер Амброджо. Этот выражался без малейшей неясности.

– Пусть меня повесят, если ваша светлость не лишится своего государства, – сказал мессер Амброджо.

Однако же люди, в других обстоятельствах растерянные и боязливые, при наибольшей

опасности нередко показывают присутствие духа. Покинув монастырь делла Грацие, Моро созвал Тайный совет.

– Я желал быть для своих подданных наилучшим государем из всех, – сказал герцог, – и, видит бог, достиг в этом многого. Но теперь обстоятельства мне препятствуют.

Тут сообщили, что в городе начались волнения и убит казначей мессер Гуальтиеро, которого вытащили из его дома.

– Остается сложить в сундук наши сокровища и подковать лошадей, – сказал Моро, в то время как кардинал Асканио изъявил готовность остаться и защищать город и крепость. Не без язвительности именуя его государем, герцог на это сказал:

– Прошу прощения, но я вам не доверяю, хотя вы и брат мне; здесь остается наш кастелян Бернардино, вы же, как прилично опекуну, отправитесь в Инсбрук, сопровождая детей.

Предусмотрительность герцога оказалась так велика, что гонца к императору он послал втайне от брата. Моро просил помощи пяти тысяч швейцарцев, тогда как сам в сопровождении конвоя поскакал в Комо, где рассчитывал их дождаться: это было самое быстрое путешествие за его жизнь, и кони летели как голуби. После его отъезда на пустыре перед Замком в месте, назначенном герцогом для Коня, неприятельские солдаты укрепили артиллерийский лафет и фурия франчезе, которая при страшной силе отдачи могла ранить прислугу, поэтому, не дожидаясь выстрела, все от нее разбегались, когда начала действовать, огненной пастью тотчас отгрызла кусок стены. Недолго раздумывая, кастелян Бернардино да Корте опустил мосты, и тем дело решилось: историки единодушны, считая, что от евангельского Иуды не было большего изменника и злодея. Спустя несколько дней король Людовик в торжественной процессии следовал в Миланский собор, и собравшиеся па улицах граждане разглядывали нового суверена, который рыцарскими манерами и веселой улыбкой в особенности нравился женщинам. Тот же, кто, подобно Джакопо Андреа Феррарскому, негодовал на всеобщее равнодушие к участи Моро, считался безумцем, и таких сторонились.

Во время краткого пребывания в Милане король посетил монастырь делла Грацие и, осматривая произведение Леонардо, настолько воодушевился, что пожелал выломать стену и вместе с картиной целиком перевезти в свой Париж. Только его легкомыслие и забывчивость уберегли «Тайную вечерю».

Но и в остальном для работников, зависящих полностью от выплачиваемого им жалованья – регулярно или с большими перерывами, это иное дело, – такие нашествия не лучше чумы. Отчасти их будущее определяется тем, насколько они станут упорствовать в привязанности к прежнему государю, отчасти как их представят в глазах новой администрации изменники и предатели, подобные Бернардино да Корте. Одно остается несомненным: наиболее правильно рекомендуют человека его произведения, равных которым нет в мире.

Еще не улеглись грабежи и не дотлели пожарища, а в Корте Веккио со всей помпой явился королевский наместник Карл д'Амбуаз маршал Шомон. Влиянием и могуществом немного уступавший старшему брату, известному руководителю короля Людовика кардиналу Руанскому, Карл больше прославился как военачальник, и изображения всевозможных усовершенствованных орудий убийства и нападения должны были его волновать, как сладострастного человека какие-нибудь красавицы. В самом деле, забавно было смотреть на этого быстрого в движениях, вооруженного с ног до головы, невеликого роста француза, как он обмирал от удовольствия, когда Леонардо расстилал перед ним рисунки и чертежи, подобранные в их очередности таким образом, чтобы постепенно и неотразимо действовать на зрителя. Когда же он окажется как бы в сетях, тут-то и предъявить ему окончательный аргумент или нанести последний удар, если угодно, этому суровому воину, чтобы в течение всего срока жизни не мог действовать полностью самостоятельно, но подчинялся навязанному ему насильно влиянию извне.

В настоящем случае в качестве такого последнего аргумента Мастер показал наместнику Карлу одновременно два поразительно сходных во всех отношениях, от размера до композиции и лиц, картона с девой Марией, Анною, младенцем Иисусом и в одном агнца, обозначающего страсти Христовы, в другом св. Иосифа. Благодаря ужасному сходству, а также тому, что в картонах не было отчетливости, соответствующей их практической цели, то есть переводу рисунка на доску или холст, нарочно поставленные один возле другого, они, не имея еще и

обрамления какого-нибудь, путались между собой и, отчасти неясные и смутные, но обладающие замечательной рельефностью формы, как бы перетекали из сосуда в сосуд.

По первому впечатлению сходство оказывалось так велико, что это, в свою очередь, напоминало известный опыт, который каждый человек когда-нибудь проделывал с собственным зрением – когда взгляд сильнейшим образом скашивается и глаза видят раздельно, а предметы внезапно раздваиваются, различаясь по внешности ровно настолько, насколько зрачок, иначе говоря точка зрения, отстоит от другой точки или зрачка. В обоих картонах лица фигур тоже так спарены и помещаются близко, словно бы испытывая взаимное притяжение или любовь. Это равно относится к деве Марии и св. Анне и к младенцам Иоанну и Иисусу; и хотя по прошествии времени внимательный взгляд обнаруживает также различие в лицах, впечатление сходства этим не нарушается; больше того, в напоминающей какие-то водоросли неотчетливой путанице обнаруживается как бы одно и то же лицо, только в различных состояниях возраста и выражения.

Существуют, по-видимому, два способа демонстрации разнообразия мира: когда сводят для сравнения вещи, в их числе лица, различные до противоположности, как в «Тайной вечере», и когда сближается сходное, почти неразличимое между собой, и все же при рассмотрении видно, что разница хотя и чрезвычайно мала, однако имеется и нет двух вещей, полностью сходных.

Маршальский конвой заскучал, а некоторые успели выспаться – хороший солдат готов к этому в любых обстоятельствах места и времени, – когда наместник Карл д'Амбуаз вышел со двора пораженный, что можно понимать двояко: во-первых, в смысле достигшего крайней степени удивления, а во-вторых, буквально как поражение в единоборстве или в какой бы то ни было схватке с противником. И второе и первое толкования происшедшего полностью ему отвечают – удивление не нуждается в дальнейшем размежевании и каждому понятно; что же касается поражения в схватке, тут имеется в виду, что ошибаются некоторые, полагая, будто бы военной силы всегда бывает достаточно для овладения местностью и ее населением. Напротив, жестокий могущественный завоеватель другой раз оказывается как бы в силках, расставленных хитроумием тех, кого военное счастье доставило ему в подчинение.

Спустя несколько дней мастерскую посетил Цезарь Борджа, называющийся племянником римского папы Александра, а на самом деле его сын и сообщник во всех преступлениях. Этот Борджа находился в Милане проездом из Франции, куда доставил папскую буллу, разрешавшую королю Людовику развод с хромоногой Анной Французской и брак с красавицей вдовой несчастного Карла VIII, другой Анной, принцессой Бретонской, За такую услугу король отдал Цезарю герцогство Валентинуа и назначил пенсию в 20 тысяч ливров, а также предоставил четыре сотни копейщиков с лошадьми и прислугой, в которых тот нуждался для исполнения своих планов. Силой оружия Борджа надеялся восстановить утраченное единство области Романья, принадлежавшей прежде к церковным владениям, а ныне распавшейся на многие непокорные княжества.

Прославленный в хрониках как негодяй, Цезарь отличался умом, и силой характера, и особенным даром нравиться людям, если желал их привлечь в свое окружение для каких-либо целей. По-видимому, Цезарю удалось заручиться согласием Мастера, что по возвращении на родину тот, если позволят обстоятельства и Синьория Флоренции, перейдет к нему на службу в качестве инженера.

73

Памятка. Пойти сделать запасы для моего сада. Иордан. О тяжестях. Консилиатор[47] *о приливе и отливе моря. Закажи два дорожных ящика. Посмотри токарный станок Больтраффио и вели перетащить камень. Оставь книгу мессеру Андреа Тедеско. Сделай весы из стрелы и взвесь раскаленный предмет, а потом взвесь его снова холодным. Зеркало маэстро*

[47] «Консилиатор», или «Примиритель разногласий между философами и в особенности между медиками» – заглавие сочинения медика-философа Пьетро д'Абано (1250–1316/1318).

Луиджи. Масло, нефть. Прилив и отлив воды, наблюдаемые на мельнице в Ваприо.

За два столетия до Леонардо да Винчи другой исследователь, немец по происхождению, называвший себя на латинский манер Иорданус Немораріус, будучи генералом бенедиктинцев, составил трактат «О тяжестях», получивший затем как авторитетнейший значительное распространение. Если припомнить еще Николая Кузанского, станет видно, что не только в Британии, но и в других странах, высокомерно называемых итальянцами варварскими, наука свивает гнезда, откуда вылетают чудесные птенцы, а в случае совпадения мнений нет необходимости каждый раз аргументировать родственной связью между исследователями, тем более – и на это указывает Фрэнсис Бэкон, – что науки и мнения живут и странствуют, как народы. В отличие от птиц перелетных, следующих всегда неизменным путем, тут трудно заранее знать, куда туманное облако двинется и что станет орошать, и где из полной безвестности произойдет величайший ученый. Также можно оспаривать, будто бы человечество только теперь оказалось разбуженным после долгого сна. Хотя самое черное невежество и суеверие действительно были распространены повсеместно, всегда находились самоотверженные и даровитые люди, которые не давали наукам угаснуть.

У Немораріуса в его сочинении есть теорема об условиях равновесия коленчатых весов, представляющая собой жемчужину геометрии в ее применении к механике. Ученый немец показывает, что такое равновесие обусловлено не длиною того или иного плеча, но расстояниями их оконечностей от вертикали, опущенной из точки подвеса к центру Земли. Как следствие этого в трактате приведена теорема, оказавшаяся для Леонардо не менее важной; здесь показано, что то ИЛИ другое плечо коленчатого рычага ИЛИ весов не принимает вертикального положения сколько бы его ни нагружали. Другими словами, указанное выше расстояние до вертикали или же угол между плечом рычага и той вертикалью станут без конца уменьшаться, но невозможно, чтобы они исчезли.

В первый день августа 1499 года я написал здесь о движении и тяжести. Если груз подвешен на одной стороне веревки, попросту поддерживаемой блоком, возможно, что такой груз будет побежден другим, меньшим грузом, подвешенным на противоположной стороне веревки. Однако движения их никогда не будут равны, и отношение одного движения к другому будет обратным отношению грузов. Например, допустим, что одна из сторон веревки, поддерживаемой одним блоком, будет ms, а другая сторона будет mf. Я говорю, если малый груз с опускается, изгибая веревку mf до тех пор, пока груз s не поднимется, последний совершит движение, равное ab.

И такое же отношение, которое существует между pa и ab, ты обнаружишь между грузом s и грузом c. Это очевидно из указанной выше пропорциональности движений. Обрати внимание, что окружность nbd всегда дает истинную длину веревки nm, а остаток, выходящий за эту окружность, есть часть веревки, недостающая на стороне ms, и таково всегда будет движение, совершаемое грузом s, если только веревка не растягивается, – такое растяжение выходит за пределы правила и есть вещь случайная.

Так вот, если чертеж Немораріуса повернуть таким образом, чтобы вертикаль, опущенная из точки опоры, стала горизонтально, то плечо рычага и его тщетное стремление слиться с этой горизонталью окажутся сходными или аналогичными стремлению проволоки выпрямиться силою противовеса – хотя и с той существенной разницей, что в первом случае мы имеем жесткий рычаг, а во втором – гибкую проволоку, нить или что-нибудь другое, нежесткое. И тут выступает преимущество аналогии, на которое ссылается Фрэнсис Бэкон, когда говорит, что их следует принимать не за аксиомы для изобретения, но за указатели и что сама их приблизительность, неровное, скачущее, частичное сходство провоцируют разум искать дальше – тогда как доказательство путем силлогизма, имея как бы окончательный смысл, приводит к застою и косности.

Не станем касаться предлагаемых соотношений, которые небезупречны, так что истина добыта неполная и приблизительная. Отметим другое, на наш взгляд, более существенное, а именно то, что Леонардо храбро выносит за пределы правила, как вещь случайную и необязательную, также и радиус блока, то есть круто меняет основание, на котором строит свои доказательства. Соответственно, прочно усвоив различие между жестким рычагом и гибкою нитью, он иначе действует – имея в виду чертежное действие в платоновском смысле. Таким

образом, он сможет впредь свободно орудовать направлением сил, не связывая себя вертикалью, как Немораріус. Если же для таких изменений понадобилось шесть лет, истекших от императорской свадьбы, когда регента Моро посетила безумная и вздорная идея передвинуть Коня прежде определенного самим изобретателем срока, – это немного, поскольку бывает настолько же трудно принять очевидное, как и от него отказаться; кроме того, нить, растянутая между опорами – это не более чем только одна нить из широкой ткани познания, которую ткал Леонардо, хотя бы и очень важная нить. Ведь тогда ему уже брезжилось понятие из механики, легко усваиваемое теперь каждым школьником, когда, чтобы определить условия равновесия какой-то системы, он пользуется понятием момента сил.

74

Кажется, что природа во многом и для многих животных является скорее суровой мачехой, чем матерью, а для иных не мачехой, а сердобольной матерью: посмотри, как душа, мать природы, заботится о рыбе, испытывающей постоянное трение о воду, чтобы она выделяла из пор, находящихся между смычками ее чешуи, клейкую слизь, которая с трудом отстает от рыбы и выполняет для нее то же назначение, как смола для кораблей.

Когда в феврале 1500 года герцог Моро, дождавшийся помощи от императора, спустился с гор с пятью тысячами швейцарцев и подступил к Милану, Джакопо Андреа Феррарский находился среди людей, которые, приготовившись заранее, открыли ему ворота. После этого герцог без большого труда овладел городом: из-за испытываемых от французской администрации и войска невыносимых; притеснений жители не имели причин препятствовать прежнему своему господину. Однако герцог недолго пользовался удачно доставшимися ему плодами его предприятия еще и при том, что события приняли смехотворный и оскорбительный для него вид. Скоро, вернувшись с намерением восстановить суверенитет над Миланом, армия французского короля также имела в своем составе швейцарцев, но эти благодаря оплошности при заключении договора выступали под гельветическим знаменем, как и швейцарцы герцога Моро. Последние же, когда это увидели, не пожелали сражаться и потребовали жалование, чтобы затем разойтись по своим кантонам. Не найдя достаточно денег их удовлетворить, Моро в надежде тайно спастись переоделся монахом, но швейцарцы выдали его неприятелю. Герцога поместили в железную клетку, в каких держат преступников, и увезли в замок Лош на Луаре, где он впоследствии скончался вдали от родины.

Напившиеся вина при грабеже обывателей гасконские арбалетчики проникли в Корте Веккио и расстреляли Коня, желая воспрепятствовать будущим Сфорца когда-нибудь его оседлать. Поднявшись затем в звонницу св. Готтарда, эти разбойники разломали модель летательного аппарата и выкинули ее остатки вместе с некоторыми бумагами, и много еще набезобразничали. Судьба, безмерно довольная результатами Мастера в теории, словно бы решилась уничтожить возможность скорого его возвращения к какой-либо практике.

Поместившийся со своими помощниками в бывшем дворце Аццоне Висконти, маршал Тривульцио, набитое соломой чучело которого Моро велел однажды сжечь на рыночной площади, много не огорчался гибелью памятника, сделанного ненавистными Сфорца для своего прославления. Единственно, когда маршал увидел, что шея и голова глиняной лошади повисли на укрепляющей каркас проволоке, он велел окончательно отделить эти части, чтобы внезапно не рухнули и не причинили вреда.

Правильно же, однако, полагают, что беда не приходит одна: в отчаянии после неудачной попытки Моро спастись верный ему камердинер Джакопо Андреа растворил устроенные им самим вместе с Мастером шлюзы, чтобы затопить ближайшую местность, как было предусмотрено изобретателями. Разлившаяся вода достигла монастыря делла Грацие и проникла в трапезную, после чего северная стена долго оставалась сырой, и это способствовало разрушению живописи. Так что Вазари, шестьдесят лет спустя после указанного происшествия посетивший Милан, застал – как сам он свидетельствует – на месте знаменитой картины только грязное пятно. Впрочем, за это Джакопо Андреа не понес наказания, тогда как за свою преданность герцогу жестоко поплатился. Весь март, который древние называли месяцем Марса и Ржавчины, то есть войны и гибели, останки Джакопо Андреа и еще одного

цирюльника, четвертованных на рыночной площади, раскачивались ветром, подвешенные на крюках высоко под сводами девяти миланских ворот, чтобы другие не смели их отворять без разрешения. Если же такого выдающегося и благородного человека, как Джакопо Андреа, казнят смертью, мало утешения в том, что злодей кастелян Бернардино делла Корте, нарочно отдавший Замок неприятелю и подло рассчитывавший на благодарность французов, оказывается в тюрьме, а его имущество конфисковано. Остается добавить, что дарственная герцога Моро на участок земли близ Верчельских ворот заключением королевских юристов признана незаконной и имение Мастера также конфисковано, хотя он ничем таким не провинился и всегда поступал по совести. Вот и теперь, не показывая излишней торопливости или страха, а также чрезмерно не огорчаясь, что из-за перемены правительства приходится покидать эту страну, Леонардо в сопровождении Больтраффио и Салаино незадолго до кратковременного и бесплодного возвращения Моро в Милан прибыл в Мантую.

Перелетные птицы, покидающие гнезда, разрушенные войной, собираются вокруг маркизы Изабеллы, чтобы, пользуясь ее гостеприимством к художникам, удобнее выбрать, какому государю или республике выгоднее и приятней служить, если, как Леонардо, их не требует родина, в других обстоятельствах мало заботившаяся о своем гражданине. За двенадцать лет, истекших с тех пор, когда Мастер устраивал Мантуанским Гонзага театр для постановки пьесы Полициано «Орфей», маркиза достигла тридцатилетнего возраста, и ее склонность и любовь к искусству еще укрепились. Леонардо без двух лет пятьдесят, и его слава раскатывается по Италии и другим странам, подобная звукам колокола, от которых невозможно укрыться: поэт Ариосто[48] в тридцать третьей десне «Неистового Роланда» упоминает о нем в числе наиболее знаменитых живописцев своего времени, вместе с мантуанцем Мантеньей и Джованни Беллини, венецианцем. Так что неудивительно, если маркиза настойчиво уговаривает его поступить к ней на службу или, временно оставаясь в Мантуе, написать картину какого бы ни было размера и важности. Мастер же объясняет свою неуступчивость желанием Синьории быть ему во Флоренции, а относительно картины ссылается на известные ему одному обязательства перед королем и его приближенными – наместником Карлом де Шомон и секретарем господином Флоримоном Роберте. Однако маркизе при особенной вязкости в этих делах удается вынудить обещание Мастера написать ее портрет; тогда он сделал прославленный теперь по всему миру рисунок, который взял с собою, направляясь в Венецию с целью исследовать и, если возможно, измерить объем и движение легкого, каким наподобие кита или дельфина дышит земля. В Венеции, рассудил Леонардо, благодаря сильным приливам это удобнее, чем в другом месте.

75

Когда ты срисовываешь или начинаешь вести какую-нибудь линию, смотри на все срисовываемое тобой тело и отмечай, что именно встречается с направлением начатой линии.

Латинское curriculum vitae переводится как жизнеописание или биография, а точнее – жизненный круг, тогда как отдельно curriculum означает быстрое движение, бег и также круг в конном ристалище, иначе говоря, в соревновании на ипподроме, когда само собою напрашивается сравнение с быстротекущею жизнью. Но чтобы не сетовать без пользы на ее быстротечность – а это, правду говоря, довольно пошлое и легкодоступное занятие, – лучше подумать о том, что за кругом в ристалище может следовать еще другой круг, после – третий и как угодно много затем в зависимости от взятой дистанции. Так же и колесница жизни необязательно после первого круга сворачивает на кладбище; напротив, по его завершении человек достигает наибольшей зрелости и силы, когда он не только надеется на будущее и строит предположения, но способен пережить, то есть другой раз прожить в воображении, свое прошлое. Больше того, благодаря способности одновременного цельного видения человек

---

[48] Ариосто Лодовико (1474–1533) – знаменитый итальянский поэт, автор «Неистового Роланда», написанного в Ферраре в 1505–1515 гг.

получает как бы несколько жизней, а досадная краткость существования восполняется его широтой. Когда Леонардо кружным, окольным путем возвращался на родину, curriculum vitae – жизненный круг – подставлял взгляду примеры распространившейся прежде и впереди него силы влияния; при этом Венеция сравнительно с ближайшими Милану областями, как Феррара или Мантуя, оказалась наиболее восприимчивой.

Поневоле робеешь, рассматривая принадлежащее бесценному нашему Вазари жизнеописание венецианского живописца Джорджо Барбарелли, прозванного Джорджоне, что значит Джорджонище, и видя прозорливость судьбы, даровавшей ему способность к живописи и одновременно другие способности, склонности и пристрастия, в целом составившие картину, настолько сходную с обликом Леонардо да Винчи, что было бы неправдоподобно, если бы этот Джорджоне и в творчестве не обратился к манере великого флорентийца. «Джорджоне, – рассказывает Вазари, – услаждался игрой на лютне столь усердно и со столь удивительным искусством, что его игра и пение почитались божественными, и благородные особы нередко пользовались его услугами на музыкальных собраниях». Если же не нашлось другого Вероккио, который изобразил бы его в виде библейского Давида, развлекавшего, как известно, игрою на арфе царя Саула, он сделал это сам в превосходнейшем автопортрете, по живописи и колориту кажущемся, словами Вазари, совершенно живым. Джорджоне имел исключительную склонность к загадкам и ребусам и для немецкого подворья в Венеции исполнил фрескою роспись, о которой Вазари, человек хорошо образованный, говорит, что он никогда не мог понять этого произведения и, сколько бы ни расспрашивал, не встречал никого, кто бы его понял. Замечательно, что среди многих необыкновенных вещей и диковинных сочетаний, имеющихся в этой росписи, есть мертвая голова лошади, поместившаяся возле музыкального органа. Спрашивается – как тут не вспомнить Леонардову лиру ди браччо и ее украшение в виде лошадиного черепа?

«Джорджоне, – сообщает далее биограф, – довелось увидеть несколько произведений руки Леонардо в манере сфумато, и эта манера настолько ему понравилась, что он в течение своей жизни постоянно ей следовал, в особенности подражая ей в колорите масляной живописи и находя вкус в высоком качестве работы». А ведь это последнее означает не что другое, как совершенно новый подход к работе в искусстве, когда, подобная губке, живопись напитывается тончайшими философскими рассуждениями и как самая чувствительная струна откликается изгибам и движениям души живописца. Не потому ля Джорджоне оставил после себя не больше достоверных работ даже сравнительно с великим тосканцем, прославившимся, можно сказать, их малым количеством?

Что касается колорита, в произведениях Джорджоне распустились и расцвели качества, прежде появившиеся у Леонардо как бы в виде бутона садового цветка, представляющегося зеленоватым, хотя сквозь его набухающую кожуру просвечивают более яркие лепестки. Кажется, изучивший с большим прилежанием параграфы «Трактата о живописи» – что невозможно, поскольку в виде отдельных листов и разрозненных записей они тогда хранились в сундуках у их автора, – Джорджоне не так перенял внешность и приемы рассеяния, или сфумато, как самую суть новизны: тончайшие изменения цвета, подобные возникающим на поверхности раскаленного куска железа при его остывании побежалостям. Таким образом, в какой-нибудь драпировке, помимо первоначального цвета и ее места в пространстве относительно глаза, принимает участие и отражается путем рефлексов бесконечное разнообразие мира.

Венецианский живописец Джорджоне также показал изумительные возможности настоящего, не метафорического зеркала в картине, представленной Вазари следующим образом: «Он написал обнаженную фигуру мужчины со спины, а перед ним на земле источник прозрачнейшей воды, в которой он изобразил его отражение спереди; с одной стороны находился вороненый панцирь, который тот снял с себя и в котором виден был его правый профиль, поскольку на блестящем вооружении ясно все отражалось; с другой стороны было зеркало, в котором видна была другая сторона обнаженной фигуры». Во всем этом Вазари справедливо усматривает необыкновенное остроумие и фантазию автора. Но сюда надо еще прибавить, как очень важное, радость и полноту или, если угодно, радость от полноты, от возможности многостороннего дальнего видения и разрешения касаться всего, чего пожелаешь,

и проникать куда вздумаешь.

С наступлением нового века, чему истекло уже больше трех месяцев, Венеция не преодолела уныния и страха, охвативших ее при известии о кораблях Васко да Гамы, в сентябре 1499 года возвратившихся в Лиссабон из плавания в Индию вокруг мыса Доброй Надежды. Дальняя, однако, наиболее удобная дорога для торговли с Востоком оказалась у португальцев, тогда как до тех пор республика св. Марка не имела в этом соперников. Граждане чувствовали себя оскорбленными и униженными, как если бы, однажды проснувшись, застали Адриатику высохшей и отвратительные морские чудовища ползали бы, издыхая, по ее дну. Высоко вознесшийся на постаменте возле церкви Петра и Павла бронзовый всадник Вероккио, казалось, вновь изменил выражение лица, страшно подвижного: ИЗ торжествующего оно стало саркастическим и злобно насмешливым. Тем более султан Баязет еще и захватил важнейшую для венецианцев пристань в Греческом архипелаге – Лепанто и, удерживая пленных, надеялся на выкуп. Вот тут бог послал венецианцам Леонардо с его изобретательностью.

Прежде он никому не сообщал о своем способе оставаться под водой столько времени, сколько можно пробыть без пищи, объясняя такую осторожность злой природой людей, которые станут использовать этот способ для убийств на дне моря, проламывая днища кораблей и топя их вместе с матросами. Но, возмущенный жестокостью турок, Мастер, как и они, позволил себе поступиться правилами милосердия. Если согласно его предложению два медных бурава наподобие тех, которыми просверливают винные бочки, только больше размером и соединенные цепью, скрытно путешествующими по морскому дну охотниками будут ввинчены в днища кораблей, рядом стоящих у причала, то, торопясь выйти из гавани из-за нарочно поднятой тревоги, эти вражеские корабли погубят себя сами.

Хотя родственники и друзья захваченных турками пленников согласились какие бы ни было расходы принять на себя, из сотрудничества с Леонардо венецианцы не извлекли ожидаемой выгоды. Причиною этому была их медлительность, поскольку даже и худое решение, если принять его быстро, приносит более пользы сравнительно с наилучшим, которое – тогда как время и неприятель не ждут – служит по преимуществу поводом для партийной распри и средством тщеславных людей показывать глубокомыслие. Поэтому, удивляясь, что Мастер не колебался предложить услуги султану, незадолго до этого желая ему навредить, трудно не согласиться, что единодержавный монарх если действует, то с большей решимостью, а вознаграждая полезного ему работника, не бывает чрезмерно расчетлив.

Я, Твой раб, размышляя о способах устройства мельниц, нашел средство соорудить такую, которая действовала бы без воды, а одним ветром. И моя мельница не только дешевле, так как не понадобится плотина, но и из-за того, что может быть поставлена всюду, где только дует ветер, намного удобнее.

Также Леонардо предлагает султану устройство для осушения трюмов, где скапливается вода, не нуждающееся в двигателе помимо движения самого корабля. Затем Мастер выражает согласие исполнить какое бы ни было давнее намерение повелителя турок, если прежде этого никто не сумел сделать, – должно быть, он имеет в виду широко распространившийся слух о попытках султана навести громаднейший мост через залив Золотой Рог, а именно из Перы в Константинополь. Если бы султан тогда откликнулся Мастеру, сооружение прославило бы такого правителя по всему свету на долгое время, как других власть имущих Колосс Родосский или маяк в Фаросе: при ширине моста в 40 локтей и длине в 600 проект Леонардо предусматривал высоту в 70 локтей, чтобы пропускать корабли с наиболее высокими мачтами. За проведенное в Венеции время около месяца Леонардо размышлял и производил измерения, ради которых сюда прибыл, надеясь определить объем легкого, каким дышит земля, от чего, если верна аналогия с легкими человека, бывают приливы. Результат получился обескураживающий: выходило, что этот объем равен 367 1/2 кубического локтя: для громадных масс воды, приводимых в движение, смехотворная величина. Остается добавить, что в ходе исследования Мастер или спешил, или был заранее взволнован несообразностью, о которой догадывался, и поэтому при исчислении допустил забавную ошибку, когда, умножая 12 часов – таков интервал между приливами – на 270, то есть на количество вздохов у человека за час, получил 2940.

ФЛОРЕНЦИЯ. РОМАНЬЯ. Милан. Рим. 1500-1515

76

Сделай крышку для нужника наподобие дверцы, которой священники пользуются при исповеди, и привесь груз. Тогда дашь ей возможность легко открываться и плотно закрываться и тем воспрепятствуешь распространению дурного запаха.

Пьеро да Винчи продал дом на улице Гибеллинов и приобрел другой во Фьезоле, больших размеров, поскольку семья увеличилась: хотя после усилия, истраченного на его настолько необыкновенного первенца, понадобился перерыв в двадцать четыре года, впоследствии Пьеро удались девять сыновей и три дочери. Что касается его здоровья и крепости, их сохранению способствовал приветливый и незлобивый характер синьоры Лукреции, тогда как покойная Маргарита ди сер Гульельмо при ее жизни непрестанно донимала нотариуса своими придирками. Также и дети от предыдущего брака имеют неблагообразную внешность, угрюмы и неловки в движениях, дети же синьоры Лукреции миловидны и отличаются живостью и добротой. В целом же Пьеро удовлетворен результатами своего упорства.

– Возможно ли произвести настолько громадное племя, подчинившись требованиям Савонаролы о воздержании в браке? – восклицает нотариус, в то время как некоторые из семейства присутствуют за обеденным столом вместе с женами и малолетними детьми.

Кухарка ставит на стол блюдо с дымящимися колбасами, и помещение заполняется запахом насыпанных сверху горячего листьев петрушки. Тут Леонардо провозглашает:

– Многие сделают собственные кишки своим жилищем и будут в нем обитать.

Пьеро ужасается. Новый пророк разъясняет, что он имеет в виду очищенные истончившиеся свиные кишки, тою же свининой наполненные. Пьеро смеется вместе с другими, испытывая как удовольствие, так и смущение ужаснейшие.

Что касается другого пророка, с которым здесь будто бы соревнуются, голос фра Джироламо продолжает звучать и монах продолжает обвинять и совестить граждан Флоренции, действуя с того света. Безразлично, ненавидят его, поклоняются его памяти или, как сер Пьеро, не имея устойчивого мнения, придерживаются большинства, одинаково все отвечают звучащему голосу и вступают с ним в пререкания или поддакивают согласно. Среди прохожих на улицах упорствующих сторонников Савонаролы можно признать не только по куколям – остроконечным, наподобие монашеских, башлыкам с длинными концами, оборачивающимися вокруг шеи, иной раз как звезда белым днем, отражающаяся в глубоком колодце, холодит и пронизывает душу чей-нибудь укоризненный взгляд. Но таков воздух Флоренции, что сожалеющие о казни монаха и согласные с его проповедью скоро возвращаются к привычному образу жизни и развлечениям. Хотя причиною здесь не исключительно воздух, но природа человека, который в отличие от Хамелеона или Протея, меняющих вид целиком, способен изменяться частями так, что одна часть скорбит, а другая приплясывает, а третья остается в недоумении.

Сандро Боттичелли, когда Леонардо его навестил, так выразился о положении в городе:

– Совершив громадное зло, магистраты и другие виновные настаивают, что вынуждены были необходимостью. Но плод, однажды упавший, раскрывается, внутренность его рассеивается, и семена прорастают даже и па каменистой необработанной почве: хотя у многих правда в сердце, но молчат уста, – заключил он стихом из «Божественной комедии». Между последователями Савонаролы меньше оставалось простых невежественных женщин или детей, выставляемых иной раз примером истинного благочестия; напротив, люди, выдающиеся в своем деле и ученые, больше других сожалели о его гибели.

Живописец Бартоломео делла Порта от огорчения постригся и поступил в монастырь Сан Марко, где доминиканец был настоятелем, и прекратил занятие искусством, как его другие монахи ни уговаривали. Когда в свое время Савонарола устраивал громаднейшее из всех сожжение суеты, или предметов, не отвечающих правилам благочестия, и люди бросали в костер игральные карты, маски, помаду и прочее, этот Бартоломео побросал и сжег и многие

свои произведения и рисунки, если там было изображено голое тело. Что обнажается, помимо лица и ладоней рук, доминиканец преследовал как непристойное; Бартоломео же, обучаясь на античных фигурах, которые нередко полностью голые, в этом так преуспел, что умением приблизился к Леонардо, чьи сохранявшиеся во Флоренции рисунки прилежно копировал. И тут огромная потеря для всех и мучительное переживание для самого живописца: кто обучался какому-либо искусству, имея перед собой образец, чтобы ему подражать в каждой незначительной мелочи, легко себе представит, как чувствительная душа переполняется жестом любимого мастера – божественной круглостью, и как ей бывает больно, когда уничтожаются наиболее совершенные произведения рук ее обладателя.

Поведение и поступки Бартоломео делла Порта, а с другой стороны, его живопись свидетельствуют, что противоречие свило гнездо из разнообразных склонностей этого человека, любимого за его добродетели: был он – поясняет Вазари – от природы спокойным, добрым и богобоязненным, избегал предосудительных дел и охотнее всего слушал проповеди. В то же время биограф указывает, что его фигуры непосредственны в своем порыве, выразительны и написаны в смелой манере, и он желает показать, что умеет придать им силу. Однажды, когда Бартоломео написал израненного св. Себастьяна с нежным выражением лица и соответствующей красотой и законченностью и картина была выставлена в церкви, монахам стали попадаться на исповеди женщины, согрешившие от одного взгляда на красоту и сладострастное правдоподобие живого тела. Поэтому, убрав из церкви, картину поместили в капитуле, хотя такого воздействия скорее можно было ожидать от произведений Сандро Боттичелли, преданного любовным страстям, решительного и дерзкого человека. Мы видим, однако, что его искусство, напротив, продолжает укрепляться в качествах совершенно понятных, когда всеобщим кумиром была Симонетта Веспуччи с ее бледностью и фигурой, которая, если наблюдать сбоку, казалась похожей на вопросительный знак, поскольку живот выдавался вперед, а плечи сутулились. Но от ее смерти прошло около двадцати пяти лет, и теперь подобную фигуру редко можно встретить на улицах, так как, едва ли не по примеру подобных св. Себастьяну произведений фра Бартоломео, в моду вошла полнота и другие проявления телесной крепости. Если же скажут, что Бартоломео о том не заботился и не на это рассчитывал, но желал возбудить наибольшее благочестие, так ведь и Савонарола не того ожидал, выступая с кафедры как обвинитель, что подобным сильному ветру глухим голосом одновременно сдует кисейные завитые изящными кольцами повязочки и колеблющиеся как бы в изнеможении цветки на лугах, и что этим же ветром наполнятся и округлятся мелкие тощие формы, а расположение складок станет более величественным, как если живописцы, убирая манекены, взамен кисеи стали пользоваться тяжелыми плотными тканями. Впрочем, о проповеднике надо судить не только имея в виду, что он проповедует; так, на его родине, в Ферраре, рассказывают, будто Савонарола принял пострижение из-за любовной неудачи: каким именно образом это связано с его убеждениями, немаловажный вопрос.

77

Тому прошло двести лет, как флорентийские граждане собирались у дома живописца Чимабуэ, чтобы отсюда большою толпой, с трубами и другими музыкальными инструментами, сопровождая шествие ликующими выкриками и славословиями, пронести в церковь Санта Мария Новелла одну его мадонну, которую посчитали чудом правдоподобия. И вот теперь люди обоего пола, старики и малолетние, цветущего возраста, богатые, бедные, трудолюбивые и шатающиеся бездельники – все они терпеливо, маленькими шажками продвигаются один за другим в длинной очереди, желая проникнуть в помещение Сантиссимы Аннунциаты, церкви Святейшего Благовещения, и оценить искусство их соотечественника, после долгого отсутствия вернувшегося на родину. Сам он, надо думать, оценивает свои достижения высоко, если решается представить на обозрение небольшого размера картон со св. Анною, Девой, младенцем Иисусом и Иоанном. О самомнении Мастера говорят и обстоятельства порученного ему заказа: «Возвратившись во Флоренцию, – пишет Вазари, – он узнал, что братья-сервиты заказали Филиппино Липпи работу над образом для главного алтаря Аннунциаты, на что Леонардо заявил, что охотно выполнит эту работу. Тогда Филиппино, услыхав об этом и

будучи человеком благородным, от этого дела отстранился; братья же для того, чтобы Леонардо это действительно написал, взяли его к себе в обитель, обеспечив содержанием еще и всех его домашних, – Вазари имеет в виду учеников и прислугу, – и вот он тянул долгое время, так ни к чему и не приступая».

Если же внезапно появился картон, то еще неизвестно, исполнен он тогда во Флоренции или приготовлен заранее в Милане в числе двух упомянутых, смутивших своей новизной французского наместника. Что касается выставки, то ее Мастер предпринял для успокоения монахов, но больше для распространения своей славы, – подобную практику Леонардо наблюдал в Венеции, где некоторые одаренные живописцы таким способом добивались широкой известности. «В течение двух дней напролет, – рассказывает Вазари, – сюда, то есть в церковь Сантиссима Аннунциата, приходили, как ходят на торжественные праздники, посмотреть на чудеса, сотворенные Леонардо да Винчи и ошеломлявшие весь этот народа. Такому паломничеству еще способствовала старинная слава церкви Сантиссима Аннунциата, так как здесь находится чудотворная икона, по преданию, в некоторых местах исправленная рукою слетевшего ангела, когда живописец, долгое время трудившийся безуспешно, утомленный, заснул.

Близкое соседство этой старинной иконы с произведением Леонардо показывало, насколько скудны познания ангелов в искусстве рисунка. Однако чудотворная сильно затемнена свечной копотью, так что молящимся недоступно хорошо ее рассмотреть. Кроме того, перед иконой на проволоке подвешены восковые фигурки, в каких можно узнать наиболее состоятельных и знаменитых граждан Флоренции: их заказывают, испытывая судьбу, – упавшая из-за чего бы то ни было фигурка свидетельствует, что и заказчику не избежать скорой гибели. Выполненные с изумительным сходством, эти плоды искусства и суеверия также мешают просителю сосредоточиться на самой чудотворной. Наконец, распространяемые множеством горящих свечей лучи света, отражаясь в драгоценной церковной утвари и перекрещиваясь на полпути перед иконою, создают как бы золотую сеть, в которой внимание запутывается и медлит. И все вместе дает неожиданное сходство впечатления от обеих вещей – только то, что применительно к чудотворной иконе происходит от посторонних причин, как особенности освещения или свечная копоть, в картоне Леонардо принадлежит самому произведению.

В самом деле, обладая видимостью глубины, картон еще и забирает пространство впереди себя, действуя путем особенного истечения или духовной перспективы, как ее понимал Роджер Бэкон и разъяснил такой же британец, Джон Пекам,[49] в трактате «Perspectiva communis», или «Всеобщая перспектива», изданная на средства мессера Фацио Кардано в Милане в 1480 году. Таким образом, проходящие зрители оказываются как бы в сумрачной роще между химер; и не столько благочестие, сколько волнение и тревога проникают в их души вместе с неясными лесными голосами. Это довольно странно, если, используя большую часть времени на отыскание научной истины и обрушиваясь на предсказателей и хиромантов, Мастер создает произведение двусмысленное и неопределенное.

Величайший недостаток живописцев повторять те же самые лица в одной и той же исторической композиции. У таких живописцев всегда одни и те же красивые лица, которые в природе никогда не повторяются: если бы все красоты одинакового совершенства вернулись к жизни, они составили бы население более многочисленное, чем живущие в наш век.

Так писал Леонардо и соответственно действовал, если прославившая миланскую трапезную Мария делла Грацие на весь мир «Тайная вечеря», кажется, придумана нарочно, чтобы свидетельствовать указанное разнообразие лиц. Тогда как выставленный па всеобщее обозрение в Аннунциате картон свидетельствует на первый взгляд обратное: внешностью Мария и Анна настолько сходны, что их красивые нежные лица как бы раздваиваются и мерцают, превращаются одно в другое, соединяются вместе и вновь раздваиваются, как отражение в слабо колеблющейся воде. Еще хорошо, что тут один только картон, но не два,

---

[49] Сочинение англичанина Джона Пекама, архиепископа Кентерберийского, «Всеобщая перспектива» издано в Милане около 1480 г.

поместившихся рядом без разделяющего их обрамления, как это досталось увидеть в Милане королевскому наместнику Карлу. Однако подобное тревожащее, вселяющее робость наваждение лиц, сходных едва ли не до одинаковости и выглядывающих как бы из путаницы водорослей или из-за древесных стволов в опускающемся тумане, в действительности не противоречит требованию разнообразия, поскольку бесконечно малые различия так же свойственны природе и уживаются, как незаметное глазу неслышное дыхание травы рядом с ужасным волнением океана или скачкою коня, роняющего пену.

Что касается равновесия фигур, которого, по мнению наиболее авторитетных историков, живописцы тогда строго придерживались, то равновесие, как на этом картоне, от него страшно становится. В самом деле, Мария с младенцем на руках присаживается на колено родительницы, и они трое, вместе с младенцем Иоанном, удерживаются на краю обрывистой пропасти, подобно какому-нибудь шаровидному кустарнику, прикрепившемуся к опасной крутизне и раскачиваемому дуновением ветерка. Притом дуновение или эманация то и дело выносит воображение зрителя за пределы самой картины, помещая его примерно на половине расстояния между ним и картиною. Если же в случае с чудотворной иконой пространство заполняется привычными религиозными символами и представлениями, здесь должна бы возникнуть как бы частая сеть силовых линий, идеальных геометрических фигур и прочего в этом роде. Остается сочувствовать братьям-сервитам, которым при их угодливости к Мастеру и затратам на его содержание вместе с домашними не только не досталось долженствующее появиться изумительное произведение живописи, но и самый картон. В марте 1501 года доверенный Мантуанской маркизы Изабеллы, викарий кармелитов Пьеро де Нуволарио, сообщает своей госпоже, не оставлявшей попыток привлечь Леонардо на службу, что тот, находясь у монахов в Аннунциате, настолько увлекается математическими опытами и исследованиями, что не выносит вида кистей и другого инструмента, необходимого для занятия искусством, и что, мол, знаменитый и чудесный картон напрасно дожидается своего окончания. «Оказывается, математические занятия совершенно отвратили его от живописи – до такой степени, что он едва решается взять в руки кисть. Однако я сделал все, что мог, употребив мои старания, чтобы склонить его исполнить желание Вашей Светлости, и, когда мне показалось, что он уже готов поступить на службу к Вашей Светлости, я откровенно изложил ему условия, и мы пришли к следующему соглашению: если он сможет отклонить приглашение французского короля, не лишаясь благорасположения этого монарха, чего он надеется достигнуть самое большее в течение одного месяца, он принял бы службу у Вашей Светлости предпочтительно перед всякой другой. Как бы то ни было, он сделает портрет и доставит его Вашей Светлости, потому что маленькая картина, заказанная ему для некоего Роберта, фаворита французского короля, в настоящее время уже окончена. Эта маленькая картина изображает Мадонну, сидящую и работающую за веретеном, между тем как дитя Христос, поставив ножку на корзину с шерстью, держит ео за руку и с удивлением смотрит на четыре луча, которые падают в форме креста. Он с улыбкой берется за веретено, стараясь отнять его у матери. Вот относительно чего мне удалось с ним договориться». Между тем викарий далек от уверенности: «Насколько я могу судить, жизнь Леонардо непредсказуема и прихотлива; кажется, он живет как придется».

78

Увлекаемый жадным своим влечением, желая увидеть великое множество разнообразных и странных форм, произведенных искусной природой, блуждая среди темных скал, я подошел ко входу в большую пещеру. На мгновение остановясь перед ней пораженный, не зная, что там, изогнув дугою свой стан и оперев усталую руку о колено, правой я затенил опущенные и прикрытые веки. И, когда много раз наклонившись туда и сюда, чтобы что-нибудь разглядеть там, в глубине, – но мешала мне великая темнота, которая там внутри была, – пробыл я так некоторое время, внезапно пробудились во мне два чувства: страх и желание. Страх перед грозной и темной пещерой, желание увидеть, не было ли какой чудесной вещи там, в глубине.

Некоторые пользуются доверчивостью и любопытством других в целях собственной

выгоды. Когда двадцатилетний Микеланджело Буонарроти сделал мраморного спящего купидона, наиболее догадливые советовали закопать его в землю и, когда он там побудет и приобретет вид старинного, отослать в Рим и выручить больше денег, чем если продавать как новую вещь. Микеланджело так и поступил, и Купидон достался одному кардиналу, любителю древностей, уступившему его затем Цезарю Борджа; тот же послал его в виде подарка Мантуанской маркизе Изабелле, находившейся в Ферраре у родственников, герцогов д'Эсте. Маркиза отдарила Цезаря карнавальными масками, которыми славилась Феррара, и там их продолжали тайно изготавливать, хотя герцог Лодовико, могущественнейший из сторонников Савонаролы, этих пьяньони, оплакивая гибель доминиканца, запретил служащий развлечению промысел.

В 1501 году после отлучки во Францию, откуда он прибыл с титулом герцога Валентино и четырьмястами копейщиками, Цезарь вновь появился в Романье и продолжил широкую деятельность ради ее объединения. Осадив Камерино и желая выгнать правителя, Цезарь настаивал перед Гвидобальдо Урбинским, чтобы тот отдал ему артиллерию, необходимую для быстрого успеха. Из дружбы к Борджа герцог легко на это согласился и еще послал ему в помощь две тысячи пехотинцев, оставшись сам беззащитным, так что когда, находясь в пределах Урбино, Цезарь от имени папы внезапно объявил себя законным владетелем дружественного ему государства, герцогу Гвидобальдо не оставалось другого, как, проклиная свою доверчивость, бежать в горы вместе с племянником, которого опекал. Человека, посланного из Феррары с карнавальными масками, люди Цезаря задержали, приняв за шпиона, тогда как ют первоначально посчитал их пастухами или охотниками, поскольку, выслеживая скрывающегося Гвидобальдо, они были переодеты и имели перепелиную сеть. Услыхав от конвоя о задержании этого посланного и также имея в виду, что сопровождавшие герцога нарядились купцами, Цезарь развеселился и сказал:

– Не есть ли такая игра с переодеванием наилучшее удовольствие и карнавал, а достойнейшее перед другими занятие – изготавливать маски и наряжаться?

В сущности, Цезарю вторит Никколо Макьявелли в трактате о государе, когда говорит, что тот должен хорошо овладеть как свойствами, доставшимися от рождения, так и первоначально чуждой ему природою зверя, имея образцами лисицу и льва, поскольку лев беззащитен против сетей, а лисица против волков. Отвечает ли сам Цезарь подобному правилу, можно убедиться, рассматривая преступления и каверзы, на какие решаются Борджа ради объединения Романьи под началом римской курии. Но это было бы скучно, так как при разнообразии способов злодейство остается безрадостным и унылым занятием. Если же Пикколо Макьявелли, занимающий должность секретаря совета Десяти, то есть комиссии, которой Синьорией Флоренции поручены дела войны и отношений с другими государствами, изучает всевозможные бессовестные проделки, чтобы узнать, как лучше управлять государством и подданными, такую работу правильно будет сравнить с исследованием внутренностей живота, откуда распространяется отвратительный запах.

Когда посольство Флоренции, обеспокоенной размахом деятельности Цезаря Борджа в пограничных с нею областях, приблизилось к воротам Урбино, была глубокая ночь. Лошади, кивая головами, едва не касались каменного покрытия улицы, круто взбиравшейся к замку Монтефельтро, изгнанных Цезарем. Неудивительно, если страх и желание овладевали людьми из посольства по мере их продвижения: страх перед чудовищем Борджа, скрывающимся как бы в грозной пещере, желание и любопытство понять причину могущества этого человека и из-за чего укрепленные замки, правительства и целые государства падали, как зрелые яблоки, при его наступлении.

Флорентийцы застали Цезаря Борджа в зале Ангелов, с удобством расположившегося перед камином: движущийся свет огня трогал его красивое лицо как бы частыми поцелуями, и одновременно в сумраке помещения, повсюду украшенного скульптурными изображениями путто с ангельскими крыльями, вспыхивал полированный мрамор. Возле Цезаря секретарь Десяти и прибывшие с ним в составе посольства увидели Пьеро и Джулиано Медичи: эти по преимуществу находятся там, где они рассчитывают на помощь в восстановлении их принципата в Тоскане и где им сочувствуют. Тут же, ловко изогнувшись и отставив бедро, склонился над картой местности инженер Леонардо да Винчи, объясняя своему господину, как

ею правильно пользоваться. Кстати говоря, если иные историки попрекают людей, по их мнению себя запятнавших, прислуживая негодяям, как Борджа, они при этом умалчивают, что Синьория сама его нанимает, оплачивая громадною суммою денег, единственно чтобы не нападал на Флоренцию, и формально их отношения дружеские.

– Мы прибыли без промедления, – сказал секретарь Десяти Цезарю Борджа, – и готовы выслушать ваши требования в удовлетворить их в том, что не противоречит интересам Республики. Это свидетельствует об искренности чувств, которые мы испытываем к вашей светлости.

Цезарь ему отвечал:

– Вопреки уверениям я хорошо знаю, что вы не питаете ко мне любви и готовы счесть преступником. Однако ваш теперешний образ правления мне не нравится, и вы должны его изменить. В противном случае, если вы не желаете моей дружбы, вы узнаете, что значит быть со мной во вражде.

В наглости, с какой высказывался герцог, заключалась демоническая сила и красота; и если бы кто сумел проникнуть в душу Никколо Макьявелли, секретаря Десяти, то обнаружил бы там скрытую радость исследователя, которого природа желает вознаградить за его догадливость, нескольку созданный воображением из отдельных частей облик идеального правителя внезапно ему явился в виде цельного существа: душа волка и профиль камеи, согласно трактату о государе.

Когда Цезарь закончил свою речь, старший из братьев Медичи, Пьеро, приосанился, желая, по-видимому, напомнить писателю, что уже приготовлены списки тех, кто способствовал их изгнанию, но Макьявелли не дал ему раскрыть рта и сказал:

– Мы не затаили против вашей светлости никакой обиды и всецело сочувствуем цели создания жизнеспособного государства в Романье. Что касается нашего образа правления, он может быть изменен исключительно волею граждан, которые его выбрали и установили. Поэтому, чем препираться в несбыточном, лучше согласиться в возможном: пусть нам обещают, что наши купцы смогут торговать и провозить товары в местности, где действует войско вашей светлости, и мы обещаем взамен сочувственное невмешательство.

Встретившись с Леонардо на другой день, Никколо посетовал:

– Уже много времени я не говорю того, что думаю, и редко думаю, что говорю. Если же мне случается другой раз сказать правду, то я ее прячу под таким количеством лжи, что трудно доискаться.

Таковы условия, в каких приходится действовать исследователю характеров и поступков людей. Но что затруднит движение стремительного могучего духа, мечущегося над полями, горами и водами, обращаясь внезапно к небу, чтобы соразмерить и соотнести с нашей Землею находящиеся там тела – звезды, Луну и Солнце – и всевозможные небесные правила, и вновь затем повернуться к практическим целям?

79

> «Его Христианнейшего Величества короля Франции герцог Валентино и Романьи, владетель Пьомбино, гонфалоньер св. Римской церкви и верховный капитан – всем нашим местоблюстителям, кастеланам, капитанам, кондукторам, солдатам и остальным, кто в нашем подчинении. Этой грамотой предлагаю и предписываю, чтобы нашему превосходнейшему и любимейшему главному инженеру и архитектору Леонардо да Винчи, которому дано поручение изучить местность, города и крепости и все другое, что он найдет нужным, предоставлен был всюду свободный проезд без пошлины и дружественное разрешение исследовать, что он пожелает. Также велю предоставить ему проекты других инженеров, чтобы их исправлять. Во избежание нашего гнева никто не будет ему препятствовать. Дано в Павии, 18 августа 1502».

Наутро Цезарь со своими отрядами может оказаться в Пьяченце, к вечеру – в Форли, в полночь – еще в другом месте; ему достаточен один миг для раздумья, как жуку-водомеру,

когда, застывая на поверхности воды, соображает, куда направиться далее. При подобной подвижности как нельзя лучше пригодится легкая летучая техника, а умение быстро вязать веревочные узлы и скреплять плотницкими замками разборные лестницы окажется нужней артиллерии, применяемой скорее для устрашения: избегающий открытого честного сражения военачальник больше полагается на хитрость, подкуп и другие бесчестные способы, чем на отвагу. При этом Цезарь правильно пользуется преимуществами единовластия, не давая себя сбивать всяким советчикам, поэтому не кружат его легкомыслие и беспочвенные фантазии, как герцога Моро. Также он не изнуряет себя бесцельной жестокостью; если же по его приказанию поджаривают на угольях какого-нибудь купца, чтобы тот раскошелился, то не занимать ему и дерзкой решимости и трудолюбия в его приключениях, как и понимания в подборе сотрудников. Об этом хорошо говорит Никколо Макьявелли:

«Стремясь к славе и новым владениям, он не дает себе отдыха, не ведает усталости и не признает опасностей. Он приезжает в одно место прежде, чем успеешь услыхать про его отъезд из другого; он пользуется расположением солдат и сумел собрать вокруг себя лучших людей Италии; кроме того, ему постоянно везет. Все это вместе делает его победоносным и страшным».

За Цезарем постоянно следует его инженер, вычерчивая пентаколо – пятиугольник, образуемый городами Романьи: Римини, Синигалья, Пезаро, Фано, Анкона. Пока же его господин, обдумывая направление удара или какую-нибудь коварную хитрость, остается в неподвижности хотя на один миг, Леонардо успевает сделать быстрый снимок местности и предлагает, как лучше ее укрепить, или оружие, которым следует пользоваться при нападении. Молниеносная быстрота размышления Мастера тем удивительней, что он еще и смотрит в разные стороны, как бы проявляя страбизм, косину, замечая и исследуя вещи, кажется, далекие от целей завоевания:

В Романье – верх глупости! – передние колеса тележек устраивают меньшими задних, чем затрудняют движение.

Пастухи в Романье, у подножия Апеннин, делают большие полости в горах в виде рога и на одной стороне помещают рожок. Этот маленький рожок образует одно целое со сделанной ранее полостью, а потому производит очень громкое звучание.

Можно создать гармоничную музыку из каскадов, как ты видел это у источника в Римини.

Но при быстром метании в пентаколо как бы в замкнутом круге одновременно развивается и увеличивается центробежная сила, другой раз выбрасывающая Мастера далеко по касательной. Так, посланный Цезарем, Леонардо однажды спустился по течению Арно до Эмполи, чтобы затем долиной Эльзы достичь западного побережья у Пьомбино, где от имени Борджа распоряжался один из его капитанов, Вителоццо Вителли.

Вдоль Арно до Эмполи Леонардо неоднократно путешествовал еще в прежние годы, поскольку этот древний город расположен в середине пути между Винчи и Флоренцией. Летом в зависимости от направления, куда движутся путники, солнце светит либо в темя, либо в затылок со страшной настойчивостью, будто бы намерено пробуравить голову насквозь. Когда же терпение путешествующих приходит к концу и не остается другого, кроме как зарыться в траву, спасаясь от жары, внезапно дорогу обступают заросшие густым кустарником стены ущелья, название которого происходит от gonfiare, то есть дуть, продувать, и приятный ветерок Гонфолины приносит облегчение. Если же забраться на крутизну, оттуда вниз по течению Арно открывается поучительный для живописца вид: подобно змее, река извивается, и с каждым ее поворотом синеет воздух и даль становится неопределеннее, так что близко к горизонту ничего нельзя различить, помимо тусклого свечения этих извилин, в результате чего может казаться, что река течет в небо. Зимою же или осенью, когда деревья и кустарники стоят без листвы, громаднейший, как бы прорубленный длившимся несколько тысячелетий сабельным ударом шрам Гонфолины целиком обнажается, и земля представляет исследователю свою генеалогию в виде отчетливо различимых слоев и всякого рода отложений.

Если ты скажешь, что раковины встречаются в наше время в пределах Италии по причине потопа, который их здесь оставил, то я отвечу тебе: такие ракушки, которые всегда живут возле морских берегов, должны бы остаться на самом верху гор, а не так близко к

подножию, и не везде на одинаковой высоте, и не слой за слоем.

Довольно редко Леонардо пускается в исследование вещей, если на их счет имеется установленное мнение церкви, предоставляя это, как он выражается со скрытой усмешкой, уму братьев – отцов народов, постигающих все тайны и силу благодати. Что касается его аргументации о всемирном потопе, то ведь самого события он не оспаривает, но только способы доказательства его достоверности. Поэтому на обвинение в нечестии он имеет что возразить, утверждая, что всестороннее обдумывание и рассмотрение каких-нибудь явлений природы не противоречит религии.

Если ты скажешь, что раковины были носимы волнами, будучи пусты и мертвы, то я скажу, что там, куда попали мертвые, они не отделены от живых и что в названных горах обретаются только живые, которых мы распознаем по их створкам, и они находятся в ряду, где нет ни одной мертвой. Немного же выше встречаются места, куда волны выбросили всех мертвых с раскрытыми створками; и это около тех мест, где реки низвергались в море на большую глубину. Таков Арно, который падал с Гонфолины и оставил там гальку; эта галька и теперь еще видна, она уплотнилась и образовала из камней разных стран, природы и твердости единый конгломерат. Немного далее песчаный конгломерат превратился в туф – там, где река поворачивала в сторону Кастель Фиорентино. Еще дальше отложился ил, в котором жили ракушки и который наслаивался рядами по мере того, как потоки мутного Арно изливались в это море. И постепенно поднималось дно моря, рядами выводя на свет эти раковины.

Поверхность земли пребывает в беспрерывном движении; дно морей поднимается, и вода утекает, размывая горы и возвышенности, образовавшиеся прежде; из получившегося материала создаются новые горы; камни залегают рядами или слоями в зависимости от движения примесей, уносимых течением рек; эти слои выходят наверх взамен других, погружающихся в глубину Земли, и раз за разом дальше и глубже. Таким образом, говорит Леонардо, любая часть Земли, которая обнажается при размыве, производимом течением рек, когда-то уже была видимой Солнцу земной поверхностью. Но если шестичасовое движение прилива и отлива морей можно непосредственно наблюдать и оно отчетливо воспринимается глазом и наводит на аналогию с дыханием человека, то длительность превращения низины в возвышенность исчисляется многими тысячелетиями и может быть постигнута только путем умозаключения. Дыхание человеческого легкого, более медленное дыхание морей и бесконечное в своей долготе дыхание космоса в целом, надо думать, соизмеримы и соединены как бы в музыкальной гармонии подобно тому, как при звучании оркестра частое пиччикато какого-нибудь струнного инструмента соразмеряется с ударами большого барабана, раздающимися за время исполнения пьесы два или три раза.

Когда всадник достиг ближайшего к побережью перевала и ему открылась выпуклая спина Лигурийского моря, то, насколько хватало зрения, видны были белые черточки пены, и у горизонта из туч протянулись пляшущие смерчи. Замечательно, что горы располагаются относительно береговой линии точно как морские волны, гряда за грядой, – набегая с востока, они обрываются крутым склоном к западу, тогда как волны роняют пену и завиваются гребнями на восточную сторону. Но чем больше отстоят один от другого и разнятся члены какой-нибудь аналогии, тем поразительней иной раз оказывается сходство. Так, очертаниями и общим видом с некоторых точек горные хребты внушают наблюдающему образ катастрофического бурного движения, хотя даже при случающихся сильных землетрясениях остаются на месте. Но и колебание воды, называемое волнами, указывал Леонардо, в гораздо большей степени дрожание, нежели движение, а землетрясение правильно будет считать страшной дрожью или ознобом Земли.

Заставши Вителоццо Вителли в Пьомбино, Леонардо не только получил бы от него для пользования Архимеда, которого любознательный капитан украл из библиотеки герцога Монтефельтро в Урбино и теперь возил с собой в седельной сумке и изучал на привалах. Поскольку Мастер имел приготовленный план переделки существовавших до него укреплений и строительства новых, городок на западном побережье, помимо добычи свинца и карликовых лошадок пони, прославился бы еще как место рождения новой фортификации, впрочем, рассчитанной на способы ведения войны и наступательное оружие, каких тогда не было и в

помине, а появились они спустя двести лет. Имеется в виду фортификация скрытая, углубленная в землю, окатистая, свернувшаяся подобно змее, стараясь быть меньше заметной среди окружающей местности, чтобы, коварнейшим образом поощряя самонадеянность неприятеля, заставить его наступить на себя и тогда, внезапно плюнувши ядом, поразить его насмерть. Но, увы, несколькими днями раньше прибытия Леонардо на побережье тщеславие толкнуло Вителоццо Вителли навстречу своей гибели, и он решился бунтовать против Цезаря.

Сговорившись с другими капитанами, чтобы те продвигались к Урбино, он снял расположенный на побережье отряд и направился к пограничной крепости Сан-Лео, построенной Франческо ди Джорджо для урбинского герцога.

Заранее условившись, мятежники встретились здесь и закрылись в крепости для совещания. Цезарю не оставалось другого, как через гонца доставить капитанам послание, где всевозможные ложные обещания и посулы перемежались угрозами. Красноречие Борджа оказалось настолько успешным, что среди бунтовщиков начался спор и дело разладилось. 31 декабря 1502 года Вителоццо Вителли верхом на муле, с беретом в руках и смиренным выражением на лице приблизился к дому одного из зажиточных граждан города Синигальи, где Цезарь устраивал дружескую встречу и ужин повинившимся бунтовщикам. За их предводителем в таком же униженном и робком виде следовали герцог Гравина, Паоло Орсини и Оливеротто да Фермо, все отважные капитаны, надеявшиеся на прощение. Впрочем, рядом с другими вероломными и жестокими поступками Цезаря предательское убийство его капитанов мало чем замечательно, помимо того что свидетелем тут оказался Леонардо, находившийся в Синигалье, как и его приятель Никколо Макьявелли, сообщавший в тот день совету Десяти во Флоренцию: «Здесь идут грабежи; не знаю, удастся ли отправить донесение, ибо не с кем это сделать. По-моему, пленных завтра не будет в живых».

В августе 1503 года папа Александр VI умер, отравившись ядом, предназначенным одному важному сановнику, которого он желал уничтожить, однако перепутал бокалы. Рассказывают, что когда после этого папский камерарий вошел в его кабинет, то увидел за письменным столом адское исчадие в облике черта с рогами; улыбнувшись, черт сказал камерарию: «Ergo sum papa, я папа». Таким образом, дескать, оправдалось широко распространенное мнение, что падение Борджа произойдет, как только кончится срок их договоренности с дьяволом.

Избранный вскоре Пий III, человек престарелый и немощный, тотчас после инаугурации умер, и престол под именем Юлия II занял кардинал делла Ровере, наибольший враг Борджа и их жестокий преследователь. Хотя Цезарь до этого не поспешил на похороны папы Александра, своего отца, теперь, испытывая сильнейшее беспокойство, он явился в Рим, где не встретил, однако, малейшей поддержки или благожелательства. Увидевшись с герцогом Гвидобальдо, который с помощью нового папы рассчитывал вернуть утраченные владения, Цезарь упал на колени и пополз, как пресмыкающееся животное, тогда как этого герцога он прежде лишил государства, а если бы ему удалось, отобрал бы и жизнь. Так выглядела наиболее удивительная метаморфоза, которую претерпевала вся сущность человека, одаренного приносить несчастья другим. Против ожидания герцог показал благородство и доброту, поднявши с колен недостойного просителя и разговаривая миролюбиво; однако же Цезарю, чтобы его не настигла не знающая снисхождения рука Джулиано делла Ровере, пришлось спасаться из Рима. Не найдя приюта в Неаполе, он бежал за Пиренеи, где погиб жалким образом, сражаясь в качестве наемника. Имея в виду приведенные выше слова Макьявелли из трактата «О государе» – дескать, душа волка и профиль камеи, уместно напомнить также применимое к Цезарю Борджа мнение современников о папе Бонифации VIII: подкрался как лисица, царствовал как лев, умер как собака.

Что касается Леонардо, то, как бы имея предчувствие, он еще прежде падения Борджа, случившегося в августе, по-видимому, сообразил, что ненадежна постройка, возводимая на песке или, лучше сказать, на болотистой почве Романьи, а приданный его руке груз в действительности не тяжелей горсти пуха. Так или иначе, в марте 1502 года – это по флорентийскому календарю, где новый год считается от Благовещения, или от 25 марта, между тем как в Милане 1503 году скоро будет три месяца, – мы находим его во Флоренции, где он желает приступить к мирным занятиям.

80

Вода, движущаяся в реке, или призываема, или гонима, или движется сама. Если гонима – кто тот, кто гонит ее? Если призываема или требуема – кто требующий?

Тут, как нарочно, возобновились военные действия против пизанцев, и капитан флорентийского войска доносил магистратам, что велит выдергивать виноградную лозу и жечь, и разрушать устроенные земледельцами оросительные канавы, и таким образом более успешно опустошает страну. Магистраты и гонфелоньер Содерини тем временем задумали отвести воды реки Арно из принадлежащей неприятелю местности и лишить этих пизанцев хлеба, остановивши их мельницы: при том, что Содерини прославился исключительной скупостью, на подобные злодейские предприятия находятся средства. Рассчитывали за двадцать дней прорыть два канала шириной по двадцать локтей и глубиной по десять. Хотя Леонардо искал, как было сказано, своим изобретениям мирного применения и не желал стать инструментом зверской жестокости гонфалоньера, согласившись избавить Республику от чрезмерных расходов, он предложил Синьории землечерпальные машины, при которых достаточно шестерых работников вместо множества с телегами и лошадьми. Однако же Содерини не понял его благородства, настаивая, чтобы работы продолжались прежним разорительным способом, и еще издевательски предлагал Леонардо нарочно устроить другую войну для проверки машин, которые, думает он, превосходны, но теперь, мол, не имеется достаточно времени для опытов. Между тем из-за осенних дождей в Арно прибыла вода, и стали пытаться отводить ее в один из каналов, в ту пору полностью готовый. Хотя это и удалось, когда дожди прекратились, вода не пожелала остаться на новом, непривычном для нее месте, и на дне канала оказалась только жидкая грязь. Магистраты, на нее глядя, сетовали об истраченных суммах, Леонардо же всячески потешался над их неудачей, не смущаясь распространившимся мнением, будто причина его злобы именно та, что он не поставлен руководить работами. Леонардо и этих распространителей справедливо высмеивал, поясняя:

– Они не знают, почему Арно никогда не удержится в канале; это получается потому, что реки, в нее впадающие, отлагают при впадении землю, а с противоположной стороны ее уносят и придают изгиб ее руслу. Так что река, если хотят отвести ее в другое место, должна быть завлекаема, а не ожесточаема насильственно.

Конечно, Леонардо редко кому уступал в остроумии, и какая-нибудь колкость не удерживалась на его устах; но если одна неприятность следует за другой, трудно не впасть в уныние и самому мужественному человеку. Однажды Леонардо проходил мимо церкви св. Троицы, где, как водится, собравшиеся рассуждали о каком-то стихе из «Комедии». Эти спросили Мастера, как лучше его толковать. Как раз в это время тут же проходил известный большими познаниями в подобных вещах Микеланджело Буонарроти; ничего нет удивительного, если Леонардо посоветовал гражданам обратиться к нему за разъяснениями, может быть, желая этим показать свое уважение к таланту, как бы молод он ни был и с каким бы дурным характером ни сочетался. Внезапно изменившись в лице, скульптор на дружеское предложение Мастера гневно ответил:

– Объясни-ка ты, не сумевший отлить бронзового Коня и, к стыду своему, оставивший его недоделанным! – После чего повернулся и пошел, Леонардо же, как показывают свидетели, остался на месте, покраснев от сказанных ему слов. Но Микеланджело счел этого недостаточным: отойдя два-три шага и вновь оборотившись, он громким голосом вскричал:

– И эти тупоголовые миланцы могли тебе поверить!

А ведь Леонардо ни поступками, ни поведением, ни какими бы ни было публичными высказываниями не давал повода заподозрить его в неприязни к тому, кто решительно во всем от него отличался, а сходство имел только в исключительности своего дарования. Так, испорченный неумелым скульптором мрамор, первоначально предназначавшийся для Леонардо, о котором распространилась молва, что он умеет делать вещи громадные, внезапно передали его сопернику, и Мастер не выражал громко свое возмущение, хотя, может, в душе обижался. Больше того, когда из этого мрамора Микеланджело сделал своего Давида и сведущие люди собрались обсудить, куда лучше его поставить, Леонардо из всех оказался

наиболее заботливым и ради сохранности произведения советовал держать его под крышею. И это когда рассеивалась и окончательно исчезала надежда на восстановление миланского Коня когда-нибудь в будущем. Дело в том, что если гасконцы испортили и частично разрушили глиняную модель, то скорлупы яйца, откуда после отливки должен был вылупиться громадный цыпленок, иначе говоря, части литейной формы, остались ими нетронутыми. Когда, находясь во Флоренции, Леонардо только еще обдумывал возможность службы у Борджа, а именно в августе 1501 года, к французской администрации в Милане поступило письмо из Феррары, где герцог Эрколе просил уступить ему оставшиеся в целости части литейной формы, поскольку он, Эрколе, намерен ими воспользоваться при сооружении памятника, увековечивающего династию д'Эсте.

Итак, частичный виновник разрушения модели, купивший у Моро в целях исправления артиллерийского парка бронзу, назначенную для отливки Коня, выступает с желанием сохранить, что осталось, тогда как французский король, однажды из-за своего восхищения едва не сгубивший «Тайную вечерю», распорядившись выломать стену и увезти вместе с картиной в Париж, теперь, отказывая герцогу Эрколе, не позаботился о помещении драгоценных скорлуп куда-нибудь в более надежное место. Поскольку же маршал Тривульцио, имевший в Корте Веккио свою резиденцию, также об этом не помышлял, спустя малое время скорлупы стали пропадать и рассеивались по всему свету, подобные раковинам, влекомым потопом или невежеством и наглостью тех, кто решается пользоваться обломками величайших произведений для починки мостовых.

Тем временем, покуда в Милане агонизировало его детище, во Флоренции умер отец.

> «Июля 9 дня 1504 года в среду в 7 часов умер сер Пьеро да Винчи, нотариус дель Подеста, мой отец, в семь часов в возрасте 80 лет. Оставил 10 сыновей и 2 дочери».

В отношении возраста умершего записывающий, однако, неточен: Пьеро при его кончине до 80 недоставало двух лет, тогда как в непроизвольных повторениях, касающихся времени – в среду, в семь часов, – видна некоторая пульсация памяти, какие-то затягивающие глубины. И тут уместно вновь привести другое повторение, сходное, а именно в заметке, относящейся к прибытию Катерины в Милан 16 июля 1493 года: поистине родители больше значат для каждого, чем может казаться, если рассматривать отдельные своеобразные случаи. И ведь Пьеро да Винчи, нотариус, отличался среди других не только воловьим упорством и качествами, какие природа нарочно дает этой профессии, то есть расчетливостью, ловкостью в делах и особенным качеством крючкотворства, но также изобретательностью для карнавалов и способностью к сочинению песенок, в чем не уступал знаменитым поэтам, хотя был лишен их заносчивости. Известно, что флорентийские булочники распевали стишки Пьеро да Винчи спустя сто лет после смерти их автора, который до преклонного возраста сохранял охоту участвовать в приготовлениях к праздникам и редко если отказывался бодрствовать ночь напролет ради того, чтобы клеить бумажные фестоны, цепи и птиц. Нотариус славился также редким и между портными умением придумывать какие-нибудь необыкновенные костюмы для карнавалов, так что Вазари упоминает его вместе с другими, как он выражается, прекраснейшими талантами в числе устроителей знаменитого триумфа «Алмаз» по случаю возвращения Медичи во Флоренцию и избрания папы Льва, когда на трех колесницах выступали Детство со свитою, состоящей из детей, Зрелость в сопровождении особ, совершивших в зрелом возрасте великие деяния, и Старость в окружении многих мужей, великие дела содеявших в старческом возрасте. Все эти лица были одеты в богатейшие наряды, так что о лучшем нельзя было и помышлять, заключает Вазари. Если же Вазари здесь вновь напутал, поскольку указанный триумф, как равно и избрание папы из Медичи, произошли девять лет спустя после смерти Пьеро да Винчи, это еще лучше свидетельствует о его репутации – так ведь и Гиппократу благодаря его славе приписывают способы лечения, которых он не является изобретателем.

Сделай прежде всего дым артиллерийских орудий, смешанный в воздухе с пылью, поднятой движением лошадей и сражающихся. Сделай красноватые лица, облик и вооружение аркебузьеров, и пусть эта краснота чем больше отдаляется от своей причины, тем больше теряется.

Размеры случающегося кровопролития не отвечают другой раз его важности – деревенская драка или раздор между родственниками бывают настолько жестоки, что не уступят военным действиям, как они проходили в те времена в Италии. Что касается послужившей сюжетом порученной Леонардо живописи в зале Совета в палаццо Веккио, битвы при Ангиари, которая произошла летом 1440 года между соединенными войсками Флоренции и римского папы и миланцами, тогда в упорнейшей четырехчасовой схватке погиб один человек, и не от ранения, но свалился с лошади и был растоптан. Присоветовавший магистратам этот сюжет и находивший битву при Ангиари наиболее достойной изображения, Никколо Макьявелли в своей «Истории Флоренции» говорит, что его удивляет, как у столь плохо организованного войска хватило доблести для победы и враг оказался до того трусливым, что дал себя одолеть. «История» еще не была написана, и Леонардо пользовался сведениями, переданными ему устно секретарем Десяти, а уж как он их подавал, можно только предполагать. Но если кто хорошо приспособился на малой модели изучать, а после представить в полную величину какое-нибудь явление, тому человеку нетрудно будет преобразовать и умножить в воображении несколько затрещин и кровоподтеков в широкую картину сражения, где, с одной стороны, в числе капитанов командовал знаменитый Микелотто Аттендоло, родственник и ученик Франческо Сфорца, а с другой – знаменитый не меньше Никколо Пиччинино.

Удачно избегая несчастия на поле брани, итальянцы с охотой занимали себя зрелищем воображаемой гибели во всех ее видах. Так, в Папской зале Санта Мария Новелла, где Леонардо предоставили место изготовить картон, десятилетием позже, запершись, чтобы никто ранее полной готовности не увидел его работу, Пьеро ди Козимо выстроил колесницу для знаменитого триумфа Смерти. Колесница была громаднейшая, и на ней помещалось гробов как на порядочном кладбище, и в ходе процессии из них выходили покойники и пели приглушенными голосами, наводя страх и ужас; все это было придумано и выполнено с большим остроумием и совершенством. Остается добавить, что Зеленый двор, Киостро верде, церкви Санта Мария Новелла живописец Паоло Учелло, обладавший умением придавать вещам страшный вид, украсил фресками на сюжеты, взятые из истории знаменитого сорокадневного наводнения, называемого обычно всемирным потопом.

Будто бы нарочно показывая, что Флоренция не только умеет расточать редкостные таланты, но и, вынуждая к соперничеству, их воодушевляет, магистраты одновременно с заказом для Леонардо другую половину стены залы Большого совета – тогда величайшего в целой Европе помещения – поручили расписать Микеланджело Буонарроти на сюжет по его выбору, только с условием, чтобы он был из первой Пизанской войны, случившейся в XIV веке. Озабоченный соревнованием и желая наказать мнимое высокомерие Леонардо, не унижавшегося до соображений мелочного тщеславия, Микеланджело против обыкновения не сетовал монахам госпиталя цеха красильщиков шерсти, у которых расположился работать, на всевозможные вымышленные препятствия и неудобства, но торопился изо всех сил.

Если поступки говорят о человеке больше и правильней слов, а произведения – лучше всяких поступков, то сварливость характера и бесцеремонная придирчивость по пустякам превращаются в произведениях Микеланджело в какую-то благородную горечь и скорбь, а нелепая заносчивость перед иностранцами – в патриотизм и всевозможные гражданские доблести. Соблюдая предложенные ему условия, Микеланджело для своей композиции остановился на произошедшей в 1364 году битве при Кашине[50] – это городок на берегу Арно, в двадцати лье от Пизы. Трактуя свою тему с большим остроумием и выдумкой, он решил показать не самую битву, но готовность солдат сражаться, подвергаясь опасности, что должно

[50] Кашина – городок на левом берегу Арно в 40 километрах от Пизы, где в 1364 году произошла битва флорентийцев с пизанцами, окончившаяся поражением последних.

было вызвать наибольшее сочувствие у зрителей. Очевидцы рассказывают, что тревога застала солдат в жаркий день купающимися в реке; и вот, как это изображено на картоне, они торопливо одеваются, застегивают латы и спешат взяться за оружие; причем каждый их жест в точном соответствии со словами Леонардо в «Трактате о живописи» не только свидетельствует об умении и наблюдательности мастера, но, как выражается автор трактата, побуждает зрителя к тому самому действию, ради которого данный исторический сюжет изображен, а именно к защите дорогого и единственного отечества.

Микеланджело придумал, выполнил и совершенно закончил картон в течение недолгого времени, которое пробыл во Флоренции, когда бежал из Рима, поссорившись с папой Юлием, не уступавшим ему причудливостью характера и внезапностью вспышек ярости. Спустя три месяца первосвященник вытребовал его обратно, и он возвратился к престолу, совсем уже было собравшись к султану в Константинополь, где его бы лучше ценили.

Леонардо, приступив к работе прежде своего соперника, тогда успел приготовить только среднюю часть композиции, оказавшейся настолько совершенной и годной к исполнению в живописи, что, обдумав все дело, магистраты решили, не задерживаясь, совместить в Папской зале оба картона, чтобы их посмотрело наибольшое число граждан и, пользуясь возможностью свободно высказываться, они бы обсудили эти выдающиеся, произведения.

Среднюю часть картона Леонардо, выставленную тогда на несколько дней в Папской зале Санта Мария Новелла, правильно будет называть «Битвой за знамя» или, по месту действия, «Битвой на мосту», так как главное дело и наиболее ожесточенная схватка происходила на мосту через Тибр, близко к его истокам, представляющим собой малую речку. Авангард флорентийцев, которыми командовал Микелотто Аттендоло, брат кондотьера и впоследствии герцога Франческо Сфорца, сталкивался с авангардом миланцев – этими предводительствовал Никколо Пиччинино. тогда знаменитейший военачальник. Благодаря этой репутации Никколо удалось близко к месту сражения набрать еще две тысячи войска из местных жителей, которые последовали за ним, надеясь на богатую добычу, однако, замечает Макьявелли, сами превратились в добычу после несчастного для миланцев исхода. Покуда же они представлены передвигающимися в отдалении, дожидаясь необходимости выступить, тогда как на мосту через Тибр, как бы в ревущем, крутящемся облаке, заранее решается битва при Ангиари.

Можно будет видеть на земле животных, которые всегда будут сражаться друг с другом с величайшим уроном и часто смертью с той и другой стороны. Они не будут знать предела своей злобе; для жестоких членов их тела падет на землю большая часть деревьев великих лесов вселенной, и когда они насытятся, то пищей для их желаний станет причинение смерти, и страданий, и мучений, и безумия всякому живому существу.

Pazzia bestialissima – зверское безумие, так называет Леонардо войну. Следует отдать должное пониманию магистратами Синьории достоинств рисунка и композиции, если обескураживающая и прямо издевательская трактовка события, являющегося для флорентийцев предметом гордости, их не возмутила, и они только беспокоились, чтобы Леонардо внезапно не удалился, оставив работу на половине или меньше того, чему в его деятельности достаточно примеров.

При том, что произведение Леонардо не отвечало цели воодушевления граждан к защите отечества, а действия, к которым оно побуждает зрителя, скорее отвратительны, чем заслуживают подражания, многие тонко понимающие люди приходили в восторг от картона – точно так спустя время они восхищались приготовленной к «Триумфу смерти» колесницей Пьеро ди Козимо с ее поющими мертвецами. Относительно этого Вазари правильно замечает: «Подобно тому как в некоторых кушаньях люди смакуют иногда горькие приправы, так в развлечениях подобного рода им по вкусу страшные вещи, если они сделаны с толком и искусно. То же самое мы испытываем при исполнении трагедий». Сюда надо прибавить, что определение ужасный, ужасное тогда стало часто применяться в поощрительном смысле. как похвала, будто бы в области миловидного и добродетельного тропы оказались исхожены и люди сообразили отыскивать источник удовольствия в переживании страха. Но не следует это полностью относить к странностям вкуса или к нравственной порче, как и приписывать Леонардо какое-то ложное миролюбие, что было бы неправильно, если иметь в виду его обширную деятельность по усовершенствованию орудий войны. Скорее тут более отважный и

прямой взгляд на вещи – отрицание ханжества и всяческого притворства, когда закрывают глаза, не желая что-нибудь видеть и воображая, что тем самым нежелательное уничтожается.

Итак, жалобное стенание единственного погибающего в знаменитой битве будет прекращено еще прежде, чем его растопчут копыта лошадей, поскольку нож занесен, чтобы перерезать и лишить возможности действовать издающий его инструмент – изумительную флейту-глиссандо, способную изменять высоту звука не скачкообрано, как большинство музыкальных духовых инструментов, но плавно скользя. Впрочем, слабого жалобного стенания не слышно за ударами мечей и наконечников копий о латы сражающихся, а те, в свою очередь, успешно и полностью заглушаются криками не знающих предела в своей злобе животных – в громкости издаваемых звуков с ним не может соревноваться ни одно другое животное, включая льва с его громаднейшей пастью. Такими-то способами флейта-глиссандо, то есть гортань, показывает свои разнообразные возможности и преимущества, тогда как язык с его двадцатью четырьмя мускулами здесь не участвует, поскольку издаваемые ужасные звуки нечленораздельны. Между тем рисование Леонардо показало себя на этот раз с такою мягкостью и полнотой, что дух захватывало и было невозможно оторвать взгляд – так пусть же изумительная круглость лошадиного крупа и пружинящие задние ноги, удерживающие его в малозаметном плавном качании, будут видны хотя бы в шуме и безобразии битвы, чем пропадать им в темноте хлева.

Пусть страшные крики и другие возмущающие душу звучания раздаются из превосходных сосудов, а сладкие льстивые речи нечистосердечных и лживых людей пусть умолкнут, потому что в действительности для человека ничего нет превосходнее и привлекательнее, чем сочетания, другой раз оцениваемые как противоестественные ила скрежещущие, хотя на самом-то деле в них заключена внутренняя гармония. Впрочем, было бы таким же возмутительным ханжеством утверждать, что картон Леонардо правился безоговорочно без исключения всем посетителям выставки в Санта Мария Новелла. Но ведь и прямоту цинического философа Диогена многие сочтут неприличной, и по-своему будут правы. К счастью, разнообразие мнений господь даровал людям вместе с умением соглашаться. Если бы не так, ожесточение споров уступило бы место кулачной схватке, и не остроумные речи лились бы рекою, но кровь, и погибших было бы более, нежели в битве при Ангиари.

В один из дней, когда в Папской зале теснились люди и совместный неумолкающий разговор заполнял помещение, там, окруженный многочисленными друзьями, появился молодой человек, из-за своей прекрасной наружности, приветливого обращения и ясно читающегося выражения счастья на лице хорошо заметный среди прочих. Сын Джованни Санцио, приближенного к герцогу Гвидобальдо урбинского живописца, поэта и историографа, молодой Рафаэль, где бы ни появлялся, делал других людей отчасти счастливыми – добродушные радовались больше, а злобствующие и недовольные умеряли придирчивость и вдруг улыбались. Если же одновременно здесь находились оба знаменитых автора, то образовывались как бы три центра вращения, имеющие вокруг себя кольцеобразное скопление посетителей. Внутри одного кольца можно было видеть Микеланджело Буонарроти, дерзившего окружающим его поклонникам или расстраивавшим их жалобами на несчастные свои обстоятельства. Внутри другого смешил и пугал или ставил в тупик какими-нибудь загадками Леонардо. Внутри третьего и наиболее многочисленного круга посетителей радовал и приводил в превосходное расположение духа Рафаэль Урбинский, чье спокойствие и счастливую уверенность можно уподобить самочувствию хорошо воспитанного, доброжелательного к людям наследника богатых родителей, которого будущее рисуется ему самому в легчайших утренних тонах, в блеске, и трепете, происходящих как бы от изделия из благородного металла, украшенного драгоценными камнями. Причем это не одна иллюзия, поскольку Рафаэль в самом деле явился в истории живописи в виде наследника обоих великих старших его флорентийцев и еще некоторых других могущественных живописцев, однажды создав наиболее удачную смесь из когда-либо получавшихся с помощью кистей, горшков с красками и различных инструментов для рисования. Все это красноречиво свидетельствует, что у живописцев и скульпторов своя генеалогия и свои приметы родства. Что до упомянутого соперничества или соревнования Микеланджело и Леонардо да Винчи, хотя оно не объявлялось глашатаями, путем всеобщей подачи голосов или какого-нибудь опроса было возможно

установить, как именно разделились симпатии граждан. Но магистраты ничего для этого не предприняли, и остается догадываться, что терпкие, будоражащие рассудок мнения Леонардо относительно жестокости войн или природы человека многим оставались чужды, тогда как мало находилось таких, кому бы не угодил Микеланджело с его гражданскими доблестями. Вместе с тем если Содерини и магистраты что-нибудь затевали ради поощрения мастеров и разжигания их соперничества, теперь в целях дальнейшей выгоды они желали бы все это прекратить. Так что когда Микеланджело помирился с папою и возвратился в Рим, не приступая к живописи в Палаццо, это им было удобнее, поскольку, чем крупнее талант, тем незначительней способность согласия, и трудно себе представить, как эти двое, находясь в одном помещении, могут заниматься искусством.

82

6 июня 1505-го, в пятницу около 13 часов я приступил к живописи в Палаццо. Когда я положил кисть, собравшись сделать передышку, погода испортилась и подул сильный ветер. Затем зазвонил колокол, ударами которого тяжущихся призывают в суд, а проникший в помещение быстрый ток воздуха опрокинул банку с водой, и банка разбилась. Полил дождь и продолжался до вечера, и стало темно, как ночью.

Если Микеланджело Буонарроти ставит заказчиков в затруднительное положение, отъезжая внезапно в Рим по настоянию папы, и предоставляет непрочный картон всевозможным случайностям, а затем никогда не возвращается к этой работе, никто не смеет его упрекнуть, но все ему сочувствуют. Зато имеющие уважительную причину нарушения каких-нибудь обязательств со стороны Леонардо обсуждаются в течение долгого времени, и память о них не стирается, хотя другой раз он сам оказывается причиной, если его добросовестность оценивают превратно: презирая всяческие суеверия, следует иметь в виду, что люди в большинстве их придерживаются точно как в древности.

Перечисленная Леонардо совокупность знамений настолько встревожила его сотрудника, что тот не пожелал работать и удалился, ссылаясь на свою некромантию и бормоча, что, мол, живые в отличие от мертвецов мало знают о будущем и угрожающих им опасностях. Долгое время обманывая других, Зороастро проникся всевозможными лживыми выдумками и стал до крайности боязлив. Однако его выдающиеся способности и опыт в слесарном деле настолько истончились, что мало находилось людей, которые могли с ним сравниться. Когда Леонардо после долгого отсутствия возвратился во Флоренцию, Зороастро непременно пожелал быть с ним как прежде, чтобы ему помогать, и это осуществилось. Если же в бухгалтерских книгах он называется мальчиком для растирания красок, это правильно будет расценить как насмешку и неуважение от магистратов, которым Зороастро, может быть, известен с невыгодной стороны. В действительности же он помогает устраивать подвижные леса, когда живописец по своему желанию быстро вместе с ними поднимается вверх, опускается или передвигается в разные стороны. И тут просто не выдумаешь сотрудника лучшего, чем Зороастро. Магистраты и служащие Синьории подолгу не приступали к своим обязанностям и простаивали в зале Совета, изумляясь остроумию Мастера и умению и ловкости его помощника, когда жаровня с пылающими углями, несомая невидным снизу механизмом, быстро перемещалась в разных направлениях. Служащие и магистраты, среди которых случаются и престарелые, тогда только покидали залу Совета, если дыхание внезапно стеснялось и от угарного запаха пульс начинал стучать как бы молотками внутри головы. Если же это бывает с теми, кто находится сравнительно далеко, легко вообразить, насколько при большом удобстве и легкости передвижения помоста тяжела такая работа: угли в жаровне пылают, стекающие по лицу капли пота слепят, мышцы немеют от непривычного положения и железная лопатка, какой обыкновенно наносят раствор каменщики, едва не выпадает из рук, поскольку необходимое усилие чрезмерно для неопытного работника, да я где взять больше опыта, когда этот способ не применяется с древних времен, а описание Плиния кратко и приблизительно?

Оглядывая жизнь замечательного человека в целости из некоторого отдаления и обдумывая его репутацию и славу, какими они представлялись его современникам и устанавливались и изменялись впоследствии, задаешься вопросом: почему дурное о великих

людях быстрее распространяется и всевозможным порочащим выдумкам охотнее верят, нежели предположениям, могущим еще укрепить величие подобного человека? Вместе с тем, когда в его записях справедливо усматривается пророческое видение какой-нибудь научной истины, отваживающихся на это исследователей упрекают за легкомыслие и поспешность. Но что не решаются оспаривать наиболее придирчивые и строгие, так это огромность снаряда или метафорической верши, протянутой через вселенную.

Где не живет пламя, там не живет животное, которое дышит. Стихия огня непрерывно поглощает воздух, который частично питает ее, и оказалась бы в соприкосновении с пустотой, если бы последующий воздух не помогал ее заполнить.

Есть нечто самоубийственное в том, если кто-нибудь долгое время решается быть в заповедной области неизвестного, поскольку возмущенные наглым, бесцеремонным вмешательством стихии пытаются ему отомстить. Принадлежащее земле железо погубило миланского Коня, когда гасконским арбалетчикам удалось его разрушить с помощью железных наконечников стрел, а вода, увлажнившая стену трапезной монастыря делла Грацие, ускорила разрушение «Вечери». Теперь следовало ожидать каких-нибудь козней от стихии огня, жаром которого воспользовался Леонардо, приступая к живописи в зале Совета в палаццо Веккио во Флоренции.

При разногласии толкователей, важнейшим отличием способа, описанного в немногих словах римским историком Плинием, следует считать равномерное быстрое распределение расплавленной смеси под грунт, куда входят мастика, известь и греческая смола. Хотя Плиний не указывает пропорций состава и каких-либо других подробностей, скоро после Леонардо и, как видно, по его примеру подобная же смесь хорошо удалась венецианцу фра Себастиано, отличнейшему живописцу, которого папа Климент сделал хранителем печати, а печать свинцовая, почему он известен как дель Пьомбо. О Себастиано рассказывают, что он любил размышлять и рассуждать и занимался этим целыми днями, лишь бы не работать; если же он брался за что-нибудь, это ему стоило бесконечных душевных мук. Отсюда видно, что изобретатели, как Леонардо, создают не только машины или способы живописи, но и похожих на себя людей, однако более удачливых. Но одно дело покрыть указанной расплавленной смесью сравнительно малую площадь – ведь фра Себастиано прославился портретами, которые этим способом писал на камне, и совсем другое – громаднейшая стена, где живописцу предоставлено место высотой в восемь локтей и шириной немногим меньше сорока, и во время грунтовки он выбивается из сил, чтобы поспеть, пока смесь не остыла, хотя подвижные леса и проворство помощника отчасти его выручают.

Для «Битвы за знамя» была предназначена средняя треть, а остальное отложено на неопределенное будущее – может быть, магистраты не желали спугнуть нетерпеливого мастера чрезмерностью замысла. Однако же на что они надеялись, то не сбылось, а сделанное погибло. Стихия огня поначалу вредила недостаточным действием, и стена наверху оказалась плохо высушена. Но это своевременно не обнаружилось, когда же Леонардо пытался сушить штукатурку под живописью и развел сильный огонь, краска стала чернеть и пошла пузырями, а грунт расплавился и потек. С другой стороны, Вазари обвиняет Мастера, что он-де приготовил слишком грубую смесь, которая по мере того, как работа продолжалась, сама по себе стала стекать и тут все нарушилось. Говорили еще, что торговцы поставили порченое масло, и Леонардо им пользовался для приготовления красок; но это выходит наружу десятилетиями или того медленней, а здесь речь идет, по-видимому, о какой-то внезапной порче. Ссылаются также на недостаток света наверху, откуда погибель распространялась, когда Савонарола стал первым лицом в республике Иисуса Христа, как он желал, чтобы называлась Флоренция, из-за его нетерпения при переделке залы Совета был допущен просчет, и не только стороннему зрителю невозможно было заметить начавшееся разрушение живописи, но и Мастер не обязательно обнаружил его вовремя, чтобы приостановить.

Но так или иначе, от 6 июня 1505 года, отмеченного неблагоприятными знамениями, до отъезда в Милан спустя год, а именно 30 мая 1506-го, Леонардо столько успел, что во Флоренции если собирались два-три человека поговорить о вещах, не касающихся живописи, то в ходе беседы само собой так получалось, что сворачивали к этим cavalli, или лошадям, как попросту другой раз называли произведение Мастера в зале Совета. При этом решительно все,

также и недоброжелатели, соглашались, что, говоря словами Вазари, никто не может с ним сравниваться в отношении потрясающей или ужасной, terribile, глубины мысли.

«Даже Рафаэль, – замечает биограф, – если в чем-либо к нему приблизился больше, чем любой другой живописец, так это в прелести своего колорита». Урбинец оказался из первых, снимавших копию с живописи в зале Совета; в числе других копий эта сохраняется еще и теперь, опровергая широко распространившуюся неправду, будто бы Леонардо лучше успевал в рисунке и приготовленную композицию затем портил, заканчивая ее красками. Чтобы судить об этом справедливо, надо иметь в виду, что живопись с ее законченностью и тщательным выполнением бывает другой раз не иначе как покрывалом, умаляющим прямое сильное действие в духе Леонардо, когда изумительная округлость лошадиного крупа, выведенная тончайшим сфумато, утрачивает в тяжести и силе, а крики и вопли сражающихся воинов глушатся, и издали, с порога залы Совета, композицию можно принять за громоздящиеся облака.

Точно так накануне вторжения в Италию короля Карла жители Ареццо принимали облака за вооруженных всадников, только теперь происходило обратное, и серая масть лошадей как бы показывала облака в дневном освещении, тогда как фиолетовое, багровое и красное одежды, шапок и лиц окрашивало их подобно склонившемуся к горизонту вечернему солнцу. К тому же аретинцы отчетливо слышали раскаты грома, которые вольно им было принимать за удары барабанов, в то время как здесь более ужасными оказываются тишина и вынужденное молчание, будто бы неизвестная уничтожающая и препятствующая сила внезапно прервала ярость звука вместе с другими невидимыми истечениями. Но если воды полнящейся обильными дождями реки удерживаемы плотиной, они, бывает, отыскивают возможность обойти поставленное препятствие. Не обнаружилась ли такая возможность близко к верхней границе отведенной Мастеру площади, где от действия жара огня или от другой причины грунт стронулся и потек? И не способствовало ли несчастью особенное внутреннее напряжение, напоминая таким образом о необходимости свободной циркуляции духовных токов, чтобы они могли изливаться и заполнить пространство перед картиною?

83

Большая птица начнет свой первый полет со спины исполинского лебедя, наполняя вселенную изумлением, наполняя молвой о себе все писания, вечной славой гнезду, где она родилась.

Поведением человек оказывается иной раз сходным с кошкою, которая, если дверь закрывается перед ее носом, непременно желает проникнуть в недоступное помещение, когда же добивается этого, тотчас желает обратного. Начавшиеся, условно говоря, 30 мая 1506 года времена, условно, поскольку судьба не разделяет порученную ей жизнь на главы, но тут все происходит сфумато, рассеянно, некоторые исследователи называют временами скитаний. Однако это название не так удачно: Леонардо скорее предпочитал воображаемые путешествия тропинками познания, хотя его склонностям домоседа не потворствовала судьба, вынуждавшая его к большей решимости в перемене места, чем ему ото свойственно. Если же у него с Флоренцией снова не сладилось, тут виноваты отчасти неуважение и отвратительная скупость гонфалоньера, однажды велевшего уплатить художнику медными деньгами, так как других будто бы не было в кассе. Когда Леонардо возмутился и не стал их принимать, говоря, что он не грошовый художник, эти полные достоинства слова передали гонфалоньеру Содерини, тот страшно разгневался, топал ногами и кричал.

Тем временем наместник французского короля в Милане маршал Карл де Шомон частыми настойчивыми просьбами и скрытыми в них угрозами вынуждал магистратов отпустить Леонардо в Ломбардию; и тут как быв предвидении надвигающейся необходимости уступить могущественному просителю гонфалоньер, покуда он мог с легкостью это сделать, причинил живописцу еще неприятность, обвинив его в присвоении денег за несделанную работу и не взявши в расчет аргументы, свидетельствующие о невозможности ее продолжения. Чтобы рассчитаться с казною, Леонардо пришлось набирать деньги у друзей, также возмутившихся наглостью гонфалоньера.

Увы, в поведении должностного лица видна не так привычка одного недостойного человека, но пагубная уверенность большинства, будто бы Италия настолько богата талантами, что беглецы или отпущенные, как Леонардо, не много в этом убавят, и обращение с ними не требует вежливости. Прелестнейшим майским утром Леонардо, Салаи, их прислуга и возчики покидали Флоренцию. У ворот Сан Галло стража проверила груз и выпустила караван на свободу, надышаться которой возможно только за пределами города, поскольку воздух внутри загрязнен испарениями судейских чернил и гнилой соломы, застилающей пол в местах заключения преступников. Здесь же, в полях, воздух очищается пробегающими ветерками и дыханием цветов и трав. Низко над землей кружатся чибисы, выхаживающие птенцов в это время года, и криками предупреждают опасность, тогда как путники, тревожа других, избавляются от страха и притеснения и продвигаются не торопясь в превосходном расположении духа.

Поначалу дорога вьется у подножия Монте Чечери, Лебединой горы, или, лучше сказать, лесистого холма близко от Фьезоле, чью горбатую спину Леонардо находил удобной для испытания аппарата. Это если бы он был готов, но тут как раз служат помехой частые передвижения Мастера.

Названная птица должна при помощи ветра подниматься на большую высоту, и в этом будет ее безопасность, потому что даже в случае, если бы ее постигли все ранее названные опрокидывания, у нее есть время вернуться в положение равновесия. Лишь бы члены ее были большой стойкости, способные противостоять стремительности и импульсу спуска связками из прочной дубленой кожи и сухожилиями из сырцового шелка. И пусть никто не возится с железным материалом, потому что последний быстро ломается на изгибах или изнашивается.

Мастер имеет в виду сочленения крыльев, что касается железных пружин, относящихся к внутренним органам и движителю искусственной птицы, он, по-видимому, от них не отказывается. Впрочем, в душе Леонардо происходит как бы мерцание, замыслы не движутся прямыми путями, но петляют, подобные болотным огням, которые обступают путешественника в темноте ночи и внезапно раздваиваются или гаснут, а затем возникают в другом месте. Но все же, если такие огни наблюдать в течение целой ночи, их беспорядочно движущаяся совокупность даст общее направление или порядок, хотя бы противоположные тому, что устанавливает сам Леонардо, определяя теорию как полководца, а практику как его солдат. В действительности, учитывая чертежную практику или воображаемое осуществление, полководец плохо поспевает за войском.

Когда гасконские арбалетчики расстреляли миланского Коня и, забравшись в верхнее помещение башни св. Готтарда, разрушили инструмент и готовые части сооружения, а бумаги сожгли и сделали невозможной всякую практику, Леонардо, вступивший в последнюю треть срока жизни, вновь оборачивается к теории и, как это ему свойственно, отступает далеко-далеко, к первым истинным, доступным познанию началам, по его выражению. «Трактат ополете птиц», созданный Мастером, покуда он, подобный легчайшей пылинке, гонимой дуновением ветерка, большую часть времени проводит между Флоренцией и Миланом, открывается параграфом о происхождении тяжести.

Тяжесть рождается, когда одна стихия расположена над другой стихией, более тонкой, чем она.

Тут ничего нет нового и оригинального, чего бы Леонардо не повторял многажды на разные лады, однако с сохранением первоначального смысла; как ни ново для него сочетание расхожей научной сентенции с поразительной находчивостью исследователя, все же еще раз приходится удивляться зоркости и вниманию, улавливающим при быстром сложнонаправленном движении птицы подробности, недоступные менее проворному глазу и меньшей сообразительности:

Если птица захочет быстро повернуться той или другой стороной и продолжать движение по кругу, она будет дважды ударять крыльями вниз на этой стороне, гребя крылом назад, тогда как другое крыло будет оставаться неподвижным или же на один взмах придется два взмаха противоположного крыла.

И на обороте того же одиннадцатого листа – или, лучше, листка, поскольку книжка имеет

формат в одну шестнадцатую, то есть не больше женской ладони.

Импульс одного из крыльев, отбрасываемого ребром в сторону хвоста, порождает внезапное круговое движение птицы вслед за импульсом указанного крыла.

Но еще важнее отдельных записей их сочетание и композиция в целом, хотя отчасти из-за размеров указанной книжки, имеющей еще и страниц всего восемнадцать, постепенности, необходимой для правильного научного изложения предмета, получается даже меньше, чем в строительной механике. Ступени метафорической лестницы оказываются так высоки, что ими трудно воспользоваться; поэтому верхние поднебесные области соединяются со своей опорой и далее с центром мира не иначе подобно тому, как певчие жаворонки, складывая крылья, падают вниз и после взмывают в воздух, одновременно громадными стежками или взмахами раскачивается воображение читателя, которому делаются доступны удивительные метаморфозы, поскольку центра Земли достигает не жаворонок, но чисто теоретическое создание, лишенное образа, тогда как на обратном пути оно покрывается мышцами, перьями и пухом. И, наоборот, во время падения, где-то близко к твердой оболочке Земли, перья и пух опадают, на месте связок и сухожилий оказываются дубленая кожа и шелк, а на месте мускулов – пружины. Жаворонок складывает живые крылья, имеющие теплоту, нервы и кровь, и все остальное, а расправляет искусственные: возникает невозможная срединная сущность, как бы звучащее человеческим голосом эхо творения. Сославшись же на Леонардо, когда он говорит, что каждый отпечаток тяготеет к постоянству или желает постоянства и что ухо на известное время сохраняет звучания, а глаз – изображения предметов, и имея в виду такие быстрые метания или стежки, можно отсюда заключить о своего рода одновременном видении трех ипостасей: живая птица, искусственная и теоретическая.

«Трактат о полете птиц» заканчивается на следующей меланхолической ноте:

Великую усталость испытывает ладонь со стороны большого пальца или руля крыла, ибо эта часть ударяет о воздух.

Частица или не иначе намекает на возможность переселения душ, представляющуюся здравому смыслу невероятной, однако недаром изобретатель поочередно отождествляет себя с живой птицей, искусственной и теоретической. Если же станут возражать, что переселение не кажется необходимым, но простое сходство и аналогия позволяют применительно к крылу использовать слова или их сочетания, как ладонь и большой палец, можно сослаться на выражение великая усталость, скорее уместное в поэтическом тексте, где речь идет о вещах наиболее тонких, недоступных ученой прозе, как ни тщательно она отработана. С другой стороны, усталость изобретателя, пережившего вместе с его детищем все перипетии полета, удачно передает и сообщает читателю композиция этого небольшого трактата, включая отдельную запись, поместившуюся на обороте последнего, восемнадцатого листа, иначе говоря, на обложке, и звучащую как эхо и перифраз цитированного прежде вступления:

С горы, от большой птицы получившей имя, начнет полет знаменитая птица, которая наполнит мир великой о себе молвой.

84

Солнце дает растениям душу и жизнь, а земля питает их влагою. Последнее я проверял на опыте, оставляя у тыквы только один крошечный корешок и хорошо питая ее водой. Эта тыква полностью принесла все плоды, какие только могла, их было около шестидесяти, самых крупных. Я усердно наблюдал эту жизнь и узнал, что ночная роса обильно проникает своей влагой через черешки широких листьев, питая растение с его детьми или, вернее, с теми яйцами, которые должны производить его детей.

Хотя говорят, что прилежные подражатели, выуживая из великого произведения вещи наиболее заметные, не видят некоторых тонкостей своего образца и что, мол, от этого их живопись довольно пошлая, с таким мнением трудно полностью согласиться. Прелестная улыбка, изобретение Леонардо, в том виде, какой она приняла у названных подражателей, с еще большею силой привлекает малоопытные и робкие души, достигая той цели, которую отчасти преследовал Мастер, желая влиять и господствовать. Если же известные люди, представляющиеся знатоками искусства живописи, такое прямое сильное воздействие

презирают за пошлость, поясняя, что-де тончайшую субстанцию света и тени, поддерживающую – понятно, в метафорическом смысле – правильное и легкое дыхание зрителя, подражатели слишком сгустили и от нее можно погибнуть, как от ядовитого испарения, предоставим знатоков их надменности. Что касается публики в целом, она не обладает необходимой чувствительностью, чтобы сразу исчерпывающим образом оценить какое бы ни было произведение великого Мастера; поэтому полезны и необходимы преподаватели в виде леонардесков, которые эту широкую публику подготавливают для понимания.

В отсутствие Леонардо число его подражателей в Милане и всей области Ломбардия быстро увеличивалось; при этом ради озорства или выгоды некоторые приписывали свои произведения Мастеру, и обман оставался нераскрытым, настолько другой раз оказывался удачен. Бернардино Луини, наполовину грек, наполовину миланец – а это дает хитроумие и сообразительность страшные, – воспользовался картоном со св. Семейством и Иоанном Крестителем, остававшимся на хранении у одного миланского дворянина, и расписал доску, тщательно следуя приемам и способам Мастера. Когда тот увидел работу Бернардино, то в удивлении воскликнул, что сам он не сделал бы лучше.

В течение года, который в нарушение условленного с Синьорией срока Леонардо оставался в Ломбардии, он написал для наместника Леду с близнецами-диоскурами, только вылупившимися из яиц, снесенных ею от чудесной связи с Юпитером. Миланские живописцы все как с ума посходили от восхищения и зависти к этой картине, и многие добивались сделать копию. Прежде дремавшие, как ленивые извозчики, здешние мастера теперь пробудились и взялись хлестать лошадей: опережая один другого, они обратились к новизне Леонардо с его исключительной терпкостью и странными фантазиями. То же самое произошло с заказчиками – миланский вельможа непременно желал, чтобы навстречу какому-нибудь посетителю из мглы гардеробной или другого темноватого помещения улыбалась соблазнительная химера, имя которой прикрепилось к подобного рода произведениям из-за их двойственности и даже тройственности и многосмыслия: химера имела три головы. Тут же латинское или греческое перепуталось с христианским, а что касается третьего, оно не может быть приписано никому и принадлежит Леонардо.

В Милане ожидали короля Людовика, и когда он явился, то в восхищении от выдумок Мастера, как нельзя лучше украсившего торжественную процессию и длившийся три дня праздник, предоставил ему жалованье королевского живописца вместе с доходом от части городского канала у Сан Кристофоро и разрешением производить там исследования и опыты с текущей водой. Людовик затем обратился к нотариусам за восстановлением прав Леонардо на виноградник у Верчельских ворот, но это дело оказалось более трудным, поскольку противоречило королевскому указу о конфискациях. С другой стороны, более чем двадцатилетней давности тяжбу с монахами св. Зачатия королю удалось прекратить, перекупив «Мадонну в скалах» за сумму, значительно большую указанной в договоре, монахи же получили другую Мадонну, исправленное повторение прежней. Лицо коленопреклоненного ангела здесь не имело настолько лукавого выражения и отсутствовал указующий жест, в котором настоятель усматривал неприличный намек на флорентийское происхождение Мастера. Зато появились полагающиеся святым персонажам венцы или сияние – таким образом, тяжущиеся стороны согласились к обоюдному удовольствию, не потерпев другого убытка помимо времени, истраченного на крючкотворство. А повторение «Мадонны в скалах» под присмотром и по указаниям Мастера почти целиком исполнил Амброджо да Предис: вторично судьба взяла его когтями, как Ганимеда, подняла к небу и пронесла на далекое расстояние. С доступной пролетающим птицам точки он увидел раскинувшуюся внизу землю и глотнул воздуху, достающегося обычно лишь ангелам, этим птицам и Мастеру. Ведь когда Леонардо кого-нибудь забирает с собой в верхние области, этот человек за короткое время может создать превосходную вещь. Поэтому не следует удивляться, отчего посредственному живописцу, как Амброджо да Предис, далась подобная вещь, а что в других обстоятельствах он остается довольно посредственным, как и прежде, это находит аналогию в Аристотелевой физике, где соприкосновение движимого тела с его движителем является необходимым условием движения. Между тем у другого живописца или скульптора, скажем, у Кристофоро

даль Гоббо, когда вселяется в него импульс Мастера, переворачивается все существо; и может, он в глаза не видел своего обожаемого, но уверенно направляется к цели и движение не затухает, а это хорошо согласуется с новейшим представлением об инерции тяжести. Если же Леонардо застал население Милана отчасти ему подчинившимся и повинующимся, как в дни императорской свадьбы или даже еще послушнее, на это срабатывал оставшийся сильнейший импульс Коня, когда люди покидали Корте Веккио, где чудовище, сбросившее доски сарая, заменяющие ему одежды, давало себя посмотреть, будто бы оглушенные ударом. Некоторым наиболее впечатлительным еще и теперь воздух в отдалении внезапно представлялся колеблющимся, как при землетрясении или в сильную жару, и мерещился Конь: хотя знаменитая статуя непоправимо разрушена, земля сотрясается от ее страшного хода. Если же упомянутый Кристофоро даль Гоббо, скульптор, изготовивший гробницу с фигурами герцога Моро и герцогини Беатриче, помещенную в ризнице монастыря делла Грацие, избегая придавать фигурам больше движения, так как считал, что они от этого развалятся, и, работая по старине, до сорока лет не менялся, трудно понять, чего здесь больше – упрямства или тупости. Но, как это бывает у подобных людей, спустя больше десятилетия после знаменитой экспозиции Коня в Корте Веккио Кристофоро словно бы осенило или ударило, и он настолько принял новизну, что служащие Собора поместили его «Еву» в наиболее темном углу, опасаясь соблазна для верующих, так далеко она выдвинула бедро в контрапосте.

И все же никто не может следовать Мастеру всюду, куда обращаются его любопытство и изобретательность: для этого следовало бы находиться одновременно в разных местах. Оставшись, когда король покинул Милан и возвратился во Францию, всецело под покровительством наместника, полюбившего его, можно сказать, как родного отца, Леонардо устраивал этому наместнику все развлечения, какие только мог придумать.

При помощи мельницы произведу я ветер в любое время и заставлю подняться воду, бьющую ключом и свежую. Канал будет шириною с пол-локтя, с резервуарами, всегда прохладными, наполненными вином. И другая вода будет протекать по саду, орошая померанцы и лимонные деревья, насколько им это нужно. Также будет сделано при помощи мельницы много водопроводов по дому и источников в разных местах, и некий переход, где кто пройдет, отовсюду вода брызнет вверх, если кто пожелает снизу окатить женщин или кого другого, там проходящего. Сверху сделаем тончайшую медную сеть, которая покроет собой много разных видов птиц, – и вот у вас беспрерывная музыка вместе с благоуханием цветов на лимонных деревьях.

Между тем как Леонардо добивался разрешения тяжбы о конфискованном французской администрацией винограднике у Верчельских ворот, где он намеревался поставить дом для жилья и отдельно лабораторию, наместник маршал де Шомон позволил ему – впредь до подыскания другого удобного пристанища – находиться в своей резиденции в приходе св. Вавилы. И Леонардо там пользовался всеми преимуществами, которые достаются высокопоставленным сановникам в повседневной жизни, в виде почтительной и быстрой прислуги, нарочно доставленной из Франции, и всего остального. Что касается широты и свободы в выборе занятий – где еще Мастер имеет возможность распоряжаться своим дарованием словно многострунного арфой, произвольно дотрагиваясь то здесь, то там, извлекая приятнейшие звучания или внезапно пробегая проворными пальцами по струнам снизу доверху?

Но если Мастер покидает Флоренцию ввиду неизбежной, хотя об этом достоверно известно ему одному, гибели живописи в зале Совета в Палаццо, а больше из-за придирок и несправедливости гонфалоньера, невыносимых от земляка, тогда как от иностранца большее терпят и не обижаются, каково все же ему находиться в Милане, где под сводами городских ворот еще недавно были развешаны и раскачивались ветром останки его задушевного приятеля Джакопо Андреа Феррарского, разрозненные топором палача? Каково ему видеть освежаемые частыми дождями и хорошо заметные среди мостящих улицы камней, подобные каплям крови, улики другого ужасного преступления – обломки частей или отдельных скорлуп глиняной литейной формы, откуда должно было вылупиться переделанное в бронзу изделие, а в действительности произошли многочисленные леонардески? И этот изменник маршал Тривульцио, равнодушный к бесчинству расстреливающих драгоценную статую гасконцев и

больше огорчавшийся пропажей латинского Курция, которого таскал за собой в седельной сумке, теперь сообщает о намерении соорудить для себя памятник или надгробие в этом роде, хотя меньших размеров!

Кажется, прав тот мудрец, который считает, что великому человеку вместе с другими преимуществами судьба дарует исключительную способность забвения или умышленной слепоты, помогающую ему сохранить спокойствие духа перед лицом ужасных несчастий, поражающих всех без разбора. И вот уже воображение Мастера колеблется между скачущей фигурой коня и спокойно идущей, склоняясь к изначальному проекту, приготовленному в свое время для Сфорца, хотя с изменениями: кто прежде имел вид гордого всадника, теперь простирается ниц, и копыта поднятой на дыбы его неприятелем лошади ему угрожают, в то время как остальные из Сфорца, его родственники, в виде пленных воинов привязаны к окружающим основание памятника колоннам и сгибаются под тяжестью антаблемента.

Впрочем, и в более благоприятных обстоятельствах люди собою полностью не распоряжаются. Леонардо остается гражданином Флоренции, чьи магистраты удерживают над ним власть; в этом городе сохраняется большая часть его денег, а именно – в кассе монахов госпиталя Санта Мария Нова; во Флоренции Леонардо имеет друзей и отягощен воспоминаниями молодости; наконец, он имеет там братьев, с которыми соединяется прочными узами имущественной тяжбы, поскольку от наследства Пьеро да Винчи они отказываются отделить его законную долю. Поэтому Леонардо прикреплен равно как к Флоренции, так и к Милану, и обращается между двумя городами наподобие ткацкого челнока. А чтобы лучше представить частоту обращения, уместно привести расписание его путешествий:

1506 год, 30 мая – уезжает в Милан.

1507 год, 5 марта – вновь во Флоренции, но в июле – Милан, тогда как в сентябре опять во Флоренции.

1508 год, сентябрь – Леонардо в Милане.

1509 год, март – снова во Флоренции.

85

Начато в доме Пьеро ди Браччо Мартелли, марта 22 дня 1509. И это будет сборник без порядка, извлеченный из многих листов, которые я переписал здесь, надеясь потом распределить их в порядке по своим местам соответственно вещам, о каких они будут трактовать. И я уверен, что, прежде чем дойду до его конца, мне придется повторять одно и то же по многу раз; а потому, читатель, не пеняй на меня, ибо предметов много и память не может их сохранить и сказать: об этом не хочу писать, ибо писано раньше; и если бы я не хотел впасть в подобную ошибку, необходимо было бы в каждом случае во избежание повторений всегда перечитывать все прошлое, и в особенности в случае долгих промежутков времени от одного раза до другого при писании.

Молодость, а отчасти и зрелость испытывают удручающее томление от неизвестности будущего, которым возможно овладеть и правильно распорядиться единственно с наступлением старости. Однако преклонный старческий возраст имеет свои недостатки, и тут прежде другого называют ослабление памяти, которое – стоит ли пояснять – не имеет малейшего отношения и сходства с благородной способностью направленного забвения, этого лекарства души. Здесь мы имеем дело с чистой порчей или убытком, распространяющимися на все области деятельности. Так, более трудно становится сохранять вершу в целости, придерживая топорщащиеся прутья, чтобы не расплелись и не разрушилось сделанное прежде. Если же некоторые старики освобождаются от излишнего груза, оставляя в котомке необходимое, – неприкрепленность к месту, хотя дает некоторое освобождение духа, приносит и неприятности, поскольку тончайшие теории не удерживаются прочно в воображении, а рукописи, оставленные иной раз без надежного присмотра, рассеиваются и пропадают. Что касается нынешнего пребывания во Флоренции, помимо упомянутого переписывания отрывков и составления сборника без определенной направленности и цели, внимание Леонардо занято тяжбою с его братьями вместе с прибавившимся обстоятельством: скончавшийся вдовым и бездетным Франческо да Винчи, испытывавший при его жизни особенное расположение к

старшему племяннику, оставил ему по завещанию неравномерно с другими, чем возбудил встречный иск с их стороны.

Если Леонардо подолгу беседует с Пьеро Мартелли, наиболее образованным и сильным в математике из приютившего его семейства, но не обижает молчанием и менее сведущих, тут отчасти причиною способность сочувствия, когда владеющий ею легко приноравливается к каждому человеку, кто бы он ни был. Так, много времени Леонардо уделяет Джованфранческо Рустичи тридцати шести лет, скульптору, арендующему помещение в доме Мартелли. О нем его соотечественники отзываются как о человеке приятном и любезном, тогда как Вазари упоминает о его причудах, поясняя, что никто больше его не любил животных:

«Он так приручил дикобраза, что тот лежал под столом, точно собака, а иногда жался к ногам, отчего приходилось их подбирать. Был у него орел и был ворон, который говорил множество слов так чисто, будто человек. Занимался он чернокнижием, – продолжает Вазари, – чем, как я слышал, наводил жуткий страх на своих слуг и домашних. Он выстроил помещение вроде грота, в котором держал много змей, точнее говоря, гадов; а так как выйти оттуда они не могли, величайшее удовольствие ему доставляло смотреть, особенно летом, на дурацкие штуки, которые они там выделывали, и их ярость». Правду говоря, странной была эта любовь и странный человек Джованфранческо Рустичи.

В частных домах Флоренции находилось много глиняных коней небольшого размера с сидящими на них всадниками и поверженными ниц фигурками неприятельских воинов, и все они были сделаны Джованфранческо Рустичи и раздарены автором его друзьям, ибо, замечает Вазари, был он не в пример большинству ему подобных человеком добрейшим, не скупым и не жадным. Такие люди редко если встречают ответную щедрость со стороны тех, кого они облагодетельствовали как могли, да они на это и не рассчитывают. И все же случается, что они бывают разом сторицей вознаграждены за все их добрые дела.

Когда Леонардо в этот раз прибыл во Флоренцию из Милана, Джованфранческо преподнес ему скульптуру из обожженной глины, всем, помимо размеров и расцветки, повторяющую с большой точностью «Битву за знамя», ловко выхватывая, можно сказать, изумительное произведение у готовящихся им завладеть уничтожения и бренности. Имея возможность сравнения, нетрудно было бы вообразить, что вышеупомянутые глиняные кони, находящиеся в различных домах у обывателей, частично есть изобретение Мастера, взятое Джованфранческо, может быть, из «Волхвов», сохранившихся недоступно для постороннего глаза в гардеробной у Бенчи, поскольку этот Рустичи как человек благородного происхождения вхож был, куда другие не вхожи. А разве иные из глиняных коней, молотящих копытами над неприятелем, не созданы под впечатлением от первой восковой модели миланского Коня? Правда, здесь есть одна трудность, что, если человек не был в Милане, никакое благородство происхождения ему не поможет, когда не видел самую вещь.

Итак, консулы цеха менял заказали Джованфранческо Рустичи бронзовые фигуры для Баптистерия – проповедующего Иоанна Крестителя и слушающих фарисея и левита, – Леонардо же взялся ему помогать. Это в то время, когда Флоренция не располагает ни одним полностью законченным произведением Мастера, помимо отлитых им в юности гипсовых головок; а что есть незаконченного, разрушается, как живопись в Палаццо, или недоступно для посетителей подобно «Волхвам».

Однако по природе все так устраивается, что недостаток в одном восполняется каким-нибудь соответствующим ему избытком. Между учениками Джованфранческо Рустичи, хотя он сам был скромным учеником относительно Мастера, находился сын одного ювелира Бартоломео или, как сокращают в Тоскане, Баччо. По отцу его следовало называть Баччо ди Микеланджело, но из ненависти к знаменитому Буонарроти он этого не пожелал и был известен как Баччо Бандинелли. Между тем Леонардо, познакомившись с рисунками этого Баччо, их расхвалил, чем отчасти заслужил его бесконечную преданность.

Имея, по-видимому, как образец Леонардова «Св. Иеронима», Баччо, сообщает Вазари, вылепил из воска фигуру этого кающегося пустынника высотою в полтора локтя, совершенно иссохшую, так что на ней были видны изможденные мышцы и большая часть жил, натянутых на кости, и сухая морщинистая кожа. «Эта работа, – говорит знаменитый биограф, богатый всевозможными сведениями, – была выполнена так тщательно, что все художники, и особенно

Леонардо, признали, что никогда ничего лучшего и с большим искусством выполненного в этом роде видано не было». Так вот, благодаря рвению людей, как этот Баччо или Джованфранческо Рустичи, достаточно оказывалось заботящихся о распространении и сохранении в веках славы величайшего из флорентийских художников. И даже если бы все его работы без исключения разрушились и исчезли, он был бы известен и почитаем потомками не меньше, чем какой-нибудь Фидий, от которого также не осталось достоверных работ. Остается добавить, что не переведенная в более долговечный материал восковая скульптура Баччо Бандинелли затем бесследно исчезла, тогда как ее образец, то есть «Св. Иероним» Леонардо, невредим и существует поныне; но это не наносит большого ущерба справедливости высказанных здесь соображений.

Некто говорил, что на его родине появляются на свет самые странные вещи в мире. Другой ответил: «Ты, родившийся там, подтверждаешь, что это правда, странностью безобразного твоего облика».

Старательный Баччо был вместе человеком без меры тщеславным и склочным, и многие его избегали и опасались. Однако Леонардо при его наблюдательности и знании людей, как говорится, закрывал на это глаза, а неумеренными похвалами только разжигал тщеславие и самонадеянность этого Баччо. Так что, помимо тончайшего сочувствия, Мастеру были свойственны еще и пристрастия.

Вместе с Салаино и Зороастро с его некромантией доброжелательством Леонардо пользовался известный Джованни Антонио Бацци, которого с ранней молодости называли Матаччо, то есть Безумный, или Сумасброд, а впоследствии он присвоил себе постыдное прозвище Содома, и так оно за ним осталось. Когда Леонардо, находясь в Милане, работал в трапезной делла Грацие, Матаччо появился возле монастыря на низкорослом осле; ноги всадника достигали земли, и, так как он ими нарочно двигал, со стороны представлялось, будто бы у животного шесть ног; что касается внешности самого Матаччо, то если бы он был настолько миловиден, как Салаино, этого не удалось бы проверить, поскольку его лицо находилось в беспрерывном движении, как и у обезьяны, которую он имел при себе обученной различным проделкам. Также невозможно было узнать от этого Джованни Антонио что-нибудь достоверное о других его качествах путем расспросов: для ему подобных язык является орудием лжи и напрасного бичевания воздуха, редко если они его применяют для сообщения истины. Когда Матаччо находился в помещении трапезной, отличавшейся превосходной акустикой, здесь раздавались непристойные песни и всевозможные дурацкие шутки и выкрики, хотя Мастер, случалось, с ним разговаривал. О чем, однако же, беседовать с таким человеком?

В Верчелли, откуда он был родом, Джованни Антонио Бацци обучался живописи и в Милане намерен был совершенствоваться в этом искусстве. И что удивительно – Марко д'Оджоне, с исключительным прилежанием и робостью копируя Мастера и оставаясь возле него долгое время, достигал меньшего сравнительно с этим Матаччо, или же Содомой, который, не считаясь в числе учеников, не внося платы за обучение и не отличаясь старательностью, впитывал и затем излучал посредством своих произведений довольно тонкие качества Леонардовой живописи, недоступные другим подражателям, и впоследствии прославился как наиболее даровитый. Законные дети художника, какими наравне с произведениями можно назвать его учеников и помощников, бывают иной раз менее счастливы, чем эти приблудные.

В компанию друзей Леонардо хорошо добавить еще Пьеро ди Козимо, проводившего, по удачному выражению Вазари, свою странную жизнь в странных фантазиях: «Он часто ходил наблюдать животных или растения, или другие какие-нибудь вещи, которые природа нередко создает странно и случайно. Иногда же он долго рассматривал стенку, в течение продолжительного времени заплеванную больными, и извлекал оттуда конные сражения, невиданные фантастические города и обширные пейзажи». Если сюда прибавить упоминавшуюся прежде колесницу Смерти, тайно изготовленную Пьеро ди Козимо в Папской зале Санта Мария Новелла, следовавших за ней в триумфальной процессии лошадей, отобранных между самыми худыми и изможденными, и мертвецов, их оседлавших, – всего этого перечня выдумок, возмутительных или ужасных привычек, смехотворных привязанностей и прочего будет достаточно, чтобы определить в поражающем с первого взгляда разнообразии то общее, что крепко соединяет и связывает отдельные лица в круге

Леонардо да Винчи.

Кажется, вернее всего назвать это общее странностью. Прежде, хотя и по сию пору между людьми искусства таких большинство, можно сказать, подавляющее, живописцы старались из всех сил, и многим это хорошо удавалось, ничем не отличаться от остальных. Впрочем, в естественном и понятном желании быть как все ровно ничего странного, и многие, нарочно теряясь в толпе, оберегают свою безопасность. Но случается, что подавляемое меньшинство, будучи многократно осмеяно, уничтожаемо и различными жестокими средствами принуждено к соглашению, внезапно одерживает верх. Такой оборот оказывается одинаково неожиданным для победителей и побежденных, но с известного времени некоторые живописцы открыто заявляют и даже бахвалятся желанием быть не как все, чего они и добиваются каким-нибудь способом, относящимся ли к их искусству, манерам или внешности, это по-разному. Отсюда пошла распространяться ужасная лихорадка разнообразия, которая впоследствии привела к тому, что живописцы, скульпторы и музыканты из порядочных граждан превратились в каких-то изгоев между соотечественниками, в странников и странных людей.

Но если среди этих каждый старается отличиться на свой лад, и чем удивительнее, тем, они считают, успешнее, так же они любят собраться в кружки и сообщества, настолько же странные и, кажется, имеющие целью вышучивать все, что есть на свете. Понятное дело, эти кружки или сообщества присваивали себе и названия самые дурацкие. «Однажды, – рассказывает Вазари, – когда Джованфранческо Рустичи был хозяином на ужине сообщества Котелка, столом служил огромнейший котелок, сделанный из лохани, куда залезли все будто в чан с водой. Внутри кругом были расставлены блюда, и от ручки котелка, как бы подвешенного к своду помещения, исходил яркий свет. Когда же все разместились внутри котелка, из середины вдруг начало расти развесистое дерево, на ветвях которого были размещены по тарелкам кушанья. Затем оно опустилось вниз, туда, где находились подающие, и вскоре поднялось снова со вторыми блюдами, а после и с третьими. Рустичи в тот раз принес чугунок, сделанный из теста; в нем Улисс[51] купал своего отца, дабы омолодить его. Обе фигуры были сделаны из вареных каплунов, которым был придан вид людей с частями тела, искусно сделанными из различных съедобных вещей. Андреа дель Сарто принес восьмигранный храм, сделанный наподобие храма Сан Джованни, но поставленный на колонны. Пол в нем заменяло блюдо с разноцветною желатиной, расположенной в виде мозаики, колоннами были большие толстые колбасы, а базы их и капители были сделаны из Пармского сыра».

Святой храм, превратившийся в нечто съедобное, и таким образом понятое чудо пресуществления, когда пресные хлебцы обращаются в тело Христово, могут быть истолкованы в качестве символа времени, а вернее, текущего момента, которому искусствоведы присвоили имя Высокого Возрождения. Тут все перепутывается, прошлое меняется местами с будущим, а если находится какая-нибудь серьезная вещь, следи за нею внимательно, и внезапно она тебе подмигнет. Когда же что-либо придумывается ради шутки, следует от этого ожидать обратной метаморфозы от низкого к высокому и значительному или духовному. А поскольку подобные превращения случаются довольно часто и когда их не ожидают, вещи не успевают переменить имя и остаются с тем, что им присвоено первоначально. Отсюда получается, что какое-нибудь сообщество Влажных, della Umidi, мистифицирует самую солидную и не имеющую причины скрываться ученую деятельность, а знаменитая и наиболее авторитетная в филологии академия, по преимуществу занятая сохранением и улучшением языка, называется della Crusca, то есть академия Отрубей.

Что касается Леонардо да Винчи, то его круг, даже и самый широкий, включая далеких по расстоянию и по времени последователей и подражателей, вполне можно считать академией, а лабиринт, содержащийся в кольцеобразном пространстве между окружностями, – ее печатью. Также он является основателем и почетным главой многих других академий, существование которых на протяжении времени отмечено рядом чудесных и поучительных метаморфоз. Не перечисляя всех полностью, назовем как наиболее дивную преобразование странников и чудаков в свирепых преподавателей, хотя сохраняющих кое-что от артистической внешности и

---

51 Улисс – другое имя Одиссея, царя Итаки, сына Лаэрта и Антиклеи, любимого героя гомеровского эпоса.

поведения, однако противящихся переменам и косных: через них учреждение, основанное доброжелательными людьми в целях отыскания истины, становится вполне тираническим, и что впредь от него ожидать – неизвестно.

Итак, когда видишь человека неуживчивого и с причудами, смотри, не занимается ли он искусством. Аргументируя перед магистратами злобою своих неприятелей, поставивших испорченное льняное масло, из-за чего-де разрушается грунт, Леонардо в тот раз и до этого и никогда впоследствии не дотрагивался до живописи в Палаццо, оставшейся неисполненной обязанностью перед Республикой, и его всегда могли за это упрекнуть. В ответ он с большим высокомерием ссылался на поручения короля и его сотрудников, забирающих все время, которого у него мало, и он еще его тратит на переговоры о тяжбе, ради чего остается во Флоренции, хотя мог бы с большим удобством исполнять упомянутые поручения, находясь в Милане. А это уже не так правдиво, как хотелось бы, поскольку значительную часть времени Леонардо истрачивает, помогая Джованфранческо Рустичи. Но Синьория, только перед тем в который раз отпустившая Микеланджело в Рим по настоянию папы, не желая также огорчать своего старинного суверена и защитника, французского короля, внезапно и скоро удовлетворила притязания Мастера к наследству Пьеро да Винчи и одновременно уладила дело, касающееся несправедливого якобы завещания дяди Франческо. И тут Леонардо счастливо заканчивает вместе с Рустичи отливку и окончательную отделку бронзовых фигур для баптистерия Сан Джованни. Досадно, конечно, что в свое время не удалась, вернее, не состоялась отливка Коня, а исключительное умение и изобретательность Мастер слишком охотно распространяет на работы менее важные и не принадлежащие ему одному, предпочитая учительствовать подобно Сократу, гордость которого была столь велика, что он не записал ни единого слова из своих разговоров, рассчитывая на прилежание и благодарность учеников.

Так или иначе, Леонардо покидает Флоренцию, проведя время с пользой – ведь как понимать эту пользу! – и еще увозя с собой две «Мадонны» небольшого размера, прелестнее и нежнее которых невозможно вообразить: одну для короля Людовика, другую господину Флоримону Роберте, его секретарю и благороднейшему меценату. Утомившись частыми путешествиями, Леонардо затем остается в Милане до возвращения Сфорца, хотя бы и временного, однако поразившего итальянцев как гром.

86

Существует два вида движения животных: местное движение и движение действия. Местное движение – когда животное передвигается с места на место, а движение действия – это такое движение, которое производится животным самим по себе, без перемены места. Местное движение бывает трех видов: восхождение, нисхождение и хождение по ровному месту. К этим трем видам присоединяются два: медленность и быстрота, и еще два других: движение прямое и извилистое. Движения же действия бесконечны вместе с бесконечными видами деятельности, осуществляемой человеком часто не без вреда для самого себя.

В замке Лош на Луаре, лишенный возможности местного движения и не встречаясь с людьми помимо грубых тюремщиков, Лодовико Моро разрисовывал стены своего помещения арабесками и надписями с помощью угля, извести или мела, что удавалось добыть. Впоследствии в такие места открыли доступ ради извлечения прибыли, так что любопытные собираются толпами и, разинув рты, выслушивают рассказывающих небылицы сторожей и хранителей. Но лучше бы их внимание обращалось к вещам более поучительным и достоверным; так, стены и потолок бывшего помещения герцога Моро украшены тщательно выведенными узорами из древесных стволов, ветвей и листьев, которые сходятся наверху в виде беседки и обвязаны лентою с инициалами герцога и его жены. Орнамент, образуемый лентой, в точности повторяет такой же в Замке Сфорца в Милане, хотя наверху, где изливающуюся в прогалину между ветвями небесную лазурь должен бы прикрывать герб миланских правителей, то ли потому, что рисующий не сумел дотянуться, то ли состояние его души этого не допустило, висит грязная паутина и селятся мокрицы и пауки. Притом посетитель, имеющий острое зрение, сможет судить, что пауки другой раз плетут сети, сообразуясь с фигурой октаэдра.

Когда дряхлый старик, внешность которого ничем не напоминала важную фигуру миланского герцога, скончался, в подчинявшихся ему прежде областях Италии стали являться знамения, извещавшие о переменах. Весной 1512 года в провинции Бергамо близ реки Адды упали с неба тысячи камней, чему предшествовало громадное пламя в виде огненного бревна, а в области Караваджо случилось землетрясение. При этом когда церковные колокола звонили сами собой, некоторые проницательные люди угадывали в их звучании имя старшего сына герцога Моро, Максимилиана. Подстрекаемый папою, этот Сфорца низринулся с гор, подобный снежной лавине; поскольку же исключительным высокомерием и жестокостью французы сильно опротивели жителям Милана, они показали больше дружелюбия к переменившейся власти, чем этого можно было ожидать. Между тем магистраты и служащие канцелярии спешили в Замок с униженными извинениями, а мастера, применяя всю изобретательность, устраивали пышную и торжественную встречу.

Однако швейцарские солдаты тоже были хорошие грабители, а герцог со своими советчиками добивался мести предателям его отца. Как свидетельствуют очевидцы, наступила пора смуты и всеобщего разорения; но неверно, будто бы Леонардо бежал, опасаясь наказания за измену, – если тут применять жесткие меры, в Италии скоро не останется выдающихся мастеров: без разбору вырубая и выкорчевывая оставшуюся после его предшественника полезную растительность, новый государь надолго себя лишает ее сладкого плода. С другой стороны, за двенадцать лет, исполнившихся к тому времени подарку герцога Моро – винограднику у Верчельских ворот, – Леонардо не прочно там укоренился и его в самом деле можно было уподобить однажды упомянутой тыкве, настолько же способной питаться из воздуха, насколько в других условиях берет от земли: душа его всегда готова была сняться с места. Правда, здесь идет речь о метафорическом питании, тогда как случается, что оскудевают источники, питающие художника в прямом смысле слова, являясь для него источниками существования. А такие стали мелеть еще прежде внезапного возвращения Сфорца.

При том, что господин Флоримон Роберте, королевский секретарь, выдающийся знаток и любитель искусства, никогда не имел достаточно средств показать свою щедрость, маршал Тривульцио, этот чем старше становился, тем скареднее. Согласно духовному завещанию от 1504 года маршал предусмотрел для своего надгробия три тысячи золотых дукатов; однако в различных составленных поздней дополнениях сумма неуклонно снижалась и теперь составляла одну треть первоначальной. Примерно же за год до потрясших Ломбардию событий, не дождавшись окончания Мастером картины, изображающей св. Иоанна Крестителя в пустыне, которую частями оплачивал, наместник Карл д'Амбуаз скончался от ушибов, полученных при падении с моста. Любопытно, что названное произведение, находившееся впоследствии у французских королей в Фонтенбло, приближенная Людовика Великого госпожа Ментенон, известная ханжа, приказала переделать в древнего Вакха, настолько трактовка Леонардо ей не понравилась. Иоанну дали повитый плющом и виноградными листьями жезл и отчасти прикрыли его наготу шкурой леопарда. Однако человеку с воображением в окружающем фигуру пейзаже скорее мерещится другая старина, не настолько затертая, где больше лесного и влажного, происходящего от испарений болот, как они видны утром, когда светает. По совпадению, сам Леонардо в автопортрете красным карандашом, сохраняющемся в Турине, с подобными крыльям проносящихся ласточек или стрижей бровями и бородою, струящеюся волнами и, как паутина, прозрачной, ничего не имеет от христианского священника, ни также от римлянина, но похож на языческого друида – жреца древних галлов.

Администрация Сфорца, занятая преследованием неприятелей, не показывала скорой готовности предоставить Мастеру, остававшемуся покуда в имении Ваприо, к северу от Милана, в верхнем течении Адды, где его застали перемены, какую-нибудь должность или богатый заказ. Тогдашний владелец имения, внук знаменитого графа Мельци, доверенного советника миланских герцогов, охотно развлекался его ученой беседой, а семнадцатилетнему Франческо Мастер преподавал правила живописи. При этом он прежде другого разъяснял понятие о достоинстве его ремесла и преимуществах, которыми обладает живопись между другими занятиями, и как они еще увеличились с той поры, как малоизвестный мастер из Эмполи, нанятый настоятелем приходской церкви для исправления деревянного распятия и живописи на стенах, дал ощутить Леонардо бодрящий запах гнилого козьего творога и куриных

яиц, применяемых при растирании красок, и широко раскрыл перед ним возможность как бы пересоздания мира отчасти в более совершенном виде.

Тем временем в другой области Италии, пользуясь гостеприимством урбинского герцога Гвидобальдо Монтефельтро, ожидали выхода на историческую арену еще некоторые важные лица. Из них Джулиано Медичи Великолепного можно было видеть в урбинском дворце десятилетием прежде, когда герцог Гвидобальдо скитался в горах, спасаясь от преследующих его охотников Цезаря Борджа, а тот, поселившись в гнезде, отнятом у его владельца, обсуждал е инженером Леонардо да Винчи дальнейшие грабительские предприятия. Но счастливцы, как Джулиано, путешествуя по крови и грязи, не пачкаются, а их преступления приписывают другим или относят неблагоприятному стечению обстоятельств. Ранее если кто возмущался поведением Медичи, то непременно винил старшего из братьев, наиболее наглого. Когда же Пьеро Медичи утонул при переправе после сражения под Гарильяно, проницательные люди стали присматриваться к отличавшемуся отвагой и хитростью и пользующемуся исключительным доверием папы кардиналу Джованни. Что же касается третьего и младшего Медичи, этот и в боевом седле, обвешанный оружием с головы до ног, не вызывал страха и ненависти, но все его приветствовали, чему еще помогало сочувствие слабости его здоровья – Джулиано имел больные легкие.

Не будучи женат, Джулиано утешался в обществе красивых образованных женщин. И если он дружески беседовал с герцогом, а при этом присутствовала синьора Пачифика Брандано, вдова одного испанского дворянина, находившаяся при дворе Монтефельтро, по ее замечаниям можно было судить об уме и обширных познаниях этой синьоры, а также о ее сердечной близости к Медичи. Мягкий и веселый нрав, охота, с которой она принимала участие в общих забавах, и готовность поддержать шутку, даже если прохаживались на ее счет, все это чудесным образом соответствовало имени, поскольку Пачифика означает Мирная. А так как в те времена при дворах были приняты всевозможные прозвища, синьору Пачифику Брандано другой раз называли Джоконда – Играющая.

Трудно себе представить более блестящий состав, нежели тот, что образовался вокруг урбинского герцога Гвидобальдо из беглецов и изгнанников, ожидающих перемен на их родине, как Джулиано Медичи, или поэтов, ищущих достойного покровителя, как Пьетро Бембо, или одаренных иными какими-нибудь способностями, как знаменитый впоследствии дипломат граф Лодовико Каносса. Поскольку же герцог Гвидобальдо из-за своей подагры мало показывался, его хорошо представляла приветливая и гостеприимная герцогиня Елизавета; среди ее дам были такие, как Эмилия Пиа, которую за исключительное свободомыслие называли Эмилия Импиа, то есть Нечестивая, и другие, выдающиеся умом и красотой, а среди присутствующих молодых людей одному судьба назначила стать дожем Генуи, двум другим – кардиналами, а четвертому – архиепископом Салерно. Здесь также находится Алессандро Тривульцио, кондотьер, родственник изменника маршала, предавшегося французам, и с ним вместе бежавшие при наступлении этих последних дворяне герцога Миланского, как Гаспаро Паллавичино. Но в особенности заслуживает упоминания граф Кастильоне, обессмертивший перечисленных прежде лиц в известном трактате «Иль Кортеджиано», или «Придворный», даже если они сами об этом не позаботились.

Обязанности и свойства хорошего придворного, как их представляет себе автор трактата, настолько многообразны, что поистине могут быть сравниваемы с деятельностью таких людей, как Леон Баттиста Альберти,[52] знаменитейший из универсалов истекшего столетия, или даже наш Мастер. Только если эти, можно сказать, вгрызаются мертвой хваткой в каждую отрасль, как бы желая ее полностью исчерпать и освоить, в хорошего или идеального придворного все богатство намерений переселяется будто в ослабленном виде, следуя удобной для хитрецов и недобросовестных лентяев рекомендации древних стоиков – «ничего слишком». Такие-то, с позволения сказать, универсалы набираются наглости попрекать своего самоотверженного протагониста за то именно, чем они теперь с легкостью пользуются, а именно – за право

---

[52] Альберти, Леон Баттиста (1404–1472) – итальянский художник, архитектор и ученый, разносторонностью и характером интересов сходный с Леонардо и являющийся в этом смысле его предшественником.

одаренного человека заниматься чем он захочет. Рассуждая применительно к искусству придворного о необходимом для этого умении рисовать, Кастильоне довольно некстати поминает Леонардо да Винчи и говорит о нем следующее: «Один из первых живописцев мира пренебрегает своим чудесным и редкостным искусством и погрузился в философию, где не создает ничего, помимо странных выдумок и новых химер, которые его живопись не в силах изобразить».

К счастью, люди так устроены, что, если кто в чем видит порок, другие усматривают в этом достоинство. Джулиано Медичи всему на свете предпочитал еврейскую каббалу и наиболее странные химеры; отчасти отсюда произошли дальнейшая дружба и покровительство, которое этот Медичи оказывал Мастеру.

87

Движение птицы всегда должно быть под облаками, чтобы крыло не намокало и имелась возможность открыть больше стран и избежать опасности переворачивания среди голых ущелий, которые бывают полны вихрей и водоворотов.

В феврале 1513 года умер папа Юлий II, и многие, чей достаток и процветание зависели от произвола первосвященника, с нетерпением и тревогой ожидали выбора коллегии кардиналов. Спустя месяц сторонники Медичи ликовали и радовались безмерно: папою под именем Льва X стал второй сын Лоренцо Великолепного – Джованни, незадолго до этого спасшийся из французского плена, который его настиг под Равенной. Военные успехи доставались папе Юлию ценой убыточных и опасных союзов, и если на месте испанцев после их поражения непременно оказывались французы, этих некому было менять, помимо испанцев, как если бы проклятые Борджа, самую память о ком папа Юлий желал уничтожить, обрушиваясь и разбиваясь на тысячу кусков, вновь затем возрождались, подобно зубам дракона, усатыми испанскими солдатами и бессовестными чиновниками. Беспрерывно колеблющимся итальянским весам неудача французов придала новый размах, чем воспользовались их соперники. Через пролом в стене, устроенный в Прато испанцами, которыми начальствовал не знающий жалости Рамон де Кардона, Джулиано Великолепный вошел в Тоскану для восстановления принципата Медичи. Библейский Давид, произведение Микеланджело Буонарроти, олицетворявший прочность и силу Республики и поместившийся на площади перед Палаццо, ничем не смог ему воспрепятствовать. Да и что может сделать один, если другие, кажется, полностью утратившие гражданские доблести, больше огорчаются порчей резного потолка в зале Пятисот, где грубый, невежественный испанец разместил своих конников, сравнительно с утратой свободы? Кого интересует свобода в то время, как все обеспокоены сохранностью живописи Леонардо, которую оставшиеся исполнять свои должности магистраты Синьории велели огородить рамою из досок и барьером?

Странное дело, но военачальники предпочитают устроить конюшню где-нибудь возле драгоценных произведений искусства, как это и случилось много позднее в помещении трапезной Санта Мария делла Грацие в Милане, где по сию пору сохраняется то, что осталось от «Вечери», хотя бы Вазари, прибывший в Ломбардию разузнать кое-какие подробности о живописцах менее семи десятилетий спустя после создания знаменитой картины, нашел на ее месте грязное пятно, как он выражается. С возвращением же во Флоренцию этого наиболее внимательного из летописцев, надеявшегося, что ни одна мелочь не останется им не разысканной, совпадает, по-видимому, окончательное разрушение живописи в зале Совета.

Тогда, а именно в 1563 году – к тому времени Флоренция утратила даже имя республики и полностью подчинилась титулованным Медичи, – герцог Козимо готовился к бракосочетанию светлейшего князя Франческо, наследника, и дочери императора Карла Иоанны и поручил все успевающему Джорджо Вазари существенную переделку и украшение залы, чтобы сделать ее достойной называться лучшей в Европе. Действительно, на тринадцать локтей поднят был потолок, увеличены окна, а стены оштукатурены заново и подготовлены к живописи, тем же Вазари скоро и выполненной, так что не осталось и дюйма, которого бы не коснулась его проворная кисть. Между тем не так задолго до этого, в 1549 году, флорентиец Аньоло Дони писал, перечисляя замечательные и интересные места, которые всякому путешественнику

следует посетить на его родине: «Войдя в Палаццо и поднявшись затем по лестнице в большую залу, взгляните внимательно на композицию из фигур лошадей и всадников – часть баталии Леонардо да Винчи, которая вам покажется поистине чудесной вещью». Так вот если в грязном пятне, которое якобы обнаружил Вазари в миланском монастыре Санта Мария делла Грацие на месте Леонардовой живописи, другие посетители не перестают находить редкостные достоинства и по сию пору покидают трапезную потрясенные, не преувеличивал ли он сам и его современники опасность таинственной порчи, постигшей «Битву при Ангиари», возможную быстроту ее разрушения и самую неизбежность последнего? Не напрасно ли они все подчинились предвзятому мнению, будто бы Леонардо не способен что-либо заканчивать и его работы обречены скорой гибели? При работах в Палаццо, предпринятых герцогом Козимо, не покрыто ли штукатуркой что-нибудь более важное, чем руины, не заслуживающие заботы об их сохранении? Когда с той же отвагою и легкомыслием, с какими Вазари распоряжался, а герцог Козимо его поощрял, кто-то пожертвует некоторой незначительной частью живописи этого самодовольного аретинца и в определенном засвидетельствованном преданием месте собьет штукатурку, в образовавшуюся пробоину, как бы в трюм корабля, не хлынет ли океан эманации, излучаемой произведением Леонардо, хотя и поврежденным?

Скоро после избрания папа Лев сделал своего брата Джулиано гонфалоньером св. Римской церкви и начальником гвардии, так что тот должен был находиться от него поблизости, тогда как управление Тосканой было поручено их племяннику Лоренцо, установившему там подлинную тиранию. Имея же намерение, чтобы Леонардо да Винчи написал портрет синьоры Пачифики Брандано, прозванной Джоконда, или Играющая, Джулиано Медичи призвал знаменитого мастера из Милана.

Итак, крылья расправлены, ветер подул – пух и перья, обогревающие птицу на большой высоте, могут быть уподоблены получаемому от важного лица хорошему жалованью. Накануне отъезда Мастер выкупил у торговца бумагой приготовленную для него записную книгу из ста двадцати листов, которая, заполнившись важнейшими записями, стала впоследствии известна как Кодекс Е.

Покинул Милан для Рима 24 сентября 1513 с Джованфранческо Мельци, Салаи, Лоренцо и Фанфойа.

Иначе говоря, с выводком леонардесков – красиво одетых молодых людей, которых живой разговор напоминает о писке птичьего выводка, тогда как важная птица улыбается в бороду и украшает беседу остроумными замечаниями. Леонардо от роду шестьдесят один год и пять месяцев.

88

У стариков голос становится слабым, потому что в старости весь ход трахеи сжимается таким же образом, как и другие внутренности.

Глотка Донато Браманте более не получала из легких достаточно воздуха, и из-за старческих изменений звуки казались хриплыми, в то время как руки после настигшего их паралича хорошо не удерживали грифель и другой необходимый архитектору инструмент. Все же Донато успешно распоряжался помощниками, пережигавшими на известь мрамор древнего Колизея и других величественных и прекрасных построек, мельчайшие часта которых вились в воздухе и мокли в ямах в виде раствора. От таких, как Браманте, прозванного за свое усердие ruinant – разрушитель, римские древности потерпели не меньше, чем от набегов какого-нибудь племени варваров.

Тогда пространство между папским дворцом и первоначально построенным отдельно Бельведером, откуда, как следует из названия, открывался превосходный вид на окрестность, Донато обводил галереей и из-за охватившей его торопливости заставлял каменщиков работать ночами. Поэтому в неурочное время раздавались крики ослов и их помощников, доставлявших материал, что тревожило спящих. Однако, без перерыва трудясь, Донато не только разрушал сделанное другими, но и самого себя, не считаясь, что наступает пора, когда даже при полной бездеятельности человека едва хватает, чтобы поддерживать затухающую жизнь. В конце концов он настолько ослаб, что оказалось достаточно малейшей простуды, которая и свела его в

могилу. Другие, напротив, наихудшим убийцей полагают безделье – этим служит хорошей поддержкой пример Микеланджело Буонарроти, израсходовавшего на украшение потолка капеллы папы Сикста столько усилий, сколько иной работник не истратит до конца дней, и затем прожившего до глубокой старости, продолжая заниматься своим искусством.

Когда живописец проводит долгое время на лесах, выворачивая шею, к телесному неудобству надо прибавить огромное напряжение духа, необходимое, чтобы вообразить и удерживать в памяти целое, а также придать отдельным фигурам соответствующее замыслу движение. Оставшийся после этого с искривленной шеей, Микеланджело, можно сказать, вплотную приблизился к величию самого создателя, трогая и тревожа того, о ком в книге Иова сказано, что оставляет за собой светящуюся стезю и бездна кажется сединою, то есть таинственного Левиафана, чьею игрою с господом некоторые отваживаются называть бытие.

Заказчика Сикстинской капеллы папу Юлия II его враги порицали как смертоносную язву человечества и еще по-всячески честили, а друзья восхваляли, называя избавителем Италии от диких иноплеменников; сам же он однажды сказал венецианскому послу, что он, папа, желает быть синьором и Мастером игры этого мира. Занявший престол под именем Льва X Джованни Медичи не хватал так высоко: «Папство дается нам один раз, – сказал этот Медичи, – будем же веселиться и пользоваться им для нашего удовольствия». И если он предпринимал военные действия, не столько им владело намерение объединить государства Италии под властью церкви, как он, желал доставить родне привилегии и доходы в Романье и других местах поблизости от его престола. Что же касается украшения Рима и папских дворцов, тут он не уступал рвением предшественнику. Так что мастера, частью разъехавшиеся на время выборов нового папы, скоро стали стекаться к престолу, как рыба в садке, когда, шумя плавниками и вспенивая воду, торопится к корму.

К Микеланджело, Браманте и Рафаэлю тогда присоединились еще многие и, как можно понять, не слишком дружные между собою, если одновременно возле престола находятся фра Бартоломео, чьего благочестия все прибавлялось, и Содома со своей обезьяной, смешнее и занятнее которой нет на свете, а общего между двумя мастерами только, что оба как могут следуют Леонардо да Винчи. Но не одни живописцы и скульпторы – всевозможных других, без преувеличения, вьется здесь целый рой: музыканты, поэты, ученые-латинисты, опытнейшие переписчики и аббревиаторы, чтецы и астрологи, всякого рода гадатели, шуты и иные кривляющиеся, заполнили поры и пустоты папского дворца. В каждом чулане за какой-нибудь занавеской непременно кто-то поселился: потомки Адама, если одарены талантом, по-видимому, одаряются еще способностью проникновения в малейшую щель. Разумеется, между такими находятся некоторые обманщики – эти ничего не создают, кроме пустых обещаний, хотя, чтобы обманывать других, более доверчивых, также необходимо искусство, а следовательно, и дарование. Да и нелегко распознать, что тут подлинное и приносящее пользу, а что обман и притворство. Неудивительно, что один состоящий при папе поэт, когда составлял описание сюжетов к предполагаемым росписям в папскую виллу, расположенную близко от Рима, математиков с их измерительными приборами поместил заодно с ворами, фальшивомонетчиками, кладоискателями и пастухами, ссылаясь на то, что они все придерживаются бродячего образа жизни.

Томмазо Мазино да Перетола, более известный как Зороастро, также оказавшийся в Риме, поступил на службу к своему названному родственнику, одному из Руччелаи. Если внешность Томмазо прежде вызывала недоумение, с годами он приобрел вид почтенный и довольно внушительный. К Аталанту же Миллиоротти время отнеслось пренебрежительно, допустив увянуть чертам его лица, оно не возобновило их ближе к старости с большей резкостью и прямотой, как поступает, желая придать им величие. Но в том или ином виде, судьба вновь собрала их вместе, как бы проверяя прочность привязанности и возможность соединения, и могла убедиться, что внешность изменяется быстрее сравнительно с поведением и привычками.

Таинственный Левиафан, которым Леонардо развлекает этих двоих и еще некоторых близких ему людей или кому они подчиняются и служат, имеет размер не больше ящерицы и изловлен садовником, знающим интерес Мастера к животным и желающим доставить ему удовольствие. Крылья этого Левиафана сделаны из кожи, содранной с других ящериц, и наполнены ртутью, отчего и трепещут, тогда как рога и борода искусно вылеплены из воска.

Завидев чудовище, некоторые в изумлении отшатываются, а иные убегают прочь.

Благодаря громаднейшей практике в увеселении тех, кто, имея средства это оплачивать, надеется, что их ум, тупой от природы, заострится, Леонардо хорошо научился сочетать забаву и поучение. Очищая от жира и остатков пищи кишки холощеного барана, он доводил их до такой тонкости, что они помещались на ладони. Затем он прикреплял один их конец к кузнечным мехам, скрытым в другой комнате, и его помощник надувал эти кишки воздухом, и они заполняли огромное помещение, и каждый теснился к стене или забивался в угол, но тончайшая скрипучая материя и там его настигала. Вместе с воздухом в бараньи кишки входил также и смысл.

– Растягиваясь, – говорил Леонардо, – они уподобляются таланту, который из вещи незаметной и скрытой внутри его обладателя распространяется по всему свету.

Однако, чтобы судить о величии славы флорентийского мастера, не надо покидать Ватикан и отправляться в далекое путешествие или расспрашивать незнакомых людей – для этого достаточно будет хорошо рассмотреть «Афинскую школу», фреску Рафаэля Урбинского в зале Папского суда. Таким образом можно будет правильно заключить, кого именно утвердившееся общее мнение полагает достойным находиться вместе с Леонардо да Винчи и в его обществе и какое положение он занимает среди ныне живущих или умерших и прославившихся в веках, хотя бы те и другие в изображении Рафаэля, да и кого бы то ни было, представляют собой только тень и правдоподобную иллюзию.

Поскольку в зале Папского суда находится также библиотека, то, имея в виду количество авторов и несогласие мнений, можно вообразить, что за разноголосица и шум здесь раздавались, покуда живописец не привел все это к стройности. Чтобы понять, как ему это удается, можно представить себе создающуюся цивилизацию в виде музыкального инструмента наподобие многострунной арфы, которая в руках неопытного играющего издает звуки, скорее раздирающие душу, чем доставляющие удовольствие слушателям, в то время опытный музыкант, трогая струны в других сочетаниях, добивается приятного, ласкающего звучания; и это потому, что он придерживается правил гармонии и контрапункта, который есть не что другое, как контрапост в применении к музыке, или учение о единстве раздельного, отдаленного и направленного противоположно.

Фрески Рафаэля, ограниченные сверху полукружиями сводов, опираются на основания шириной в 12 локтей, так что многочисленные фигуры оказываются не большими половины человеческого роста, а их величие и важность происходят от благородства движений и умелого размещения. Напротив «Афинской школы», где собраны мудрецы и замечательные ученые всех времен, на другой фреске происходит диспут о вере, в котором принимают участие отцы церкви и знаменитые мужи, прославившиеся на религиозном поприще; а еще третья изображает гору Парнас, откуда раздается пиликанье играющего на лире языческого Аполлона, отчасти заглушаемое голосами поэтов, теснящихся возле их покровителя. Весь этот гармонический шум прорезывается подобным звуку трубы ужасным криком силена Марсия, с которого Олимпиец содрал кожу с живого, когда тот решился с ним соперничать в исполнении музыки и проиграл – настолько высоко тогда ценили искусство. Сюжет с Аполлоном и Марсием изображен отдельно на потолке, тогда как по левую руку от входа, исполняя роль как бы выразительной музыкальной паузы, пребывают в величественном молчании Истина и возле нее, согнувшая дерево как какую-нибудь травинку, Сила и также Умеренность, удерживающая вожжами младенца, подносящего факел знания: это означает, по-видимому, что исследователю и изобретателю в их стремлении к пользе необходимо себя ограничивать. Впрочем, кто однажды продвинулся по этой дороге, того трудно, а порою невозможно остановить, отсюда поражающая воображение массивность оставшихся потомкам трудов некоторых знаменитых ученых.

Что касается «Афинской школы», здесь естественным образом главенствуют и прежде других привлекают внимание фигуры Аристотеля и Платона, хотя, находясь на возвышении и в глубине, размерами они еще уступают другим фигурам, также изображающим замечательных, повсеместно прославленных людей. При этом некоторые фигуры имеют как бы две сущности: Гераклит внешностью напоминает Микеланджело Буонарроти, а в Архимеде, наклонившемся с циркулем в руках, чтобы начертить на полу геометрическую теорему, и показывающем свою

лысину, угадывают Донато Браманте. Впрочем, есть и такие, что изображают только самих себя, эти по преимуществу помещены здесь по желанию папы или из-за симпатии самого живописца. Между ними Франческо Мария герцог Урбино, преемник известного Гвидобальдо Монтефельтро, Федериго Мантуанский и другие вельможи; однако благородством осанки, изяществом и грацией всех их превосходит изображенный Рафаэлем из-за возникшей между ними дружбы живописец Джованни Антонио Бацци, избравший себе возмутительное прозвище Содома. Но кто бы здесь ни присутствовал и как бы нарочно ни обособлялся – а выдающимся, замечательным людям такое желание часто свойственно, – перспективными линиями прочнее крепчайших вожжей все прикреплены и притянуты к Платону и Аристотелю, с важностью вышагивающим в середине и глубине композиции. Платон, если судить по движению указывающего кверху пальца, тогда как в другой руке философ имеет томик с диалогом «Тимей» его сочинения, этот призывает больше исследовать вещи возвышенные и небесные. В то время Аристотель, простерший обернутую книзу ладонь перед собой, как бы свидетельствует о важности земных происшествий и их внимательного наблюдения. Таким образом, двое они полностью обнимают возможности науки и управляют другими учеными, поэтому нет большей чести, если кому доверяется выступить в виде одного из философов. Ведь даже и завистники, и прямые недоброжелатели Мастера не сомневаются, что он этого заслуживает. А вот кто именно, Платон или Аристотель, оказывается более подходящим сосудом и временным пристанищем для его интеллекта, тут меньше согласия. Кто полагает, будто Леонардо удобнее фигура Платона, аргументируют как раз этим указательным жестом, который прямо считается собственноручной подписью Мастера на его произведениях, если припомнить ангела в миланской «Мадонне» для францисканцев св. Зачатия, Фому в «Тайной вечере» или Анну с картона для Аннунциаты. Также и другими внешними приметами Платон больше ему подходит: распределившаяся волнами длинная борода, брови, подобные устраиваемым на крышах для стока дождевой воды карнизам и далеко выступающие – все это похоже. Что касается ястребиного взгляда, то на расстоянии, с какого рассматривают живопись на стенах, трудно увидеть зрачок размером не более просяного зерна.

Кто настаивает между тем на воплощении Мастера в фигуре Аристотеля, тот ссылается на некоторые его враждебные взгляды относительно флорентийских платоников и наблюдательность к низменному. Без ответа остается вопрос: почему бы не изображать Леонардо и других, выдающихся из общего ряда, в виде самих себя, что решительно искоренило бы всякую двойственность и мерцание, когда через внешность одного человека просвечивает чья-то другая, третий подразумевается и еще четвертый подмигивает?

На это можно предложить следующее рассуждение. Всякое суживание и, так сказать, приведение к самому себе в действительности есть умаление великого человека: новизна вспыхивает внезапно на перекрестиях невидимых лучей, протянутых к другим изобретателям и исследователям, жившим прежде, ныне живущим и тем, кто появится в будущие времена. Поэтому новизна есть, с одной стороны, всецело свое и ни от кого не заимствованное, с другой – всецело чужое, это как посмотреть. Правда, необходимо учитывать, что из тысячи окон, если кто-нибудь из находящихся в доме повернет раму, открывая его или закрывая, только одно внезапно на короткое время вспыхивает отраженным светом солнца, и среди множества скрещений немногие дают новизну, тогда как другие остаются бесплодными.

89

Сделай очковые стекла для глаз, чтобы видеть Луну большой.

У одних слабнет и становится хриплым голос, у других портится зрение. Сопротивляясь отчасти благодаря большому искусству в изготовлении стекол беспрерывно нападающей старости, Леонардо не настолько успешно преодолевает злобу и каверзы недоброжелателей, переполняющие быстротекущие дни, и нет необходимости их удою вылавливать как некую редкостную рыбину. Частично из-за этого покуда не удается изготовить обещанные зеркала для нагревания воды с помощью солнечного жара, что уменьшит расходы при изготовлении сукна, так как в Римской области топливо дорогое. Притом, что Джулиано Медичи увлечен астрологией и каббалой и его взор устремляется в мироздание, по крови он скорее находчивый

коммерсант, хотя широта интересов и любознательность помогают ему лучше понять своего инженера. И он со всей охотой защитил бы его от какого бы ни было несправедливого обвинения, однако часто отсутствует, находясь с войском как гонфальоньер св. церкви, или скрывается около папы, тогда как Леонардо остается с преследователями и злобными завистниками, не имея достаточно времени на хорошо аргументированную жалобу.

К счастью, взамен и на все другие подобные случаи у Мастера есть еще адресат; к этому он обращается без расчета на помощь или же выгоду, но сам желая ему способствовать в его занятиях и выступая как опытнейший наставник. Не имеющий определенной внешности, точно как Иисус в характеристике Николая Кузанского, тот адресат есть не иначе как предполагаемый читатель его сочинений: оказываясь без защиты перед двумя или тремя негодяями, Мастер решается помогать всему человечеству.

И если бы ты даже имел любовь к предмету, тебя отшатнуло бы отвращение, и если бы даже не отшатнуло оно, то, может быть, тебе помешал бы страх находиться в ночную пору в обществе подобных разрезанных на части, ободранных, страшных видом своим мертвецов; и даже если это не помешало бы тебе, быть может, будет недоставать тебе точности рисунка, необходимой в подобных изображениях. И если бы ты овладел рисунком, у тебя не было бы еще знания перспективы; и даже если бы рисунок и сопровождался знанием последней, то требовался бы еще строй геометрического доказательства и метод расчета сил и крепости мышц. И, может быть, терпения не хватит у тебя, и ты не будешь прилежен. Обладал ли я всем этим или нет, об этом дадут ответ 120 мною составленных книг, причем не мешали мне ни корысть, ни нерадение, а только время. Прощай.

Но одно дело, как мы о себе думаем, другое – как о нас напишут впоследствии, если найдется трудолюбивый человек, который станет для этого стараться, и совершенно иное, какими мы представляемся нашим знакомым: при том, что привыкание делает людей отчасти слепыми, мнения доброжелательного человека и ненавидящего различны. Завидующие Мастеру немцы, кичась якобы свойственной им преимущественно перед жителями Италии чистоплотностью, к анатомическому свинству относят каждую вещь, если унюхают приставший каким-либо образом запах мертвого тела. На самом же деле, когда исследователю необходимо иметь возле себя какие-нибудь отдельные органы для наиболее внимательного изучения, он их приготавливает путем вымачивания в проточной воде или же кипятит или высушивает, так что не остается малейшего запаха. Конечно, если невидимые частицы гнездятся в складках одежды или в трещинах кожи на руках, их оттуда не выкуришь; однако они оказываются настолько ничтожны, что, помимо самого носителя, никто другой не может их обнаружить. Тем не менее Мастера обвинили, будто под постелью он держит отрезанные головы, а в ретортах сохраняет глаза, которые отдельно добывает на кладбищах и варит в кипятке, как если это куриные яйца.

Немецкие зеркальные мастера за его помощь и гостеприимство еще и наговорили, что Леонардо имеет сношение с нечистой силой, а это в те времена угрожало серьезной опасностью. Хотя просвещение распространяется, невежество ему с трудом уступает: с севера, из-за Альп, уже надвигаются дымы многих костров, на которых сжигаются такие преступники. Сочинение двух доминиканцев из Верхней Германии, гнуснейшая книжка, называемая «Молотом против ведьм», разошлась, отпечатанная во множестве экземпляров, и там для прилежных ловцов сказано достаточно о тех, кто распутничает с инкубами и суккубами, кто нашептыванием губит и изводит младенцев во чреве матери, урожай на полях, виноград на лозах, домашнюю скотину и прочее. Хотя, находясь в папском дворце, странно было бы нарочно вредить сельским хозяевам, имеющегося в указанной книжке упоминания о вскрывающих могилы хватает, чтобы обвинить Леонардо за его анатомию, при том что сношения с нечистой силой как дурная болезнь, слух о которой прилипчив и пятнает невинного человека.

Что касается зеркальщиков-немцев, допущенных в мастерскую для помощи, то мастеру Георгу Леонардо предложил вместе обедать, чтобы, помимо экономии средств, он приобретал знание итальянского языка; тот же, пренебрегая полезными для него предложениями, требовал дать ему деревянные модели изобретений, которые хотел увезти в свою страну. Мастер отказал ему в этом, однако согласился дать чертежи. Вместо благодарности немец его покинул и

устроил другую мастерскую, где изготавливал зеркала для продажи на ярмарках, и все это ему сходило с рук. Еще другой немец, Иоганн, всякий день находившийся в мастерской Леонардо, шпионил за ним, желая видеть и понять то, что здесь делается, и разнести по всему свету, и еще жаловался и обижался, будто прибытие Леонардо лишило его внимания Джулиано Великолепного, которым он прежде пользовался. В конце концов с целью причинить Леонардо больший вред и ради собственной выгоды Иоганн убедил названного Георга продать ему весь его инструмент и оставить мастерскую, хотя до этого заполнил зеркальными мастерскими помещения Бельведера и переманил к себе многих умелых работников, чем сильно стеснил Мастера в его предприятиях.

И вот эти-то люди оказались причиною, что папа запретил ему занятия в госпитале и велел строго придерживаться его распоряжения. Впрочем, доносчик только еще добавил к ранее возникшему неудовольствию первосвященника, поскольку, находясь среди людей, стремящихся к быстрому и окончательному результату, Леонардо с его кропотливостью и чрезмерной заботой о вещах, представляющихся несведущему человеку второстепенными, сильно проигрывал. «Говорят, – пересказывает Вазари где-то услышанную историю, – что Леонардо, получивший однажды от папы заказ на небольшую картинку, тотчас стал перегонять масла и травы для получения лака. На что папа Лев заметил:

– Увы! Этот не сделает ничего, раз он начинает думать о конце, прежде чем начать работу».

Возможно, эта история недостоверная, но пустивший ее в оборот в силу интуиции бессознательно ухватил наиболее важную достоверность. Держа работу в руках, чтобы не распалась от случайной небрежности, вывязывающий вершу догадывается о близости завершения по нарастающему напряжению прутьев; и чем дальше продвигается труд, тем стремительней оно прибавляется. Так что в преклонные лета от длительного беспрерывного усилия иной раз дрожат пальцы – строителю становится страшно, и он, можно сказать, нарочно забегает вперед, желая убедиться в безопасности брода. Поскольку же Мастер в отличие от других не делит работу на отдельные произведения или опусы, как это принято у музыкантов, еще неизвестно, для чего этот лак: для неважной картины, заказанной папою, или он намерен его применить как раз для завершения, которое, вне всяких сомнений, должно оказаться чрезвычайно значительным и соответственно прочным.

Если ты хочешь сделать тонкие и ровные стекла, то выдувай пузыри между двумя бронзовыми или мраморными досками, и выдувай их настолько, что они будут лопаться от твоего дыхания, и стекла будут настолько гладкими и тонкими, что будут гнуться. Потом ты наклеишь стекло лаком на картину, и это стекло благодаря своей тонкости не будет лопаться ни при каком толчке.

Хотя новизна есть не что другое, как преступление правила, с точки зрения человеческой косности она хуже убийства или воровства. Поэтому при благородной доверчивости характера Мастер правильно делает, что не допускает посетителей во все комнаты из предоставленных ему администрацией папы. Если же, не приведи господь, кому удастся проникнуть в доступное только близким, доверенным людям помещение, этот человек убедится, что подозрительность доносчиков возникла не на пустом месте и что нужна большая догадливость, чтобы определить, откуда происходят достижения Мастера: из благородства намерений, таланта, терпения и предварительной практики живописи или изображенное на доске существо, соблазнительное и вместе отталкивающее, проникающее далеко, но и удерживающее поблизости таинственным объятием духа, есть плод сношения с инкубами и суккубами или другими демонскими созданиями, о чьих происках предупреждают авторы «Молота против ведьм».

90

Если геометрия сводит всякую поверхность, окруженную линией, к фигуре квадрата и каждое тело к фигуре куба, а арифметика делает то же самое со своими кубическими и квадратными корнями, то обе эти науки распространяются только на изучение, прерывных и непрерывных количеств, но не трудятся над качеством и красотой творений природы и украшением мира, как это делает живопись.

Леонардо обычно полагают превыше всего преданным измерению, числам и всяческой точности, но из приведенной записи видно, как не поддающееся исчислению искусство живописца выступает в виде последнего аргумента.

Удивление какого-нибудь постороннего человека, тайно, без спросу проникшего в самую дальнюю из предоставленных Мастеру комнат, оказалось бы наибольшим, если бы такое случилось в довольно редкие дни, которые тот отдает занятию этим своим искусством, да еще если внезапный свидетель мало знаком с обычаями папского двора в понтификат Льва X, похожего скорее на вертеп, чем на основание и сердцевину христианской церкви, тогда как одно из действующих лиц представления внешностью напоминает языческого друида, жреца древних галлов, каким он рисуется в воображении. «Его – Леонардо – голова была покрыта длинными волосами, брови были такие густые и борода такая длинная, что он казался олицетворением благородной учености, каким до него были друид Гермес и древний Прометей», – сообщает миланец Паоло Ломаццо в сочинении «Храм живописи». С возрастом волосы поредели, а отливающая золотом борода сделалась прозрачной и давала возможность видеть покатый подбородок, подобный сточенному водой морскому камню, как он просвечивает сквозь пену убегающей волны. Однако же опускающаяся иной раз для краткого отдыха рука живописца с внезапно наполняющимися венозной кровью бугорчатыми жилами и плоскими, обточенными соприкосновением с инструментом ногтями мастерового создавала впечатление старческого проворства и силы. Обстановку представления в целом Леонардо описывает следующими словами:

Живописец с большим удобством сидит перед своим произведением, хорошо одетый, и движет легчайшую кисть с чарующими красками; и убран он одеждами так, как это ему нравится; и жилище его полно чарующих картин и чисто; и нередко его сопровождает музыка или чтецы различных прекрасных произведений, которые слушаются с большим удовольствием.

В увлечении доказательством преимущества живописи перед другими искусствами он, по обыкновению, преувеличивает, но комната в самом деле отличается удобством, поскольку здесь все устроено, как Мастер приказывал: столы сделаны на козлах, чтобы их легче было передвигать, различные ненужные и не доставляющие удовольствия глазу предметы домашнего обихода скрыты за перегородкой, а окна увеличены и затянуты промасленной бумагой, оттого помещение также и в яркую солнечную погоду заполнено ровным рассеянным светом, подобно легчайшему ветерку, овевающему синьору Пачифику Брандано, поместившуюся на возвышении в кресле, поставленном относительно Мастера наискосок. Поэтому синьора повернулась к своему живописцу, легко опершись на подлокотник и кистью правой руки притрагиваясь к запястью левой: покуда синьора Пачифика не устает, позвоночник ее выпрямлен, что при некоторой грузности фигуры показывает большую энергию и силу мышц. Подруга Джулиано Медичи, гонфалоньера св. Римской церкви, смотрит на Мастера, как бы ему покровительствуя; и это понятно, если иметь в виду положение и сан ее господина и возлюбленного. Не каждый легко выдерживает тяжесть подобного взгляда, впрочем, смягчаемого прелестной улыбкой, как однодневная бабочка витающей около ее губ.

В зависимости от того, как продвинулась работа к тому времени, когда предполагаемый тайный посетитель проник в мастерскую, он, если истек достаточный срок и Мастер вышел к сфумато, рассеянию, мог бы увидеть точно такую улыбку на укрепленной в мольберте доске. Правда, нельзя быть уверенным полностью, что чему служит причиной и свойственна ли такая улыбка синьоре, или же она является изобретением Мастера, тогда как его модель ей подражает. Тем более задолго до этого во Флоренции смутная с косиною улыбка распространялась, как помнит читатель, благодаря излучению некоторых скульптур, отлитых в мастерской Вероккио по моделям его ученика и сотрудника. Впрочем, возможно и допустимо, что присутствовавший здесь с инструментом, лирой ди браччо, Аталант Миллиоротти способствовал благоприятному расположению духа синьоры, которую недаром прозвали Джоконда, то есть Играющая, а это, в свою очередь, хорошо согласуется с описанием, сделанным самим Леонардо, и словами Вазари, когда тот говорит, что, дескать, во время работы над портретом Мастер держал для своей модели «…певцов, музыкантов и постоянно шутов, поддерживавших в ней веселость, чтобы избежать той унылости, которую живопись

обычно придает портретам, тогда как в этом портрете Леонардо была улыбка настолько приятная, что он казался чем-то скорее божественным, чем человеческим, и почитался произведением чудесным, ибо сама жизнь не могла быть иной». Также Аталант прочитывал иной раз вслух для развлечения какие-нибудь веселые стихи или новеллы известных авторов, которых большую часть не так удобно цитировать, поскольку понятия о приличном быстро изменяются, и тончайшая улыбка синьоры Пачифики нередко возбуждалась сальностями, в другие времена заставляющими краснеть и наборщиков.

Много впоследствии, когда «Джоконда» прославилась повсеместно, один английский медик, рассматривая знаменитый портрет и основываясь на положении рук, сложенных на животе и как бы прикрывающих его от нечаянного повреждения, заключил, будто синьора беременна. Согласившись с чрезмерно догадливым медиком, придется признать, что, помимо Леонардо, синьоры, Аталанта Миллиоротти и неизвестного, притаившегося за ширмами зрителя, присутствовавших тогда в Бельведере в комнатах Мастера, придется назвать еще Ипполито Медичи, будущего префекта города Рима и кардинала. Однако синьора Пачифика прибыла из Урбино через Флоренцию, где впервые встретилась с Мастером, имея на руках сына от Медичи уже двухлетним, а других детей у нее не было. Так что от остроумного предположения придется отказываться; а жаль, поскольку, имея в виду траурную вуаль, знак вдовства, прикрывающую прическу синьоры, оно как нельзя лучше отвечает излюбленному Леонардо принципу пары противоположностей, а именно – жизнь против смерти. Но все же возможно избежать большего убытка и сохранить достойное Мастера глубокомыслие, переведя беременность этой Джоконды, так сказать, в метафорический ряд.

91

Посмотри, что ближе человеку: имя человека или образ этого человека? Имя человека меняется в разных странах, а форма изменяется только смертью.

Называя картины детьми художника, Леонардо другой раз приводил анекдот, придуманный к случаю и, правду говоря, довольно плоский: когда-де одного живописца спросили, почему его дети, рожденные в браке, имеют безобразную внешность, в то время как в картинах фигуры миловидны и привлекательны, тот ответил, что детей он делает ночью в темноте, а живописью занимается днем, когда недостатки хорошо видно и он может их исправить. Удивительно, но людей ужасает или, наоборот, утешает и радует то самое, что их утешало и радовало в глубокой древности, тогда как вещи, казавшиеся вчера смешными наиболее тонкому человеку, сегодня представляются неостроумными и плоскими самому невежественному. И все же из приведенной непритязательной шутки возможно извлечь полезный для понимания смысл, а именно из выражения дети художника, поскольку будет невыносимой пошлостью и ложью сказать о произведениях Леонардо, что тут, дескать, мгновение останавливается и застывает, выхваченное из потока времени. И это происходит из-за особенного качества самостоятельной медленно текущей жизни, свойственного его произведениям и не много зависящего от сходства с моделью и вообще от правдоподобия: в сырых темных подвалах, бывает, появляется на стенах плесень, располагающаяся необыкновенными узорами и ни на что не похожая, однако изумительным запахом свежести раскрывающая свою живую природу. Так и с живописью Леонардо, когда излучение жизненного тепла и влажности дает себя обнаружить вместе с первым касанием грифеля о приготовленный грунт, хотя метафорические роды длятся сравнительно с обыкновенными родами долго.

Между тем притаившийся вымышленный свидетель, в каком бы состоянии он ни застал готовящееся произведение, присутствуя при метаморфозе, когда касание мертвого о мертвое, то есть грифеля или другого орудия живописца к грунту, становится причиной и местом возникновения жизни, сонной, как просыпающийся ребенок, станет испытывать страх, словно бы явился свидетелем черной магии. И тут всякие упоминания о музыкантах и чтецах, хотя бы Мастер в самом деле для этого старался, покажутся детскими выдумками сравнительно с могучей игрою создания, затеянной им здесь, на доске, когда чудесное излучение, или эманация жизни, усиливается лавинообразно, доска раскрывается в мир и стены за нею рушатся как бы от

звуков трубы, сокрушающей библейский Иерихон.

Мастер видит страшно далеко, и за спиною Джоконды разворачивается долина реки, вьющейся в теснине между скалами, чему нету и малейшего подобия в низменной болотистой окрестности Рима. Отчасти это напоминает вид, открывающийся с какой-нибудь возвышенности вниз по течению Арно, когда с каждым поворотом реки и в соответствии с мерою удаления местность все больше растворяется в потоках воздуха и света и близко к горизонту ничего нельзя различить, помимо тусклого мерцания; при этом кажется, будто река течет на небо.

Что касается правдоподобия безотносительно к чему-нибудь определенному, то, имея в виду готовый портрет, Вазари сообщает следующее: «Изображение это давало возможность всякому, кто хотел постичь, насколько искусство способно подражать природе, легко в этом убедиться, ибо в нем были переданы все мельчайшие подробности, какие только доступны тонкостям живописи. Действительно, в этом лице глаза обладали тем блеском и той влажностью, какие мы видим в живом человеке, а вокруг них была сизая красноватость и те волоски, передать которые невозможно без владения величайшими тонкостями живописи. Ресницы же благодаря тому, что было показано, как волоски их вырастают на теле, где гуще, а где реже и как они располагаются вокруг глаза в соответствии с порами кожи, не могли быть изображены более натурально. Нос со всей красотой своих розоватых и нежных отверстий имел вид живого. Рот с его особым разрезом и своими концами, соединенными алостью губ, поистине казался не красками, а живой плотью. А всякий, кто внимательнейшим образом вглядывался в дужку шеи, видел в ней биение пульса, и действительно, можно сказать, что она была написана так, чтобы заставить содрогнуться и испугать всякого самонадеянного художника».

Людей, предпочитающих их родному наречию латынь, Данте называл преступниками и прелюбодеями, тогда как Леонардо, гневаясь на аббревиаторов, или сократителей, считал для них наиболее подходящим общество диких зверей. Какого наказания заслуживает Джорджо Вазари, в других случаях показывающий большую тонкость суждения, если произведение, исключительное по важности и достойное стать завершением громадной деятельности Мастера, оценивает, как если это удачное изделие фальшивомонетчика? Малопривлекательные подробности писатель громоздит одна на другую, так что оторопь берет; когда же дело доходит до биения пульса, якобы видного на дужке шеи, живому воображению представляется полевая ящерица – Леонардов Левиафан, застывший на поверхности нагретого солнцем камня, и в том месте, где у людей бывает зоб, вздувается и опадает желвак довольно мерзкого вида. Тот, кто видел «Джоконду», легко обнаружит несоответствия, допущенные биографом, настаивающим на волосках, которым Леонардо, по его словам, каждому определил правильное место. Но что Вазари частично угадал, так это чувство томления и страха, охватывающее не только живописца, но каждого зрителя, как если бы он опасался, что на месте прелестной возлюбленной Джулиано Медичи внезапно окажется обольстительное чудовище, какая-нибудь морская сирена наподобие той, какая, по свидетельству хроникера, в лето 1435 года продавалась на рыбном базаре во Флоренции. Кстати, разворачивающийся за спиною Джоконды пейзаж много имеет от морских полей, как они видны, когда обнажаются при отливе. Ввиду всего этого будет понятно, что, если, как выражается Вазари, «внимательнейшим образом вглядываться в дужку шеи», можно заметить не биение пульса, но более медленное движение, соответствующее чередованию и ритму морских приливов и отливов. Также и определение улыбки как «приятной» приблизительно и неточно и не охватывает явления, известного теперь в целом свете как улыбка Джоконды: от сношения с инкубами и суккубами не такие вещи рождаются. Да и неправильно толковать указанное завершение попросту или вовсе отказывать ему в толковании, к чему склонны исследователи, усматривающие в чужом глубокомыслии покушение на их собственное. Вазари же извиняет то обстоятельство, что «Джоконда» покинула Италию, когда ему было неполных четыре года.

– Вот так раз! – скажет читатель. – К чему, в таком случае, знать его мнение, заведомо ошибочное?

А к тому, что это еще и заблуждение многих, поскольку общее мнение нередко является не чем другим, как широко распространившейся ложью.

Исходя, по-видимому, из общего мнения, Вазари приписывает самому завершению, то есть «Джоконде», качество незавершенности, говоря, что, протрудившись четыре года, живописец оставил работу неоконченной. Является ли такое утверждение ложным? И да и нет. Да, потому что невозможно вообразить живописца, который с большею тщательностью отделывает каждый малейший участок поверхности своего произведения. В этом смысле «Джоконда» как нельзя лучше готова к тому, чтобы вставить ее в красивую раму и передать заказчику – пусть бы он радовался, а живописец довольствовался полученной им значительной суммою денег. Но заключение о ее незаконченности также не полностью ложно, скажет человек, понимающий незаконченность как непременное качество жизни и что окончить – означает убить. Ведь когда Леонардо придумывал особенное покрытие из тончайшего стекла, чтобы предохранить картину от неосторожного прикосновения и порчи, он одновременно искал совершенной прозрачности, не желая препятствовать эманации жизни распространяться и чтобы не дать картине погибнуть как бы от удушья. Но попрекавший живописца, будто бы он заботится об окончании, не приступая к началу, папа Лев о том, надо полагать, не догадывался.

Так случилось, что аретинец Джорджо Вазари, имевший редкую память и девяти лет знавший наизусть большую часть «Энеиды» Вергилия, в этом возрасте проводил ежедневно по два часа в обществе своего ровесника Ипполито, родившегося от Джулиано Медичи и Пачифики Брандано, Играющей, а также другого малолетнего Медичи, Алессандро; и все они вместе воспитывались поблизости папы Льва, а затем папы Климента из той же фамилии. Джорджо Вазари пришлось горько оплакивать папу Льва, как и папу Климента, умерших своею смертью, а скоро затем сына Джоконды, кардинала Ипполито, отравленного племянником Алессандро, с которым он воспитывался. Можно подумать, что Пачифика Брандано, лишившаяся вначале своего испанского мужа, после возлюбленного, а затем прямого потомства в лице кардинала Ипполито, взамен многочисленных частых утрат вознаграждена была чудесной способностью плодить двойников, происходящей, как естественно предположить, из качества самостоятельной жизни, присущей произведениям Мастера. Одетые и причесанные, как эта Джоконда, одетые иначе, совершенно раздетые, какой ее представляли наиболее наглые из многочисленных упорных поклонников, они сходны со своим образцом, но скорее как сестры между собою или дети с родителями – как Мария и Анна в известном картоне для флорентийской Аннунциаты. Так же, по-видимому, соотносятся единственная и подлинная «Джоконда» с действительной внешностью синьоры Пачифики: можно сказать, что синьора есть первая попытка природы, тогда как для окончательного осуществления замысла понадобится содействие Мастера.

Вазари отождествляет модель самого знаменитого портрета в истории живописи не с Пачификой Брандано, но с моною Лизой ди Антонио Мария ди Нольдо Герардини, женой флорентийского гражданина Франческо дель Джокондо. Если это действительно так, почему синьора имеет поверх прически обычную вдовам траурную вуаль, хотя Франческо скончался еще много позднее живописца «Джоконды»? Также Вазари не объясняет причину, отчего произведение с его редкостными достоинствами не досталось заказчику, но оставалось долгое время у Мастера в величайшем секрете. Это покажется еще удивительнее, если, согласившись с Вазари, предположить, что «Джоконда» создавалась вскоре после возвращения Леонардо на родину и службы у Борджа, когда он был озабочен соперничеством с Микеланджело Буонарроти и мог воспользоваться этой изумительной вещью для доказательства своего превосходства.

С другой стороны, версия с Пачификой Брандано небезупречна. Так, многие недоумевают, возможно ли, чтобы к своему величайшему произведению Мастер подошел, когда его ожидают у порога старость, болезни, а за ними и смерть? Некоторые, хотя не согласны с Вазари, называют вместо синьоры Пачифики неаполитанку Констанцу д'Авалос, ссылаясь на известный сонет, где имена Мастера и этой Констанцы поставлены рядом. Однако при равной неопределенности версий автору, по-видимому, принадлежит право выбора, даже если он руководствуется целями, относящимися к форме его сочинения, как композиция и другие подобные вещи.

О геометрической игре. Здесь описаны приемы, позволяющие производить бесконечное разнообразие квадратур в случае поверхностей, ограниченных кривыми линиями. Квадрат есть конец преобразования геометрических поверхностей. Кончено июля 7 дня в 23 часа, в Бельведере, в комнате для занятий, устроенной для меня Джулиано Медичи Великолепным, 1514.

– Высшим счастьем человека на земле, – говорил Никколо Макьявелли, – является возможность участия в управлении государством; а когда тирания не дает нам этого, не остается ничего другого, как искать его в ученых занятиях, ожидая лучших времен и собирая уроки опыта для потомства.

После того как Медичи возвратились в Тоскану, секретаря совета Десяти обвинили в заговоре, били плетьми и сослали в его имение в Сан-Кашьяно. Там он, по его словам, проводил часть дневного времени на постоялом дворе в разговорах с проезжающими, тогда как вечером и ночью беседовал с людьми древности, расспрашивая о смысле их деяний. При этом он забывал все тревоги и отчасти глушил жажду деятельности, подтачивавшую его существование. Но все же многого ему недоставало для исцеления; так что, прослышав о намерении папы сделать Джулиано Великолепного князем Эмилии, Модены и Реджо, чтобы, объединив названные области Италии, прибавить их к владениям церкви, Макьявелли стал хлопотать, желая поступить на службу и помочь тем самым Медичи, которые его опозорили и изгнали. Когда его упрекали за это, он с необычайной горячностью возражал, не задумываясь, поставить свое достоинство после государственной выгоды, а не наоборот, как это свойственно итальянцам.

Знаменитое впоследствии сочинение «Государь», герой которого, образцовый в делах управления и всевозможных злодействах, списан с Цезаря Борджа, Макьявелли тогда снабдил посвящением Джулиано Медичи, гонфалоньеру св. церкви и капитану папской гвардии: как ни изображай инженеров, художников и разных советчиков подлинными владельцами и устроителями, все вертится вокруг этих князей. С другой стороны, история прямо свидетельствует, что относительно таких, как Джулиано, судьба бывает слепа, бестолкова и непоследовательна, в то время как для художника, инженера или писателя вместо судьбы – его намерения и упорство, остающиеся в его распоряжении, кто бы им ни командовал. 24 сентября 1514 года Леонардо в сопровождении Франческо Мельци и одного слуги достиг города Пармы и приступил к составлению географических карт, необходимых на случай военных действий. Находясь на вершинах холмов, на высоких башнях и в других местах, откуда хорошо видна окрестность, Мастер проворно орудовал угломерным инструментом и одновременно наблюдал и обдумывал вещи, которые, может быть, не относятся к географии.

В книге, выкупленной у торговца бумагой годом раньше в Милане, первая запись имеет непосредственным поводом молнию, ударившую в миланскую Кредитную башню, где он вполне в духе Аристотеля рассуждает о силе пустоты, пожирающей окружающий ее воздух. По совпадению, спустя ровно год, минуя некоторые остававшиеся покуда незаполненными листы, на последнем, восьмидесятом, Леонардо вновь записал о пустоте, на этот раз образуемой, если воздух частично обращается в дождь, о чем он размышлял, находясь наверху одной Пармской башни. Таким образом, при начале и конце так называемого «Кодекса Е» одна напротив другой, как бы для надзора и охранения, возвышаются башни. И тут начинает действовать воображение, которому остается их соединить натянутым прочным канатом, по возможности чтобы не касался земли, хотя это трудно ввиду ее выпуклости, и посредине подвесить Коня вместе с проблемами, зачатыми в глиняном чреве ввиду императорской свадьбы, когда Моро велел его перетаскивать из Корте Веккио на пустырь перед замком Сфорца. Как и должно быть для вещи, которая в действительности не существует и питается чистой возможностью, Конь сильно исхудал и насквозь просвечивает, так что растягивающие его шкуру подобно тончайшим прутьям чертежные линии даже больше заметны сравнительно с его внешними очертаниями. Хотя если воображаемый конь, воспринимаемый на высоте, надо полагать, внутренним зрением, как бледная дневная луна, удачно повертывается под лучами солнца, его бок вспыхивает внезапно и слепит наблюдателя. Так прозрачное стекло, вдруг сдвинувшись, когда окно растворяют, отражает слепящий солнечный свет.

В числе параграфов знаменитого «Кодекса Е» нашли место несколько важных, которые

касаются груза, подвешенного к растянутой между опорами нити: есть мнение, будто одних только этих параграфов хватит, чтобы считать Леонардо величайшим механиком. Но хотя мало кто полностью отрицает его заслуги в этой области, находятся люди, упорно и злостно пытающиеся их преуменьшить. Эти показывают, что Галилей первым применил выражение момент силы к понятию, принятому в механике в настоящее время, и что-де если кто придумывает название какой-нибудь вещи, тот ее и открывает. Однако, догадываясь, что их аргументация шаткая, эти хулители еще и чернят все целиком научные занятия Мастера: не ставя ни в грош исключительную кропотливость в исследованиях, они не видят огней истины, зажигаемых его интуицией то там, то здесь. Если же такие огни иной раз бывают и слабы, они нуждаются скорее в бережном укрытии, но не в кричащей надменности тех, кто, не гнушаясь пошлыми обвинениями, посмеивается, что Леонардо, дескать, за многое брался, но мало доводил до конца и вместо правильного научного рассуждения злоупотреблял метафорами и аналогиями.

Не существует великого человека, которого не осуждали бы другие авторитетные и умные люди. Не Декарт ли распространялся о Галилее, что тому недостает важного качества, так как он постоянно делает отступления и не останавливается, чтобы до конца выяснить какой-нибудь научный вопрос. «Это показывает, – утверждает Картезий, – что он не исследовал систематически, но, не отыскивая первопричину природы, изучал только основания некоторых отдельных явлений, и следовательно, строил без фундамента». В то же время, оправдывая и защищая аналогии, уместно сослаться на Кеплера, называющего их самыми преданными своими наставницами, воочию являющими сущность какого-нибудь предмета, тогда как Фрэнсис Бэкон, величайший агитатор экспериментального метода, по праву считается непревзойденным и изумительным мастером искусства аналогии. Кто другой догадается сравнивать волосы, целиком покрывающие древнего Пана, с лучами света и всевозможными другими истечениями из тела природы? Если же аналогии оправдываются признанными авторитетами, почему не сравнить момент силы с трехголовой Химерою, поскольку в чертеже его представляют три ветви, или три направления действия, а Леонардо не уподобить греческому Беллерофону, настигшему эту Химеру, воспользовавшись быстротою крылатого коня Пегаса? Что до названия, послужившего по крайней мере изобретателю – а именно потенциальный рычаг, – может, оно в самом деле не слишком удачно, но хорошо послужило своему изобретателю.

Чем более ширится угол веревки, которая на середине своей длины поддерживает груз n, тем более уменьшается потенциальный рычаг af и растет потенциальный противорычаг ad, поддерживающий груз; abc – актуальная поддержка груза; af и ad – рычаг и противорычаг, они потенциальные.

Также:

Если бы рычаг af был вдвое больше соответствующего ему противорычага ad, то веревка fc ощущала бы половину веса n; и это может произойти только в случае, если рычаг af займет горизонтальное положение, что невозможно, если подвесы ab и cb, совместно поддерживающие груз n, не станут параллельными друг другу.

Говоря иными словами, – нить, проволока или канат для Коня в том случае вытянутся в прямую линию, если подвешенный посредине груз равен нулю, а канат или проволока также не имеют тяжести; но это противоречит как идеальным условиям, так и действительности, а потому невозможно. Тот же, кто бросит взгляд в прошлое и посмотрит, как расставлены по течению времени отдельные вехи исследования и окончательное достижение, что этому было началом и куда Мастер пришел, тому человеку представлявшееся прежде случайным и беспорядочным кружение болотных огней покажется путешествием к заранее намеченной цели и станет видна его планомерность.

Но как нету малейшего груза, тяжесть которого сколько-нибудь не оттягивала бы книзу укрепленный на опорах канат, так каждая жизнь в своей изумительной совершенной законченности непременно меняет положение метафорического каната, протянутого из прошлого в будущее. Если же при повороте внезапно вспыхивает сильнейшим блеском поверхность Коня, отлитого из металла воображения, так же другой раз возможно увидеть как бы множество водяных пузырьков наподобие августовской росы, оседающей рано утром на

паутине, но осевших на пеньковом плетении воображаемого каната, – драгоценную испарину мироздания, иначе говоря, деятельность многих людей, совокупно направляющих историю к ее цели.

93

Смотри же, надежда и желание водвориться на свою родину и вернуться в первое свое состояние уподобляются бабочке в отношении света. Так же и человек, который, всегда с непрекращающимся желанием, полный ликования, ожидает новой весны, всегда новых месяцев и новых годов, причем кажется, что желанные предметы слишком медлят прийти, не замечает, что собственного желает разрушения. И желание это есть квинтэссенция, дух стихий, который, оказываясь заточенным душой человеческого тела, всегда стремится к пославшему его. И хочу, чтобы ты знал, что это постоянное желание – спутник природы, а человек – образец мира.

Тем более похвальны скромность и смирение, когда кто-нибудь, выдающийся из общего ряда, признает, что отчасти формируется и создается другими.

– Медичи меня создали и разрушили, – говорил Леонардо, извещаемый будто бы звоном тревожного колокола о плачевном состоянии своего здоровья. Какое ему утешение, что Джулиано сам тяжко болен, о чем свидетельствуют румянец на щеках, раздирающий кашель и другие известные признаки? В этих условиях брак представляется самоубийственным, однако же Медичи, которые и себя не щадят, из-за тщеславия на это решаются.

Джулиано Медичи Великолепный уехал 9 января 1515-го на заре из Рима, чтобы сочетаться браком со своей невестой в Савойе. И в тот же день была кончина короля Франции.

Принцесса Филиберта Савойская приходится близкою родственницей наследнику французской короны, так что петля, которой судьба перетаскивает выдающихся мастеров из одного стада в другое, изготавливается к радости нового короля и огорчению итальянцев.

Впрочем, вместо Леонардо в Савойю покуда направляется один миланец из его подражателей, а именно Чезаре да Сесто, последнее время находившийся возле Мастера в Риме. Не желая огорчать невесту изображением недавней любовницы, Джулиано оставляет «Джоконду» вместе с ее живописцем в их помещении в Бельведере. Тем более картина, по-видимому, еще не окончена, так как Мастер то и дело вносит изменения и поправки, хотя и малозаметные для постороннего человека.

Однако вечная эта недостижимость стала его сильно изнурять: Ахиллес делает шаг – черепаха отдаляется на полшага; расстояние сокращается, но законченность не наступает. И тут живописца внезапно посещает отчаяние, когда он, кажется, не имеет силы далее продвигаться, чувствуя незнакомые ему прежде усталость и лень. Этому способствует неудержимое трясение правой руки, хотя Мастер работает левой, из-за постоянного напряжения сдерживания утомление наступает быстрей. Так что исключительные качества и всесветная слава произведения, пригодного быть завершением и итогом настолько удивительной деятельности, дались нелегко – ведь, если кто нездоров, тому приходится избегать всякого чрезмерного усилия. Спустя восемь месяцев после кончины Людовика король Франциск[53] напал на Милан с целью вернуть его Франции, и 14 сентября противники сходятся для ужасного кровопролития.

Маршалу Тривульцио, который участвовал в стольких сражениях, сколько Леонардо анатомировал трупов, а именно более тридцати, все другие представляются детской игрой сравнительно с побоищем при Мариньяно. Тогда схватились между собою пятьдесят тысяч французов и столько же швейцарских солдат, нанятых Максимилианом Сфорца для обороны Ломбардии, то есть громаднейшие толпы людей, как это бывало в древности в войнах какого-нибудь Аттилы. Но ведь в древние времена сражались копьем или палицей, и шум от

---

53 Франциск I – французский король (1515–1547); 13 и 14 сентября 1515 г. возле Мариньяно, местечка к юго-западу от Милана, произошло сражение между его войском и швейцарцами герцога Сфорца. Обе стороны понесли громадные потери, однако дело решилось в пользу французов.

них невелик, тогда как нынешнему французскому войску приданы 72 тяжелых орудия, ревущих, как медведи на травле, и небо и земля трепещут и содрогаются. Только луна, удалившись в смущении за горизонт, принудила сражающихся к краткому отдыху. Солдаты падали от усталости там, где находились, не выпуская из рук оружия; двадцатилетний король, в рваной одежде и грязный, как трубочист, от порохового дыма и копоти, свалился на пушечный лафет и заснул в нескольких шагах от швейцарцев, задремавших с такой же внезапностью. Но чуть развиднелось, люди протирают глаза и битва возобновляется. И все же, хотя французское войско утратило двадцать тысяч убитыми, ни один итальянец не решился пожертвовать жизнью и защитить отечество, доверенное наемным швейцарцам. Постыдный обычай, сделавший Италию игрушкою в руках государей, приманкою алчности иностранцев и их тщеславия, оказался важнейшей причиной проигрыша при Мариньяно, когда герцогу Максимилиану Сфорца пришлось отказаться от суверенитета в Ломбардии в обмен на ежегодную пенсию от короля.

Все эти события существенным образом отозвались на участи Мастера – петля настигла его в Болонье, французский король и папа, чью свиту украшал Леонардо, съехались для переговоров. Полагавший себя сувереном всего христианского мира и встревоженный участью государств полуострова, папа, чтобы расположить настолько могущественного вассала в свою пользу, захотел сделать королю какой-нибудь драгоценный подарок. Король, когда его спросили, недолго раздумывая, назвал Лаокоона, незадолго до этого найденного в Риме, в огородах на Эсквилинском холме. Прежде в подобных местах находили останки мучеников за христианскую веру, а теперь земля, откликнувшись на пожелания людей, увлеченных искусством своих наиболее далеких предшественников, отдавала им древние статуи.

Папа изобразил на лице приятнейшую улыбку и сказал королю, что лучше передаст ему мастера, который в своих произведениях не уступает древнейшим художникам.

– Тем более, – добавил первосвященник, – этот имеет в целости руки, которые у Лаокоона отломаны, тогда как живая рука лучше каменной и сама способна изготовить какую-нибудь чудесную вещь.

Медичи и здесь смошенничали. Как было сказано, правая рука Леонардо тряслась, а нога волочилась, так что инструмент оказался отчасти испорчен, и невозможно было его исправить, как впоследствии Лаокоона. Однако, когда присутствующие увидели изготовленного по указаниям Мастера механического льва, переступающего лапами и издающего рыканье, их изумление превзошло пределы вообразимого. Механический лев приблизился к королю – его грудь раскрылась, и оттуда выпали белые лилии. Тут вопли и восторженные крики еще усилились; король не скрывал своего восхищения и вместе с флорентийцем с нарочитой медленностью прошел из конца в конец громаднейшей залы, и все видели, как он вежливо и почтительно с ним обращается.

Хотя бы Леонардо отдавали как вещь, он, вне всяких сомнений, понимал свою настоящую цену, и, надо думать, злорадство шевельнулось в его душе. Больше того, основательно предположение, что Мастер заранее сговорился с французами и в какие-то дни из двух месяцев, прошедших от страшного поражения при Мариньяно до переговоров в Болонье, посетил короля в Ломбардии и полностью его очаровал, как он умел это делать.

Прежде отъезда во Францию Леонардо захотел навестить Джулиано Медичи, который, соскучившись по тосканскому небу, тотчас после свадьбы возвратился на родину. Леонардо нашел этого Медичи на Виа Ларга в знаменитом Палаццо умирающим от легочной болезни. Великодушно оставляя Мастеру «Джоконду», за которую французский король потом уплатил ее автору 400 скудо, Джулиано, возможно, желал восполнить утрату здоровья и старческое разрушение, настигшее также и Леонардо прежде обычного срока, чему отчасти виною все Медичи.

ФРАНЦИЯ. Клу на Луаре. 1516-1519

94

Тело питающейся вещи непрерывно умирает и непрерывно возрождается; ибо пища может войти только туда, где прежняя пища испарилась, и когда она испарилась, жизни больше нет, и если пищу исчезнувшую не возместить таким же количеством новой, жизнь лишится своего здравия, и если ты их этой пищи лишишь вовсе, то жизнь вовсе окажется разрушенной. Но если ты будешь возмещать столько, сколько разрушается за день, то будет вновь рождаться столько жизни, сколько тратится, наподобие света свечи, питаемого влагой этой свечи, который благодаря быстрому притоку снизу непрерывно восстанавливает то, что наверху уничтожается и, умирая, обращается в темный дым. Смерть эта непрерывна, как непрерывен этот дым, и его непрерывность та же, что и непрерывность питания, когда мгновенно весь свет мертв и весь родился вновь.

Кровли в виде сахарной головы, прилепившиеся рядом одна повыше другой, будто бы осиные гнезда, видны над обрывистым берегом и меловыми отложениями прекрасной Луары. Редко встречаются строения, которые выглядят настолько приветливо, хотя в случае военной опасности они преобразуются в военные замки, для чего они приспособлены лучше всего. Здесь и люди такие же: при большей сравнительно с итальянцами, которые в этом смысле беспечны, церемонности и вежливости обращения они становятся как бешеные коты из-за малейшей обиды и тотчас готовы применить оружие. Всему другому на свете они предпочитают придворную службу, не позволяя, однако, ни королю, ни его сановникам затрагивать их честь, тогда как занятый ребяческими выдумками итальянец этого не понимает.

Однако итальянская душа переимчива. По преимуществу находясь близко от короля, Леонардо хорошо усвоил манеры придворного, и, когда предоставленное ему убежище в Клу, близ Амбуаза, посетил кардинал Арагонский, он встретил его с почтением и вежливостью, соответствующими сану этого важного прелата. Испытывая трудности при ходьбе из-за приставшей к нему старческой хромоты, Леонардо вместе с садовником Баттистой Вилланисом сопровождал гостя повсюду, в особенности похваляясь как образцовыми голубятней и рыбным садком. Внутри помещения замка, удивившись его роскоши и богатству, кардинал высказался в том смысле, что, дескать, драгоценный бриллиант нашел для себя достойную оправу.

Между тем сопровождавший кардинала с поручением вести дневник путешествия его секретарь описал находившиеся в замке принадлежавшие кисти великого мастера картины. По словам этого секретаря, одна представляла собой портрет флорентийской дамы, сделанный по желанию великолепного Джулиано Медичи, – надо думать, речь идет о «Джоконде». Другая картина изображала богоматерь с ребенком, странным образом поместившихся на коленях св. Анны, а третья – молодого Иоанна Крестителя. И все эти картины, говорит секретарь, превосходны, хотя при параличе правой руки от Мастера нельзя, мол, теперь ожидать хорошего. В этих словах, подобная ослиным ушам царя Мидаса, видна бесцеремонность слуги, вообразившего, что из-за высокого положения его господина он может себе позволить самую возмутительную невежливость, так что если бы не различные важные для историка сведения, его не стоило бы цитировать.

Секретарь сообщает, что Леонардо, как он выражается, сделал себе креатуру из одного миланца, то есть Франческо Мельци, который-де работает довольно недурно под руководством Мастера, лишенного возможности класть прежние сладостные краски, но еще способного набрасывать рисунки и обучать других; далее в дневнике говорится: «Этот благородный старец написал Анатомию, и так замечательно, с такими рисунками членов, суставов, внутренностей и всего другого, доступного изучению в мужском и женском теле, что никто никогда не видел ничего подобного. Мы видели это собственными глазами, и он сказал нам, что занимался анатомией над тридцатью с лишним трупами мужчин и женщин всех возрастов. Он написал также о природе воды, а рассуждениями о разных машинах заполнил бесчисленное множество томов, написанных простонародной речью. Когда все эти труды увидят свет, они окажутся полезными и в высшей степени замечательными».

Хорошо понятно волнение, охватывающее любознательную душу при виде такого накопленного богатства, как если бы манускрипты сами представляли собой чудесное неизученное явление природы или, лучше, внезапно возникающий посреди морей материк, население которого обладает неизвестными другим людям сведениями и изобретениями. Хотя,

правду сказать, добыча новых Колумбов могла доставаться с меньшими трудностями, если бы не способ письма, как им кажется, нарочно придуманный, чтобы трудней понимать. Но ведь и своей живописью Мастер не предлагает ничего такого доступного, что предоставляло бы отдых для глаза и каникулы для разумения. Скажем, как толковать этого андрогина, довольно упитанное двуполое существо, выглядывающее из темноты с важной соблазнительной улыбкой и жестом руки и указательного пальца направляющее внимание зрителя куда-то к небесным областям, названное Иоанном Крестителем? Увы нам! Достигая предельной высоты и продолжая вращение, колесо Фортуны неизбежно затем устремляется в бездну: нет здесь и в помине изумительной прозрачности правдоподобия, позволившей регенту Моро сравнение с раскрытым окном, когда зрение легко проникает до самого горизонта, как в миланской «Мадонне в скалах». Напротив, при том, что телесный рельеф кажется залитым светящимся жиром, Леонардо еще и старается сгустить темноту фона и, говоря словами Вазари, выискивает такие черные краски, которые по силе своей затененности были бы темнее всех других оттенков черного цвета. «В конце концов, – заключает биограф, – этот способ приводит к такой темноте, что вещи, в которых не остается ничего светлого, имеют вид произведений, предназначенных скорее для передачи ночного времени, чем всех тонкостей дневного освещения». Неудивительно, что рядом с этим «Крестителем» сделанный по желанию Джулиано Медичи портрет флорентийской дамы – как секретарь кардинала, не зная хорошо о ее происхождении, называет «Джоконду», – представляется прозрачным, как вид из окна, и, что касается смысла, более понятным. Впоследствии Людовик XIII так невзлюбил последнее живописное произведение Мастера из-за этой его непонятности, что, надеясь от него избавиться, предложил «Крестителя» Карлу Английскому в обмен на картину немецкого живописца Гольбейна Младшего и еще произведение Тициана; однако короли между собою не столковались. Отсюда видно, насколько высоко оценивается независимое от правдоподобия и привлекательности изображения качество самостоятельной жизни, чудесно присутствующее в работах флорентийского мастера, будь это чудовище Ротелло ди фико, этот «Креститель» или другой, которого госпожа Ментенон велела переделать в древнего Вакха, или «Джоконда».

95

Книга о регулировании рек, чтобы они сохраняли свои берега. Книга о горах, которые сровняются и станут землей, свободной от воды. Книга о почве, переносимой водою для заполнения великой глубины морей. Книга о способах, какими морская буря сама собой очищает занесенные гавани. Книга о мерах, которые надлежит принимать в отношении стен и речных берегов, испытывающих удары воды.

Может быть, у посетивших Мастера секретаря и его кардинала сложилось мнение, будто старик, быстро разрушаемый временем, постоянно находится в своем убежище в Клу. Но такое мнение ложно; ведь и король Франциск не придерживается, как другие короли, одного какого-нибудь места, имея его в качестве резиденции. Гонимый в юношеские годы угрозами и опасностями, он и сейчас остается верен прежней привычке: Коньяк, Роморантен, Амбуаз, Фонтенбло, Шамбор – как взаимным расположением, так и внезапностью, с которой король покидает один город ради другого, сильно напоминают пентаколо – пятиугольник Цезаря Борджа: Римини, Синигалья, Пезаро, Фано, Анкона. Только государь много могущественнее, и Мастер без малого двумя десятилетиями старше, и ему труднее поспеть, если в воображении господина, как дикие пчелы, роятся всевозможные замыслы, не давая покоя его служащим.

Известный Бенвенуто Челлини свидетельствует, что королевскому поезду требуется 12 тысяч лошадей, так как в мирное время двор насчитывает 18 тысяч человек, вынужденных находиться в седле или трястись в телегах, не имеющих приспособления в виде рессор для большей плавности хода. Много ли таких, как сестра короля Франциска принцесса Маргарита,[54] которая, присутствуя безотлучно возле своего брата, пользуется королевскими

[54] Маргарита Валуа, или Наваррская (1492–1549) – сестра короля Франциска. В истории литературы известна обширной корреспонденцией и сборником изящных новелл в духе Боккаччо – «Гептамерон».

носилками, что намного покойнее? Если носильщики опытные и сильные, принцесса имеет возможность использовать вынужденный досуг путешествия для литературных занятий: впоследствии Маргарита прославилась в качестве автора «Гептамерона», сборника занимательных историй в духе Боккаччо.

Преодолевая старческое утомление и телесную лень, тогда как его наблюдательность и суждение по-прежнему бодрствуют, Леонардо также следует за королем, хотя и не с такими удобствами.

Одновременно с передвижениями изобретателя взамен принятых повсюду на каналах заслонок, называемых на его родине конхами, по Франции распространяется превосходная выдумка – шлюзы, раскрывающиеся в стороны, как пасть какого-нибудь лежащего на боку гиганта. Впрочем, следы и приметы деятельности Леонардо в стране, куда он переселился, лучше искать, продвигаясь от листа к листу в его рукописях, но для этого одного старания мало, а необходимы догадливость и смелость в предположениях. Скажем, сопоставляя денежные счета и другие бумаги, относящиеся к строительству морского порта в устье Сены, с заметками Мастера, можно найти аргументы, показывающие, что Леонардо как инженер и советчик принял участие в сооружении Гавра. Некоторые его чертежи как будто показывают, что строители знаменитого замка Шамбор испытывали влияние Мастера, а именно в численных соотношениях. И если бы кто, пролетая вместе с птицами над разновеликими башенками, покрытыми металлическими колпачками, – между ними также нету двух одинаковых – или еще другим способом, наблюдал замок с большой высоты, тот человек в его плане нашел бы скрытые закономерности и порядок. Так, в прямоугольник внешних оборонительных стен с большой точностью вставлен равносторонний и меньший размерами прямоугольник с жилыми и парадными комнатами; не поленившись затем измерить длину сторон внешнего прямоугольника и сравнивая результаты с диаметром угловых круглых башен, можно будет видеть шестикратную разницу. Поскольку же указанное соотношение величин распространяется и прослеживается в размерах замка по вертикали и в простейших элементах, как ширина и высота камней, из каких сложено дивное произведение искусства архитектуры, наиболее проницательные исследователи усматривают в этом принципе кратности влияние итальянского гостя, болтающегося в седле по неудобным дорогам, следуя за королем. С другой стороны, любящий исследователь, если его намерения на это направлены, и в пятнах на стене, образовавшихся от сырости, обнаруживает – как об этом хорошо сказано в «Трактате о живописи» – черты и звучание имени обожаемого своего Леонардо.

Вода будет поднята выше уровня Роморантена на такую высоту, чтобы при падении приводить в действие много мельниц. Река Вильфраши должна быть отведена к Роморантену, что нужно сделать силами жителей; и строевой лес, из которого сделаны их дома, нужно отвезти на барках в Роморантен. Уровень в реке должен быть поднят до такой высоты, чтобы вода могла по подходящему склону стекать к Роморантену. Если река, ветвь Луары, станет впадать в реку Роморантен, она утучнит орошаемые ею поля, сделает местность плодоносной, способной прокормить ее жителей, и образует судоходный канал, выгодный для торговли.

В канун св. Антония я вернулся из Роморантена в Амбуаз, а король выехал из Роморантена двумя днями раньше.

Пушки, палившие по случаю бракосочетания Лоренцо Медичи, герцога Урбино, и принцессы де ла Тур Овернь, сделаны из дерева, хотя укреплены железными обручами. Ядра также деревянные, или же это надутые воздухом кожаные мячи, которые, если ими выстреливают, лопаются, или же глиняные горшки – раскалываясь с шумом и грохотом, они издают вонь, как тысяча гигантов: смесь, которою их начиняют, заранее гниет под слоем навоза на скотном дворе. И вонь эта стойкая и не скоро рассеивается ветром, тогда как деревянная крепость, выстроенная за 26 дней и 10 ночей – ближе к празднику плотники работают круглые сутки, – сгорела от пороховых хлопушек меньше чем за один час. Но и все остальное, что готовится к праздникам, недолговечно или пропадает со временем от неиспользования. Так, удивительные костюмы для маскарада продаются тряпичникам для изготовления бумаги, чтобы служить чьей-то славе, между тем как пророчества и басни, которые автор отыскивает в пыльных листах, хранящихся без всякого порядка, если недолгое время развлекают короля и

его гостей, скоро туда же и возвращаются.

Известно, что с распространением книгопечатания появляются люди, которые, не обладая поэтическим дарованием, имеют взамен большую настойчивость и наглость, и если рифмуют две строчки, тотчас отыскивают издателя или публикуют их за свой счет. Сестра короля, принцесса Маргарита, охотно выслушивающая мнения других и правильно и метко судящая о людях и оттого доброжелательная к Леонардо, его упрекала, говоря, что басни, пророчества и другие удачные поэтические выдумки, составившись вместе, образуют порядочный том, сулящий автору выгоду при его жизни и укрепляющий славу после смерти. Леонардо, который чувствовал себя как нельзя хуже и едва держался на ногах, весело и любезно возражал, заявляя, будто слова и мнения не умирают, а носятся в воздухе, орошая того, кто этого заслуживает, наподобие благодати или дождя:

– Хотя герцог Моро более не находится среди живущих, мнения этого остроумного человека продолжают действовать, и многие ими воспользуются, не упоминая изобретателя. Я же не скажусь настолько неблагодарным, если скажу – пора разбить бутылку.

96

Простодушные народы понесут великое множество светочей, дабы светить на пути всем тем, кто утратил зрительную способность. О мертвых, которых хоронят.

2 мая 1519 года живописец его христианнейшего величества короля Франции, флорентиец Леонардо да Винчи, умирал в замке Клу на Луаре. Агония началась под утро, когда небесный свод у обозначенного округлыми плавными очертаниями холмов горизонта засветился пурпуром, как если бы веки чудовища приподнялись и сквозь ресницы просвечивала сфера огня. На этот раз ветер, обычно трогающийся с рассветом, продолжал спать в своем логове, и из-за неподвижности воздуха топот копыт слышался издалека: король Франциск и рыцари из его свиты что есть мочи погоняли лошадей, надеясь застать в живых умирающего.

Поскольку душа покидает свое узилище маленькими шажками и беспрестанно, как бы в сожалении, оглядываясь, происшествие смерти редко может совпасть с какими-нибудь внезапными знамениями. Поэтому трудно сказать, прошло какое-то время или смерть Леонардо приключилась тотчас, как, пробитая солнечными лучами, запылала занавесь на окнах и в саду грянули птицы. Так или иначе, один из находившихся в помещении монахов, а именно францисканец, нашел уместным отчасти уподобить умершего основателю их ордена, сославшись на то, что св. Франциска Ассизского прежде церковного отпевания отпели-де певчие жаворонки. Тут другой, доминиканец, возмутился и сказал:

– Покуда я не имею достаточно доказательств, чтобы сомневаться в благочестии покойного; однако если верить возможно одним способом, указанным в Откровении и хорошо разъясненным отцами церкви, то неверию есть многие способы и виды – от прямого безбожия до таких умственных построений, где неверие или ересь настолько скрыты, что их нелегко различить. А когда кто-нибудь, будучи природным итальянцем, пишет левой рукой и справа налево, как евреи или турки, этому человеку лучше других удается скрывать свое мнение. Я не берусь решительно утверждать, да и теперь дело кончено, но непомерная гордыня в исследовании и любопытство уводят колеблющуюся душу на окольные тропы, где она спотыкается и блуждает, тогда как путь ясно указан.

Монахи ордена св. Доминика недаром называют себя псами господними и имеют эмблемой бегущую собаку, у которой в зубах факел, помогающий и в темноте распознать отклонения от истинной веры. Но францисканец оказался опытным в спорах и, нимало не растерявшись, ответил:

– Как порча, не имея формы и образа, представляет собой чистый убыток, так погрязшая в заблуждениях душа человека неверующего ничего не позволяет в себе различать. Между тем истинная вера многообразна, и этим подобна всяческому созданию – освещенная лучами божьей славы, она подобна саду с многими растениями, и каждое отбытие или новость прибавляют там света.

Королевские всадники с их предводителем, чье старание не опоздать было тщетным, приблизились к замку, когда зрачок Левиафана пылал на небе в полную силу. Прислуга

нарочно растворила окна и двери помещения, где запах лекарств и ароматического курения понемногу вытеснялся другим – отвратительным и тлетворным. Переступивши порог, король более не сдерживал слез; стуча высокими каблуками, он быстро подошел к постели и, внезапно сложившись подобно какому-нибудь мерительному инструменту, опустился на колено и припал к мертвой руке; огромная его фигура сотрясалась от рыдания.

Ввиду всего этого клирики, неотлучно присутствовавшие с целью облегчить путешествие души из этого мира в потусторонний, прекратили спор, неуместный возле покойника. Но это прекращение было лишь временное; в действительности же смерть великого Мастера оказалась началом решительного несогласия и раздоров вокруг его имени, когда его прижизненные усилия затемнить и сделать труднее доступными свои произведения – картины, параграфы рукописей или еще что-нибудь – дали плоды. Но если бы не было смерти, оставляющей человека беззащитным перед лицом вечности, не была бы возможна анатомия, а люди не узнали бы о себе, сколько им удалось благодаря таким исследователям, как Леонардо. Отсюда выходит, что знание и смерть прочно связаны и одно зависит от другого, о чем говорится в библейском предании о первородном грехе и его последствиях для человечества, как их ни толкуй – буквально, аллегорически, морально или аналогически, то есть любым из четырех способов, указанных Данте в его «Пире», во второй части после первой канцоны.

Обмывающие и убирающие мертвое тело женщины удивлялись гладкой и белой коже и хорошо развитым мышцам, поверху обернутым тончайшим нежным жиром, хотя к красивым сильным плечам прикреплялась старческая голова с седыми редкими волосами и морщинистая шея, и человеку с воображением, а не этим монашкам, все в целом могло представиться каким-то кентавром, составленным из частей различного состояния и возраста. Кроме того, если смотреть внимательно, видно, как исхудали, слабы и тощи правая рука и левая нога покойного, при его жизни долгое время остававшиеся без упражнения из-за паралича. Обладая же вместе с воображением еще и сообразительностью, легко представить, что таким поистине издевательским и жестоким способом природа демонстрирует принцип контрапоста, настойчиво ею осуществляемый во всех сферах, когда область физического и материального находит отражение в области духа.

Вазари рассказывает, что, видя свою жизнь скоро заканчивающейся. Леонардо углубился в чтение священных книг и с огорчением отзывался о своих винах перед богом и людьми, поскольку, мол, не так прилежно работал в искусстве, как этого требовало его дарование. Но это говорится во втором издании, вышедшем в свет спустя несколько лет после первого, где автор свидетельствовал, что, философствуя о природе вещей, Леонардо создал в уме еретический взгляд, не согласный ни с какой религией, и предпочитал быть философом, а не христианином. Такое изменение можно отнести к заботе о добром имени Мастера, поскольку наступали более строгие времена и ужасный раскол потрясал здание Христовой церкви. Но, как равно и клевета, доброжелательные выдумки редко оказываются вовсе беспочвенными.

Когда по итальянскому обычаю на третьи сутки, после захода солнца, раскачиваясь из-за неровностей почвы как утлая лодочка на морских волнах, гроб подвигался от местечка Клу в направлении к кладбищу у св. Флорентина, драгоценные останки сопровождаемы были всем клиром и меньшею братиею названной церкви, а также шестьюдесятью бедными, которые несли шестьдесят зажженных свечей, отчего процессия напоминала светя щуюся гусеницу. А перед тем – и ведь все это согласно духовному завещанию – у св. Флорентина отслужили три большие мессы, а в трех других церквах по тридцати малых. Завещатель также велел раздать милостыню призреваемым в богадельне св. Лазаря из суммы в семьдесят турских су, уплаченной казначею названного братства в Амбуазе. Надо быть подозрительным, как тот доминиканец, который в виду только что успокоившегося тела неодобрительно отзывался о недостатке истинного благочестия в произведениях Мастера, чтобы в щедрости, касающейся порядка похорон, усмотреть скрытую иронию к христианскому обряду. С другой стороны, упоминаний о верховном создателе, разбросанных здесь и там в его бумагах, при их немногочисленности, пожалуй, не хватит для доказательства верности святой римской церкви, тогда как некоторые его анекдоты или пророчества, казалось бы, прямо свидетельствуют обратное. Но поскольку в каждом деле имеется третья сторона, наиболее важная, почему не принять, что противоположности свободно сосуществуют в душе, разместившись напротив и

наискосок, в контрапосте?

«Сер Джулиано и братьям, с почтением. Я полагаю, вы получили известие о смерти мессера Леонардо да Винчи, вашего брата, а для меня самого лучшего отца, чья недавняя кончина причиняет мне скорбь, которая будет владеть мною, покуда я жив. Но и для всех нас это громаднейшая утрата, поскольку природа не в силах другой раз произвести что-нибудь подобное».

Так, оправившись от отчаяния и беспамятства, овладевших им, когда ожидаемое в страхе событие в самом деле случилось, Франческо Мельци 1 июня 1519 года писал во Флоренцию. Назначенный распоряжаться исполнением завещания Мастера, Франческо затем приводит раздел, касающийся братьев, причинивших тому много огорчения длительной тяжбою из-за наследства Пьеро да Винчи:

«Завещатель повелевает и хочет, чтобы сумма в 400 скудо, порученная им камерленгу Санта Мария Нуова во Флоренции, была отдана его кровным братьям вместе с прибылью и доходами, которые могли прибавиться к означенным 400 скудо за время хранения».

Как правильнее будет это истолковать и что здесь усматривать – попытку наказать и усовестить алчных родственников великодушием или старческое расслабление, когда тяжкие обиды вдруг исчезают из памяти? Истина многолика и подобна Протею и так же преображается, когда ею желают овладеть, что и находит отклик в распространеннейшей присказке «с другой стороны», когда рассуждающий приводит какое-нибудь качество вещи, видное, если переменить точку зрения. И тут необходимо или повернуть самую вещь, или наблюдателю перейти на другое место.

97

О том, что Земля есть светило. О том, что Земля не в центре солнечного круга и не в центре мира, но в центре своих стихий, ей близких и с ней соединенных; и кто стал бы на Луне, когда она вместе с Солнцем под нами, тому эта наша Земля со стихией воды показалась бы играющей и в самом деле играла бы ту же роль, что Луна по отношению к нам.

Выучить душу свободомыслию, сделать ее страшно изменчивой и гибкой, способной применяться к различным мнениям, не оставляя их без проверки. Но как на небе мы видим бесконечное количество звезд, бесконечно число точек зрения, с которых можно рассматривать каждую вещь и количество ее сторон или граней.

Стороны стремятся уменьшиться, многогранник желает сделаться кругом; в лето 1519 года, скоро после того, как смерть забрала Мастера, корабли Магеллана ушли в далекое плавание. Встретившись с ужасными трудностями, бунтом и всевозможными другими несчастьями, адмирал все их преодолел и в ноябре 1520 года вышел через пролив к Тихому океану. В отличие от Христофора Колумба – этот, однажды возвратившись в цепях, все же был похоронен в стране, ставшей ему второй родиной, – только намерение Магеллана, который был по происхождению португальцем, достигло Испании. Глаза он закрыл далеко на островах, где воевал с туземцами, упорствовавшими в своей независимости.

За время путешествия четыре из пяти кораблей погибли, зато последний оставшийся достиг порта отплытия с другой стороны, как бы обняв земной шар или надевая на него петлю; не для того ли прежде обычного срока жизни погиб Магеллан, чтобы избавить себя от окончательного исполнения замысла, когда после долгого утомительного путешествия он убедится, что догонял свою тень и судьба ткнет его, как провинившееся животное, в пределы окружности, за которые ему не назначено выбраться?

Исчерпываясь в человеческой деятельности, фигура круга внезапно оборачивается другой стороной. Если же оставшийся за адмирала, когда тот погиб в сражении с туземцами, капитан Себастиано дель Кано и восемнадцать его команды своим возвращением что-то закончили и, как говорится, поставили точку, также они прояснили необходимость начать новую речь о достоинстве, по смыслу противоположную памятной речи графа Пико делла Мирандола, и таким образом пытаться нарушить тупое стояние в центре мира, чтобы поддерживать это достоинство новыми средствами, сбивая с него излишнюю спесь, хотя бы на таком положении в середине, как опара на дрожжах, взошло Возрождение. Но в то время как деревенские жители,

похваляясь другой раз ловкостью и силой, раскачивают наполненное ведро и затем на вытянутой руке быстро его вращают вокруг плеча и вода не проливается, какое надобно усилие, чтобы раскачать земной шар и из привычного удобного места в середине забросить на орбиту вращения вокруг Солнца, перевернув все с ног на голову и внеся страшную сумятицу в воображение? И как станет понимать о себе образец мира, когда, переместившись из поистине царского положения на периферию, будет обязан вращаться, как ведро на веревке?

Николай Коперник приступил к сочинению трактата «О небесном круговращении» около 1519 года, настолько важного года; однако, скончавшись в 1543-м, лишь на смертном одре имел счастье держать в руках отпечатанную в типографии книжку. Поэтому Леонардово решительное солнце не движется не позволяет считать Мастера сознательным сторонником новой системы. Но если система Коперника представляется, с одной стороны, унижением для человека, с другой – она есть величайшая дерзость; и не бывает, чтобы такая существенная новинка появилась внезапно и без предварительной подготовки какими бы ни было средствами.

У меня недостает слов для порицания тех, кто считает более похвальным поклоняться людям, чем Солнцу, так как во всей вселенной я не вижу тела большего и могущественнейшего. И, конечно, те, кто хотел поклоняться людям как богам, совершили величайшую ошибку, видя, что, будь даже человек величиной с мир наш, все же он оказался бы подобен самой малой звезде, которая кажется точкой в мироздании, и видя к тому же этих людей смертными и тленными и бренными в гробах их.

За сто лет до Коперника с его предложениями Николай Кузанский дал определение бога как сферы, центр которой находится всюду, а окружность – нигде, как бы намеренный вместе и человека оставить без постоянного надежного пристанища. Хорошо еще, что учение тирольского епископа не быстро распространилось по Италии, а живописцы в большинстве не так образованны, а то бы всеобщее изменение жеста и постановки фигуры двинулось не в том направлении, как было в действительности, и мы не имели бы некоторых величайших произведений искусства. И все же именно от живописца, который привел композицию, рисунок и жест к наибольшей округлости, исходит как бы дух беспокойства о переменах. Разве не о возможности прямолинейного движения по касательной к кругу и не о выходе за пределы – безразлично, картины или сферы Земли – напоминает подобный движению лебединой шеи жест ангела из «Мадонны в скалах», долгое время находившейся у францисканцев капеллы св. Зачатия в Милане? С такой же упорной настойчивостью об этом не свидетельствуют разве апостол Фома в «Тайной вечере» или «Креститель», которого кардинал Арагонский и его секретарь видели у Мастера в Клу незадолго до смерти последнего? Если же из осторожности все это отнести к простому случайному совпадению произвольной, как бог на душу положит, выдумки живописца и некоторых ученых рассуждений, то ведь насколько красноречивы такие случайности! А когда Леонардо в преклонные лета отдает время изобретению циркуля, каким можно вычертить фигуру параболы, будто бы возможности круга стали для него исчерпываться, а столетием позже Иоганн Кеплер находит, что в своем обращении вокруг Солнца планеты следуют эллипсу, между тем как обе фигуры относятся к известным в кинематике коническим сечениям и близко сходны между собой, это покажется знаменательным самому упорному скептику.

98

Увидела бумага, что вся она покрыта темною чертою чернил, и стала на это печаловаться; а чернили ей доказывают, что из-за слов, которые нанесены на ней, ее и сохраняют.

«В благодарность за услуги и расположение, – говорится в духовной Леонардо да Винчи, – завещатель дарует мессеру Франческо Мельци все и каждую из книг, которые находятся в его, завещателя, собственности, и другие принадлежности и рисунки, относящиеся к его искусству и занятиям в качестве художника».

Если книги Мастера – имеются в виду манускрипты, как переплетенные томами, так и в отдельных листах или тетрадях, – посетителям убежища в Клу правильно было бы сравнивать с возникшим посреди пространства морей чудесным материком, то по истечении времени издали

такой материк скорее представляется сходным с платоновской Атлантидой, однажды исчезнувшей в морской пучине вместе с ее населением. Хотя здесь есть различие: Атлантида пропала внезапно и до сих пор не обнаружена заново, и, помимо нашей уверенности, нету надежных свидетельств, что она в действительности существовала. Бумаги же Леонардо постепенно рассеивались по свету и так же затем и возникали, подобно какому-нибудь атмосферическому явлению вроде собирающегося дождя, которого сила и продолжительность заранее неизвестны.

Еще при жизни Мастера и пользуясь его указаниями и советами, Франческо Мельци выбирал из находившегося не в безупречном порядке бумажного вороха записи, относящиеся к искусству и теории живописи, с целью затем их расположить в виде трактата. Если же францисканец Лука Пачоли в сочинении о божественной пропорции, созданном значительно раньше, называет известную «Книгу о живописи» как готовую, он ошибается. Правда, в его заблуждении и невольной ошибке отчасти повинен сам Леонардо, который, держа свои намерения в голове, не сомневался, что они будут исполнены, и другой раз ссылался на параграфы несуществующих книг. Тем не менее скоро после его смерти «Книга о живописи» получила широкое хождение между читателями, о чем сообщает Бенвенуто Челлини. Что же касается того, каким образом бумаги Леонардо подверглись рассеянию, об этом есть свидетельства лиц, так или иначе причастных к их участи.

Закончивший обучение в Пизанском университете Джанамброджо Маццента, когда возвращался в Ломбардию с целью посвятить себя юриспруденции, имел с собой груз, о котором впоследствии на склоне лет записал: «Лет пятьдесят тому назад в мои руки попали 13 книг Леонардо да Винчи – некоторые написаны в лист, другие в четвертку листа, сзади наперед по обыкновению евреев, хорошими буквами, легко читаемые с помощью зеркала. Получил я их случайно, и попали они в мои руки следующим путем. Когда я изучал юриспруденцию в Пизе, в доме Альда Мануция Младшего, большого любителя книг, останавливался его близкий родственник, Лелио Гаварди из Азолы. Будучи учителем словесности, этот Гаварди прежде находился с синьорами Мельци в Милане, на их вилле Ваприо. Там он нашел в старых сундуках множество рисунков, книг и приборов, завещанных Леонардо своему ученику Франческо Мельци. Когда этот синьор Франческо умер, он оставил столь драгоценное сокровище на вилле своим наследникам, интересы и занятия которых были совсем другие, и которые потому оставили его в совершенном небрежении и быстро распылили. Вот почему вышеуказанному Лелио Гаварди, учителю словесности в доме Мельци, легко было взять столько, сколько ему было угодно, и увезти 13 книг во Флоренцию, чтобы подарить их великому герцогу Франческо в надежде получить за них большую цену, так как князь любил подобные произведения и так как Леонардо пользовался большой славой во Флоренции, своем родном городе, где он прожил недолго и нуждался в работе. Когда Гаварди прибыл во Флоренцию, великий герцог заболел и умер. Потому Гаварди отправился в Пизу с Мануцием, где я его стыдил за нечестное приобретение; он раскаялся и просил меня, чтобы по окончании моих юридических занятий, когда я должен буду отправляться в Милан, взять на себя вручение синьорам Мельци того, что им было взято. Я свято исполнил его поручение, передав все синьору Орацио Мельци, доктору юриспруденции и главе дома. Он удивился, что я взял на себя этот труд, и подарил мне книги, сказав, что у него есть много других рисунков того же автора, уже много лет находящихся в небрежении на чердаках виллы Ваприо. Названные книги он вернул, следовательно, в мои руки, а затем, поскольку я принял монашество, они перешли к моим братьям. Из-за того, что мои братья слишком ими похвалялись и рассказывали видевшим их, насколько просто и легко их получить, многие стали приставать к тому же доктору Мельци и вынудили его отдать рисунки, модели, скульптуры, анатомические чертежи вместе с другими драгоценными реликвиями. Среди этих рыболовов был Помпео из Ареццо, сын кавалера Леоне, бывшего ученика Буонарроти, и приближенный короля испанского Филиппа Второго, изготовлявший бронзовые произведения для Эскориала. Помпео обещал доктору Мельци должность, звание и место в Миланском сенате, если тот, получив обратно отданные им 13 книг, передаст их ему для поднесения королю, большому любителю подобных реликвий. Взволнованный такими надеждами, Мельци помчался к моему брату и на коленях умолял его вернуть подарок. Принимая во внимание, что он был нашим коллегой, лицом, достойным сочувствия и

благорасположения, семь книг были ему возвращены, а шесть остались в доме Маццента. Одна из них была подарена преславному и знаменитому синьору кардиналу Федерико Борромео и сохраняется в его Амвросианской библиотеке в красном переплете; трактует она о тенях и свете весьма философически и поучительно для художников, перспективистов и оптиков. Другую книгу я подарил Амброзио Фиджинни, благородному живописцу, каковую он оставил своему наследнику Эрколе Бьянки. По требованию герцога Карла Эммануила Савойского я добился у своего брата, чтобы он поднес Его Сиятельству третью книгу. Остальные три книги, когда мой брат умер, попали, не знаю как, в руки упомянутого Леоне, оказавшегося наиболее настойчивым и ловким. Этот Леоне из нескольких находившихся у него книг сделал одну большую книгу, которую оставил наследникам, впоследствии продавшим ее синьору Галеаццо Арконати за 300 скудо».

В 1637 году граф Галеаццо пожертвовал эту «большую книгу», скомпонованную Помпео Леоне из других, меньших, в Амвросианскую библиотеку в Милане.

Рассматривая манускрипт в том виде, в каком он до недавнего времени сохранялся, забавно было бы вообразить, как, желая придать своему произведению наиболее привлекательный вид и пользуясь ножницами, из листов, которых он и касаться недостоин, Помпео вырезывает что ему нравится, и наклеивает затем на другие, большие, листы по своему произволу и разумению. Когда спустя четыреста лет манускрипт передали для реставрации монахам Гроттаферрата, основанного греками древнего монастыря неподалеку от Рима, в подробностях выяснились чудовищные и варварские способы этого Помпео Леоне, как он, полагая одну сторону какого-нибудь драгоценного подлинника заслуживающей большего внимания, другую сторону намазывал клеем и так наклеивал на приготовленную основу, препятствуя будущим исследователям ее изучать. Вот уж поистине односторонний и узкий подход! И еще неизвестно, кому благоприятствовала судьба – несчастному калеке, получившему из-за громадных размеров название, перекликающееся с платоновской Атлантидой – а именно «Атлантический кодекс», – или отдельным листам и переплетенным для удобства обращения рукописям, которые, хотя бродят неузнанными между старьевщиков или сохраняются в пыли и паутине на отдаленнейших полках и рука библиотекаря их не достигает, однажды могут быть обнаружены.

В начале 1965 года два манускрипта, переданные в свое время Помпео Леоне королю Филиппу, внезапно нашлись в Национальной библиотеке в Мадриде. Четырехсотлетняя задержка объяснилась ошибкой в каталоге, где они значились под номерами Aa 19 и 20, а должно было быть Aa 119 и 120 – таковы смехотворные обстоятельства библиографического открытия века. Но, так или иначе, Атлантида постепенно высвобождается из-под толщи воды, расхищенное королями и их посланными и различными недобросовестными людьми обнаруживается, хранившееся в сундуках и косневшее без применения изучается и издается. Однако крупная кража, предпринятая как раз ученым-исследователем, случилась в Париже в тридцатые годы прошлого века, когда из манускриптов, взятых Бонапартом в Милане в числе военных трофеев, был вынут трактат о полете птиц. От грабителя похищенная им книжка с трактатом попала к графу Манцони, а позднее ее приобрел один русский.

Происходящий из семьи известных Сабашниковых,[55] значивших для издательского дела в России, может быть, столько, сколько семейство Мануциев значит в Италии, Федор Сабашников осуществил на свои средства с помощью французских типографов издание хорошо комментированного и переложенного для удобного чтения текста, при том, что к каждому из трехсот нумерованных экземпляров приплетена неотличимая от подлинника копия записной книжки Мастера, содержащей знаменитый трактат. Рассматривая этот шедевр типографского искусства, можно было подумать, что, если и дальше так дело пойдет, скоро живопись благодаря репродукции утратит преимущество неповторимости, на котором Леонардо настаивал, показывая ее превосходство над скульптурою, поэзией и музыкой. Впрочем, ничего

[55] Сабашниковы М. В. и С. В. – купцы, основатели издательства, существовавшего с 1891 по 1930 год и сыгравшего выдающуюся роль в культурной жизни России. Их брат Сабашников Ф. В. издал во Франции на свои средства «Трактат о полете птиц» и затем манускрипт Леонардо по анатомии.

подобного не произошло, и – как в свое время во Флоренции перед помещениями Аннунциаты – продолжают выстраиваться очереди, и нужно много терпения, чтобы глянуть на какую-нибудь знаменитую вещь, привезенную на короткое время издалека или по другой причине трудно доступную широкой публике.

99

И если ты скажешь, что раковины были носимы волнами, будучи пусты и мертвы, то я скажу, что там, куда попали мертвые, они не отделены от живых.

Весной 1865 года влиятельнейший в России художественный критик и писатель[56] следующими словами приветствовал прибытие в Санкт-Петербург известной «Мадонны „Литта“:

«Посреди новостей всякого рода, которые скорее усложняют заботы жизни, чем служат ее облегчению, радостная весть более чем когда-нибудь должна быть встречена как светлый весенний день и ясное, безоблачное небо в ряду тусклых туманных дней нашей северной неприветливой природы. Сравнение, сделанное нами, не совсем верно в том отношении, что светлый день скоро минует и сменится туманом и мглою, тогда как новость, которую мы сообщаем читателю, всегда останется приятной новостью и всегда будет служить ему источником чистых радостей. Речь идет о приобретении двух новых картин для Эрмитажа, из которых одна принадлежит Леонардо да Винчи».

Купленная в Милане у семьи графов Литта, откуда происходит название, «Мадонна», переменив место жительства, вряд ли нашла утешение в доброте родственников, поселившихся в Эрмитаже прежде нее. Скорее она раздражалась их завистью, поскольку в картинной галерее ей предоставили наиболее почетное место, которого каждый из них, по его мнению, заслуживал преимущественно перед другим таким родственником: семейство было немногочисленно, однако спесиво.

Если согласиться считать, следом за Мастером, произведения живописца как бы его детьми, то между собою они соотносятся наподобие братьев и сестер, кем бы они ни считались в их прежней жизни. Так, в изображении полуголой женщины с плотоядной улыбкой и вьющейся кольцами прическою, поместившейся в кресле перед скалистым пейзажем, одни видели Лукрецию, графиню Бергамо, бывшую возлюбленной герцога Моро от времени его свадьбы и до ужасного падения, когда он был увезен в железной клетке во Францию; вторые – наложницу короля Франциска; третьи – этюд к знаменитей «Джоконде», не менее. Другое сокровище, претендовавшее на прямое происхождение от Леонардо, каким обладал Эрмитаж прежде прибытия миланской мадонны, – «Св. Семейство с Иосифом и св. Екатериной», вещь необычайно красивая, написанная в тончайшем сфумато. При этом св. Екатерина, как утверждает традиция, имеет моделью принцессу Филиберту Савойскую, что правдоподобно, поскольку Джулиано Великолепный, в политических целях сочетавшийся браком с Савойской принцессой, мог этого пожелать от своего живописца. Если же св. Екатерина имеет как бы одно лицо с девой Марией, такой недостаток еще укреплял знатоков в их суждении об авторстве Леонардо да Винчи, и можно себе представить их неудовольствие, когда окончательно возобладало мнение, что автором «Св. Семейства» надо считать одного из леонардесков, а именно миланца Чезаре да Сесто, находившегося вместе с Мастером в Риме и посланного в Савойю вместо него, остававшегося в Бельведере с «Джокондой». Что касается недостаточно скромного изображения дамы с плотоядной улыбкою, его репутация как собственноручного Леонардо да Винчи также скоро разрушилась, чему, как и в других случаях, первой причиной служило критическое умонастроение, обыкновенно распространяющееся между учеными, прежде чем науке войти в свою зрелость: то же происходит с молодыми людьми накануне совершеннолетия, когда они внезапно преисполняются здравого смысла и в этом обгоняют родителей.

Из-за успехов искусствоведения в конце прошлого века картинные галереи Европы и

---

[56] Имеется в виду Д. В. Григорович (1822–1899).

всего мира заметно опустели шедеврами, поскольку удавалось оспорить их подлинность. И тут происходит обратное тому, что получается с рукописями Леонардо да Винчи, когда погрузившаяся в море Атлантида путем тщательных поисков и остроумных догадок постепенно обнаруживает свои очертания, проясняющиеся как бы из небытия, здесь же обширная прежде страна неуклонно лишается некоторых провинций, сужаясь в пределы бесспорных вещей, весьма малочисленных. Как следствие отважной критической деятельности и несмотря на насмешки и сопротивление публики и косных хранителей, музей Эрмитаж утратил как леонардовские не только очаровательное «Св. Семейство», приписываемое Чезаре да Сесто, и эту странную «Джоконду», считающуюся произведением неизвестного автора, но также «Мадонна Литта», кумир и драгоценная привязанность любителей искусства живописи, подверглась оскорблениям и нападкам с тою же целью отторжения от Леонардо. И тут, если один критик указывает на неуверенную, по его мнению, моделировку тела младенца и его голову, слишком мясистую и жирную, другой, полностью лишенный чувства приличия, находит кожу мадонны принадлежащей не женщине, но крокодилу, и что, как он выражается, жизнь там не бьется. В то время третьи считают, что подобного младенца никто не мог написать, помимо Леонардо, и указывают на смелый поворот головы и все его маленькое тельце, расположившееся в контрапосте возле материнской груди, и взгляд прямо на зрителя, тогда как четвертые находят голову Спасителя непомерно большой, заявляя, что знаток анатомии, как Леонардо, столь очевидную оплошность не мог допустить. Мастер же, со своей стороны, разницу в пропорциях у ребенка и взрослого называет значительной, поскольку, как он говорит, природа сооружает просторный дом для интеллекта раньше, чем для жизненных духов.

Так или иначе, перечисленных доводов достало, чтобы репутация «Мадонны Литта» сделалась сомнительной, а это, имея в виду окружавшие ее восторг и любовь, было для многих непереносимо. Дело отчасти поправилось из-за события, которое, если бы его заранее предсказать, называли бы невероятным и фантастическим. Дело в том, что «Мадонна Бенуа» поступила в эрмитажную галерею не из графских дворцов и не из какого-нибудь знаменитого города, но куплена случайным образом в Астрахани тамошними рыбопромышленниками купцами Сапожниковыми у странствующих итальянских актеров – несчастным скитальцам, не подозревавшим, кто ее автор, Мадонна служила походной иконою. Так, инкогнито, мадонна перешла в семью Бенуа и только около ста лет после ее приобретения была окончательно признана произведением Леонардо да Винчи, так что, находясь теперь в Эрмитаже, пользуется всеми преимуществами знатности и благородного происхождения. Мало того, иные ученые ставят ее как пример для унижения других, которых неподлинность они тщатся доказывать. «Достаточно сравнить метод выполнения в мадонне Бенуа и в мадонне Литта, чтобы убедиться, как все тонкости светотени, вся прозрачность легких красок превращаются в этой последней в аморфную грубую пасту», – утверждает один из подобных хулителей, предпочитающих не упоминать, скажем, о том обстоятельстве, что один из сохранившихся и, без всякого сомнения, подлинных рисунков Леонардо с уверенностью можно считать подготовительным к миланской мадонне, и как бы не замечающих поистине из ряда вон выходящего очарования этой изумительной вещи, для которой, если ее отторгнуть от Леонардо да Винчи, в силу ее качеств не находится полностью подходящего мастера, кому ее приписать.

Все же в этой связи чаще других и с наибольшим основанием произносится имя миланца Джованни Больтраффио. Этот, хотя, находясь в Корте Веккио, чистосердечно признавался, что не все хорошо понимает в речах Леонардо и иной раз не догадывается, как их применять в практике живописи, если ему поручалось довести какое-нибудь произведение до его готовности целиком или частями, он, простодушно стараясь передать обычные свойства вещей – глянцевитый блеск ткани, бархатистую матовость живой телесной материи или другое, – случалось, что добивался изумительного впечатления плотности и рельефа, превосходя в этом Мастера, занятого своими химерами. Когда же по его поручению Больтраффио изобразил в виде св. Варвары супругу безвременно погибшего герцога Джангалеаццо герцогиню Изабеллу, та, увидев готовую работу, поначалу от нее отшатнулась: если подбородок или же нос, или рука, или другая вещь между представленными на картине внезапно искушают до них дотронуться, некоторые пугаются этого и робеют. Однако затем герцогиня успокоилась и даже

развеселилась, поскольку близкая к природной плотность изображения еще и поддерживает расстроенную и смущенную душу, укрепляя в самодовольстве. Причина же здесь именно в том, что изображенные с большим правдоподобием и как бы естественной плотностью вещи или части тела не имеют ничего другого обозначать, кроме того, что они есть в действительности: если это горшок – пусть будет горшок, если нос герцогини – пусть будет нос, каким он бывает у женщин ее возраста, много плакавших и огорчавшихся, то есть бедный пусть более не стыдится бедности, неудачник, как герцогиня Миланская, своих несчастий и прочего. Отсюда и самодовольство. Что же касается качества произведения, то, может, это и лучше, чем если отобрать у человека его облик и пропитать и переделать эманацией духа, так что он оказывается похожим не на самого себя, но на таинственную химеру. С другой стороны, ради успокоения и самодовольства заказчика и отчасти тупого правдоподобия приходится жертвовать изумительным способом живописи легчайшими прикосновениями как бы крыльев кружащихся птиц, с наибольшей ясностью видного в «Мадонне Бенуа» и «Волхвах», хотя бы доведенных едва ли до половины готовности, и никто не может сказать, каковы бы они были в законченном виде. Вместе с тем «Волхвы» и эта эрмитажная мадонна не являются каким-то исключением из общего правила – недаром, рассуждая о «Тайной вечере» и имея в виду впечатление легкости фигур, Фацио Кардано, миланец, однажды сказал Мастеру, что его апостолы умеют летать. Поскольку же «Мадонна Литта» подобной возможностью не обладает, глазу, искушенному таким впечатлением легкости, поверхность картины покажется чрезмерно нагруженной краскою.

Люди различны: один любит одно, другие – другое. За одиннадцать лет, отпущенных Марко д'Оджоне после смерти Мастера, он скопил состояние, достаточное для наиболее алчного человека. Его репутации и обогащению больше другого способствовали написанные для миланской церкви св. Марты архангелы, которые борются с демоном и загоняют его в преисподню. Если толковать картину метафорически, для чего она хорошо приспособлена, можно прийти к заключению, что Легкость в виде архангелов Михаила, Рафаила и Гавриила успешно преодолевает сопротивление Тяжести, желая возвратить ее туда, откуда она происходит. Кажется, никогда качество легкости не оказывалось настолько крылатым и мощным – одежды архангелов свиваются ветром, оружие движется в воздухе, только свист раздается. Выходит, завистливый и злобный, постоянно показывавший свое неудовольствие Марко прилежнее следовал букве учения Мастера в том, что относится к сфумато, или рассеянию, контрапосту и прочим вещам, и его духу.

В то время Джованни Больтраффио, поклонявшийся Леонардо как живому богу, скорей выступает разрушителем, и его надо считать в числе первых, старавшихся высвободить поверхность вещей из кокона иносказаний.

С другой стороны, если живопись Мастера полна величайшего напряжения смысла, первоначальный толчок к разрушению им самим же построенного кокона также принадлежит ему самому – его отважному прямому взгляду на вещи и ничем не стесняющемуся любопытству исследователя. Поэтому он и рассылает учеников в противоположные стороны и поручает им разное, предоставляя возможность желающим следить за их приключениями. Но, хотя зачин уже сделан и приключения обещают быть занимательными, тут самое время поставить точку и написать слово «конец». Правильно, когда говорят, что нет занятия приятнее и интересней, чем наблюдать за развитием и причудливым ходом идей и их разнообразным осуществлением в творчестве, но общество великого человека, как и наследников, занятых по поручениям, в конце концов утомляет и необходим перерыв. А чтобы его объявление не показалось внезапным и подходы к нему недостаточно плавными, автор еще раз процитирует Леонардо да Винчи, который самые длительные упорные усилия другой раз прерывает как бы на полуслове, и взамен ожидаемого окончания слышится будто доносящееся со стороны или из вечности:

Тот, кому покажется, что это слишком много, пусть убавит; кому покажется мало, пусть прибавит.

Первоначально имелась в виду его анатомия, но высказывание можно толковать и в том смысле, что каждая жизнь есть часть общей жизни, а если кто чего не успел, другие за него постараются.

Основные даты жизни и деятельности Леонардо да Винчи

1452, 15 апреля. В тосканском городке Винчи родился Леонардо.

1468. Леонардо поступает для обучения в мастерскую флорентийского скульптора и живописца Андреа Вероккио.

1472–1482. Заканчивает обучение и зачисляется в гильдию живописцев св. Луки. Оставаясь во Флоренции в течение следующих десяти лет, помогает Вероккио при изготовлении модели конного памятника кондотьеру Колеони, занимается анатомией и другими науками, обдумывает некоторые технические проекты. Живописные работы за это время: коленопреклоненный ангел в «Крещении Иисуса» Вероккио, «Благовещение», «Св. Иероним», так называемая «Мадонна Бенуа», «Поклонение волхвов», портрет Джиневры ди Америго Бенчи.

1482–1499. Леонардо уезжает в Милан. Зачисленный в коллегию герцогских инженеров, остается в Ломбардии более семнадцати лет, отдавая много времени научным исследованиям. Также все эти годы с незначительными перерывами работает над колоссальной конной статуей Франческо Великого Сфорца. Между произведениями живописи – «Тайная вечеря» и «Мадонна в скалах».

1499, 14 декабря. После прихода французов покидает Милан и через Мантую и Венецию возвращается в Тоскану.

Август 1502 – март 1503. Леонардо на службе у Цезаря Борджа.

1504–1506. Вновь во Флоренции. «Битва при Ангиари», картон и живопись в палаццо Синьории.

1506–1508. После размолвки с гонфалоньером и магистратами и появления признаков разрушения живописи в палаццо Леонардо оказывается попеременно в Милане и во Флоренции, склоняясь, однако, к Милану. «Трактат о полете птиц», «Леда». Модель конного памятника Джан Джакомо Тривульцио.

1509–1513. Служба в Милане. Гидротехнические работы, занятия анатомией.

1514–1515. В устроенном для него помещении в папском дворце Леонардо экспериментирует с зеркалами и пишет «Джоконду».

1516–1519. После поражения Сфорца в битве с французами при Мариньяно и смерти Джулиано Медичи король Франциск предоставляет Мастеру убежище в замке Клу близ Амбуаза.

2 мая 1519. Скоро после рассвета Леонардо да Винчи скончался в Клу близ Амбуаза, во Франции.

Краткая библиография

Леонардо да Винчи. Избранные произведения. М.-Л., 1935.

Леонардо да Винчи. Избранные естественнонаучные произведения. М., 1955.

Леонардо да Винчи. Анатомия. Записи и рисунки. М., 1965.

Книга о живописи мастера Леонардо да Винчи, живописца а скульптора флорентийского. М., 1934.

Начиная с восьмидесятых годов прошлого века, когда во Франции было предпринято факсимильное издание рукописей Леонардо да Винчи, практически все его рукописное наследие в том виде, в каком оно дошло до наших дней, издано и доступно для изучения в книгохранилищах, в том числе в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина, включая обнаруженные в 1967 году кодексы Мадрид I и Мадрид II и уникальное двенадцатитомное издание хранящегося в Милане Атлантического кодекса.

Литература о Леонардо необъятна: назовем те работы на, русском языке и переводные, которые желательно знать для общего знакомства с предметом, а также несколько из иностранных изданий.

Джорджо Вазари. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Т. 3. М., 1970.

Айналов Д. В. Этюды о Леонардо да Винчи. Л.-М., 1939.

Баткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления, М., 1978.

Виппер Б. Р. Итальянский Ренессанс XIII–XVI веков. М., 1977.

Гуковский М. А. Механика Леонардо да Винчи. М.-Л., 1947.

Гуковский М. А. Леонардо да Винчи. М., 1967.

Дживилегов А. К. Леонардо да Винчи. М., 1974.

Зубов В. П. Леонардо да Винчи. М.-Л., 1962.

Лазарев В. Н. Леонардо да Винчи. М., 1936.

Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения, М., 1978.

Рутенбург В. И. Титаны Возрождения. Л., 1976.

Сеайль Г. Леонардо да Винчи как художник и ученый. Спб., 1898.

Be1trami L. Documenti e memorie riguardanti la vita e le opere di Leonardo da Vinci. Milano, 1919.

Leonardo da Vinci. L'Isstituto geografico de Agostini. Novara, 1956.

The Unknown Leonardo. MeGraw-Hill. Maidenhead, 1974.